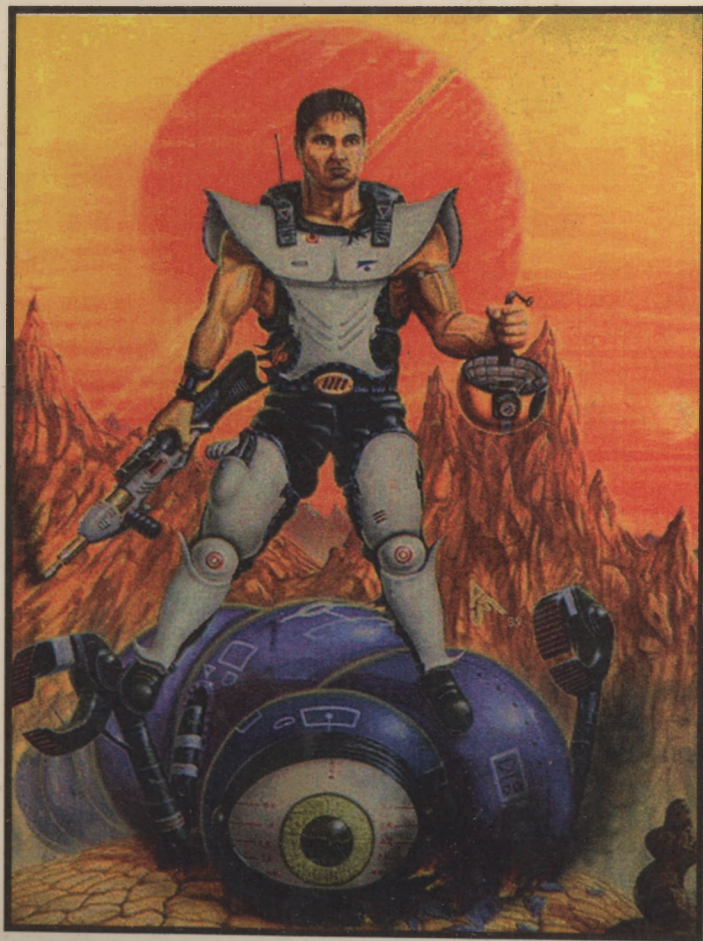

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume thirteen

THE POLESOTECHNIC LEAGUE

**NOVELLAS
AND SHORT STORIES**

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том тринадцатый

**ТОРГОВО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ЛИГА**

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

Миры Пола Андерсона. Т 13 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1997. — 399 с.

В завершающий цикл произведений о Торгово-технической Лиге том собрания сочинений Пола Андерсона вошли рассказы и повести, повествующие о приключениях Дэвида Фолксейна и Николаса ван Рийна.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

© М Пчелинцев, А Пчелинцев, *перевод*, 1996

© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996

© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-255-X

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)
вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что...
Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»

БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушеллец»	«Звездные нивы»	20
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в лунную ночь»	«Шит времени»	24
10	«Сага о хроньере Жердинке»	Психотехническая лига — 1 Психотехническая лига «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета невестенции»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести	«Аватары»	28
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичмак-моллядри»	Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все крули-ада» «Восставшие Миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

Тринадцатый том собрания сочинений Пола Андерсона составляют рассказы, завершающие цикл произведений о Торгово-технической Лиге.

Вошедшие в этот том рассказы можно разделить на две группы. Первая — это произведения, действие которых происходит с 2427 по 2433 год — начиная с «Игры в прятки» и кончая «Ключевым условием», за четыре года до начала действия романа «Сатанинские игры». Как и прежде, главные герои цикла — Николас ван Рийн и Дэвид Фолкейн — занимаются решением тех научных загадок, которые ставит перед ними нелегкая и полная приключений жизнь космических торговцев. В эти годы мир Лиги еще огромен и прекрасен. Зерна распада, посеянные ранее, пока не проросли.

В этих рассказах Андерсон неявно, но весьма успешно пропагандирует собственные либертарианские политические взгляды. Наилучшим примером тут может служить «Территория». Усилия альтруистов-ученых с планеты Эсперанса, стремящихся спасти от гибели планету Т'Кела, пропадают втуне, поскольку те не учитывают психологии туземцев. Гуманизм оказывается не просто неприемлем в отношениях двух разумных видов — он приводит к катастрофам. А «звериный лик капитализма» оказывается для т'келанцев спасением. Руководствуясь принципами свободного предпринимательства и здравым смыслом (в котором Пол Андерсон упорно отказывает гуманистам), Николас ван Рийн в одиночку совершает то, что не удается экспедиции с Эсперансы, да при этом ухитряется получить немалую прибыль. Правда, и подобный подход — не панацея, чему примером история Мерсей в рассказе «День гнева». Тысячелетие спустя мерсейцы еще припомнят Земле старые обиды.

Однако предпринимательский рай не может существовать вечно. И рассказы, следующие за связанной с романом «Обитель Мрака» «Путеводной звездой», повествуют о временах распада Лиги. Рассказы «Бескрылый» и «Спасение на Авалоне» рассказывают о буднях основанной Дэвидом Фолкейном уникальной колонии Авалон, где мирно уживаются две расы разумных существ — терране и птицеподобные ифриане. Впоследствии Авалон окажется под властью Домена

Ифри и так и не будет присоединен к Терранской Империи (об этом речь пойдет в романе «Дети ветра»). Но это случится много позже — триста лет спустя, в XXIX веке.

А последняя повесть — «Героическая личность» — относится уже к смутным временам, наступившим вслед за распадом Лиги. Колонии предоставлены собственной судьбе, Земля стала жертвой инопланетных налетчиков. Но находится человек, готовый противостоять судьбе. Жестокий и решительный, Мануэль Аргос становится первым императором Терры и основателем династии Арголидов, которая позднее станет править четырьмя миллионами звезд. Но это уже будет история Терранской Империи...

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ИГРА В ПРЯТКИ

1

Капитан Бахадур Торранс воспринял тревожное известие как и подобает мастеру ложи Федерации Братства астронавтов. Он выслушал новость, задав лишь несколько уточняющих вопросов, а затем спокойно сказал:

— Хорошо, фримен Ямамура. Пожалуйста, продолжайте наблюдения.

Когда дежурный инженер покинул каюту — сообщение было из числа тех, что не рекомендуется передавать по интеркому, — Торранс сделал добрый глоток виски и устался оцепеневшим взглядом на экран.

Он совершил немало далеких путешествий, многое повидал, сделал блестящую карьеру, но все же был достаточно молод и потому почувствовал холод в сердце, услышав свой смертный приговор.

Экран светился множеством холодных звезд, но только астроном мог бы распознать их. Взгляд Торранса скользнул по Млечному Пути, пока не отыскал Полярную звезду. Валгалла находилась в нескольких градусах правее ее. Солнце он, конечно, не мог разглядеть — без мощных оптических приборов, которых на «Гебе» не было, разглядеть звезду класса G было невозможно. И все же Торранс почувствовал себя немного спокойнее, сознавая, что где-то в этом почти не исследованном рукаве Галактики находится ближайшая база Лиги. Там, в зеленой долине планеты Фрейя, люди живут в уютном поселке, а рядом, на космодроме, стоят готовые к вылету по боевой тревоге звездолеты. Увы, они не смогут прийти на помощь «Гебе»...

Корабль вибрировал, двигаясь в четырехмерном пространстве с гиперсветовой скоростью, но она не могла их спасти от погони...

Что ж... в любых обстоятельствах забота об экипаже лежит прежде всего на плечах капитана.

Торранс вздохнул, подошел к зеркалу и придирчиво взглянул на себя. Он знал, что моральное состояние экипажа во многом зависит от внешнего вида капитана. Не случайно он предпочитал повседневному серому мундиру парадную форму: синий китель и брюки с золотым кантом. Как принято у граждан планеты Рамануджан, он носил вместо кепки тюрбан, заколотый пряжкой с эмблемой Торгово-технической Лиги: корабль и солнце с протуберанцами.

Покинув капитанский мостик, он направился по коридору к каюте хозяина. Оттуда как раз вышел стюард, державший поднос. Торранс сделал знак, чтобы тот оставил дверь открытой, вошел и, щелкнув каблуками, поклонился.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Могу я поговорить с вами наедине?

Николас ван Рийн сидел в массивном кресле с двухлитровой кружкой в руках. Не обращая внимания на капитана, он сделал четыре шумных глотка, крикнул от удовольствия и вытер пену с усов и бороды. При нем были лишь неизменная эспаньолка и саронг — узкая набедренная повязка, подчеркивающая массивность его тела. По своему обыкновению, торговец поддерживал в своей каюте тропическую жару, так что в другой одежде он не нуждался. Рядом на широком диване лежала, свернувшись, словно кошка, Джерри Кофойд, очаровательная большеглазая блондинка.

Торранс невольно облизнулся, глядя на нее — он был женат, но давно не залетал домой. Каюта хозяина обставлена с чисто восточной роскошью: на стенах бразильские гобелены, резной стол черного дерева завален бумагами, а из встроенного в хрустальную люстру звукокристалла лилась соната Моцарта.

— Ах! — Ван Рийн со стуком опустил кружку на стол и поскреб толстыми пальцами косматую грудь. — Клянусь чумой и сифилисом, первая кружка пива в начале дня особенно хороша. Она так же нежна и приятна, как... гм-м... черт побери, о чем я хотел сказать? — Он ударил себя по лбу волосатым кулаком. — С каждой неделей я все больше тупею. Ах, Торранс, когда вы станете таким же бедным, одиноким и толстым стариком, вы еще пожалеете, что были так суровы ко мне. Но будет поздно, слишком поздно... Ну, что за дурацкие, мелочные происшествия заставили вас оторвать меня от важных дел?

Тон ван Рийна был добродушным. После того как космическая яхта сумела ускользнуть от преследования трех крейсеров галактических пиратов-аддеркопов, он находился в неизменно хорошем расположении духа. Действительно, было чудом, что

обычная яхта, пусть и оборудованная мощным конвертером, смогла уйти от погони. С той поры ван Рийн каждый день ставил четыре зажженные свечи перед статуэткой святого Дисмаса. Правда, он по-прежнему швырял посуду в стюарда, если тот чуть запаздывал с очередной порцией выпивки, и ежедневно разносил в пух и прах кого-нибудь из членов экипажа, но это было нормой для знаменитого торгового принца.

Джерри Кофойд удивленно изогнула брови.

— Разве это твоя первая кружка пива, мой милый? — промурлыкала она. — По-моему, два часа назад...

— Да, но это было до полуночи, — объяснил с ухмылкой ван Рийн. — Если не по корабельным часам или Гринвичу, то в это время на какой-нибудь паршивой планетке уж точно была полночь. — Ван Рийн взял свою длинную трубку и не спеша раскурил ее. — Ладно, садитесь, капитан, устраивайтесь поудобнее. Вы выглядите так, словно начинены динамитом. Всем вам, молодежи, не хватает выдержки. Когда я был астронавтом, мы сами решали свои проблемы и не докучали хозяевам. А теперь, гром и молния, вы приходите ко мне ежеминутно и просите вытереть вам нос! Итак, что случилось?

— Сэр, я хотел бы поговорить с вами наедине, — упрямо повторил Торранс, облизав пересохшие губы.

Джерри побледнела. Она отнюдь не была трусихой — среди уроженцев Фрейи таких почти не было, это было типично для всех дальних планет. Она сама напросилась на борт «Гебы», отлично сознавая опасность предстоящего рейса. Путешествие вместе с торговым принцем компании «Солнечные пряности и напитки», самой могущественной в Торгово-технической Лиге, многое сулило честолюбивой девушке. Она отлично держалась во время стычки с космическими пиратами. И все же Джерри была слишком молода и не привыкла так часто глядеть в лицо смерти.

— Ступай в спальню, — приказал ей ван Рийн.

— Пожалуйста, не надо ничего скрывать от меня... — умоляюще прошептала девушка. — Я хочу знать правду.

Маленькие, близко посаженные глаза ван Рийна вспыхнули недобрым огнем.

— Грязь и параша! — рявкнул он. — Брысь, я тебе говорю! Когда я приказываю, каждая лягушка обязана прыгать в свое болото, ясно тебе?

Джерри в негодовании вскочила с дивана. Не вставая, ван Рийн звучно шлепнул ее по округлому задку, придав красавице ускорение в сторону соседней двери. Девушка возмущенно фыркнула и убежала в спальню. Ван Рийн нажал на кнопку в подлокотнике кресла, вновь вызывая стюарда.

— Похоже, потребуется еще пара кружек пива, — сказал он, с насмешкой глядя на Торранса. — Что вы стоите, вытаращив глаза? У меня нет времени на всякие глупости. Прежде чем мы прибудем на Фрейю, мне надо будет пересмотреть ценники на перец и мускатный орех. Дьявол и вонючка! Этот идиот, мой торговый агент, мог бы запросто получить на этой планете на десять процентов прибыли больше, если бы в его голове были мозги, а не овсяная каша! О добрые духи космоса, спасите бедного старого человека от таких помощников!

Торранс с трудом взял себя в руки.

— Сэр, я только что получил сообщение от моего инженера, Ямамуры. Вы знаете, что во время схватки с пиратами один из снарядов взорвался рядом с машинным отделением. Конвертер, к счастью, не был поврежден, но, после того как брешь в корпусе залатали, инженеры решили его проверить. Выяснилось, что перегорело больше половины цепей генератора инфразащиты. Мы можем заменить лишь некоторые из них. А это значит, что при движении на гиперсветовой скорости конвертер выйдет из строя часов через пять.

— Ах, та-а-ак... — Ван Рийн сразу посерьезнел. Он щелкнул зажигалкой, раскуривая трубку, и затянулся. — А нельзя ли будет остановить конвертер для более капитального ремонта? Если мы будем двигаться в гиперпространстве, то никаким вонючим пиратам-аддеркопам нас не обнаружить. Что скажете?

— Нет, сэр. У нас нет необходимых для этого запасных агрегатов. Это яхта, а не крейсер.

— Дьявол! На какой же скорости мы сможем тогда лететь?

— Не больше чем на одной десятой от маршевой. Потребуется добрых шесть месяцев, прежде чем мы окажемся в пределах досягаемости станции слежения Фрейи.

— Нет, мой дорогой капитан, так не пойдет. Иначе до Валгаллы долетят лишь ваши кости, дочиста обглоданные этими бандитами-аддеркопами.

— Понимаю, сэр, — вздохнул Торранс. — К тому же у нас на борту не хватит запасов продовольствия на шесть месяцев пути. — Он взглянул на стол, где лежала карта этого сектора Галактики. — Мне кажется, что нам следует отправиться к одной из ближайших звезд. Вряд ли там найдется планета с развитой цивилизацией, где бы нам помогли отремонтировать конвертер, но переждать опасность мы сможем где-нибудь.

— Ну нет! — Ван Рийн энергично встряхнул своими жирно напомаженными кудрями. — Провести остаток своей жизни на какой-нибудь мусорной свалке, в компании одной-единственной женщины и кучи безголовых идиотов? Без бочки пива или хотя

бы одной виноградной лозы? Благодарю покорно, предпочитаю получить в борт снаряд аддеркопов или погибнуть как джентльмен, черт побери!

Дверь открылась, и в каюту заглянул стюард.

— Ты что, заснул? — рявкнул ван Рийн. — Неси пива, разрази тебя гром! Мне предстоит решать трудную задачу, а как заставить мозг работать, когда в глотке пожар?

Торранс замялся, тщательно обдумывая свои слова. Нужно было напомнить ван Рийну, что в космосе на корабле один хозяин — капитан. Ему принадлежит решающее слово. Но и конфликтовать со старым дьяволом не стоило — никто не умел лучше его выпутываться из всяких передряг.

— Сэр, я готов обсудить любое ваше предложение, — сказал он, — но не имею права подвергать корабль риску попасть под атаку пиратов.

Ван Рийн встал и зашагал по каюте, изрыгая поток бранных слов и вулканические клубы голубого дыма. Проходя мимо ниши с фигуркой святого Дисмаса, он в раздражении скинул свечи на пол. Наконец повернулся к Торрансу и заявил уже более спокойным тоном:

— Ха! Почему бы на самом деле в этом секторе Галактики не существовать технически развитой цивилизации? Ведь с ее представителями можно встретиться в космосе — не одни же паразиты-аддеркопы бродят вокруг? Мы вполне можем встретиться и еще чей-то корабль! Передайте Ямамуре: пусть он повысит чувствительность бортовых детекторов настолько, чтобы они могли уловить трепыхание крыльев комара в моей земной конторе в Джакарте. Затем, так и быть, мы продолжим полет на безопасной скорости.

— А если мы встретим вражеский корабль?

— Тогда мы захватим его, черт побери!

— Сэр, мы потеряем много времени, двигаясь по поисковой спирали.

— У вас есть более надежный план?

— Э-э... — замялся Торранс.

Вошел стюард, неся на подносе кружку пива. Ван Рийн опустошил ее несколькими большими глотками.

— Думаю, вы правы, — выдавил из себя капитан, опуская глаза.

— Девственница! — взревел ван Рийн, хлопнув себя ладонью по широкому лбу.

— Что? — вздрогнул Торранс.

— Девственница! Вот то слово, которое я искал. Первая утренняя кружка пива приятна, как девственница в брачную ночь, вы, идиот!

В дверь каюты позвонили. Торранс простонал. Он надеялся хоть слегка поспать после многих часов, проведенных на капитанском мостике. Малоприятное это занятие — бродить во тьме космоса в поисках какого-нибудь корабля, зная, что за твоим космолетом также могут рыскать охотники...

— Войдите.

В каюту вошла Джерри Кофойд. Капитан вскочил с места и вежливо поклонился:

— Фриледи! Что... что за сюрприз. Я могу быть чем-нибудь вам полезен?

— Пожалуй, — улыбнулась девушка и протянула руку для поцелуя. Ее мерцающее в полутьме платье было облегающим и невероятно коротким — впрочем, старый волокита ван Рийн других нарядов у своих подруг не признавал.

— Капитан, если у вас есть хотя бы капля жалости, вы выслушаете меня.

Взгляд девушки, впрочем, ясно говорил о другом. Торранс окончательно смутился и указал ей на кресло. Он предложил гостье сигарету, сам закурил, а затем уселся напротив нее.

— Буду счастлив, если смогу быть вам полезен, фриледи Кофойд. Э-э... фримен ван Рийн...

— Он спит. Но ему не в чем упрекнуть меня. Я не подписывала контракта быть его верной рабыней или что-нибудь в этом роде. — Она нервно усмехнулась. — О, я согласна выполнять его приказы, по крайней мере некоторые. Просто он не захотел ответить на мой вопрос. Если я немедленно не узнаю правды, то закачу такую истерику! Что происходит, капитан?

Торранс задумался. Пожалуй, будет неврдно успокоить дамочку, рассказав ей чуть больше, чем остальному экипажу, решил он.

Он рассказал девушке о происшествии с конвертером и добавил:

— Мы не можем сами исправить его. Если мы не снизим скорость, то конвертер выйдет из строя еще до прибытия на Валгаллу. Лишившись энергии, мы будем обречены на верную смерть. С другой стороны, на малой скорости мы будем добираться до планеты года полтора, а за это время попросту умрем с голоду. Впрочем, до этого дело вряд ли дойдет, так как аддеркопы выследят нас через одну-две недели.

Девушка вздрогнула.

— Почему? Я не понимаю... — пролепетала она, глядя на капитана расширенными от страха глазами. — Вы же знаете, что моя родная Фрейя находится в далекой космической провинции и к нам редко заглядывают даже торговые корабли Лиги.

Я еще совсем молода и ничего не смыслю в галактической политике. До сих пор я считала, что мы находимся в обычном коммерческом рейсе — правда, я не решалась расспросить об этом хозяина. Почему эти противные аддеркопы так встревожены и пытаются поймать нас?

Торранс озадаченно потер переносицу. Ему, бывалому астронавту, было нелегко ответить на столь чудовищно наивный вопрос. Очевидно, у колонистов, заселивших Фрейю, был совсем иной взгляд на все происходящее в Галактике. Аддеркопы — выходцы с той же Фрейи. Их изгнали около ста лет назад за какие-то серьезные проступки, и с той поры о них попросту забыли. Уйдя в глубины космоса, беженцы осели на никому не известной планете в нескольких парсеках от Валгаллы. Новая колония быстро разрослась и обзавелась множеством военных кораблей. С той поры в этом спектре Галактики не было спасу от пиратов, хотя на густонаселенную Фрейю они нападать не решались. К тому же у этой планеты не было своего космофлота, и терять ей особенно было нечего.

Торранс решил поподробнее объяснить все это девушке, не боясь повторить некоторые общеизвестные факты.

— Аддеркопы отнюдь не глупы, — сказал он. — Кто-то информирует их обо всех наших планах. Они узнали, что Торговотехническая Лига намеревается начать торговые операции в этом секторе Галактики. Это положило бы конец беззастенчивым грабегам местных планет, многие из которых вынуждены платить дань космическим пиратам. Конечно, Лига также не состоит из святых, мы готовы бороться с аддеркопами только потому, что нам это выгодно. Пираты решили не вступать с нами в открытую войну и ограничились нападениями на передовые посты Лиги. Их преимущество — в отличном знании этого района космоса. Мы уже были готовы отказаться от наших намерений и попытать счастья в другом галактическом секторе, когда фримен ван Рийн взял дело в свои опытные руки. Как ни странно, в Лиге нашлось немало противников этому, так что стари... торговый принц был вынужден лично возглавить нашу экспедицию.

— Как интересно... — прошептала Джерри, заложив ногу за ногу и не спуская с капитана блестящих глаз.

Торранс слотнул слюну и слегка охрипшим от возбуждения голосом продолжал:

— Полагаю, вы уже знаете, на что способен этот мерза... э-э... достославный фримен. При закрытых дверях он допросил несколько десятков пленных пиратов, подкупил дюжину их агентов и в результате нащупал нить, ведущую к их тайной базе. Мы скрытно прилетели в доселе не исследованный район,

нашли нейтринный поток и, следуя вдоль него, обнаружили обитаемый мир. Это, без сомнения, и есть давно разыскиваемая Лигой планета аддеркопов.

Джерри глубоко затынулась, выдохнула голубое колечко дыма и откинулась в кресле так, что платье плотно обтянуло ее небольшие, крепкие груди.

— Да что вы говорите? — игриво улыбнувшись, сказала она. — А мне казалось, что этот старый коз... то есть старый фримен только и способен на то, что день и ночь наливать до бровей этим противным пивом.

Торранс покачал головой. Ему приходилось напрягать всю свою волю, чтобы сохранять внешне невозмутимый вид.

— Вы недооцениваете хозяина, фриледы. Если мы сумеем доставить Лиге полученную нами информацию, то враждебные действия аддеркопов удастся пресечь. Лига пошлет к их планете несколько тяжелых крейсеров и пригрозит ракетным ударом. Пираты, сознавая опасность, послали за нами в погоню несколько военных кораблей, но нам удалось ускользнуть. К счастью, наша «Геба» куда быстрее и маневренней их устаревших корыт. Но можно не сомневаться, что весь пиратский флот сейчас занят поисками. Если они уловят хотя бы малейшую вибрацию гиперпространства, то «Гебу» быстро выследят, и тогда нам крышка.

Джерри вздрогнула, зазывная улыбка на ее губах погасла.

— И что же... что же вы намереваетесь предпринять? — дрожащим голосом спросила она.

— Контрманевр. Вместо того чтобы продолжать полет к Фрейе, мы совершаем спиральный поиск, одновременно увеличив чувствительность наших гравитационных датчиков. Как только мы обнаружим чужой корабль, то включим конвертер вновь на полную мощность и без труда догоним его. Если это окажется крейсер пиратов — что ж, у нас есть лазерные пушки и мы дадим аддеркопам бой. Но в этом секторе, по сведениям ученых, есть три или четыре развитые расы гуманоидов, овладевших секретом перелетов в гиперпространстве. Тогда мы вежливо попросим братьев по разуму одолжить их корабль, разумеется, временно.

— А если экипаж окажется негуманоидным?

— Будем действовать по обстоятельствам.

— Понятно, — кивнула девушка. Озабоченность исчезла с ее лица, и она вновь обворожительно улыбнулась. — Вы очень помогли мне, капитан.

Торранс глуповато ухмыльнулся:

— Рад служить вам во всем, фриледы.

— Знаете ли, что я лечу с вами на Землю? Фримен ван Рийн обещал мне там хорошую работу.

«Он всегда обещает красоткам нечто подобное», — подумал Торранс, но предпочел помолчать.

Джерри пододвинулась к нему:

— Надеюсь, по пути к Земле мы лучше познакомимся с вами, капитан. Впрочем, можно начать хоть сейчас...

В этот момент прозвучал сигнал тревоги.

«Геба» была исследовательской яхтой, а не пиратской шхуной. Однако, когда на борту находился добрый старый ван Рийн, это различие почти исчезало. Яхта была неплохо вооружена, а ее экипаж был знаком с тактикой погони.

Уловив своими сверхчувствительными датчиками гиперэмиссию другого корабля, она быстро изменила курс. Оставаясь для чужака невидимкой, «Геба» на маршевой скорости бросилась в погоню. Если бы неизвестный корабль сохранил свою прежнюю скорость, то земляне нагнали бы его через три-четыре часа. Однако чужак предпринял маневр ухода, хотя и был для этого слишком медлителен.

Торранс стоял на капитанском мостике рядом с ван Рийном и не отрываясь смотрел на экран гиперпространственного лока-тора.

— Они не боятся нас, — сказал он убежденно. — Заметьте, хозяин, они повернули отнюдь не в сторону планеты пиратов. Значит, они не аддеркопы, и у них есть причины бояться чужаков.

Видя, что преследователь сокращает дистанцию, чужаки внезапно вышли из гиперпространства. Случалось, что этот маневр помогал, но мощный компьютер «Гебы» успел оценить вектор гиперскорости преследуемого корабля и перешел в обычное пространство почти в той же самой точке. Яхта стала прочесывать межзвездную пустоту, включив сенсоры, настроенные на излучение атомных двигателей. Правда, его можно было спутать с нейтринным излучением звезд, но компьютер «Гебы» справился с этой задачей. Вскоре на обзорном экране уже вырисовывался корпус чужого корабля, отчетливо видимый среди россыпей сияющих звезд.

Чужак в несколько раз превосходил яхту по размерам, а по форме напоминал цилиндр с тупо закругленным носом, массивными конусами двигателей, узкими нишами для спасательных шлюпок и единственной оружейной башней. Торранс заключил, что экипаж корабля принадлежал к не очень развитой в технологическом отношении расе.

Экран вспыхнул, и, даже несмотря на автоматическое его затемнение, Торранс был ослеплен. Приборы показывали, что чужак выстрелил в яхту. Роботы-канониры мгновенно выпустили антиракеты, которые уничтожили снаряд на безопасном от

корпуса расстояний. Атака повторилась, но вновь безуспешно. Несмотря на солидные размеры, чужак оказался почти беспомощным по сравнению с небольшой, но хорошо вооруженной яхтой.

— Прекрасно! — бодро сказал ван Рийн. — Теперь можно поговорить с этими чужаками более мирно. Капитан, свяжитесь с ними по телекому и объясните, что нам надо всего лишь попасть на Валгаллу и мы не причиним им никакого вреда. — Поколебавшись, он добавил: — Мы можем им хорошо заплатить.

— Сомневаюсь, что они нам поверят, — покачал головой Торранс. — Такие яхты, как наша «Геба», строят только люди, а из них чужаки скорее всего встречались лишь с аддеркопами.

— Что ж, тогда придется брать их на абордаж. Торопитесь, медуза вам в глотку! Если мы будем мешкать, этим проклятым пиратам достанется сразу два жирных кусочка.

Торранс хотел было заметить, что в обычном пространстве они в безопасности, но сдержался. Ван Рийн был прав. Рано или поздно им придется уйти в гиперпространство, и тогда датчики кораблей аддеркопов быстро обнаружат их. Нет, надо делать это немедленно, пока пираты не блокировали подступы к Валгалле.

Он направился к офицеру связи. Минут через двадцать вернулся весьма растерянным.

— Сэр, мы использовали все частоты, — доложил он. — Но ответа не получили. Странно. Чужаки должны были понять, что мы собираемся вести переговоры и им ничто не грозит. Почему же они молчат?

— Может, они покинули корабль? — предположил офицер связи. — Возможно, их шлюпки способны передвигаться в гиперпространстве.

— Нет, — возразил Торранс, — мы бы заметили... Продолжайте их вызывать, фримен Бетанкур. Если в течение часа мы не получим ответа, то будем брать их на абордаж.

Прошел час, но корабль чужаков молчал. Чертыхаясь, Торранс объявил боевую тревогу и стал надевать скафандр. Ямамура доложил, что нейтринное излучение на корме чужака значительно усилилось. Там происходит какой-то процесс, требующий большого расхода энергии.

Торранс защелкнул фиксаторы шлема.

— Посмотрим, — сказал он.

Он направился к главному шлюзу во главе хорошо вооруженной группы захвата. Ван Рийн остался на борту за капитана. Он изрыгал водопад проклятий, но действовал четко и профессионально. Торранс не без удивления вспомнил, что старый боров в свое время был награжден почетной Голубой лентой Лиги астронавтов.

«Геба» медленно двинулась к чужаку. Но тот внезапно исчез. Мощные гравитационные волны изрядно встряхнули яхту.

— Вельзевул и ботулизм! — взревел ван Рийн. — Они снова ушли в гипер. Ну, этот номер у них не пройдет!

Конвертер загудел, заработав на полную мощность, и яхта нырнула в гиперпространство. Вскоре она настигла чужака. Торранс вынужден был признать, что ван Рийн с блеском выполнил маневр, сложный даже для опытного пилота. Яхта уклонилась от встречного залпа орудий и буквально приклеилась мощным силовым полем к его корпусу. Затем ван Рийн отключил конвертер, пока тот не вышел из строя. Однако огромная туша чужака сохранила гиперскорость и продолжала путь к неизвестным созвездиям, увлекая за собой «Гебу».

Торранс приказал своей группе открыть шлюз.

Ему еще не приходилось участвовать в захвате чужого корабля, но он знал, как следует действовать. Выбрав место на корпусе подальше от двигателей, он приказал закрыть его силовым полем, чтобы избежать утечки воздуха изнутри. Резаки в руках двух людей изрыгали пламя, а синие искры раскаленного металла фейерверком рассыпались в невесомости. Остальные члены отряда стояли поодаль, держа в руках бластеры и гранаты.

Два корабля продолжили свой совместный полет в неизвестность. Без специальной компенсирующей электроники вид созвездий был настолько непривычен и ужасен, что Торрансу показалось, будто они несутся навстречу Судному дню. Встряхнувшись, он попытался сосредоточиться на текущих делах. Как установить контакт с инопланетянами? Проблема, особенно если при захвате корабля придется застрелить нескольких из них...

Наконец в корпусе было вырезано довольно большое отверстие. Оказалось, что под оболочкой из неизвестного металла находится какая-то вязкая субстанция. Теперь было очевидно, что чужаки не были людьми. Они использовали при постройке звездолетов совсем иные технологии, хотя, несомненно, опирались на аналогичные физические принципы.

Последняя преграда была вскрыта, и Торранс заглянул внутрь, светя фонариком. Его поразила царящая в корабле тьма. Пробравшись через отверстие, он повис в воздухе — искусственного тяготения не было. Первого взгляда было достаточно, чтобы понять: экипаж где-то прятался. Но где?..

3

Торранс вернулся на яхту через час. Он сразу же направился в каюту хозяина и застал ван Рийна, сидящего на диване рядом с Джерри. Девушка что-то с пылом говорила, но, заметив вошедшего капитана, замолчала.

— Ну? — буркнул торговец.

Капитан прокашлялся и произнес словно бы не своим голосом:

— Думаю, вам следует самому взглянуть на это, сэр.

— Надеюсь, вы нашли чужаков в их вонючем аду? На что они похожи, а? Что это за корабль?

Торранс предпочел ответить только на последний вопрос.

— Очевидно, этот корабль предназначен для перевозки животных с различных планет. Главный трюм полон клеток. Должен сказать, что такого фантастического набора зверья я не видел даже в зоопарке в Луна-Сити.

— На кой сифилис мне это? Где тот дикарь, что собирал эту пададь, и где его подружки, прикрытые только фиговыми листьями?

— Как вам сказать, сэр, — нервно сглотнул Торранс. — Думаю, чужаки скрылись от нас в надежном убежище. Понимаете, они спрятались среди животных.

4

Между главным шлюзом и отверстием, прорезанным в корпусе чужого корабля, был протянут переходный рукав. Через него внутрь огромного звездолета накачали воздух и провели освещение. Манипулируя гравитационным генератором, Ямамура сумел создать внутри чужака искусственное поле тяготения, приблизительно в одну четверть земного. Однако ему не удалось сориентировать его перпендикулярно продольной оси звездолета, поскольку палубы обоих кораблей находились под разными углами друг к другу.

Даже в условиях пониженной гравитации ван Рийн двигался так же «изящно», как бегемот по льду. Продолжая свой затянувшийся завтрак, он вошел внутрь чужака, держа в одной руке солидный кусок салями, а в другой — сырую луковицу. Помещение, в котором он находился, более всего напоминало рубку управления, и это было странно, так как оно находилось ближе к корме, чем к носу корабля. Экраны были рассчитаны на существо несколько меньшего, чем человек, роста, хотя изображение на них созвездий не отличалось от тех, что создавали компьютеры «Гебы». У передней стены обширного отсека располагалась полукруглая контрольная панель. Она была слишком велика, чтобы ею мог управлять один пилот, однако перед ней стояло всего одно кресло. Правда, из пола торчало несколько стержней, на которых могли крепиться и другие сиденья, но они отсутствовали.

— Что вы об этом думаете, капитан? — озадаченно спросил ван Рийн, жуя кусок колбасы.

— Полагаю, пилот сидел в этом кресле, когда корабль двигался в автоматическом режиме управления, — нерешительно ответил Торранс. — Штурман и связист могли сидеть здесь и здесь. Похоже, они не использовали второго пилота... хотя там, в углу отсека, находится еще один штырь из-под кресла. Вполне возможно, что резервный пилот сидел именно там, готовый в любой момент вступить в действие.

Ван Рийн с хрустом откусил четверть луковицы и поскреб свою неопрятную бороду.

— Чертовски велика эта панель, — заметил он. — Неужто существует раса разумных теплокровных спрутов? Посмотрите, как здесь все дьявольски сложно.

Он указал куском салами в сторону панели. Консоль была покрыта светящимся пластиком. На ней находилось считанное число кнопок и переключателей, зато было множество клавиш, площадью не меньше двадцати квадратных сантиметров каждая. Несколько из них были утоплены в панель.

Торранс осторожно попытался нажать на одну из клавиш. Оказалось, что для этого требуется очень большое усилие. Эксперимент закончился тем, что внезапно распахнулся один из грузовых люков. Воздух засвистел, уходя в пустоту космоса. Астронавты застыли на месте с выражением ужаса на лицах, а ван Рийн разразился отборными проклятиями. Напрягая все силы, капитан сумел вернуть клавишу на место повторным нажатием. Люк вновь закрылся, и все вздохнули с облегчением. Стало ясно, что продолжать подобные опыты в открытом космосе небезопасно.

Выдав напоследок самое изощренное проклятие, ван Рийн отдышался и уже довольно спокойно заметил:

— Эти спруты должны быть сильны, как лошади, чтобы управлять всем этим хозяйством.

— Согласен, но эти спруты-лошади ростом с карлика, — сказал Торранс, указывая на низко расположенные экраны, а также на полку с инструментами, не превышающими по размерам пуговицу. На каждом из них была видна цифра (или буква, или идеограмма?), немного напоминающая по написанию китайские иероглифы. — Уверен, что человек не мог бы пользоваться этими штучками, — продолжил он. — Во всяком случае, без тщательной подготовки и большого напряжения. Конечно, из этого еще не следует, что пилот был карликом... А вот этот переключатель над креслом пилота и мне трудно будет достать.

Капитан привстал на цыпочки и шелкнул выключателем. Со стороны кормы немедленно донесся гул. От неожиданного толчка Торранс полетел назад. Пытаясь удержаться, он ухватился за

одну из металлических полок, висевших на стене. Она прогнута, но выдержала.

— Каракатица и болван! — завопил ван Рийн, выронив салями.

Упершись слоноподобными ногами о пол, он подпрыгнул и вернул переключатель в прежнее положение. Гудение стихло, и восстановилась прежняя сила тяжести.

Торранс подошел к раскрытой в коридор двери и крикнул, обращаясь к остальным астронавтам:

— Все в порядке, это была простая случайность!

— Что произошло, чертов вы олух? — потребовал ответа разъяренный торговец.

Торранс с трудом успокоился.

— По-видимому, это включатель двигателей, — неровным голосом произнес он. — Корабль получил полное ускорение и, похоже, без всяких компенсаций. Конечно, в гиперпространстве это не слишком опасно, поскольку продольное ускорение не превысило одного g . Но если бы мы находились в обычном пространстве, то нам пришлось бы несладко. Я думаю, это приспособление для экстренного маневра ухода, и... и...

— И вы с вашими прокисшими мозгами и бананами вместо пальцев взяли и включили без колебаний эту штуку!

Покрасневший Торранс попытался оправдаться:

— Откуда я мог знать, сэр, что он так легко поддается? Особенно после того как мне еле-еле удалось нажать на клавиши управления?

Ван Рийн внимательно осмотрел пульт управления и указал на отверстие в центре его диаметром в сантиметр и около пятнадцати сантиметров в глубину. На дне его находился маленький штырь с плоским концом.

— Полагаю, что это ключ для какой-нибудь системы безопасности, — задумчиво сказал он. — Или включатель гиперперехода. Только нам без пинцета до него не добраться. Гм-м... — Он провел по своим жирно намаженным кудрям. — Не вижу нигде поблизости пинцета.

— И не ищите, — пояснил Торранс. — Инопланетяне, прежде чем укрыться в своем зоопарке, уничтожили почти всю внутреннюю обстановку, приборы и инструменты. В машинном отделении остались лишь груды обломков, расплавленный металл и обожженный пластик, рваное постельное белье, разбитая мебель... Эти хитрецы переломали все, что могло, по их мнению, дать нам ключ к внешнему виду экипажа этого корабля. Многие они успели распылить на атомы в конвертере — это и вызвало сильное нейтринное излучение, которое мы обнаружили при полете к чужаку.

— Дьявол, но ведь эти спрутолошади оставили в целости двигатели и многие важные агрегаты? Тогда они могут запросто взорвать корабль вместе с нами, чтобы окончательно замести следы! Бр-р-р, я потею, словно свинья, от мысли, что они в любой момент могут превратить меня, бедного старого грешника, в горстку радиоактивной пыли. И где — в трех сотнях световых лет от обожаемых мною виноградников Земли!

— Вряд ли, — покачал головой Торранс. — Насколько можно судить по поверхностному осмотру, они специально не уничтожили жизненно важные агрегаты, чтобы воспользоваться ими тогда, когда мы улетим. Эти спрутолошади не похожи на самоубийц — нет, это хитрые парни. Они поймали нас в ловушку, возможно, сами не подозревая об этом. Мы крепко привязаны к их кораблю и не можем позволить себе роскоши оставить их в покое. А что, если они успели направить эту махину в сторону своей планеты? Тогда и позади по курсу, и впереди нас ожидают враги.

— Тогда не стойте сложа руки, сто чертей вам в глотку!

Торранс кивнул и пошел вместе с ван Рийном в сторону коридора.

— Предлагаю как следует заняться этим летающим зоопарком, — сказал он. — Ямамура собирается установить в трюме кое-какие приборы. Надеюсь, они позволят нам отличить экипаж от животных.

5

Главный трюм занимал добрую половину огромного корпуса корабля. Вверху находился коридор, а внизу, между объемистыми кубическими вольерами, были настелены мостки. Вольеры были около пяти метров в ширину. Их пол устилал упругий пластик, а в потолок были вмонтированы светящиеся пластины. В некоторых вольерах вдоль стен были установлены вертикальные лестницы — очевидно, для животных, которые привыкли лазать по деревьям или скалам. В задних стенках были встроены какие-то механизмы. Ямамура строго запретил касаться их. По его мнению, они служили для создания специальной атмосферы внутри герметичных помещений, а также для поддержания требуемого уровня гравитации, температуры и прочего. Они также выполняли гигиенические функции.

Передние стены вольеров, выходящие к мосткам, были выполнены из прозрачного вещества. В них были встроены люки с воздушными шлюзами, закрытыми простыми, но надежными механизмами. Рукоятки управления ими находились как снаружи, так и внутри помещений. Лишь некоторые из девятиности шести вольеров пустовали. Торранс и ван Рийн шли по

коридору, и им в лица бил свет нескольких дюжин разнообразных звезд: красных, оранжевых, желтых, зеленых, голубых...

В одном вольере-аквариуме среди водорослей плавало существо, напоминавшее гигантскую акулу с пышными, как у ван Рийна, усами. В следующей клетке носились взад-вперед множество крылатых рептилий. Напротив них через мостки находился вольер, погруженный в желтый туман — в нем едва можно было разглядеть четверых крупных млекопитающих с тигровыми шкурами и клыкастыми пастьми. Они передвигались то на четырех конечностях, то на двух, и в последнем случае на передних были заметны короткие, словно обрубки, пальцы, среди которых находились убирающиеся, как у кошек, когти.

Затем астронавты прошли мимо вольеров с полудюжиной лоснящихся, похожих на выдр животных, с шестью лапами и красноватыми шкурками. Они резвились в бассейне, а затем дружно подплыли к стене, из отверстия в которой посыпался корм.

— Очевидно, уход за животными автоматизирован, — заметил Торранс. — Пища синтезируется на месте, в соответствии с биохимическими особенностями каждого вида. Скорее всего так же питался и экипаж. По крайней мере, мы не обнаружили ничего похожего на камбуз.

Ван Рийн содрогнулся от отвращения.

— Что, они питались только синтетикой? Не пропускали даже по маленькому стаканчику джина перед обедом? Мне жаль этих существ до слез. Наш долг помочь этим беднягам! Капитан, мы открыли отличный новый рынок сбыта горячительных напитков. Пока эти спрутолошади разберутся, что к чему, мы обдерем их как липку.

— Сначала, — заметил Торранс, — нам надо их поймать.

В центре прохода стоял Ямамура, навешивая инструменты на одну из клеток. Рядом была Джерри. Она подавала ему то, что просил инженер, и включала, когда надо, небольшой генератор. Ван Рийн, конечно, влез:

— Что здесь происходит?

Главный инженер повернул к нему спокойное смуглое лицо:

— Команда исследует корабль, сэр. Я присоединюсь к ним, как только обучу сударыню вот этому делу. Она будет выполнять рутинную работу, тогда остальные смогут работать по специальности... — Он не закончил фразы и добавил с грустной улыбкой: — Работая методом тыка, мы вряд ли закончим раньше чем через месяц, особенно при нашем недостатке приборов.

— У нас нет месяца, — отрезал ван Рийн. — Вы проверяете условия внутри каждой клетки?

— Да, сэр. Конечно, они регистрируются, но мы не умеем читать показания здешних приборов, так что приходится все измерять самим. Я вывел показания на один экран и получаю приблизительные значения силы тяжести, температуры, состава атмосферы, давления, температуры, спектра освещения и так далее. Работа тормозится из-за того, что приходится пересчитывать показания приборов и вычислять все параметры. Хорошо, что не надо проверять каждый отсек.

— Точно, — ответил ван Рийн. — Любой младенец поймет, что этот корабль строили не рыбы и не птицы. Всегда нужно что-то вроде рук.

— Или щупалец. — Ямамура кивнул на отсек перед ним. Внутри в тусклом красном свете можно было разглядеть несколько беспорядочно мечущихся черных существ. Четвероногие тела приводили на память кентавров, головы были одеты в кожаную броню. Под безликими головами размещались шесть толстых гибких щупалец, по три с каждой стороны. Два из них оканчивались тремя бескостными, но, вероятно, сильными пальцами.

— Подозреваю, это и есть наши застенчивые хозяева, — сказал Ямамура. — Тогда нам предстоит приятная прогулка. Они дышат водородом под большим давлением и предпочитают гравитацию втрое больше земной. Температура в вольере — около семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

— Они единственные, кто живет в таких условиях? — поинтересовался Торранс.

Ямамура кивнул:

— Понимаю, что вы имеете в виду, капитан. Есть еще три помещения, где имеются аналогичные условия. Но в них, несомненно, находятся животные: змеи и прочие безлапые существа. Они явно не могли построить корабль.

— Но... но тогда кентавры вряд ли являются хозяевами корабля, — робко вмешалась в разговор Джерри. — Экипаж наверняка собирал животных на чужих планетах — какой смысл было возить своих зверей?

— Хм-м... неглупо, — кивнул мохнатой головой ван Рийн. — Мы же имеем на «Гебе» kota и нескольких попугаев! Кроме того, условия в этих вольерах могут совпасть случайно. Вспомни, девочка, что твоя Фрейя очень похожа на Землю почти во всех отношениях. Впрочем... — Он внезапно повернулся к Ямамуре. — Послушайте, а почему вы не проверили резервуары с запасами местного воздуха? Если мы установим его состав, то запросто сможем обнаружить этих хитрецов.

— Это первое, что я приказал сделать своим людям, — объяснил Ямамура. — Но резервуары оказались пустыми. Мы

обнаружили синтезатор воздуха, но понятия не имеем, как его запустить в действие. Когда мы уйдем — если только мы *суме-ем уйти*, — синтезаторы восстановят атмосферу внутри корабля. Хотя не исключено, что чужакам подойдет и наша, кислородная.

— Надо еще раз осмотреть корабль, — сухо сказал Торранс. — Не может быть, чтобы не нашлось ни одной ниточки, ведущей к хозяевам этого корабля.

Они не спеша пошли дальше вдоль вольеров.

— Что за плесень завелась в мозгах этих чертовых инопланетян? — проворчал ван Рийн. — К чему этот идиотский маскарад? Рано или поздно мы все равно обнаружим их.

— Хорошо, если рано — а если поздно? — возразил Торранс. — Мы не знаем, как разогнать их корабль и как им управлять. Чужаки явно рассчитывают на то, что нам надоест копаться в механизмах их звездолета и мы скоро уберемся во-сво-яси. Если же мы проявим упрямство, то со временем попадем в освоенный ими район и сможем познакомиться с их военными кораблями... Вот это да!

Он остановился перед очередным вольером, в котором находилось животное, напоминающее слона. Ноги его были непропорционально тонкими, что указывало на привычку к низкой гравитации. Кожа его была зеленого цвета и кое-где была покрыта чешуей. Вдоль хребта росла жиденькая полоска волос. Голова была увенчана длинным хоботом, который заканчивался несколькими сильными псевдопальцами.

— Возможно ли существование однорукой расы разумных существ? — задумчиво пробормотал Торранс и сам же ответил себе: — Почему бы и нет? Отсутствие второй руки может компенсироваться силой и гибкостью первой. Ручаюсь, что этот хобот может запросто согнуть в кольцо даже толстый железный прут.

Ван Рийн нахмурился. Он прошел мимо очередного вольера с пернатыми копытными, напоминающими странную смесь осла и лебедя, и остановился перед следующим.

— Посмотрите на этих тварей, — сказал он. — Что-то похожее есть на Земле. Как же они называются? Гориллы или шимпанзе?

Торранс невольно вздрогнул. Эти существа, кто бы они ни были, лучше всего подходили на роль хозяев звездолета. Перед ним находились четыре обезьяноподобных зверя. Они были двуногими и имели по паре сильных рук. Рост их достигал почти двух метров, а размах рук — не менее трех. Такое существо в одиночку вполне могло управиться со всем пультом управления. Массивные руки были пятипальными, причем один палец противостоял остальным. Ноги походили на человеческие, но имели по

три пальца. Относительно небольшие головы были остро-конечными, с массивными носами и глубоко посаженными, сверкающими глазами. Среди них были как самцы, так и самки. Животные бесцельно бродили из угла в угол, греясь в лучах искусственного солнца, напоминающего по типу земное.

— Сомневаюсь, что это хозяева корабля, — сказал Торранс. — Уж больно у них мощные челюсти и маленькая черепная коробка.

— Возможно, у них мозги расположены в животе, — заметил ван Рийн.

— Что ж, у некоторых людей так оно и есть, — пробормотал Торранс. Торговец едва не подавился, и капитан поспешно добавил: — Нет, на самом деле, сэр, это маловероятно. Все животные, которые мне известны, имеют мозг, расположенный рядом с органами чувств. А последние, как правило, расположены в голове. К тому же маленький размер черепа не говорит о том, что они не обладают разумом. Их нейроны могут быть более эффективными, чем наши.

— Укус и перец! — рывкнул ван Рийн. — Могут, могут, могут! — Они пошли дальше вдоль вольеров. — Мы мало чего добьемся, изучая их атмосферу и освещение, — продолжал недовольно ворчать ван Рийн. — Чужакам ничего не стоило немного изменить их без вреда для здоровья. Это относится и к гравитации.

— Я все же надеюсь, что они дышат кислородом, хотя... Ого! — Торранс остановился, увидев нескольких странных существ, освещенных оранжевым светом. Они были покрыты хитиновой броней. Массивные тела опирались на четыре короткие ноги, которые заканчивались ступнями с острыми когтями. Ресницы походили на кустики щупалец, а из-под них на людей глядели большие, выразительные глаза.

— Черепahi, — буркнул ван Рийн. — Или, скорее, броненосцы.

— Будет невредно, если Джер... мисс Кофойд проверит условия их обитания, — сказал Торранс.

— Напрасная трата времени.

— Не понимаю, каким образом они едят. Я не вижу никакого рта.

— Эти щупальца похожи на капиллярные присоски. Готов поклясться, что они паразиты, или пиявки-переростки, или что-то иное, похожее на моих конкурентов. Пошли дальше.

— Что мы будем делать после того, как обнаружим экипаж корабля? — спросил Торранс. — Попытаемся вести переговоры с каждым по очереди?

— От этого мало будет проку. Они спрятались именно потому, что не хотят разговаривать. Пока мы не докажем, что не

являемся этими проклятыми аддеркопами... Не вижу, как это можно сделать.

— Пойдите! Если они так опасаются аддеркопов, то это значит, что они хотя бы однажды уже встречались с этими пиратами. Но как же в этом случае они уцелели?

— Дьявол, я уже объяснял вам! — сказал ван Рийн. — Назовем эту расу для удобства иксянами. Итак, иксяне уже некоторое время странствуют в Галактике, но с людьми им еще не приходилось встречаться. Затем в этом секторе появились аддеркопы. Иксяне могли услышать о них от туземцев на местных планетах. Возможно, они наблюдали за одним из лагерей пиратов или даже сумели захватить один из их кораблей. С тех пор все люди для них — аддеркопы. Понятно, что иксяне избегают всяких контактов с нашей расой. Возможно, они еще не готовы к войне, и потому нам надо продемонстрировать экипажу иксян наши добрые намерения. Тогда они помогут нам добраться до Фрейи, а затем доложат своим правителям, что не все люди — грязные пираты. Иначе мы можем проснуться в одно прекрасное утро и обнаружить, что наши планеты атакованы иксянами. Хуже всего, что мы, торговцы, потеряем из-за этой войны миллиарды кредитов! — Он потряс кулаками в воздухе и проревел: — Наш долг предотвратить это!

— Наш первый долг — вернуться домой живыми, — возразил Торранс. — Меня ждут жена и дети.

— Тогда перестаньте пялиться на Джерри. Я первым положил на нее глаз.

Они продолжили поиски. В соседнем вольере ползали освещенные зеленым светом четыре огромные гусеницы с толстыми лапами и торсами кентавров. Они были приземистыми и имели по две руки. На них отсутствовали противостоящие остальным большие пальцы, однако шесть других, расположенных полукругом, вполне могли заменить человеческую кисть. Это еще не свидетельствовало об их разумности: на Земле руками, пригодными для работы, обладают не только обезьяны, но и рептилии. Тем не менее плоские головы «кентавров», большие глаза, перья-антенны непонятного назначения, маленькие челюсти и тонкие губы выглядели многообещающими.

«Обещающими — что?» — подумал Торранс.

6

Трое земных суток спустя Торранс шел по центральному коридору, направляясь в машинное отделение иксян.

Коридор представлял собой большой полуцилиндр, выложенный тем же резиноподобным пластиком, что и вольеры. Он делал неслышными шаги и заглушал речь. И все же здесь

ощущалась глубинная вибрация гиперпространственного двигателя, несущего корабль к неизвестной звезде и выдававшего его присутствие любому пирату, находящемуся на расстоянии не далее одного светового года. Светильники, подвешенные людьми, были расположены далеко друг от друга, так что Торранс шел через полутьму. По обе стороны коридора были расположены помещения без дверей. Некоторые из них были заполнены странным на вид снаряжением и инструментами. Это доказывало, что корабль не был «Летучим голландцем». Однако личных вещей экипажа найти не удалось. Книги и микрофильмы сохранились, но прочесть их тоже не удалось. Иллюстрированные же издания были, по-видимому, уничтожены, о чем свидетельствовали зияющие пробелы на полках.

На стенах были заметны места, где ранее висели картины. От мебели в каютах, кают-компаний и мастерской остались лишь штыри для крепления к полу. В стенах находились вместительные ниши, а рядом — небольшие углубления. Не исключено, что здесь располагались койки экипажа и места для хранения постельного белья, но то и другое было сожжено в конвертере так, что не осталось даже пепла. Одежда, украшения, посуда — все было уничтожено. Одно из помещений, судя по запаху, прежде служило туалетом, но предусмотрительные иксяне распылили в ядерном огне всю сантехнику. Пустовали и лаборатории, в которых, возможно, изучали пойманных животных.

Торранс ощущал невольное восхищение иксянами. Заметив приближение корабля, обводами напоминающего пиратские шхуны аддеркопов, они не впали в панику. Вместо того чтобы взорвать атомный двигатель, разрушив при этом оба звездолета, иксяне с невероятной быстротой стерли все следы своего пребывания на борту и нашли надежное укрытие среди сотен животных самого экзотичного вида. Теперь они отсиживаются в одном из вольеров, изображая из себя примитивных тварей, а сами ожидают, когда эти чудовища-аддеркопы уберутся или на помощь придет военный корабль иксян. Чужаки действовали вполне логично — но скольких же нервов им это стоило?

«Хорошо бы найти иксян и подружиться с ними, — подумал Торранс. — Они могут стать отличными партнерами для землян, а также для жителей Фрейи, или Рамануджана, или даже всей Торгово-технической Лиги. Держу пари, их не так легко провести, как надеется старый Ник. Они сами его надуют. Хотел бы я на это посмотреть! Впрочем... — его вновь охватило уныние, — у нас не очень много времени, чтобы уладить это недопонимание. Пройдет три-четыре дня, и аддеркопы решат все наши проблемы».

Коридор заканчивался лестничной площадкой, с которой двери вели налево и направо. Одна из них вела в машинное отделение, где располагался мощный ядерный конвертер, питавший энергией все системы корабля, гравитационную установку, а также гиперпространственный двигатель. Принцип, на котором он работал, был Торрансу знаком, однако большинство агрегатов оставались загадками.

Он вошел во вторую дверь, в мастерскую. Ее оборудование было разрушено, и все же часть его удалось идентифицировать: токарный и сверлильный станки, осциллограф и кристаллический тестер. Ямамура сидел за импровизированным верстаком и припаивал узлы электронной аппаратуры. Рядом стояло несколько приборов. Лицо Ямамуры осунулось, руки дрожали. Он долго работал без отдыха, и лишь стимуляторы не позволяли ему заснуть от усталости.

Когда Торранс вошел, Ямамура разговаривал со связистом Бетанкуром. Весь экипаж «Гебы» под руководством Ямамуры разгадывал загадку иксян и пытался научиться управлять их кораблем.

— Я обнаружил основное электрическое оборудование, сэр, — докладывал связист. — Они не пользовались энергией конвертера непосредственно, как мы, а применяли трансформаторы и получали переменный ток. Там же, где необходим постоянный ток, иксяне использовали выпрямители из прессованного вещества, по виду напоминающего окись меди. Выпрямители находятся под высоким напряжением и закрыты раскаленным кожухом, так что разобраться в их устройстве практически невозможно. Впрочем, все это оборудование кажется весьма примитивным.

— Оно просто отлично от нашего, — устало возразил Ямамура. — Наш конвертер работает на легких элементах и непосредственно дает ток. Иксяне, похоже, применяют конвертер на тяжелых элементах, требующих гораздо меньшей очистки. На Земле когда-то пытались построить такой же, но отказались, посчитав эту технологию непрактичной. Возможно, иксяне лучшие инженеры, чем мы. Такие конвертеры имеют свои достоинства, особенно в том, что не нужно экономить горючее. Для корабля, странствующего в неисследованных областях космоса, это большое преимущество. Однако все это только догадки, не более. — Заметив Торранса, инженер добавил: — Ладно, продолжайте работу, фримен Бетанкур. И помните: торопитесь медленно.

— Вы опасаетесь повредить корабль? — спросил Торранс, усаживаясь рядом.

Ямамура кивнул.

— Иксяне должны были сообразить, что нашей яхте попросту не под силу тянуть такую махину, как их корабль, — сказал он. — Поэтому они могли установить в своих машинах взрывные устройства. Нам надо быть предельно осторожными.

— Это держит наших людей в нервном напряжении.

— Так даже лучше. Хм-м... сэр, я закончил работу над прибором. — Торранс промолчал, и потому инженер пояснил: — Он предназначен для поиска разумных существ и годится для исследований в водородной атмосфере.

Торранс покачал головой.

— Хорошо, но все же начнем с тех, кто дышит кислородом, — сказал он. — К ним мы можем без риска войти в вольер. Я имею в виду гориллоидов — так мы с Джерри прозвали тех поросших шерстью двухметровых уродцев с лапами, очень напоминающими обезьяны.

Ямамура изобразил на лице чисто обезьянью гримасу:

— Такие мощные звери! Вы заметили у них какие-нибудь признаки разума?

— Нет. Но мы и не ожидали, что иксяне так легко откроются. Мы с Джерри много раз проходили мимо вольеров, показывали животным различные картинки, пытались объяснить, что мы не аддеркопы. Конечно же, из этого ничего не вышло. Все животные хоть как-то отреагировали на наше присутствие, кроме гориллоидов... Впрочем, это ничего еще не доказывает.

— Каких зверей вы имеете в виду? Я все это время был занят и толком не успел осмотреть этот летающий зоопарк.

— Прежде всего тех, кого мы называли тигровыми обезьянами, затем кентавров со щупальцами, элфантаида, квазиброненосцев и огромных гусениц. Однако все они не очень-то подходят на роль иксян. Только гориллоиды имеют достаточно большой рост и отлично устроенные для сложной работы руки. К тому же они дышат кислородом, и потому мы можем начать с них. Затем стоит заняться гусеницами и кентаврами. В их вольерах без скафандров не обойтись, тем более что гусеницы живут при высокой гравитации.

— Гориллоиды что-то не очень добродушно выглядят, — заметил Ямамура.

Торранс кивнул и с интересом взглянул на стоящие на верстаке механизмы.

— Что вы, собственно говоря, собираетесь предпринять? — спросил он. — Я был слишком занят своими делами и не знаю вашего плана в деталях.

— Я приспособил для наших целей некоторые медицинские приборы, — ответил Ямамура. — Например, офтальмоскоп. Мы обратили внимание, что на различных механизмах этого

корабля нанесены довольно мелкие знаки или цифры и их подсветка удобна для нас, людей. Так что скорее всего у иксян глаза устроены не хуже и не лучше, чем наши. Рядом стоит прибор для исследования нервных волокон. Достаточно его направить на изучаемое животное, как на экране появится изображение его нервной системы. Сопоставляя ее с общей анатомией тела, мы сможем определить симпатическую или парасимпатическую системы или их эквиваленты. По крайней мере, я на это надеюсь. Затем мы займемся изучением мозга. Я испытал эти приборы на себе, и они сработали. А вот сработают ли они при испытаниях на других существах, не дышащих кислородом, не знаю. Но мы попробуем.

— Ничего другого нам не остается, — устало согласился Торранс.

— Что-то давно я не видел старика Ника. Надеюсь, он также не теряет времени.

— Он не захотел помогать нам с Джерри, — пояснил Торранс. — Заявил, что мало обнаружить иксян — надо еще убедить чужаков, что их убежище открыто. Сам он считает, что самым понятным языком для иксян будет жестикуляция пистолетом перед их носами.

— Возможно, старик прав? — заметил Ямамура.

— Нет, не прав! То есть, логически рассуждая, его метод неплох, но с точки зрения морали... И психологически он ошибочен — попробуй тогда убедить иксян, что мы не аддеркопы. Вообще-то старый пройдоха ведет себя довольно странно. Он заперся в своей каюте наедине с батареей бутылок и ящиком сигарет. Кок, который помогал нашим людям здесь, в зоопарке, был срочно вызван на яхту и сейчас готовит для него одно гурманское блюдо за другим. Можно подумать, хозяина вовсе не беспокоит, что мы в любой момент можем подорваться ко всем чертям... — Торранс прикусил язык, вспомнив о своем офицерском чине. Сейчас, на краю гибели, это было полной бессмыслицей, но привычка оказалась сильнее. Нахмурившись, он резко сказал: — Что-то я раскис... Прошу забыть все сказанное мной. Когда вы закончите, фримен Ямамура, мы испытаем гориллоидов.

7

Шестеро мужчин и Джерри стояли в коридоре с бластерами наготове. Торранс надеялся, что им не придется стрелять. Впрочем, еще больше он надеялся, что после этого вынужденного шага он останется в живых.

Он махнул рукой четверым астронавтам, стоявшим у него за спиной:

— Порядок, парни!

Торранс облизнул пересохшие губы. Его сердце неприятно колотилось. Быть капитаном и мастером Лиги было приятно, но однажды неизбежно наступает момент, когда за привилегии приходится платить.

Загудел мотор, дверь шлюза открылась, и он вошел в вольер гориллоидов.

Разница в давлении была незначительной, и он не ощутил беспокойства. Но зато на его плечи словно бы упала глыба. Поле тяготения здесь было нормальным, а до сих пор он находился при силе тяжести, составляющей всего лишь одну четверть g. Торранс пошатнулся, едва не упав, и вдохнул теплый воздух, полный незнакомых запахов. Прислонившись к стене, он глядел на четырех двуногих чудовищ, покрытых густой шерстью. Здесь, внутри вольера, они казались огромными. Глаза под лохматыми бровями недоверчиво глядели на непрошеного гостя. Торранс слотнул и нащупал в кармане рукоять пистолета. Ему совсем не хотелось стрелять — нельзя было предугадать, как ультразвук подействует на их нервную систему. Тем более что гориллоиды могли оказаться разумными существами...

Стоявший поблизости самец взревел и двинулся к гостю. Странные щели на его шее зашевелились, словно рты в предвкушении жертвы.

Торранс отступил, увидев белые зубы зверя.

— Я постараюсь увести этого подальше от остальных, — тихо сказал он товарищам, стоявшим у него за спиной. — Тогда берите его.

— Понятно, — сказал один из астронавтов, разматывая аркан. Трое остальных расстелили на полу специально сплетенную сеть.

Самка предостерегающе вскрикнула. Самец остановился, а затем жестом, похожим на человеческий, отстранил сородичей и направился к Торрансу.

Капитан выхватил пистолет и дрожащей рукой направил его на гориллоида. Надежда на то, что удастся раскрыть маскарад иксян, показалась ему сейчас смехотворной.

Он отпрыгнул назад, но самец с рычанием последовал за ним. Когти разорвали куртку, оставив длинную царапину на груди. Торранс присел на четвереньки, морщась от боли. В воздухе мелькнул аркан. Гориллоид рухнул, и от этого содрогнулся весь вольер.

— Хватайте его! Следите за руками.

Торранс поднялся. Неподалеку четверо мужчин навалились на ревущее и бьющееся животное, пытаясь его связать.

Остальные гориллоиды столпились в противоположном углу, басовито ревя.

— Вытащите его наружу, пока остальные не вмешались! — крикнул Торранс.

Он поднял пистолет. Если они разумны, то должны понять, что это оружие. И все равно они могут напасть... Дефтли, алтаец по происхождению, связал гориллоиду руки, обмотал веревку вокруг торса этого гаргантюа, а затем быстро затянул скользящий узел. Затем на животное набросили сеть, а потом потащили его к выходу. Торранс стоял с пистолетом в руках и наблюдал за тем, как к нему медленно приближается второй самец. Вольер сотрясся от звериного воя и криков людей, но он видел лишь одно: приближающуюся пасть, полную острых зубов (такие запросто могли откусить ему голову), маленькие, тупые, багровые от ярости глазки и огромные четырехпалые руки.

— Все в порядке, капитан!

Второй гориллоид внезапно прыгнул на него. Торранс кинулся в люк, но гигант последовал за ним. Выскочив в коридор, капитан направил в сторону зверя свой пистолет. Но гориллоид остановился у входа в шлюз, задрожал, осмотрелся вокруг с выражением, похожим на замешательство, а затем отступил. Торранс закрыл наружный люк и обессиленно опустился на пол.

Ожидавшая в коридоре Джерри склонилась над ним.

— Вы в порядке? — спросила она. — О, да вы же ранены!

— Ничего страшного, — пробормотал он. — Дайте сигарету.

Она протянула капитану сигарету и щелкнула зажигалкой. Пока он жадно сделал несколько затяжек, девушка внимательно осмотрела его рану.

— Это всего лишь глубокая царапина, — сказала она. — Но ее надо тщательно простерилизовать, иначе может попасть инфекция.

Торранс кивнул, но продолжал сидеть, пока не докурил сигарету. Чуть дальше по коридору люди Ямамуры привязали гориллоида к заранее приготовленной металлической раме. Невредимый, но беспомощный зверь ревел, пытаясь укусить Ямамуру, стоявшего рядом с приборами. Капитан подумал: а ведь вернуть животное в вольер будет не легче, чем вытащить из него.

Наконец Торранс со вздохом встал. Сквозь прозрачную стенку он видел самку гориллоида, яростно рвущую на клочки его тюрбан. Капитан хотел было присоединиться к Ямамуре, но Джерри решительно взяла его за руку.

— Сначала вы пойдете в лазарет, — заявила она.

Они покинули главный трюм, прошли по соединительному туннелю и оказались в пониженном поле тяготения «Гебы». Джерри помогла Торрансу снять куртку, смазала рану дезинфицирующей мазью и перевязала его. Затем предложила ему стакан виски, и они направились в кают-компанию.

К удивлению и разочарованию Торранса, возле стола, инкрустированного красным деревом, сидел ван Рийн, одетый в кружевную накидку и в свой обычный саронг. В одной руке он держал бутылку, в другой — дымящуюся сигарету. Перед ним лежала папка с бумагами.

— А, это вы... — сказал торговец, выдохнув облачко голубоватого дыма. — Как дела?

— Испытываем гориллоида, — ответил Торранс и со вздохом облегчения упал в кресло. Так как стюард находился на корабле чужаков в составе группы Ямамуры, то Джерри пошла за выпивкой.

— Капитан Торранс чуть не погиб при этом! — вызывающе сказала она, обернувшись в проеме двери. — Может быть, вы соизволите поднять с кресла свой толстый зад и присоединитесь к Ямамуре и его людям?

— Чтобы стоять рядом с умным видом? — усмехнулся торговец. — Благодарю покорно, но я уже слишком стар и толст для охоты на обезьян. И у меня нет технических знаний, чтобы крутить ручки приборов. — Выпустив клуб дыма, он добавил: — Это не моя работа. Для этого надо иметь университетский диплом, а я всего лишь закончил школу. Зато я хорошо изучил науку, как заставлять людей работать на себя и извлекать из этого выгоду.

Торранс вздохнул, чувствуя невероятную усталость.

— Чем вы заняты, сэр? — глухо спросил он.

— Изучаю доклады специалистов о корабле иксян, — ответил ван Рийн. — Я приказал им составить подробные отчеты обо всем увиденном. Где-то в них может отыскаться ключ к решению загадки. А что касается Ямамуры... что ж, пусть действует. Я не вижу другого пути, как исключить гориллоидов из числа подозреваемых.

Торранс потер слипающиеся глаза.

— Вряд ли мы этим путем узнаем истину, — сказал он. — Большинство приборов на корабле предназначено для огромных сильных рук, но некоторые так малы... Впрочем, чужаки не меньше поражаются бы разнообразию наших инструментов — от кузнечного молота до гравировальной иглы.

Джерри вернулась с двумя стаканами шотландского виски с содовой. Торранс невольно проследил за ней взглядом. Девушка

была очень привлекательна в обтягивающей блузке и короткой юбочке. Она села ближе к нему, чем к ван Рийну, и глаза торговца недобро сузились.

Однако он заговорил довольно мягким тоном:

— Капитан, я буду рад, если вы выскажете мне свои соображения насчет вероятных кандидатов в иксян. Я видел их, но в моих мыслях пока много тумана. Может быть, ваши наблюдения рассеют его.

Торранс кивнул, взяв в руку прохладный стакан.

— Что ж, попробую, — сказал он. — Наиболее вероятными претендентами мне кажутся кентавры со щупальцами. Их вольтер освещен красным светом, и сила тяжести в нем составляет половину от земной. Атмосфера состоит из смеси водорода с азотом. Помните, как выглядят эти твари? Тело носорога, торс увенчан головой с костистым панцирем, а щупальца заканчиваются своеобразными пальцами. Подобно гориллоидам, они достаточно велики и могут с легкостью управлять кораблем. Все остальные претенденты дышат кислородом. Те, кого мы называем гусеницами, — это многоногие существа серебристо-синего цвета с гибкими руками и вполне разумным на вид лицом. Судя по тяготению в вольтере, они родом с большой планеты. В привычном для них воздухе кислород смешан с азотом в равной пропорции, а давление в двенадцать раз превышает земное. Температура довольно высокая — пятьдесят градусов по Цельсию. По массе их планета должна быть схожа с Юпитером, но только потерявшим свой водород. Это сделало эволюцию гусениц довольно своеобразной, заметно отличной от земной. Элефантоид также достоин внимания. Особенно интересен его хобот, который заканчивается гибкими пальцами. Тяготение в его вольтере вдвое меньше нашего и воздух весьма разрежен. — Торранс сделал большой глоток. — Остальные подозреваемые живут в условиях, близких к земным, — закончил он. — Хотелось бы, чтобы иксяне оказались среди них. К сожалению, за исключением гориллоидов, они малопригодны на роль астронавтов. Особенно броненосцы...

— Кто они? — спросил ван Рийн.

— О, вы должны их помнить. Это восемь или девять покрытых чешуей существ с горбами, нависающими над головами. Лапы у них костистые, и нет ничего похожего на руки. Правда, щупальцами они могут выполнять некоторые простейшие операции, тем более что глаза у них хорошо развиты. Но самое главное, что броненосцы — явные паразиты. У них нет челюстей, и они всасывают в себя полужидкую кашицу, которую изготавливает для них специальная машина.

Ван Рийн кивнул.

— Да, паразиты вряд ли могут стать разумными существами, — сказал он. — Надо уточнить, ведут ли они такой образ жизни в своей обычной среде обитания, и тогда со спокойной совестью вычеркнуть из списка. Кто еще?

— Тигровые обезьяны, — сказал Торранс. — Это хищные животные. Большую часть времени они проводят на четвереньках, но иногда становятся на ноги. Руки у них неуклюжие, лишённые больших пальцев, зато имеют гибкие ладони. Могут ли они быть пригодны для работы? Не знаю. Я устал и плохо соображаю.

— И это все? — Ван Рийн поднял бутылку с виски и несколькими большими глотками осушил ее. Затем он откинулся в кресле, затаился и выпустил через ноздри клубы дыма. — Кого вы собираетесь использовать следующим, если гориллоиды не оправдают надежд?

— Я бы выбрала гусениц, — сказала Джерри. — Повышенное давление их атмосферы еще ни о чем не говорит. Затем кентавров со щупальцами. Потом, может быть...

— Дурацкая мысль! — Ван Рийн ударил кулаком по столу так, что бутылка и стаканы подпрыгнули. — И сколько времени вам потребуется, чтобы проверить всех? Часы? А сколько часов потребуется, чтобы подготовить аппаратуру для каждого нового испытания? Ямамура скоро упадет в обморок от истощения, и кто из вас сможет его заменить? Не забывайте, черт побери, что аддеркопы рыскают поблизости! У нас просто нет времени для метода слепого поиска. Если гориллоиды окажутся животными, то нам надо будет поработать как следует не руками, а головой.

— Давайте, — согласился Торранс, осушая стакан, — а я пока пойду вздремну.

Ван Рийн побагровел.

— Очень хорошо, — буркнул он, презрительно глядя на капитана. — Будьте как все остальные. Бездельничайте, играйте в карты, пейте целыми днями, потому что на корабле есть старый ван Рийн и он взвалит все заботы на свои плечи. О дорогой святой Дисмас, почему ты не заставишь всех этих лентяев сделать хоть что-нибудь полезное?

8

Капитана разбудил Ямамура. У него были невеселые известия. Оказалось, что гориллоиды — животные. Мозг их был небольшим и не превышал по сложности мозг собак. Кроме того, гориллоиды оказались дальтониками, и им сложно было бы управлять контрольным пультом с разноцветными клавишами.

Выслушав инженера, Торранс кивнул, оделся и не спеша направился на капитанский мостик. Он уже свыкся с мыслью об обреченности корабля.

Никогда прежде космос не казался ему таким прекрасным, как сейчас. Торранс не был хорошо знаком с местными созвездиями, но его тренированный глаз нашел созвездия Персея, Возничего и Тельца. Они находились в направлении к Земле и не были сильно искажены. Поблизости лежал Рамануджан, где изящные башни городов поднимались из утреннего тумана и ловили первые лучи солнца, поднимавшегося из-за голубых гор Ганди. Можно было распознать и отдельные звезды: рубиновую Бетельгейзе и янтарную Спикку — звезду пилотов, которой он так часто любовался в своих прежних полетах. Млечный Путь опоясывал бездонную тьму своим ледяным серебром. Зеленоваты светились туманности, едва были заметны спирали других галактик. Жаль, что ему не удастся больше ни разу ступить на поверхность хотя бы одной из неизвестных планет... Конец был близок. Аддеркопы со дня на день настигнут их, а затем последует взрыв — и вечное ничто. И все же сгореть в адском пламени лучше, чем гнить в подземных темницах космических пиратов.

Торранс отбросил дымящуюся сигарету. Его рука мягко скользнула по пульта управления. Капитан знал его как свои пять пальцев. «Геба» была его кораблем, и здесь все было устроено разумно и рационально. Он ничем не походил на огромный звездолет чужаков, где гигантская контрольная панель требовала одновременных действий карлика и гиганта, где двигатель включался от легкого прикосновения пальцев к выключателю, но одновременно блокировался огромным тугим ключом. Странно...

Звук шагов заставил его обернуться. Тело его напряглось, кровь в висках застучала, но это оказалась всего лишь Джерри.

— Что вас привело сюда? — спросил Торранс, и голос его прозвучал мягче, чем он сам того ожидал.

— О... то же, что и вас.

Она взглянула на экран. С того момента как они захватили корабль чужаков (а может, он захватил их), красная звезда на центральном экране заметно выросла. Теперь она зловеще сияла на расстоянии всего в один световой год.

Джерри состроила недовольную гримасу и повернулась к Торрансу.

— Ямамура налаживает свою аппаратуру, — тихо сказала она. — Никто не может помочь ему в этом, так что бедняга инженер едва держится на ногах от усталости. Старый Ник сидит в своей каюте и беспрерывно курит и пьет. Там столько

дыма, что я сбежала. Хозяин не обращает на меня внимания, а только бормочет что-то себе под нос на каком-то языке вроде малазийского. Я этого не вынесу!

— Ничего не поделаешь, нам остается только ждать, — вздохнул Торранс. — Мы сделали все, что могли. Гориллоиды отпали, теперь очередь за гусеницами. Придется, надев скафандры, изучать их прямо в вольере. Будем надеяться, что они не нападут на нас.

— К чему так переживать? — грустно сказала Джерри. — От судьбы не уйдешь. Даже если гусеницы окажутся иксалями, потребуется несколько дней, чтобы доказать это. Вряд ли у нас есть на это время. Ван Рийн говорит, что если в течение двух дней мы не повернем к Валгалле, то нас обнаружат и уничтожат. Если же гусеницы окажутся животными, то до третьего вида у нас просто руки не дойдут.

— Ничего не поделаешь... — вновь повторил Торранс с безнадежным видом.

— Нет, есть что делать! — пылко возразила девушка. — Не хочу чувствовать себя крысой, загнанной в угол. Давайте честно признаемся, что мы обречены, и проведем оставшееся время... ну, как подобает людям.

Брови капитана удивленно поднялись.

— Что вы имеете в виду? — облизнув внезапно пересохшие губы, спросил он.

— Это зависит от вкусов каждого, — объяснила Джерри, не сводя с капитана завораживающего взгляда. — Кто-то предпочтет помолиться, кто-то приведет в порядок свою каюту, а кто-то мысли...

— А вы? — спросил капитан, чувствуя биение своего сердца.

— О, я не мыслитель, — тихо сказала девушка и отвернулась. — Боюсь, я слишком легкомысленна. Я очень люблю все радости жизни. Увы, мне не везет, я никак не могу найти себе друга, который захотел бы наслаждаться ими вместе со мной.

Торранс схватил девушку за обнаженные плечи и повернул лицом к себе. Кожа у Джерри оказалась бархатной, а глаза — сияющими.

— Вы уверены в этом? — хрипло спросил он, еще не веря своей удаче. Девушка закрыла глаза и, наклонив голову, приоткрыла рот. Торранс поцеловал ее в губы, и она пылко ответила тем же.

В этот момент на пороге появился ван Рийн. Он стоял с дымящейся сигаретой в одной руке, а другая выразительно лежала на кобуре.

— Та-ак! — взревел он, отбросив сигарету.

— Ой! — взвизгнула Джерри.

Она высвободилась из объятий капитана и отскочила в сторону, испуганно глядя на ван Рийна. Волна гнева поднялась в Торрансе. Он сжал кулаки и решительно шагнул к торговцу.

— Та-ак! — повторил ван Рийн. — Укус и перец, я пришел вовремя! Пока я просиживаю дни напролет, напрягая свой мозг, чтобы спасти ваши бесполезные жизни, вы... Жалкий капитанишка, помесь гремучей змеи с сибирским клещом, в это время заводите грязные шашни с моей секретаршей! Моей, понимаете, нанятой на мои кровные деньги! Монстры и дьяволы! На колени и просите пощады, иначе я раздавлю вас и превращу в корм для собак!

Торранс подошел к ван Рийну. Он был выше торговца, почти на тридцать лет моложе его, но намного легче.

— Уходите! — резко сказал он.

Ван Рийн побагровел.

— Ладно, черт побери, — процедил он сквозь зубы. — Этот тип достаточно потрепал мне нервы!

Его левый кулак описал стремительную дугу. Торранс уклонился, едва удержавшись на ногах. Он нанес ответный удар, но кулак утонул в жире и отскочил, словно от резинового матраса. Ван Рийн, не мешкая, пустил в ход свой правый кулак. В глазах Торранса вспыхнул звездопад. Он отлетел в сторону, упал и остался лежать неподвижно.

Когда к нему вернулось сознание, он увидел сидящего рядом на корточках ван Рийна. Торговец поддерживал его голову и протыгивал стакан, который принесла испуганная Джерри.

— Как насчет маленького глотка бренди, парень? Вот так-то лучше. Ты потерял всего один зуб, так что можешь считать, что тебе повезло. Можешь вставить его на Фрейе за счет компании. А теперь, Джерри, дай ему тонизирующую таблетку. Можешь встать, парень? Тогда пойдем, тебе не следует пропускать эту забаву.

Поддерживая Торранса одной рукой, торговец поставил его на ноги. Капитан едва не упал, но пилюля уже приглушила боль, и головокружение тоже прошло. Едва шевеля разбитыми губами, он спросил:

— Что... что случилось?

— Я знаю, кто такие иксяне, — объяснил ван Рийн. — Я пришел за вами, дорогой мой капитан, чтобы мы вместе вытащили этих хитрецов из вольеров. — Они вышли в коридор. Торговец с усмешкой поглядел на него и добавил: — Не стоит распространяться о нашей драке, Торранс. Иначе мне придется каждый день пускать в ход кулаки. Но вы меня, признаюсь, позабавили. Давненько никто в здравом рассудке не поднимал руку на самого Николаса ван Рийна! Когда мы вернемся, я, пожалуй, поручу

вам командовать торговым отрядом. Как вам это нравится, а? Ну идемте, у нас много работы.

Торранс побрел за ним в полном замешательстве. Когда они подошли к главному трюму, ван Рийн знаком подозвал астронавтов, стоявших на страже. Вскоре все вместе уже стояли перед люком одного из вольеров.

— Эти? — изумленно спросил Торранс. — Но я считал...

— Вы считали то, на что иксяне и рассчитывали, — усмехнулся торговец. — Их замысел был недурен, но Николаса ван Рийна не проведешь. Та-ак, а теперь помашем у этих парней перед носом оружием и займемся переговорами. С помощью рисунков объясним, как раскрыли их тайну, а затем возьмем их в оборот. Мы заставим отвезти нас на Валгаллу, а за время полета докажем, что мы не аддеркопы, можем торговать и быть друзьями. Ну, пошли!

Ван Рийн вошел в вольер, схватил за шиворот одного из броненосцев и вытащил наружу.

9

Торранс с головой погрузился в работу. После того как продукты и оборудование были перенесены с «Гебы», он руководил заделыванием пробоины в корпусе чужого корабля. С помощью автопилота послали яхту в противоположном направлении. Через несколько часов ее конвертер должен был взорваться, что могло заставить аддеркопов прекратить погоню. Затем они отправились на Валгаллу, и, хотя иксяне согласились выполнить приказания людей, за ними нужен был глаз да глаз. Много хлопот занимали попытки наладить общение на некоем общем языке. Кроме того, капитану приходилось следить за психологическим климатом на корабле, а также контролировать с помощью детекторов окружающее пространство.

Он находился в постоянном напряжении, мало спал и не мог выкроить даже часа, чтобы побеседовать с ван Рийном. Но он знал, что торговца вела по жизни счастливая судьба, и решил довериться ей.

Через несколько дней Валгалла превратилась в небольшой золотистый диск. К ним подошла эскадра патруля Лиги, предоставила небольшой эскорт, и они направились к планете Фрейя.

Командир патруля, заинтересованный рассказами о галактическом зоопарке, сообщил, что хотел бы побывать в нем. Торранс остановил его:

— Когда мы окажемся на орбите Фрейи, фримен Агилин, мы будем рады видеть вас на борту. Сейчас же ваше появление

может вызвать переполох в рядах чужаков. Надеюсь, вы понимаете меня.

Он отключил связь, потянулся и сказал:

— Пойду приведу себя в порядок. Я не мылся с тех пор, как мы покинули яхту. Продолжайте, фримен Лафар и... — Он поколебался, — гм-м... и фримен Джукх-Барклакх.

Джукх что-то пробормотал в ответ. Он был слишком занят, чтобы разговаривать. Гориллоид сидел в кресле пилота, положив огромные руки на панель управления, и вел корабль по гиперболической орбите. Броненосец Барклакх сидел у него на плече. У него не было голосовых связок, и он лишь помахал капитану тремя щупальцами, а затем запустил одно из них в узкое отверстие панели, где находился главный ключ включения двигателя. Остальные щупальца плотно обвили массивную шею гориллоида. Барклакх получал от него по специальным присоскам питательные вещества и обменивался с Джукхом информацией через объединенную нервную систему.

Поначалу Барклакх показался Торрансу едва ли не вампиром. Несомненно, предки броненосцев когда-то паразитировали на гориллоидах, но сейчас они стали симбионтами. Покрытые чешуей зверьки были в этой паре разумом и глазами, а гориллоиды — руками и ногами. Ни один из этих видов не мог бы выжить самостоятельно, а вместе они образовывали разумное, способное к созидательной деятельности существо. В них было не больше странного, чем в людях, восседавших на лошадях — подобных всадников Торранс не раз видел на старинных картинках. Симбионты, в свою очередь, перестали опасаться людей, когда уяснили, что те не являются пиратами-аддеркопами.

«Возможно, эти парни уже подумывают о новых видах животных, которые мы сможем предложить им для пополнения летающего зоопарка», — подумал Торранс. Он похлопал Барклакха по плечу, потрепал Джукха по шерсти и вышел из рубки.

Вернувшись к себе, он сразу же залез под душ. Сменив одежду на свежую, он почувствовал себя немного лучше и направился в гости к ван Рийну.

Постучав в дверь каюты, он услышал знакомый бас:

— Войдите.

Торранс вошел в каюту, заполненную синим дымом. Торговец сидел перед пустой бутылкой, держа в одной руке сигарету, а другой обнимая Джерри, свернувшуюся калачиком у него на коленях.

— Садитесь, садитесь, — сердечно приветствовал гостя ван Рийн. — Где-то в углу стоит недопитая бутылка бренди.

— Я должен сообщить вам, сэр, что, как только мы выйдем на орбиту вокруг Фрейи, к нам пожалует капитан эскорта. Сами понимаете, профессиональная вежливость. Он хочет взглянуть на икс... гм-м... на торгу-кон-танакхов.

— Ладно, пригласите его на борт, — сказал ван Рийн нахмурившись. — Только пускай захватит с собой бутылку и не задерживается слишком долго. Я хочу поскорее почувствовать под ногами твердую почву. Я болен от этого проклятого космоса. Черт побери, я мечтаю пробежаться босиком по мягкой почве Фрейи!

— Сэр, может быть, перед встречей с гостем вы захотите переодеться? — намекнул Торранс.

— Ой! — взвизгнула Джерри и исчезла за дверью в соседней комнате.

Ван Рийн оглядел свой саронг и пожал своими мохнатыми плечами:

— Если этот капитан жаждет взглянуть на иксян, то пускай этим и занимается. А я останусь в этой одежде, потому что мне так удобнее. И к тому же я не хочу, чтобы этот парень пронюхал, каким путем я расколол иксян. Со временем я на этой базе создам новый торговый синдикат. Понятно?

Торранс кивнул:

— Да, сэр.

— Хорошо, садитесь. Помогите мне привести корабль иксян в порядок. Я зарабатываю на жизнь с тринадцати лет, и у меня нет вашего образования. Толковый помощник мне просто необходим. Надеюсь, вы сможете готовить мне конспекты речей перед различного рода встречами, так чтобы мои слова были столь же безупречными, как и моя логика.

— Логика? — удивленно повторил Торранс. Он потер глаза, которые стали слезиться от едкого дыма. — Мне казалось, что вам просто повезло.

— Что? Неужто вы меня так мало знаете? Нет, нет и еще раз нет! Черт побери, Николас ван Рийн никогда не гадает на кофейной гуще! — Он поднял недопитую бутылку, стоящую рядом с креслом, и сделал солидный глоток. — Я нащупал разгадку после того, как Ямамура сообщил, что гориллоиды якобы не являются иксянами. Пришлось мне напречь мозг и рассмотреть создавшуюся ситуацию в целом. Я пошел по пути исключения. Элефантоида я забраковал с самого начала, поскольку в вольере он был один. В крайнем случае один пилот сможет управлять кораблем, но отлавливать диких зверей и заботиться о них ему не под силу. К тому же при малейшей неисправности агрегатов корабля он будет совершенно бессилён.

Торранс кивнул.

— О последнем обстоятельстве я тоже думал, — признался он. — Но что касается ловли диких зверей и ухода за ними... нет, это в голову мне не приходило.

— К тому же элфантаид слишком велик, — продолжал ван Рийн. — Что касается тигровых обезьян, то я не принимал их всерьез. Маленький мозг, внешность хищника, кошачьи когти, отсутствие развитых рук — эти факты говорят сами за себя. Гусеницы поначалу заинтересовали меня, но затем я вспомнил, как вы случайно включили двигатель. Переключатель сработал при легком нажатии — вряд ли такой был бы безопасным на планете с утроенным по сравнению с земным тяготением. Я уже не говорю о полке, которую вы так легко погнули.

Остались кентавры со щупальцами. Я внимательно изучил отчеты специалистов и обратил внимание на то, что кентавры живут в водородной атмосфере. А выпрямители на корабле сделаны из окислов меди и установлены без защитных кожухов. Улавливаете? При воздействии даже невысокой температуры, возникающей при прохождении тока, это вещество разлагается на воду и чистую медь. Следовательно, создатели корабля не могли дышать водородом. — Ван Рийн снисходительно улыбнулся. — Все просто, не так ли? У вас слишком высокое образование, капитан, вы забыли школьный курс химии.

Торранс щелкнул пальцами и выругался.

— Итак, методом исключения мы подошли к броненосцам, — продолжил ван Рийн. — Но они не подходили на роль создателей этого корабля. Их щупальца могут держать лишь самые легкие инструменты. К тому же они слишком медлительные и маленькие. С другой стороны, мозг у них неплохо развит и глаза превосходные. И тогда я вспомнил, что в каютах иксян мы обнаружили большие и маленькие ниши. Почему-то мы решили, что вторые — это всего лишь полки для белья. А почему бы тем и другим не быть койками для различных существ? Меньшие из них вполне могли быть паразитами — в конце концов, это качество не чуждо и человеку. Во всяком случае, я таких знаю. Возьмите, например, Джуна Харлемана из Венецианской компании чая и кофе. Но я не таков и способен самостоятельно шевелить мозгами. Вот таким образом я докопался до истины, — самодовольно закончил ван Рийн.

Охрипнув от длинной речи, он вновь приложился к бутылке. Торранс посидел еще немного, но так как торговец не выражал желания продолжить разговор, то он вскоре поднялся, чтобы уйти.

У двери он столкнулся с Джерри. Она была ошеломляюще хороша в голубом платье, полностью открывающем плечи. Торранс посторонился, но взгляд девушки рассеянно скользнул по нему, словно по пустому месту.

— Шуба из морского котика-мутанта, — сонно пробормотал торговец. — Марсианские самоцветы... Квартира в Звездном городе...

Джерри прижалась к ван Рийну и провела рукой по его волосам.

— Вам удобно, мой дорогой Ники? — промурлыкала она. — Могу я что-то сделать для вас?

Ван Рийн подмигнул Торрансу.

— Вас ждут в рулевой рубке, капитан, — сказал он. — Вы не так стары, толсты и одиноки, как я, у вас есть семья, счастливцев.

— Гм-м... да, — сказал Торранс. — Вы правы.

Он закрыл за собой дверь и вернулся в капитанскую рубку.

Общезвестно, что структура общества определяется его технологией. Однако совершенно различные культуры могут обладать одинаковыми инструментами — например, невозможно иметь межзвездную торговлю без космических кораблей. Раса, привязанная к одной планете, какими бы познаниями в технической, торговой или военной областях она ни обладала, неизбежно склоняется к коллективизму под тем или иным названием. Свободное же предпринимательство нуждается в обширных пространствах.

Автоматизация сделала производство дешевым, а стоимость энергии упала с изобретением протонных конвертеров. Овладев управлением гравитацией и гиперпространством, человечество получило для эксплуатации всю Галактику. Это оказалось также своеобразным предохранительным клапаном, гасящим общественное недовольство: гражданин, посчитавший, что правительство чересчур угнетает его, мог эмигрировать куда угодно. Влияние планет с либеральным строем, таким образом, усиливалось, а авторитарные режимы вынуждены были смягчить свое давление на народы.

Межзвездные расстояния огромны, и развитые расы имели свое представление о культуре, поэтому Галактического союза не возникло. Однако не было и войн — при высоком уровне технологии они стали бы слишком разрушительными, и обе стороны не имели шансов уцелеть. Братских отношений между мирами не устанавливалось, но мирные отношения были стабильными. Потребность в товарах была высокой, и даже старые миры сохраняли конкурентоспособность на галактическом рынке.

В таких условиях быстро развивался межзвездный капитализм. Ограниченный клановыми интересами, он должен был образовывать свои союзы и делить сферы влияния. Могуще-

ственные компании объединялись, чтобы уничтожить конкурентов, взвинчивать цены и производить все более качественные товары. Правительства были ограничены своей планетной системой, не могли контролировать звездных торговцев и вскоре вовсе отказались от этого.

Эгоизм — могущественная сила. Правительства, официально провозгласившие своей политикой альтруизм, остались разобщенными. В этих условиях Торгово-техническая Лига стала суперправительством, распространившим свое влияние от Канопуса до Полярной звезды. Под его эгиду добровольно вошли тысячи рас, политические и культурные границы между которыми стали постепенно стираться. Лига проводила свою собственную политику, заключала договоры, строила базы, вела малые войны и одновременно делала большие для распространения цивилизации и установления всеобщего мира, чем все дипломаты Галактики.

Но она была источником и многих неприятностей...

ТЕРРИТОРИЯ

1

Джойс Дэвидсон проснулась, словно от толчка.

Свист повторился, достаточно сильный, чтобы проникнуть сквозь каменную кладку, металл и изоляцию. Она села в постели, оглядывая темную комнату и пытаясь понять, что происходит. В последний раз она слышала этот вой диких котов в Чабанде, и тогда это был шум от двух охотившихся друг за другом отрядов. В тот раз ее спасли, посадили на флиттер, окружили вооруженной охраной, а проводником стал сам седой Старейшина. За всем происходившим впоследствии она наблюдала лишь на экране телемонитора. Там, внизу, на сверкающих ледяных равнинах, дрались насмерть воины, разукрашенные тигровыми полосами. Джойс жалела их, но все же в глубине души считала лишь изображениями на экране, которые исчезнут, как только телекамеры флиттера будут выключены.

Но теперь свист звучал где-то рядом.

Этого не могло быть!

Прогремел взрыв, кровать зашаталась, и она услышала, как мелкие осколки забарабанили по крыше. Внезапно свист стал еще громче, его сопровождал грохот барабанов, звон металла и треск разбиваемых предметов. Похоже, атакующие взорвали дверь машинной секции и ворвались внутрь. Но где же они раздобыли порох?

Где же, как не в городе Кузулонго!

Выходит, Старейшины решили, что людей необходимо уничтожить! Страх смерти мутной волной нахлынул на Джойс, а когда та отступила, девушка почувствовала себя беспомощным ребенком, которого ударили без причины. Почему туземцы так поступили с ней, ведь она пришла помочь им?

Рядом с той секцией купола, в которой были искусственно созданы земные условия, послышался топот. Итак, туземцы восстали и явились с оружием в руках. До девушки доносились их свирепые вопли. Затем схватка перекинулась дальше, в машинный зал. Звенели мечи, томагавки с хрустом разрубали кости, а в ответ гневно заговорил пистолет, который она дала Уулобу. Вряд ли обитатели купола смогут продержаться долго. Нападавшие принадлежали к племени шанга, обитавшему в поселке посреди оазиса, недалеко от Кузулонго. Других кланов в округе не было, а сами Старейшины никогда не принимали участия в схватках. Но мужчин-шанга многие сотни, в то время как в миссии едва набралось бы две дюжины верных людей т'келанцев.

Стены секций купола были сделаны очень прочными, с учетом внешних условий. Но если нападавшие сумеют их разрушить...

Джойс соскочила с кровати и побежала к платяному шкафу. По дороге она дотронулась рукой до выключателя, и тотчас вспыхнул свет. Узкая, загроможденная вещами комната показалась ей чужой в ярком белом свете. «Это потому что я испугана», — подумала она. Все происходило словно в ночном кошмаре...

Руки Джойс действовали помимо ее воли. Она быстро облачилась в теплый комбинезон, а поверх надела меховой полушубок. Надев перчатки, она включила электрический обогреватель — его провода были вшиты в ткань комбинезона. Затем: специальные сапоги, баллон с восстановителем воздуха, аккумулятор, пистолет и патроны, интерком. Последним она надела шлем, но лицевую пластину пока опускать не стала.

Она быстро проверила систему воздухообмена, работу обогревателей. Все готово! Условия планеты смертельны для людей. Температура в эту летнюю ночь здесь, в средних широтах, не превышала шестидесяти градусов ниже нуля по Цельсию. Азотная составляющая воздуха действовала на людей словно наркотик. Из-за отсутствия водяных паров легкие мгновенно иссушались, а аммиак сжигал их, словно вату. Любого из этих факторов было достаточно, чтобы убить человека. Правда, в атмосфере присутствовал кислород, и это позволяло человеку продержаться несколько минут, но затем он неминуемо терял сознание и погибал.

А теперь там, за стенами купола, объявились еще и воинственные шанга, убивающие людей и их помощников, да к тому же еще раздобывшие порох!

Джойс включила интерком и крикнула в панике: «Эй, кто-нибудь слышит меня?» Ей никто не ответил — внутри купола

люди обходились обычно без интеркома. Она постучала в дверь соседней комнаты, но никто не отозвался.

— Откройте, вы, идиот! — закричала она, стараясь перекричать шум схватки. — Выходите, мы можем уйти только этим путем!

— Как я могу открыть? Вы сами закрылись, черт вас побери!

«Ну конечно, конечно», — подумала Джойс. Страх и приближающийся грохот боя мешали ей сосредоточиться. Действительно, она закрылась изнутри. Раньше в этом не было необходимости, но затем прилетел ван Рийн, поселился по соседству, и она устала отбиваться от его по-медвежьему неуклюжего уходаживания.

Она поспешно отодвинула засов.

В комнату ввалился торговец. Подобно большинству эсперансиан, Джойс была высокого роста, но ван Рийну она доставала только до подбородка. Плечи толстяка едва протиснулись в дверной проем, а огромный живот свисал, словно бурдюк. Одетый подобно девушке, он выглядел еще более забавно, чем в своем обычном наряде из кружевной рубашки и бархатных брюк. Большой крючковатый нос торчал из открытого шлема, приносясь к запаху крови в воздухе. Напояженные усы и борода, еще недавно тщательно завитые, сейчас напоминали свалывшуюся половую щетку.

— Что за чертовщина? — заорал он. — Откуда эта сума-тоха? Я считал, что туземцам можно доверять!

— На нас напало другое племя, — коротко объяснила Джойс. — Идем, нам надо присоединиться к остальным!

Ван Рийн кивнул, отчего его несколько подбородков дружно заколыхались, и последовал за девушкой. Они вышли в самый конец коридора. Напротив комнаты Джойс находилось машинное отделение. Она была незамужней, любила уединение, потому и выбрала это отдаленное помещение.

Двери всех остальных жилых комнат оказались распахнутыми. Очевидно, все уже собрались в кают-компанию!

Не выдержав, Джойс побежала. Ван Рийн, переваливаясь на своих столбообразных ногах, поспешил за ней. Пол задрожал под ним, словно от землетрясения. Пыхтя, торговец проклинал тяготение Т'Келы, которое было примерно таким же, как на Земле и Эсперансе.

«Жаль, что все три планеты похожи только в этом», — подумала Джойс, расслышав стенания толстяка. На мгновение перед ней промелькнули картины родной планеты, обращавшейся вокруг солнца, называемого Мир. Пшеничные поля, синие горы на горизонте, красно-золотые флаги над домами... Как далеко все это!

За ее спиной послышался грохот, пол под ногами заходил ходуном. Она упала. Грохот повторился, потом раздался оглушительный взрыв. Здание закачалось.

Джойс со стоном перевернулась на спину. Вкус крови во рту смешался с едким привкусом дыма. Она приподняла голову, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь внезапно нахлынувшую тьму. Стена рядом с ее комнатой оказалась расколотой. Рядом двигались какие-то фигуры.

— Они взорвали стену... — пробормотала она.

— Закройте шлем! — заорал ван Рийн.

Девушка поспешно опустила лицевую пластину. Голос торгового принца доносился издалека. Джойс охватило оцепенение, мозг был словно одурманен.

— Они взорвали стену, — повторила она, не веря до конца в происходящее.

В проломе появился первый туземец. Он задержал дыхание, опасаясь обжечься земным воздухом. В коридор между тем ворвалась ядовитая для землян атмосфера. Приземистая, обнаженная фигура застыла в напряжении, держа в руках лук странной формы.

Из соседнего коридора выскочил один из эсперанских техников.

— Джойс! — крикнул он, озираясь во тьме. — Фримен ван Рийн! Где вы...

Зазвенела спущенная тетива, и стрела пронзила его руку. Со стоном техник повернулся и побежал. Через мгновение коридор был уже полон летящих из темноты стрел и копий.

Джойс и ван Рийн плотнее прижались к полу. Рискнув, торговец достал из-за пояса бластер и выстрелил в сторону пролома. Огненный луч опалил стену, туземцы мигом исчезли в трещине. Однако грохот боя продолжал доноситься из машинного отделения.

Резкий запах аммиака ударил в ноздри Джойс.

— Сифилис и чума! — проревел ван Рийн. — Не знаю, фриледы, быть может, вам нравится дышать этой вонью...

Он кряхтя привстал на колени и тщательно закрыл лицевую пластину на шлеме. Его маленькие, черные, глубоко посаженные глаза внимательно осмотрели девушку.

— Приободритесь, фриледы. Вы хорошенькая девушка с такой аппетитной фигуркой. Только, на мой вкус, не стоит так коротко стричь волосы. Не будем терять времени!

Он обнял Джойс и поставил ее на ноги, повернув лицом в сторону кают-компаний. Затем он вновь направил бластер в сторону пролома в стене.

— Уф, уф, — бормотал он. — Все это не для бедного старого толстяка, которому лучше было сидеть в своей уютной конторке на Земле и дымить сигаретой, держа в руках стаканчик доброго виски. Только подумать, туземцы, которым я собирался помочь, решили прикончить своего благодетеля. Эти дикари хотят выколоть мне глаза! Лучше бы они сделали это моим болванам-служащим, которые настолько тупы, что бедному Николасу ван Рийну приходится отправляться за сотни световых лет от дома в поисках новых мест для расширения торговли. А что делать? Иначе мои конкуренты, как бешеные волки, разорвут мою компанию «Пряности и напитки» на клочки и заставят меня на старости лет заниматься сутенерством... Бедный я, бедный...

Джойс встряхнула головой, пытаясь избавиться от оцепенения. Вскоре голова ее прояснилась и ноги перестали дрожать. Вместе с толстяком она побежала в сторону кают-компаний, но дверь не открывалась, сколько Джойс ни нажимала на кнопку звонка.

— Закрыто, — сказала она.

Ван Рийн с такой силой заколотил по двери, что та зашаталась.

— Откройте! — заорал он. — Гром и кости, что за дурацкие шутки!

Из соседнего коридора выскочил туземец. Ван Рийн нацелил на него бластер, но Джойс вовремя схватила торговца за руку.

— Не стреляйте, это Уулобу!

Туземец, по-видимому, израсходовал все патроны, так как в его руке остался один томагавк. Вслед за ним из-за поворота выбежали еще трое с поднятыми мечами и топорами. Их юбки были украшены изображениями круга и квадрата — таков был герб клана Шанга.

— Стреляйте в этих троих! — завизжала Джойс.

Бластер изрыгнул струю пламени. Один из нападавших упал, остальные повернулись, намереваясь убежать. Уулобу издал воинственный клич и метнул свой томагавк. Обсидиановое лезвие вонзилось в спину одного из противников, и тот завалился на бок, обливаясь кровью. Уулобу резко потянул за веревку, связывающую его запястье с ручкой томагавка, вернул оружие и вновь метнул его.

Ван Рийн заколотил по двери:

— Эй вы, искусанные термитами трусы, впустите нас!

Он разразился проклятиями. Джойс тем временем сообразила, что могло произойти, и застучала по спине торговца кулаками почти с такой же силой, как он сам бил по двери. Не сразу, но

ван Рийн все же обернулся и уставился взбешенными глазами на девушку.

— Поймите, нас бы здесь не оставили, — задыхаясь, объяснила она. — Но Карлос видел нас лежащими на полу, под градом стрел и копий, и они сочли нас мертвыми. Кают-компания пуста! Наши друзья закрыли дверь на замок, чтобы задерживать в коридоре туземцев, а сами побежали через другой выход к космолетам!

— Ах, черт побери... И что же нам теперь делать? Может, прожечь в двери дыру побольше?

Улобу заговорил на гортанном наречии, распространенном в районе Кузулонго:

— Все наши убиты, небесная женщина. Сражение кончилось. Сейчас шанга грабят вашу миссию. Если они найдут нас, то засыпят стрелами. Два пистолета не остановят их, но мы можем пробраться между железом, которое шумит и движется, и выбраться через наружную дверь из купола.

— О чем бормочет этот дикарь? — спросил ван Рийн.

Джойс перевела и добавила:

— Думаю, Улобу прав. Единственное, что мы можем сделать, — это уйти незаметно через машинный зал, и поскорее.

— Хорошо. Пусть этот парень идет вперед, а вы прикрывайте наше отступление.

Они пошли по коридору в обратном направлении. Иней уже выбелил стены, а пол стал скользким, так как водяные пары быстро замерзли на т'келанском морозе. Впереди зияла черная брешь. Издалека доносились треск, звон и возбужденные крики.

«Дело многих лет пошло прахом, — с тоской подумала Джойс. — Но почему, почему?»

Улобу лучше видел в темноте, чем люди, и потому первым нырнул в разлом стены. Его фигура заскользила среди неясных контуров механизмов. В зале находилось четыре вездехода и несколько флиттеров. Кроме того, рядом располагалось различное оборудование, которое эсперансиане пытались использовать для спасения планеты. Большая часть машин была разбита, и обломки валялись по всему залу.

Крадучись, они перебрались к противоположной стене, где тускло светился прямоугольник выхода. Все бы обошлось, но Джойс задела какой-то валявшийся на полу инструмент, и тот зазвенел.

У выхода немедленно появилось несколько теней. Они выскользнули наружу, прежде чем ван Рийн успел выстрелить. Улобу поднял томагавк, а другой рукой достал нож.

— Теперь нам придется пробиваться с боем, — сказал он без сожаления.

— В атаку! — закричал ван Рийн и рванулся вперед, но несколько туземцев выбежали наперерез ему. Вокруг отсвечивали металлическим блеском полированные бока флиттеров. Торговец выстрелил, и один из туземцев завопил от боли. Другой вцепился землянину в руку и повис на ней, словно бульдог.

Улобу вмешался в схватку, с радостными криками нанося удары надело и направо. Джойс выхватила свой пистолет, стрелявший обычными пулями, и нацелила его в грудь ближайшего противника. Тот осклабился, заметив ее нерешительность, и метнул копье. Девушка чудом увернулась, а затем все же заставила себя нажать на курок. От звука выстрела она вздрогнула.

Вокруг царило безумие боя. Вновь и вновь Джойс слышала голос Улобу, боевой клич клана Авонго. Ван Рийн гудел, как иерихонская труба.

— Да поможет нам святой Дисмас! Прочь, облезлые собаки!

Внезапно все кончилось, и нападавшие отхлынули, напуганные мощью огнестрельного оружия. Джойс, сбитая с ног, лежала на полу, тяжело дыша. Она слышала топот убегающих шанга. Где-то неподалеку стонал раненый воин, пока Улобу не перерезал ему горло.

— Вставайте, фриледы, — ворчливо сказал ван Рийн. — Некогда отдыхать.

Улобу попытался помочь девушке, но у маленького туземца попросту не хватило сил. Тогда ван Рийн нагнулся и поднял ее, словно пушинку.

Они вышли в ночь через распахнутую дверь.

Над ними раскинулся небесный купол, полный незнакомых созвездий. Взошла большая, почти полная луна, бросая тусклый медный свет на равнину. На запад и на юг простиралась степь, покрытая редким кустарником с жилистыми стеблями и серебристыми листьями. На севере возвышалась темная громада хребта Кузулонго, четко вырисовывающаяся на белесом фоне Млечного Пути. На отрогах можно было разглядеть очертания башен города. В нескольких километрах на восток с гор стекала аммиачная река Мангиволо — ее отблеск был замечен издалика. Неподалеку на земле темнело большое облако — это был оазис, в котором располагался лагерь шанга. К северу от Кузулонго уходила гряда холмов, покрытых ледяными панцирями.

— Быстрее! — поторопил девушку ван Рийн. — Если остальные решили, что мы мертвы, то они могут улететь без нас!

Бегом, изнемогая от усталости, они обогнули купол станции. Неподалеку стояли два грузовых корабля, залитые лунным светом. Рядом стояла роскошная космояхта ван Рийна. Вокруг валялись несколько мертвых шанга — по-видимому, беглецам пришлось сражаться.

Трапы всех трех кораблей были подняты, люки задраены. Дружно взревели двигатели.

— Эй! — заорал ван Рийн, вырвавшись вперед. — Вы, тупоумные трусы, подождите меня!

Первой взлетела яхта и, подобно молнии, умчалась в небо. Воздушная волна сбила ван Рийна с ног. Затем поднялись грузовые корабли, и торговец покатился по земле, а затем замер в неподвижности.

Джойс поспешила к нему.

— Что с вами? — воскликнула она. Конечно, ван Рийн был отвратительным и неотесанным стариком, но девушку охватил ужас при мысли, что она может остаться совсем одна на этой чужой, враждебной планете.

— О-о-о... — простонал ван Рийн. — Святой Дисмас! Я преподнес тебе дар — новый цветной витраж в домашней часовне. Как бы я хотел сейчас швырнуть в него камень!

Джойс взглянула вверх. Космолеты, сверкнув словно звезды, исчезли.

— Они не заметили нас, — тускло сказала она.

— Спасибо, что объяснили, — буркнул ван Рийн.

К ним подошел озабоченный Уулобу.

— Шанга в своем лагере слышали шум, — сказал он. — Они скоро придут сюда и найдут нас. Надо бежать.

Ван Рийн понял его и без перевода. Он ощупал себя, словно удостовераясь, все ли цело, а затем с кряхтением встал.

— Пошли, возьмем флиттер, — предложил он.

— Вездеходы лучше подойдут, у них гораздо больший запас хода, — возразила Джойс. — Нам нужно продержаться, пока не вернется какой-нибудь корабль.

— И все время эти искусанные термитами туземцы будут охотиться на нас? — проворчал ван Рийн. — Прекрасно, замечательно!

— Мы пойдем на запад и найдем мое племя, — сказал Уулобу. — Не знаю, где сейчас мое Авонго, но другие кланы орды Рокулэло должны находиться между Узкой Землей и Бесплодной областью.

Они вошли в машинную секцию. Джойс содрогнулась, наткнувшись на чье-то тело. Неужто она действительно кого-то убила?

Вездеходы имели прямоугольную форму и гусеничный ход. Аккумуляторы оказались заряженными, их энергии могло хватить на несколько тысяч километров движения по бездорожью. В кабине более года могли поддерживаться условия, комфортные для людей. Здесь также находились регенераторы воздуха, запас продовольствия на два месяца для шести человек, койки,

кухня и туалет, карты этого района планеты, навигационное оборудование, приемник и передатчик.

Ван Рийн протиснулся через незапертую дверь и уселся на сиденье водителя. Джойс пристроилась рядом с ним. Уулобу также забрался в кабину, но у него закатывались глаза и дрожали усы. Только Старейшины любили ездить на таких машинах. Во время дальних поездок, когда в кабине устанавливались земные условия, туземные проводники и охранники размещались на крыше и переговаривались с членами экипажа по интеркому. Таким образом была исследована обширная территория, сделано немало открытий, разработана программа помощи этому миру. А теперь...

Массивная рука ван Рийна осторожно касалась приборов на панели управления.

— В своей компании я предпочитаю в любом деле использовать специалистов, — проворчал он. — Я вам не какой-то ворюга или проходимец! Но иногда приходилось... гм-м... заимствовать у конкурентов кое-что, и я должен знать как... а!

Он уверенно защелкал тумблерами, и машина ожила. Чтобы не греметь гусеницами, ван Рийн задействовал воздушную подушку и повел вездеход к воротам.

Но их уже обнаружили. Четверо шанга выскочили им наперез из соседних дверей. «Их, должно быть, в куполе не менее сотни», — с тревогой подумала Джойс.

Ван Рийн ухмыльнулся.

— Хотите поиграть в веселую игру? — спросил он у девушки.

Нащупав выключатель фар, торговец нажал на него. Вспыхнул яркий луч и высветил на темном фоне фигуру туземного воина. Ослепленный шанга застыл.

На Т'Келе было несколько рас, но не больше, чем на Земле. Приземистая фигура воина имела рост около полутора метров. Его организм обладал способностью извлекать и сохранять любую жидкость, которую можно было разыскать на этой почти высохшей планете. Конечности т'келанца были похожи на чело-веческие, только четырехпалые, с толстыми синими ногтями. Ярко-оранжевая шерсть с темными полосами покрывала все тело целиком. На груди чернел треугольник. Голова была круглой, с заостренными ушами и желтыми кошачьими глазами, с двумя мясистыми щупальцами на лбу, единственной ноздрей, пересекавшей широкий нос, и безгубым ртом, полным острых белых зубов. Воин держал в руках меч в виде отточенного рога и округлый щит, окрашенный в цвета орды Ягола, к которой принадлежал род Шанга.

— Бип, бип, — прогудел ван Рийн и бросил машину вперед.

Воин едва успел отскочить в сторону. Его товарищи попытались напасть на вездеход с разных сторон. Джойс успела заметить во рту одного из них костяной свисток. Шанга никогда не издавали воинственных криков, предпочитая даже во время боя мелодично свистеть.

Копья ударились о борт машины, но через несколько секунд она находилась уже далеко от нападавших. Несясь со скоростью сто километров в час, вездеход оставлял за собой хвост пыли.

— Куда теперь? — спросил ван Рийн. — Может, отправимся к ближайшему городу в горах? Вы говорили, что там обитают местные боссы.

— Старейшины? Ни в коем случае! — воскликнула Джойс. — Скорее всего именно они повинны в случившемся.

— Ха! Но почему?

— Не знаю, не знаю. Раньше они казались достойными полного доверия. Ведь никто, кроме них, не мог организовать такое нападение. Но почему, почему? У нас никогда не было врагов ни в одном из кланов. Как только мы разобрались с их биохимией, то сразу же наладили синтез медикаментов и снабжали ими аборигенов. Мы никогда не отказывали им в помощи, никогда!

Джойс вдруг обнаружила, что кричит. Замолчав, она сжала ладонями шлем и попыталась взять себя в руки.

— Ну, ну, не раскисайте, — сказал ван Рийн и дружески похлопал ее по плечу. — Вы храбрая и хорошенькая девушка. Успокойтесь и будьте, пожалуйста, повеселее.

2

Вездеход остановился, отъехав километров сто от купола. Была глубокая ночь, и беглецы решили разбить лагерь. Уулубу выбрался наружу со спальным мешком, а в кабине создали земные условия. Сняв защитные костюмы, двое беглецов растянулись на койках. Джойс настолько устала, что даже не слышала могучего храпа ван Рийна.

Пробудилась она с рассветом. Красное солнце, поднимающееся на востоке, цветом напоминало гаснущие угли костра. Размером оно было не менее половины диаметра Солнца, каким оно видится с Земли, или Мира — если глядеть с Эсперансы. Свет его был тусклым, густые тени лежали в каждой щели или углублении, а горизонт терялся во тьме. Небо было пурпурного цвета, безоблачное, но на юге развевались плюмажи пыльных бурь. Вокруг расстилалась голая полупустыня, усеянная булыжниками, а на севере виднелись сверкающие ледники. Мимо пролетел крупный хищный ящер, размахивая кожистыми крыльями, покрытыми редкими перьями.

Джойс села на койке, ощущая боль во всем теле. Вспомнив о случившемся, она едва не расплакалась. Хотелось вновь забраться под одеяло и уснуть. И спать до тех пор, пока спасение не придет — если оно когда-либо придет.

Она заставила себя встать, пойти в душ умыться и переодеться в брюки и блузку. Освежившись, почувствовала голод. Вернувшись в кабину, Джойс начала готовить завтрак.

Запах кофе разбудил ван Рийна.

— А-а-ах! — зевнул он, потянувшись. Ему не хотелось вылезать из теплой постели. Выставив руку, он схватил с подноса дымящуюся чашку. — Молодчина! — похвалил он, но сразу же подозрительно принюхался. — Почему без бренди? После всех передраг мне нужно бренди!

— Вездеходе нет спиртных напитков, — возразила она.

— Что?! — Некоторое время торговец не мог вымолвить ни слова, изумленно уставившись на девушку. — Нечего выпить? Но почему? Почему? Это сверхнаглость. Кто ответствен за это? Дьявол, я позабочусь, чтобы его выкинули из Лиги с волчьим билетом.

— У нас есть кофе, чай, молоко и фруктовые соки, — сообщила Джойс. — Воду будем получать, растапливая наружный лед. Химические фильтры удалят из нее аммиак и прочие примеси. Никто не имеет права брать в экспедицию спиртные напитки, фримен ван Рийн.

— Имеет, если он цивилизован, как я, — возразил толстяк. — Проверю-ка я сам запасы продовольствия. — Он стал рыться в ближайшем контейнере. — Сухое мясо, сухие овощи, сухое... Смерть и разрушение! — возмущенно завопил он. — Нет даже ни одной банки икры! Вы решили уморить меня голодом?

— Скажите спасибо, что до сих пор живы.

— Да, жив, но в каких чудовищных условиях! Ага, у кого-то хватило мозгов положить сюда сигареты...

Ван Рийн разорвал несколько сигарет и набил табаком трубку, которую достал из кармана. Когда он разжег ее, Джойс с отвращением поморщилась и отправилась на кухню, где принялась греметь тарелками куда сильнее, чем это было необходимо.

Сидя у откидного столика возле широкого окна, ван Рийн с трудом глотал овсяную кашу и разглядывал невзрачный пейзаж снаружи.

— Уф, что за кошмарное место! Похоже на ад с потухшими печами. Сколько времени вы здесь мучаетесь?

— Около года. Работаю биотехником. А сама эсперанская миссия была здесь основана несколько лет назад.

— Да, я знаю. Хотя еще толком не разобрался, что вы здесь успели натворить. Если помните, дорогуша, я нахожусь здесь всего лишь несколько дней, и у меня не было времени во всем разобраться. К тому же у меня было немало своих дел.

— Я очень удивилась, когда вы прилетели. Вы ведь занимаетесь пряностями и напитками, верно? Не понимаю, что вас могло заинтересовать на этой планете. Пища здесь отвратительна на вкус, потому что в ней отсутствуют некоторые необходимые для людей аминокислоты.

— Моя компания торгует с кем угодно и чем угодно, — пояснил ван Рийн. — Недавно один мой служащий раскопал в архивах доклад экспедиции, впервые обнаружившей эту планету пятнадцать лет назад. Дьявол и ад, мы постоянно отстаем от событий! Так вот, в том докладе упоминалось вино, которое производят туземцы.

Джойс кивнула, с уважением взглянув на ван Рийна. Только подумать, этот грузный старик одолел пол-Галактики из-за какого-то вина!

— Да, — сказала она, — это вино называется «кунгу» и пользуется спросом в большинстве кланов этого полушария. Кстати, их нельзя считать дикарями, хотя они не знают земледелия и предпочитают оставаться кочевниками. Но они все же выращивают кое-какие растения, дающие съедобные ягоды и прочные волокна. Перед очередным переселением они засевают небольшой участок земли, а несколько месяцев спустя возвращаются для сбора урожая.

— Так я и думал, — усмехнулся ван Рийн. — Кочевники, черт бы их побрал! Но вино у них недурное, а главное, оно пришлось по нраву гуманоидам с Торы. Если помните, именно они впервые обнаружили Т'Келу. Торяне захватили с собой семена растений, из которых изготавливается кунгу, но они не прижились в иных условиях. Они вообще нигде не прижились! Оказывается, такой мерзкой планеты, как Т'Кела, нет в этом секторе Галактики. И тогда я сказал себе: «Старина Николас, есть шанс завязать торговлю с Торой и неплохо нажиться на этом». Конечно, следовало направить сюда какого-нибудь молодого и толкового служащего, да где такого найти на Земле! Пришлось лететь в этот аммиачный ад самому. О, как горько быть одиноким, милая фриледи! — Его волосатая ручища выразительно легла на руку девушки.

— Уулубу возвращается! — воскликнула она и, высвободившись, вскочила на ноги. «Как раз вовремя», — добавила она про себя.

Т'келанец бежал по равнине, держа на плечах убитое небольшое животное. Он был одет иначе, чем шанга: на нем

красовалось ожерелье из окаменевших раковин и свободная юбка с гербом клана Авонго орды Рокулэло. На его поясе висел бурдюк, наполненный жидкостью.

— Похоже, он отыскал источник аммиака, — громко сказала Джойс, заметив, что ван Рийн встал из-за стола и собирается вновь подойти к ней. — Вы знаете, туземцы используют для этого щупальца на лбу. Эти щупальца чувствительны даже к минимальному содержанию паров аммиака в атмосфере. Этот мир невероятно сух, если не считать огромного количества льда. Везде на этой планете вы встретите ледники, и порой они занимают сотни квадратных километров. И все потому что температура здесь не выше сорока градусов мороза по Цельсию. Но этот лед смертельно опасен для местных видов живых существ.

Ван Рийн понимающе усмехнулся и повернулся к окну. Улобу добежал до вездехода и сказал в интерком:

— Небесная женщина, я обнаружил следы охотников, ведущие на запад, к Лубамбару. Это могут быть только люди из орды Рокулэло. Думаю, мы без труда отыщем их. Я раздобыл мяса и собираюсь утолить голод.

Он принялся собирать хворост для костра.

— Что он сказал? — спросил ван Рийн. Джойс перевела. — Так. И что за польза нам от союза с дикарями? Нам нужно дождаться прибытия помощи.

— Если она придет, — поежившись, возразила Джойс. — Когда о случившемся узнают на Эсперансе, сюда, конечно, пришлют разведывательную экспедицию. Но они и не подозревают, что мы живы, и вряд ли будут торопиться.

— Мои люди поторопятся, — заверил ее ван Рийн. — Я имею кое-какой вес в Торгово-технической Лиге, черт побери! Не позднее чем через месяц сюда направится военный корабль, можете не сомневаться.

— О, замечательно! — сказала Джойс.

Успокоившись, она вновь села.

— Конечно, они не смогут обыскать всю планету, — продолжал вслух размышлять ван Рийн. — Они знают, что я находился в районе этого проклятого Кузулонго. Я думаю, что эти Престарелые или Старцы, или как вы там их называете, сумеют заморочить головы моим людям какой-нибудь правдоподобной историей. Потому нам не следует удаляться от разгромленной миссии слишком далеко. Предел действия радиопередатчика здесь невелик, вследствие сильной ионизации верхних слоев атмосферы. Гм-м... К врагам также нельзя приближаться, иначе они будут днем и ночью охотиться за нами, устраивать ловушки, бросать бомбы или что-нибудь в этом роде. Так или иначе они в конце концов сумеют с нами разделаться, даже если

мы не будем вылезать из машины. Хм-м... Пожалуй, нам действительно стоит направиться на поиски дружественных нам шанга.

— Но мы не сможем заставить их воевать с другими туземцами! — возразила Джойс.

Ван Рийн подкрутил усы:

— Это еще почему?

— Не знаю... Мне кажется, что это будет безнравственно.

— Гм-м... — Торговец некоторое время с насмешкой разглядывал ее. — Вы, эсперансиане, идеалисты, как я слышал. Ваши предки высадились на этой планете, чтобы основать утопическую коммуну, и вы продолжаете это дело, несмотря ни на что, да? Вы помешаны на идее творить добро и даже не задумываетесь о прибыли...

— Да, такова наша политика по отношению к инопланетянам, — согласилась Джойс с чувством гордости за свою культуру. — Помогая другим расам, мы получаем взамен их доброе отношение к нам. Если у Эсперансы будет много друзей, мы станем сильны, влиятельны и свободны от необходимости содержать большую армию.

— Ха, сомнительно, что вы найдете верных сторонников здесь, на Т'Келе!

— Да... похоже, что вы правы... Туземцы — настоящие варвары. Но ведь и человек начинал как хищный примат, верно? К тому же т'келанцы имели некогда довольно развитую культуру. Они выращивали злаки, разводили скот. Город Кузулонго — реликт этой почти исчезнувшей цивилизации. Ледяной период уничтожил ее, и повсюду воцарились дикость и варварство. Но если им помочь, передать хотя бы часть нашей технологии, то т'келанцы смогут вновь возродить цивилизованное общество.

— Замечательно, превосходно! Исключая то, что эти змеи, сидящие на четвереньках, вовсе не хотят этого.

Джойс задумалась, пытаясь представить, как это змеи могут сидеть на четвереньках, а затем кивнула:

— Возможно, вы правы. Но тогда неясно, почему Старейшины так много помогали нам...

— Наверное, этому есть какое-то объяснение, — снисходительно сказал ван Рийн, погладив Джойс по голове. — Оставьте философию мне, девочка. Вам надо только готовить побольше вкусной еды и оставаться такой хорошенькой.

Улобу между тем разжег костер и бросил в него глаза убитого животного. Его заунывная молитва доносилась до них даже сквозь стенки машины. Ван Рийн прищелкнул языком.

— Не очень-то веселая перспектива, — сказал он. — Возможно, вы сумеете передать им свою технологию. Но я пред-

почел бы, чтобы их копыя не имели наконечников из закаленной стали. — Он вновь разжег трубку и уселся рядом с Джойс. — Я хотел бы разобраться в ситуации, девочка. Объясните мне, что здесь происходит, черт побери! Кое-что я слышал, но не вредно будет и повториться. — Торговец дружески потрепал ее по колену. — К тому же пока вы будете говорить, я смогу наслаждаться видом ваших сладких губок...

Джойс принесла торговцу еще одну чашку кофе, а затем села подалее от него. Она постаралась говорить спокойно:

— Начну с того, что это не совсем обычная планета, но не по физическим параметрам. Удивительно другое: у звезды-карлика типа М редко встречаются планеты с массой, на сорок процентов превышающей земную...

— Так много? Вероятно, этот карлик имеет низкую плотность и в его недрах содержится мало тяжелых элементов.

— Да, звезда очень стара и во время формирования планетной системы имела в своем составе слишком мало тяжелых элементов. Собственная плотность Т'Келы — всего 4,4, хотя здесь есть немного железа. И жизнь на таких планетах, как правило, развивается медленно. Солнце излучает очень мало ультрафиолетовых лучей, необходимых для синтеза органических элементов. Тем не менее жизнь все равно возникла, но не на поверхности, а в океанах жидкого аммиака.

— Понятно, — кивнул ван Рийн. — В таких случаях фотосинтез происходит на основе аммиака и двуокиси углерода, а в результате образуется углеводород и азот, которым здесь и дышат живые существа. — Ван Рийн с довольным видом постучал себя по лысому лбу. — Кое-что сохранилось в этой старой башке, верно? Но почему эволюция здесь протекает не так, как на соседней Торе?

— Никто не может толком это объяснить. Возможно, здесь существуют какие-то катализаторы. Однако факт, что даже при таких низких температурах какой-то процент воды остается в океанах, входя составной частью в молекулы гидроокиси аммония. Клетки растений на Торе и на Т'Келе содержат аналог хлорофилла, который связывает газообразную двуокись углерода и воду, разлагая их на углерод и свободный кислород. Живые организмы совершают противоположный процесс, почти так же, как и на Земле. Однако они не теряют воду, напротив, она удерживается в их тканях особыми молекулами. Когда организм погибает и разлагается, его составные вещества усваиваются растениями. Во всех мирах, подобных этому, вода играет роль азотных органических веществ на планетах земного типа.

— Но свободный кислород, выделяемый растениями, должен разлагать аммиак!

— Да, это медленный процесс, главным образом потому, что твердый аммиак плотнее жидкого. Он опускается на дно озер и океанов, которые защищают его от действия кислорода воздуха. В атмосфере постоянно происходит конвекция, и путем последовательных реакций аммиак и кислород образуют азот и воду. Из-за низких температур вода замерзает, моря сокращаются в размерах, воздух становится все беднее кислородом и суша расширяется. Так могло произойти и на Торе, но там появились бактерии, связывающие азот. Они-то и остановили наступающую засуху много миллионов лет назад. Торе повезло. Она несколько больше Т'Келы, атмосфера ее плотнее и потому сохраняет больше тепла. На таких планетах парниковый эффект зависит от наличия двуокиси углерода и аммиака.

Несколько тысяч лет назад на Т'Келе произошла катастрофа — планета потеряла огромное количество аммиака, и действие парникового эффекта ослабело. Температура снизилась, и большая часть оставшегося аммиака замерзла и опустилась на дно океана, где он оказался надежно защищен от таяния. В результате климат стал еще более холодным, так что теперь уже и двуокись углерода сжигается и даже замерзает, по крайней мере зимой. В атмосфере осталось очень мало водяных паров, и парниковый эффект едва заметен.

В результате этой климатической катастрофы растительность сильно пострадала, поскольку ей не стало хватать двуокиси углерода и аммиака. Стала хиреть и животная жизнь, огромные участки суши превратились в пустыни. Я уже говорила, что из-за этого погибла вся культура земледелия т'келанцев. Но хуже всего то, что исчезли бактерии, связывающие азот. Эволюция, конечно, пыталась приспособить местные организмы к этим изменениям, но они происходили слишком быстро. Мы считаем, что все обитатели Т'Келы, в том числе и туземцы, обречены на вымирание. Через десять тысяч лет здесь вообще не останется жизни!

Замолчав, Джойс в который уже раз испытала потрясение от этой картины погибающего, беспомощного мира. Ван Рийн отнюдь не испытывал подобных эмоций и все же изобразил на лице сочувствие и мягко спросил:

— У вас есть какая-то программа спасения Т'Келы?

— О да! Мы полностью завершили исследования и были уже готовы вызвать наших инженеров, чтобы начать работы. Основная задача — восстановить среду бактерий, связывающих азот. В лабораторных условиях был создан чрезвычайно продуктивный штамм. Но он сможет выжить здесь только при значительном изменении экологической обстановки. Мы решили растопить ледники и провести электролиз воды. Кислород, высво-

бодившийся при этом, должен обогатить атмосферу. Т'Кела богата нефтью, при ее сгорании выделяется двуокись углерода, что значительно усилит парниковый эффект. Для проведения электролиза в таких масштабах мы собирались построить множество атомных электростанций.

— Огромная работа, — задумчиво сказал ван Рийн. — И очень, очень дорогостоящая. И все для того, чтобы местные дикари вновь занялись земледелием и начали применять железные наконечники копий вместо каменных? Замечательно, бесподобно!

— Да, это самый масштабный проект, когда-либо задуманный на Эсперансе, — с гордостью сказала Джойс. — Все было тщательно продумано, и снаряжение подготовлено. Мы были уверены в успехе эксперимента!

— Если только туземцы сами не проведут эксперимент над вашими инженерами — за обеденным столом, — хохотнул ван Рийн.

Джойс вздохнула, склонив светловолосую голову.

— Вы правы, их враждебность делает наш план невыполнимым, — грустно сказала она. — Нам необходима поддержка всех жителей Т'Келы и их помощь. Вот почему мы и основали миссию рядом с городом Кузулонго — он контролирует почти четверть планеты! Мы думали, что местные туземцы — наши друзья, но... Что же делать?

Ван Рийн задумчиво покусал губы, глядя в окно вездехода.

— Пожалуй, следует отыскать соплеменников Уулобу и разузнать у них кое-что, — предложил он.

3

Машина быстро продвигалась вперед, несмотря на то что местность была неровной. Неожиданно Уулобу что-то прокричал. Через смотровое стекло они увидели, как туземец высунулся из-за ветрозащитного козырька и указывал на север, в сторону большого облака пыли.

— Шанга перегоняют животных, — сообщил Уулобу. — Правьте туда, беснесте люди.

Джойс перевела его слова, и ван Рийн развернул вездеход.

— Я думаю, они занимаются только охотой, — сказал он. — Там стадо?

— Люди из орды Рокулэло находятся в своем развитии где-то посреди между монгольскими пастухами древности и американскими охотниками на бизонов, — объяснила она. — Правда, они так и не одомашнили изиру и бамбало полностью. Когда-то, до ледникового периода, этих животных специально разводили

т'келанцы, но сейчас скудная земля уже не может прокормить большие стада. Теперь туземцы лишь контролируют миграцию животных и защищают их от хищников.

— Гм-м... а что представляют из себя эти орды?

— Это трудно объяснить. Ни один человек так и не смог до конца разобраться в их структуре. Не потому, что психология т'келанцев непостижима для людей — просто наша миссия была слишком занята планетографическими исследованиями, и на остальное просто не хватало времени. Слова «прайд», «клан», «орда» — это лишь приближенный перевод туземных терминов и скорее всего неточный. Также и Т'Кела — это не истинное название этой планеты. Т'Кела на языке кузулонго означает «эта земля».

— Хорошо, не надо забивать мой старый бедный мозг всякой чепухой. Но послушайте, фриледы Дэвидсон... Кстати, я могу называть вас просто Джойс? — льстиво спросил ван Рийн. — Мы с вами находимся в одной лодке, плыть или тонуть придется вместе, хотя для того и для другого здесь маловато воды. Есть смысл стать друзьями, а не читать друг другу утомительные лекции. — Толстяк протянул к ней руку: — Можете звать меня просто Ники.

Девушка отодвинулась.

— Я не могу запретить вам называть меня так, как вам хочется, фримен ван Рийн, — ответила она ледяным тоном.

— О-ох, такая молодая и такая неприветливая! Видно, придется мне, бедному старцу, и дальше в одиночестве доживать свои дни. И тратить свои деньги, немалые деньги... — Ван Рийн с надеждой взглянул на девушку и вздохнул. — Кстати, почему на этой несчастной планете не оказалось ни одного ящика пива? Всего только один ящик, и я хотя бы на час или два смог бы погасить пожар в моем желуд... я хотел сказать, в душе. Разве я так много требую, спрашиваю я вас?

— Ничем помочь не могу, — сухо ответила Джойс.

Дальше они ехали в молчании.

Вскоре они достигли стада изиру — горбатых и острохвостых животных, похожих на земных коров. Джойс оценила их число в несколько тысяч. При той редкой растительности, которая покрывала предгорья, они должны были в поисках корма преодолевать много километров в день.

Двое туземцев издали заметили вездеход и направились к ним навстречу. Они ехали на бесаи, напоминавших больших антилоп с мордой как у тапиров и одним-единственным рогом. Туземцы были одеты так же, как Уулобу, но вместо ожерелья из раковин у них были медальоны из кожи. Ван Рийн остановил машину, и туземцы подъехали ближе. Оружие они

держали наготове, луки их были натянуты, короткие копья подняты.

Уулобу прыгнул с машины и подошел к соплеменникам, вытянув вперед руку.

— Удачи в охоте, силы, здоровья и потомства, — традиционно приветствовал он их. — Я Уулобу, сын Толы, клана Авонго орды Рокулэло, и теперь сопровождаю людей с неба.

— Вижу, — холодно ответил старший седой воин. Младший воин презрительно усмехнулся и поднял лук. Уулобу схватился за томагавк. Старший сделал примирительный жест, и Уулобу слегка расслабился.

Ван Рийн внимательно следил за этой сценой.

— О чем они говорят? И что означают эти дурацкие жесты оружием?

— Лучник оскорбил Уулобу, — с горестным видом объяснила Джойс. — Он предложил нашему другу спрятать томагавк, пока не закончится беседа. Это говорит о том, что они не считают Уулобу достойным уважения.

— Ах так... Грубые, неотесанные люди. Неужели даже внутри одной орды нет гарантированного мира? Но почему они так пренебрежительно относятся к этой обезьяне... то есть к нашему молодому другу? Разве те, кто служат нам, недостойны уважения других дикарей?

— Боюсь, что нет. Я спрашивала об этом однажды Уулобу. Кстати, это единственный туземец, с кем у меня сложились доверительные отношения.

— Да? И как же вы добились такого счастья?

— Видите ли, мы спасли его от ужасной смерти. Мы как раз получили лекарство от местной разновидности столбняка, когда он заболел. Понятно, что он испытывает благодарность к своим спасителям, чего не скажешь об остальных шанга. А что касается их отношения к Уулобу... Видите ли, к нам приходили наниматься на службу в основном бедняки. Причины этого различны: либо их изгнали конкуренты с родной земли, либо засуха уничтожила дичь на их охотничьей территории, либо еще что-нибудь подобное. Они поклялись нам в верности... вы сами видели, как они храбро сражались. Но это было делом их чести, а не следствием особой любви к пришельцам из чужого мира. Уулобу — это другое дело, он на самом деле привязан к нам.

— Какая неблагодарность — ведь вы прибыли сюда спасти всех т'келанцев, до единого! — с иронией сказал ван Рийн, а затем побагровел и внезапно заорал: — Черт побери, да у всех вас рыбы головы и мозги макрели! Занялись дурацкой планетографией, а надо было начинать с исследования психологии аборигенов. Протухшие, провонявшие макрелью головы...

Ван Рийн едва успокоился, а затем потребовал продолжать перевод.

— Пожилого воина зовут Ньяронга, он глава их прайда, — продолжала Джойс. — Младший — его сын, один из многих. Они принадлежат к клану Гангу орды Рокулэло. Формальности приветствия соблюдены, и туземцы приглашают нас в свой лагерь. Они по-своему гостеприимны, но прежде всего стараются удостовериться, что у гостей честные намерения.

Всадники отъехали, и Уулобу вернулся к вездеходу.

— Мои соплеменники спешат, — сказал он по интеркому. — Сегодня солнце вспыхнет, а до укрытия еще далеко. Нам лучше следовать за ними на некотором расстоянии, чтобы не напугать животных.

Он взобрался на крышу вездехода. Джойс перевела его слова ван Рийну, и тот двинул вездеход вперед.

— Вы должны еще о многом рассказать мне, фриледы, — потребовал торговец, сурово сдвинув брови. — Для начала объясните поподробнее, почему туземцы так пренебрежительно относятся к тем, кто работает в вашей миссии?

— Хорошо... Уулобу говорил, что все, кто нанимается к нам, не имеют своей земли. По той или иной причине, о которых я уже говорила, они потеряли охотничьи территории своих предков. Престиж их в глазах соплеменников упал почти до нуля. Еще хуже для наших помощников то, что мы не позволяем им участвовать в схватках клана с врагами. Поэтому широко распространено мнение, что все наши друзья-туземцы — трусы.

— Воинственная культура, да?

— Нет... здесь какой-то парадокс. У них нет войн и даже кровной мести в нашем понимании. Стычки происходят постоянно, но в них принимает участие слишком мало туземцев. Неясно, чем это вызвано — может быть, особой политической организацией? Но подобное происходит и в других районах Т'Келы, где племена организованы совсем по другому принципу, чем орды.

— Рассказывая, не будете ли так любезны приготовить мне небольшой четырехслойный сандвич?

Джойс недовольно поморщилась, но все же пошла к кухонному столу.

— Как я уже говорила, у нас не было времени проводить ксенологические исследования даже в районе миссии, — продолжила она. — Но мы знаем, что основной общественной единицей на планете является прайд. Его состав определяется соотношением полов. Обычно на одного мужчину приходится три женщины. Все мужчины, а также бездетные женщины участвуют в охоте, хотя с другими т'келанцами сражаются только

мужчины. Маленькие... гм-м... дети помогают в работах по лагерю. То же делает вдова отца главы прайда, если она есть. В такой прайд входит около двадцати туземцев. Это максимальное количество, способное прокормиться на территории, которую можно обойти за день пешком. Увы, планета слишком бедна.

— Ха, это я и сам вижу, — проворчал ван Рийн. — Нет даже одного-единственного ящика с пивом! Но вернемся к этим грязным туземцам. Кроме прайдов у них есть и более крупные общественные единицы, не так ли?

— Самые отсталые аборигены объединяются только в прайды, но сообщество Кузулонго — так мы называем туземцев из местной орды — имеет более сложную структуру. Десять или двенадцать прайдов образуют то, что мы называем кланом. Входящие в него туземцы происходят от одного общего предка. Они контролируют большую территорию, по которой следуют за своими полудикими стадами. Кланов организуются в орды, каждая из которых ежегодно собирается в каком-нибудь традиционном для них оазисе. Там они обсуждают различные вопросы, торгуют и заключают браки между юношами и девушками. Здесь же разрешаются споры — судом или схваткой. Среди кланов часто происходят стычки из-за вопросов чести или из-за более практических проблем, например по поводу источников аммиака. Орда — это замкнутое сообщество, браки заключаются только среди его членов. У каждой орды своя одежда, обычаи, боги и прочее.

— Между ордами не бывает войн?

— Нет, если не считать ужасных стычек во время миграций орд. Но войн нет, так же как нет и армий — туземцы попросту не способны их содержать.

— Хм-м... сомнительно. Похоже, здесь-то и зарыта собака. Когда мужчины намерены воевать, то они не заботятся, хватит ли у них пищи. Ключ к нашим проблемам, возможно, лежит где-то рядом — только надо разыскать его и научиться им пользоваться.

Джойс недоуменно взглянула на него и продолжила:

— Э-э... все дело в Старейшинах, которые улаживают военные конфликты. Кроме того, они разрешают большинство споров между ордами по другим вопросам.

— Ах да, эти умники-разумники на горе... Расскажите о них, девочка.

Джойс приготовила четырехслойный сэндвич и протянула его ван Рийну. Тот стал шумно жевать, глядя в окно. Мимо проплывали редкие кустарники и валуны. Впереди неслось облако пыли, расцвеченное красным карликом. Впереди него

метались всадники, пытаясь то здесь, то там разнять дерущихся животных. На горизонте возвышался ледяной хребет Лубамбару, вершины которого сверкали на фоне тусклого неба.

— Старейшины — это реликт былой цивилизации, — сказала она. — Они сохранили крупницы знаний и держатся за оседлый образ жизни в городе, в то время как остальные туземцы давно превратились в кочевников. У Старейшин совсем иная психология, и они отличаются редкой скрытностью.

— Кто же их кормит? — спросил ван Рийн, с чавканьем доедая сандвич.

— О, Старейшины выполняют обязанности, требующие специальных знаний. Среди них есть писцы, врачи, искусные металлурги, ткачи и изготовители пороха. Его используют главным образом для фейерверков, хотя у них есть и несколько пушек. Остальные туземцы считают их колдунами, в основном потому что они могут предсказывать вспышки на солнце.

— И до вчерашнего дня эти умники-разумники были настроены к вам дружески?

— Нам казалось, что да. На самом деле они, вероятно, тайно готовили нападение на нас. Они явно подкупили шанга и снабдили их пороховыми зарядами для взрыва стен купола. Но все же я не могу понять — почему? Казалось, они поверили в то, что мы хотим спасти их расу!

— Возможно, они поначалу просто не оценили всех последствий вашего вмешательства, — заметил ван Рийн. Кончив жевать, он удовлетворенно рыгнул, стал ковырять ногтем в зубах, а затем замолчал задумавшись.

Через некоторое время ван Рийн с грохотом ударил по панели управления вездехода. Джойс вздрогнула от неожиданности.

— Черт побери, подходит! — взревел он.

— Что именно?

— Но мне пока неясно, как обернуть это нам на пользу... — пробормотал торговец.

— О чем это вы?

— Помолчите, фриледы...

Ван Рийн вновь вернулся к своим мыслям, предоставив вести машину автоводителю.

К вечеру на горизонте появился лес, покрывавший предгорья Лубамбару. В этом месте протекала аммиачная река, и ее берега выделялись относительно густой растительностью. Деревья здесь были низкорослыми и причудливо изогнутыми, с синими стволами, усеянными колючками и серо-зеленой листвой. Между деревьями росли шаровидные кустарники. Всадники погнали стадо в лес. Оставив на опушке часовых, они двинулись на север. Группу из пятнадцати туземцев вел Ньяронга. В одной

руке он держал копьё, в другой — щит. На поясе висел меч. Его большие желтые глаза внимательно и настороженно оглядывали местность. Сыновья прикрывали группу с флангов, держа луки со стрелами наготове. В центре ехали женщины с мохнатыми детьми на руках. Они отличались от мужчин низким ростом и более приятными чертами лиц. Несмотря на шерстяной покров и постоянную температуру тела, т'келанцы не были млекопитающими: матери отрывали пережеванную пищу для младенцев, еще не имевших зубов.

Ван Рийн направил вездеход по следу туземцев.

— Почему они оставили часовых? — спросил торговец. — Они что, ожидают неприятностей?

— Туземцы всегда держатся настороже, — глухо ответила Джойс, оторвавшись от своих невеселых мыслей. — Я уже говорила, что между различными ордами постоянно происходят кровавые стычки. Судя по всему, всадники вскоре собираются разбить лагерь вместе с другими прайдами своего клана. Поблизости их еще несколько — стада такой величины требуют, чтобы все гангу охраняли его.

— Но вы говорили, что туземцы — охотники, а не пастухи.

— Большую часть времени так оно и есть. Однако, когда на солнце происходят вспышки, многие из изиру и бамбало впадают в панику. Некоторые из них получают такие сильные ожоги, что погибают. Это происходит потому, что в их организмах не выработана защита от мощных потоков ультрафиолетовых лучей. Клань не могут допустить крупных потерь в стаде. Поэтому в сезон вспышек, как сейчас, они загоняют животных на территорию, где имеется тень или укрытие, например в лес.

Ван Рийн презрительно взглянул на опускающийся к горизонту красный диск.

— Вы хотите сказать, что это протухшее яйцо может вспыхнуть, словно факел? Да оно даже бабочке не сумеет опалить крылышки...

— Конечно, если это бабочка — земная. Вы же знаете, что карлики типа М часто вспыхивают и увеличивают интенсивность своего излучения в сотни раз. Ныне содержание кислорода в атмосфере упало так низко, что озоновый слой почти не задерживает ультрафиолетовые лучи. К этому еще добавляется фон космического излучения. Нас с вами это не должно беспокоить, так как человек привык переносить значительно большие дозы радиации, однако для т'келанцев это может быть смертельно.

— Ясно. На этой нищей планете нет даже месторождений радиоактивных минералов, обычно и создающих фон радиации. На Торе, например, вспышки местного солнца радуют туземцев

и они устраивают в эти дни праздники. До чего же не везет этой Т'Келе!

Джойс помрачнела, опустив голову.

— Космос порой бывает очень несправедлив, — тихо сказала она. — Мы на Эсперансе верим: нужно объединиться, чтобы бороться за счастье всех рас Вселенной!

Ван Рийн с сочувствием взглянул на нее:

— Замечательная идея! Жаль только, что люди не годятся для нее. Вы очень хорошая девочка, вам кто-нибудь уже говорил об этом?

Он положил руку на плечо девушки, и она не нашла в себе сил сопротивляться этому — ей было страшно перед лицом надвигающейся солнечной бури.

Через час вездеход достиг лагеря. На поляне вблизи бурлящего аммиачного ручья стояло несколько юрт, покрытых шкурами животных. Возле них горели костры, огонь поддерживали подростки. Женщины готовили на кострах еду, а мужчины лежали неподалеку, не выпуская из рук оружия. Появление вездехода встревожило туземцев, но никто не подумал убежать. Часть мужчин стала прогуливаться вдоль лагеря с нарочито равнодушным видом.

«Или они на самом деле ничуть не удивлены?» — спросила себя Джойс, глядя на несколько сотен нечеловеческих лиц и желтых глаз, на раздуваемую ветром шерсть и сверкающие наконечники.

«Туземцы везде поступают одинаково, — подумала она. — В любом клане, в любой орде, с которыми мы встречались, было всегда одно и то же: сначала интерес к внешнему виду машин, а затем равнодушная вежливость, словно им было все равно, что несут им люди — добро или зло. За все, что сделано для них, они благодарят, но не очень-то сердечно, а порой даже предлагают плату. А вот на свои праздники или обрядовые действия не приглашают никогда. Их дети более непосредственны и попросту бросают в нас камни...»

Ньяронга выкрикнул какую-то команду, и его прайд стал разбивать собственный лагерь. Постепенно вездеход перестал вызывать у туземцев интерес, и они разошлись.

Ван Рийн взглянул на заходящее солнце.

— Дикари уверены, что сегодня будет вспышка?

— О да. Если Старейшины предсказали, то так оно и будет. Это нетрудно сделать, имея закопченное стекло или маленький телескоп. Свет звезды настолько тускл, что легко заметить на ней светящиеся пятна. Любой начинающий астроном может с точностью до дня предсказать вспышку звезды-карлика типа М.

Весть о ней с помощью разнообразных сигналов быстро доносит-ся до самой отдаленной орды.

— Понятно. Наверняка этот метод — один из реликтов древней цивилизации. Точно так же вавилоняне знали о движении планет... Черт побери, кажется, начинается!

Солнце склонилось к западному хребту и почти коснулось его иззубренных вершин. Внезапно тонкий, ярко-красный завиток выплыл из глубин звезды. Животные тревожно закричали, и туземцы немедленно забежали по лагерю. Мужчины схватили своих ездовых животных за уздечки, а женщины потащили детей в юрты.

Огненный протуберанец разрастался и становился все ярче. Кровавый свет разливался по равнине и склонам холмов. Ветер усилился и зашумел листвой деревьев. Испуганные животные бросились в лес или под навесы из шкур, укрепленные на столбах. Одно из изиру помчалось прочь, но воин бросил лассо, сбив его с ног. Двое других мужчин помогли втащить бьющееся от ужаса животное под навес.

Джойс в какой уже раз удостоверилась, что вспышка на солнце терпима для человеческих глаз и их не надо ничем защищать. Тем не менее протуберанец становился все ослепительнее — казалось, солнце кипело и разбрасывало огненные брызги. Хотя Джойс и видела эту картину прежде, но вдруг обнаружила, что сжимает руку ван Рийна. Он хладнокровно затянулся и выпустил облачко дыма.

Уулобу спустился с крыши машины и подошел к Ньяронге. Джойс услышала, как он спросил:

— Могу я помочь чем-нибудь перед лицом главного бога?

— Нет, — с презрением ответил глава прайда. — Иди в юрту к женщинам.

Зубы Уулобу сверкнули, шерсть на спине поднялась. Он схватился за томагавк.

— Не надо! — крикнула Джойс в интерком. — Мы здесь гости!

Несколько мгновений два т'келанца вызывающе смотрели в глаза друг другу. Копье Ньяронги было направлено в горло соперника. Наконец Уулобу отступил.

— Да, мы гости, — глухо сказал он. — Мы еще поговорим с тобой в другой раз.

— С кем — с тобой, безземельным... — Вождь сдержался. — Ладно, между нами мир, и сейчас не время нарушать его. Но мы, гангу, сами заботимся о своих стадах и пастбищах. Никакая помощь от чужаков нам не требуется.

Уулобу с мрачным видом направился к ближайшей юрте.

Вскоре последнее животное было загнано в убежище. Протуберанец между тем превратился в неровное пятно света вокруг солнечного диска. Увеличиваясь в яркости и становясь оранжевым, оно продолжало расти. Ветер все усиливался.

Главы прайдов не спеша прошли к центру лагеря. Они образовали внутренний круг, а снаружи выстроились холостые воины. Ньяронга поднял рог и затрубил. Вверх взметнулись копыта, мечи и томагавки.

Туземцы начали танцевать все быстрее и быстрее, по мере того как усиливалось свечение. Тучи стрел взметнулись к солнцу.

— Что они делают? — спросил ван Рийн. — Изгоняют дьявола?

— Нет, — сказала Джойс. — Они не верят, что такое возможно. Т'келанцы бросают ему вызов и, как обычно, предлагают ему спуститься и вступить в борьбу. Кроме того, для них это не дьявол, а бог.

Ван Рийн кивнул и пробормотал себе под нос:

— Да, так и должно быть... Когда бог отказывается выполнить свои обязанности, его не пытаются подкупить, нет — ему угрожают. Все сходится...

Мужчины закончили танец и направились к своим юртам. Все дверные клапаны были завязаны. Лагерь был пуст, он словно замер под лучами заходящего солнца.

— Ха! — сказал ван Рийн, вскочив на ноги. — Мой скафандр!

— Что? — Джойс удивленно уставилась на него.

— Я хочу выйти. Что вы стоите, словно окаменели, черт возьми! Давайте сюда мой скафандр!

Джойс заставила себя повиноваться. К тому времени когда грузная фигура была наконец облачена в скафандр, солнце уже опустилось до самого хребта и утроило свою яркость. Теперь вспышка уподобилась второму солнцу, не круглому, а продолговатому, в форме языка пламени. Белые длинные тени ползли по равнине, которая приобрела неестественно бронзовый цвет. Ветер поднимал пыль и сухие листья, задувал костры, хлопал полотнищами навесов.

— Когда я дам знак, — сказал ван Рийн, — вы включите интерком на полную мощность, чтобы дикари могли вас слышать. Скажите этим так называемым мужчинам, чтобы они выглянули из юрт и посмотрели на меня, если у них не затрясутся поджилки. И не надо быть слишком вежливой при этом, понятно?

Прежде чем Джойс смогла достойно ответить, ван Рийн уже оказался у шлюза. Он выбрался из вездехода и добежал до центра лагеря, откуда помахал ей рукой.

Джойс облизнула губы. Что еще собирается делать этот идиот? Месяц назад он и не слышал об этой планете. Он не пробыл на ней и недели. Практически всю информацию о Т'Келе он получил от нее за последние десять-одиннадцать часов. И он воображает, что знает, как нужно себя вести?! Если после его выхода толстое брюхо ван Рийна не будет набито стрелами и копьями, то, значит, нет справедливости во Вселенной! Неужели он думает, что она готова погибнуть вместе с ним?!

Возвышаясь огромной глыбой на фоне пылающего неба, ван Рийн снова взмахнул рукой.

Джойс включила интерком на всю его мощность.

— Смотрите, люди гангу, у кого хватит храбрости! Смотрите на мужчину с неба, который бросает вызов гневающемуся богу!

Ее голос глухо разнесся по лагерю. Ван Рийн кивнул. Она прищурилась, чтобы получше рассмотреть, что он собирается делать. Щуриться ей пришлось из-за контрастности, а не из-за яркости света. Излучение по-прежнему составляло всего несколько процентов по сравнению с тем, которое получает Земля. Но вспышки с температурой в миллион градусов и выше принадлежали как раз той части спектра, к которой туземцы были особенно чувствительны. Она подумала, что ультрафиолета маловато даже для того, чтобы покраснела кожа земного ребенка, но вполне достаточно, чтобы нанести смертельные ожоги этим несчастным скитальцам ада.

Ван Рийн вынул из кобуры свой бластер. С нарочитой неторопливостью он несколько раз выстрелил в звезду. Вспышки казались совсем слабыми на фоне разгоравшегося светила. А что же теперь?

— Нет! — закричала Джойс.

Ван Рийн поднял лицевую пластину своего шлема. Он начал гротесковый танец, задрал к небу свой большой нос.

Но...

Торговец закончил представление непередаваемым телодвижением, вновь закрыл свой шлем, выстрелил еще дважды в небо, остановился с поднятыми руками и стоял так, пока солнце не зашло за горизонт.

Вспышка еще некоторое время после захода солнца освещала листву деревьев. Когда наступили сумерки, ван Рийн направился обратно к вездеходу, и Джойс поспешила впустить его. Он снял шлем, отдуваясь и ругаясь на доброй дюжине языков. Иней начал таять на его скафандре.

— Ох! — простонал он. — И нет даже стаканчика виски, чтобы согреть мои старые бедные кости!

— Вы могли умереть... — прошептала Джойс.

— О нет, нет! Николас ван Рийн умрет совсем не так! Я планирую в возрасте ста пятидесяти лет быть застреленным разгневанным мужем, которому я наставлю рога. Холод оказался не слишком велик, а на несколько минут я смог задержать дыхание. Но впустить этот аммиак в шлем! О ужас и налоги! — Он побрел в ванную и начал с фырканьем умываться.

Погасли последние лучи протуберанца. Небо осталось розовым, так что были видны только наиболее яркие звезды. Тяжелые частицы солнечного излучения должны были достичь планеты где-то через час. Один за другим на поляне стали появляться туземцы. Вновь разгорелись костры, выбрасывая в темноту снопы искр.

Ван Рийн вышел из ванной.

— Отлично, я готов, — сказал он. — Теперь надевайте свой скафандр и идите за мной. Мы должны поговорить с ними.

4

Направляясь в круг, образованный темной линией юрт, Джойс вынуждена была прокладывать себе дорогу среди женщин и детей. Она видела отражение огней в их глазах и знала, что они окружены со всех сторон. Успокаивали идущий рядом ван Рийн и шаркающий позади Уулобу.

«Ненадежное прикрытие!» — подумала она, глядя на туземцев, ожидающих их у источника аммиака. Они собрались там, как только увидели выходящих из вездехода людей. Прежде ее взором они предстали сплошной черной массой, неразличимой на фоне леса. Костры с обеих сторон слабо освещали только передний ряд. Время от времени пламя, раздуваемое ветром, полыхало, вверх взлетали искры и вдаль уносились клубы дыма. Иногда она видела обсидиановый заостренный наконечник копья, меч из рога, топор или железный кинжал. Лес за лагерем слабо шелестел; она слышала испуганные крики изиру, блуждающих вокруг в полутьме. Во рту у нее пересохло.

Главы прайдов стояли впереди. Многие из них были совсем молодыми, старики редко встречаются в пустыне. Ньяронга казался самым старшим среди них. Он стоял с копьём в руке, его щупальца дрожали, юбка развевалась по ветру.

Ван Рийн остановился перед ним. Джойс заставила себя подойти поближе и встретила пристальный взгляд Ньяронги. Уулобу присел на корточки возле ее ног. Гомон, словно предвестник бури, прошел среди воинов.

Но ван Рийн невозмутимо ждал, пока наконец Ньяронга не нарушил молчание:

— Почему ты бросил вызов солнцу? Ведь до сих пор ни один небесный человек этого не делал!

Джойс торопливо перевела.

— Скажите ему, — заявил ван Рийн, — что я прибыл сюда совсем недавно. Скажите ему, что другие небесные люди считают ненужным бросать вызов солнцу, но я не согласен с ними.

— Чего вы добиваетесь? — спросила она. — Малейшая ошибка может погубить нас!

— Верно. Но бездействие погубит нас наверняка, не так ли? — Он похлопал ее по плечу. — Черт бы побрал эти перчатки! Без них было бы значительно приятнее. Во всяком случае вы должны мне верить, Джойс. Николас ван Рийн не стал бы таким старым и толстым, если бы не умел находить выход из любого положения. Верно? Поэтому переводите то, что я говорю, и произносите резко. Не оскорбляйте их, но говорите жестче. Понятно?

Голос ее дрогнул.

— Да. Сама не знаю почему, но я буду выполнять ваши указания. Если... — Она преодолела страх и повернулась к ожидавшим ответа туземцам. — Этот небесный мужчина, — сказала она, — не из нашего народа, а из более могущественного. Он велел мне сказать, что мы, небесный народ, не позволяем себе бросать вызов солнцу, а он осмеливается это делать.

— Вы никогда не осмеливаетесь? — прервал ее кто-то. — Что это значит?

Джойс стала импровизировать.

— Яркое солнце не вредит нашим людям. Мы часто говорили об этом. Разве никто из вас не слышал этого?

Некоторое время все молчали, потом разукрашенный рубцами одноглазый старец неохотно сказал:

— Я слышал это в прошлом году, когда ты и кто-то из ваших лечили детей моего прайда.

— Теперь вы видите, что это правда, — заметила Джойс.

Ван Рийн протянул руку и схватил ее за локоть:

— Эй, что происходит? Разговаривать должен я, а вы своими глупостями можете все испортить.

Она не позволила себе рассердиться и пересказала ему весь разговор. Он удивился и, извинившись, сказал:

— Прошу прощения, девочка. Вы все прекрасно проделали. Теперь я должен сказать речь. Вы будете переводить каждое мое слово, хорошо?

Он наклонился вперед и, размахивая указательным пальцем перед самым носом Ньяронги, резко сказал:

— Ты спрашиваешь, почему я вышел под пылающее солнце? Чтобы показать вам, что я не боюсь его огня. Я плюнул на ваше солнце, и оно зашипело. Мое солнце может съесть ваше

за завтраком и попросить добавки, черт возьми! Этот ваш маленький уголек дает слишком мало света, чтобы видеть; его не хватает даже на то, чтобы напугать ребенка моего народа!

Т'келанцы загомонили и придвинулись ближе, потрясая оружием. Ньяронга возмущенно ответил:

— Да мы давно заметили, что ваш небесный народ почти слепой!

— Тебе приходилось стоять в свете фар наших машин? Ты ослеп при этом, верно? Ты не продержишься на Земле и минуты. Хлоп — и ты уже маленькое грязное облако дыма!

В ответ Ньяронга сплюнул и сказал:

— А вы вынуждены закрываться от нашего воздуха! А вот осмелишься ли ты глотнуть этот воздух? Кто из вас посмеет?

Гневный ропот пронесся по толпе воинов. Ван Рийн презрительно усмехнулся:

— А ты, осмелишься ли ты глотнуть нашего воздуха? Кто из вас посмеет? Видишь, вы слабее нас!

Молодой высокий мужчина, видимо глава прайда, вышел вперед. Его усы дрожали от гнева.

— Я посмею!

— Отлично! Я дам тебе его понюхать. — Ван Рийн повернулся к Джойс. — Помогите мне справиться с этим проклятым аппаратом для восстановления воздуха. Я не хочу, чтобы в мой шлем еще раз проник аммиак.

— Но... — Она беспрекословно повиновалась, отвинчивая выпускной клапан аппарата, висевшего на спине ван Рийна.

— Направьте ему в лицо, — приказал он.

Вожди стояли неподвижно. Джойс представила, какую боль предстоит испытать туземцу. Она никак не могла поднять шланг.

— Двигайтесь! — заорал ван Рийн.

Она повиновалась, и земной воздух рванулся вперед.

Воин вскрикнул и зашатался. Он тер нос и слезящиеся глаза... Еще мгновение он держался, затем упал на руки окружающих... Джойс закрыла клапан, а ван Рийн сказал:

— Я так и знал. Слишком много кислорода, а в особенности водяных паров. Торианцы не переносят нашего воздуха, и я решил, что и эти парни его не выдержат. Скажите им, что он скоро будет в порядке.

Джойс передала его заверения. Ньяронга ответил:

— Я слышал об этом. Зачем вы показали этому бедному парню, что дышите ядом?

— Чтобы доказать, что мы так же сильны, как и вы, — ответил ван Рийн. Джойс перевела. — Мы еще сильнее. Мы можем загнать вас в вашу конуру, если только захотим этого.

Его слова вызвали дружные вопли. Кое-кто из воинов схватился за оружие. Ньяронга поднял руку, призывая к тишине. Все замолчали. Слышались только отдельные возгласы да вздохи женщин, доносившиеся из темноты. Старый вождь с гордостью сказал:

— Я знаю, что вы владеете оружием, которого нет в нашем мире. Вы обладаете знаниями, которых нам не хватает, и никто из нас никогда не скрывал этого. Но это не значит, что вы сильнее. Т'келанец силен уже потому, что у него имеется лук, который убивает на расстоянии. Мы — охотничий народ, а вы — нет, несмотря на ваше оружие.

— Передайте ему, — приказал ван Рийн, — что я голыми руками справлюсь с их самым сильным бойцом. Так как я должен носить этот костюм, который защищает меня от ударов, он может пользоваться оружием.

— Он убьет вас! — запротестовала Джойс.

Ван Рийн ухмыльнулся. Его голос дрогнул:

— Может быть, тогда вы пожалеете, что не были добры к бедному старику.

— Я не могу позволить вам это!

— Вы должны, черт возьми! — Он схватил ее за руку так сильно, что она сморщилась от боли. — Я знаю, что делаю! — Она передала вызов. Ван Рийн швырнул бластер к ногам Ньяронги. — Если я проиграю, победитель возьмет его, — сказал он.

Джойна воинов выступила вперед. Ньяронга проревел что-то, восстанавливая порядок. Он осматрел всех претендентов по очереди и указал на одного из воинов:

— Это мой сын, Кузалу. Он будет защищать честь прайда и клана.

Т'келанец ростом был ниже ван Рийна, но почти так же широк. Могучие мускулы перекачивались под его шерстью. Он двинулся вперед, сверкая клыками, держа в одной руке томагавк, а в другой — кинжал. Остальные мужчины расступились, образовав широкий круг. Улобу отвел Джойс в сторону, его руки дрожали.

— Я мог бы сразиться с ним сам, — прошептал он.

Ван Рийн поворачивался, как буйвол, а Кузалу кружился вокруг него. Его обезьяньи руки свисали почти до земли. Огонь сквозь лицевую пластину высвечивал резкие черты лица ван Рийна.

Кузалу закричал и со страшной силой метнул томагавк. Левая рука ван Рийна среагировала с невообразимой скоростью. Он поймал оружие в воздухе и дернул его на себя. Шнур, который был привязан к томагавку, натянулся. Кузалу был вынужден податься к своему противнику, и ван Рийн бросился в атаку.

Кузалу увернулся и отпрыгнул в сторону. В правой руке сверкнуло лезвие его кинжала. Ван Рийн перехватил ее своей правой рукой, левой же вновь сильно потянул за шнур. Кузалу упал на одно колено. Ван Рийн завернул ему руку за спину. Все т'келанцы вскрикнули.

Кузалу вывернулся и разрубил шнур. Сплюнув, он что-то крикнул и снова пошел в атаку. Ван Рийн ударил его ногой в живот, отдернул ногу прежде, чем Кузалу успел поймать ее, затем нанес т'келанцу удар ребром ладони по шее.

Кузалу зашатался, но удержался на ногах. Ван Рийн снова увернулся от удара кинжалом. Он отступил. Кузалу мгновение стоял выжидая, затем бросился вперед. Схватка завершилась внезапно — ван Рийн неожиданно перебросил противника через плечо. Тот с грохотом упал. Ван Рийн ждал. У Кузалу оставался еще кинжал, он встал и начал приближаться к ван Рийну. Из его ноздрей струилась кровь.

— О моя дорогая! — пропел ван Рийн.

Кузалу приготовился его ударить, но ван Рийн перехватил его руку, вывернул ее и нажал.

Кузалу закричал. Ван Рийн нажал еще сильнее и сказал:

— Прости пощады.

— Он скорее умрет! — взвизгнула Джойс.

Ван Рийн вырвал нож из ослабшей руки противника и отбросил его в сторону. Удар кулаком в живот — и т'келанец зашатался. Торговец продолжал безжалостно наносить удары, пока тот не упал. Ван Рийн отошел в сторону. Джойс с ужасом смотрела на него.

— Все в порядке, — успокоил он ее, — я же не сильно его побил...

Ньяронга помог сыну встать. Двое воинов увели его. Среди т'келанцев слышались причитания. Ничего подобного Джойс раньше не приходилось слышать.

Ван Рийн и Ньяронга встали друг против друга. Вождь медленно заговорил:

— Ты доказал свою правоту, небесный мужчина. Для безземельного ты дерешься очень хорошо. И ты хорошо поступил, что не убил его.

Джойс между всхлипываниями переводила с туземного. Ван Рийн ответил:

— Скажите: я не убил юношу потому, что в этом не было нужды. Скажите также, что я владею огромной территорией у себя. — Он указал вверх, где на вечернем небе горели звезды. — Скажите ему, что мои охотничьи территории там, черт возьми!

Выслушав его, Ньяронга чуть ли не жалобно спросил:

— Но чего он хочет на нашей земле, какова его добыча здесь?

— Мы пришли помочь...

Джойс остановилась и перевела его вопрос ван Рийну.

— Ха! — сказал он злобно. — Сейчас мы поговорим об индюках!

Он присел на корточки у костра. Отцы прайдов присоединились к нему, их сыновья подошли поближе. Уулобу радостно прошептал Джойс:

— Они принимают нас как друзей!

— Я пришел не для того, чтобы грабить ваши земли и убивать вашу дичь, — еле слышимым голосом сказал ван Рийн. — Нет, я хочу заняться делом, выгодным для обеих сторон. Ясно, что племена должны торговать друг с другом, они же не могут сами производить все необходимое.

— О да, конечно. — Джойс села рядом с ним. — Их отношения с городом построены на принципе «ты мне — я тебе», а вам уже говорила это.

— В таком случае они поймут меня. Скажите им, что старцы из города завидуют нам. Скажите, что они натравили шанга на наш лагерь. Говорите правду, ничего не приукрашивая.

— Что? Но я думала... считала... Разве вы не хотите создать у них впечатление о нашем могуществе? Мы должны признаваться, что спасаемся бегством?

— Ну, скажем, мы совершаем... как это говорится в военных коммюнике... совершаем запланированный отход на заранее подготовленные позиции.

Джойс повиновалась. Щупальца поднялись над головами туземцев, зрачки сузились, а руки потрясали оружием. Ньяронга с сомнением сказал:

— Вы хотите найти у нас убежище?

— Нет, — ответил ван Рийн, — скажите им, что мы пришли предупредить их, потому что, если их уничтожат, мы не сможем заключить с ними выгодную сделку. Скажите им, что шанга захватили в куполе наше оружие и движутся сюда со своими дружественными кланами. На территорию Рокулэло.

Джойс подумала, уж не ослышалась ли она.

— Но мы не... но у нас не было другого оружия, кроме личного! А все личное оружие унесли при отступлении.

— Они что, знают об этом, эти туземцы?

— Но... разве они поверят вам?

— Моя хорошенькая блондиночка, даю вам слово, что они поверят.

Запинаясь, она повторила эту ложь. Реакция была ужасной. Лагерь взорвался. Все забежали, потрясая копьями. Один Ньяронга остался сидеть, но и у него шерсть встала дыбом.

— Это действительно так?

— А зачем иначе шанга нападать на нас с помощью Старейшин? — задал встречный вопрос ван Рийн.

— Вы очень хорошо знаете зачем, — сказала ему Джойс. — Старейшины могли подкупить их, сыграв на суеверии, и, возможно, пообещали им сделать ножи из нашего металла.

— Не сомневаюсь, но вы передадите этому старому дьяволу только то, что сказал я. Переведите ему, что шанга напали на нас ради наших бластеров и что Старейшины снабдили их ножами и порохом. Скажите им, что седобородые на стороне орды шанга... как ее называют?

— Ягола.

— Да. Скажите им, что все кланы шанга движутся на запад и собираются согнать Рокулэло с их земель.

Ньяронга и все остальные, еще сохранявшие спокойствие, слушали Джойс. Война не была в обычаях т'келанцев. Но им были знакомы стычки при переселении племен на новые охотничьи территории. А на умирающей планете такое случалось довольно часто. Когда территория орды становилась совершенно безжизненной, ее обитатели вынуждены были или куда-нибудь переселяться, или умирать с голоду.

— Шанга решили захватить как можно больше земель и при помощи захваченного оружия повсюду установить свое господство.

— Не думаю, что они такие страшные чудовища, — сказал Ньяронга.

— Они такими и не являются. — Джойс по-английски выразила свой протест ван Рийну. — На них нельзя клеветать так ужасно, что...

— Ну, ну, это обычная пропаганда... — успокоил ее ван Рийн. — Предложите Ньяронге, собрав подкрепления, вместе с нами отправиться в Кузулонго и проверить, правда это или нет.

— Вы хотите, чтобы они вцепились друг другу в глотки? Никогда не приму в этом участия! Я скорее умру...

— Послушайте, моя сладкая, пока еще никто не убит. Может, никто и не будет убит. Я все объясню позже. Но сейчас... Мы должны ковать железо, пока оно горячо. Они чрезвычайно возбуждены, так что давайте же примем решение о выступлении. — Ван Рийн приложил руку к сердцу. — Вы думаете, что старый, страдающий одышкой, любящий комфорт, трусливый Николас ван Рийн хочет разжечь на планете войну? Неверно. Удобное кресло, стакан виски, венесуэльская сигара, тихая музыка на борту его яхты и мирное странствие в компании танцовщиц — вот и все, чего он хочет. Разве это много? Поэтому будьте умницей и помогите мне.

В замешательстве она позволила ему делать все, что он задумал. В ту же ночь во все кланы орды Рокулэло отправились вестники.

5

Они выступили в темноте, еще до восхода солнца. В поход двинулись почти все мужчины, а женщины и дети остались в лагере. Все были закутаны в просторные накидки и бурнусы. Бесаи накрыли одеялами, чтобы защитить от ужасной чесотки, которая обычно охватывала животных в это время года. Большинство заряженных после солнечной вспышки частиц попадало на дневную сторону планеты, но магнитное поле Т'Келы было достаточно сильным, чтобы перераспределить выпавшие частицы по всей ее поверхности, в том числе и на противоположной стороне.

Несмотря на защитное снаряжение, отряд двигался довольно быстро. Выглядывая в окно вездехода, Джойс видела тусклое свечение обеих лун, ползущие бесформенные тени и отблески на оружии. Сквозь гул двигателей она слышала, как туземцы окликали друг друга, доносился топот подкованных копыт.

— Видите ли, — начал свою лекцию ван Рийн, попыхивая трубкой, — я в этом мире недавно, но мне приходилось бывать на многих иных планетах и о множестве других приходилось читать в отчетах. Это необходимо для моей работы. Всегда можно отыскать какие-нибудь любопытные аналогии. У меня собралось достаточно данных, чтобы понять образ мышления туземцев. Вы же, эсперансиане, похоже, не обладаете подобным опытом. Как и большинство других колоний, вы находитесь далеко от основных галактических путей и не владеете современными методами освоения планет. Это видно хотя бы из того факта, что вы сразу же, по прибытии сюда, не предприняли психологических исследований. Никогда не поступайте так в будущем, Джойс. Всегда сначала разберитесь, с кем вы имеете дело. Вселенная слишком жестока.

— Вы, кажется, знаете, о чем говорите, Ник, — согласилась она.

Он просиял и поднес к губам ее руку. Она что-то пробормотала о необходимости подогреть кофе и убежала. Ей не хотелось травмировать его чувства — торговец на самом деле был старым и безвредным человеком.

Вернувшись из кухонного отсека, она села рядом с ним на переднее сиденье и спросила:

— Что ж, расскажите мне об образе их мышления. В чем была наша ошибка?

— Вы были уверены, что они подобны воинственным племенам древней Земли, — начал он. — На первый взгляд так оно и кажется. Она разумны, обладают языком, помогают вам и могут с вами разговаривать. Вам показалось, что они вас легко понимают. Но вы забыли, что сознание является лишь небольшой частицей личности. Сознание помогает нам получать то, чего мы желаем. Но наши желания — это потребность в пище, убежище и сексе — идут из глубины. Нет никакой логической причины для того, чтобы стремиться выжить. Но инстинкт требует, чтобы мы продолжали жить, и мы живем. Инстинкты возникли в результате длительной эволюции живых существ. Мы когда-то были животными, и были очень долго, пока наконец не научились думать, — ван Рийн показал глазами вверх, — и не получили в подарок душу. Вы должны были сначала уяснить себе этапы эволюции, пройденные туземцами, чтобы понять... Люди, как говорили мне специалисты, начали эволюционировать, когда площади тропических лесов в Африке сократились настолько, что древние обезьяны — наши предки — стали хищниками. Они стали ходить прямо, на задних лапах, у них освободились передние — появились руки. Когтей и мощных зубов, например, как у львов, у них не было, и потому им пришлось изобретать оружие. Так возникли мы, новый вид — гомо сапиенс, сохранивший хищные инстинкты. Но они у нас довольно поверхностны, мы по-прежнему всеядны и можем выжить, если понадобится, питаясь одной брюссельской капустой. Тьфу! Наши предки некогда были мирными поедателями орехов, задолго до того как со временем стали охотниками. Это до сих пор оказывает воздействие на нашу психику. В отличие от людей, т'келанцы всегда были хищниками. Очевидно, не очень сильными. У них нет мощных когтей и зубов. Поэтому в ходе эволюции у них тоже сформировались руки и выработалось умение изготавливать оружие, а это привело к возникновению разума. Однако у т'келанцев никогда не было вегетарианских предков, как у нас, и их инстинкт убийства гораздо сильнее, чем у нас. К тому же они в сущности не являются общественными животными. Хищники не могут ими стать. Если в какой-нибудь местности появляется слишком много охотников, дичь исчезает, черт возьми! Кофе готов?

— Наверное.

Джойс сходила за кофе. Ван Рийн выпил его, не обращая внимания на то, что кофе был очень горячим, горячим настолько, что любой другой человек обжег бы гортань.

— Я начинаю понимать, — сказала Джойс с растущим воодушевлением. — Поэтому у них и не сформировались нации и они не вели войн между собой. Крупные организации для них

всегда противоестественны и необязательны. Бороться и умирать за орду для т'келанца все равно что человеку умереть... за карточный клуб.

— Гм-м, я не раз наблюдал убийства за карточным столом. Но вы уловили суть. Прайд совершенно естествен здесь, как для человека обычная семья. Клан с его кровными узами лишь на ступеньку выше по общественной иерархии. Он почитается т'келанцами, вероятно, в такой же степени, как человеком — его селение. Но орды? Нет, орды — это что-то слишком далекое и огромное. Конечно, клан или прайд — это еще не государство. Люди тоже устраивают между собой гражданские войны. У т'келанцев сильнее развиты инстинкты борьбы, чем у нас. Драчки хватает, но никто не воспринимает ее слишком серьезно. Вы говорили мне, что здесь нет кровной мести. Это означает, что тот, кто убивает других, не совершает ничего дурного. В сущности тот, кто воин — настоящий мужчина, а тот, кто не убивает и не сражается, кажется им ненормальным.

— Именно поэтому... они не воодушевились нашими планами? Планами эсперанской миссии?

— Отчасти. Дело не в том, что от вас они ожидали опасности. Вы никого не обидели и были даже полезны, поэтому никого не беспокоили. Но они не в состоянии понять ваше поведение. Они считали, что в вас есть что-то ненормальное, и испытывали к вам легкое презрение. Я же доказал, что силен так же, как они, если не сильнее. Это импонирует их инстинктам. Тем самым я заставил их отнестись ко мне с уважением и выслушать меня. — Ван Рийн отставил пустую чашку и взял трубку. — Еще одно обстоятельство, которое вы упустили из виду. Это территория, — сказал он. — Многие животные на Земле обладают инстинктом защищать занимаемый ими участок. И люди тоже. Но у Хищников этот инстинкт гораздо сильнее выражен, потому что они не могут прокормиться на ягодах и кореньях. Их жизнь зависит от добычи. Изгнанные со своей территории, они неминуемо погибнут. Вы же видели, что туземцы, которые не смогли удержать свою территорию, шли к вам, а не искали других земель. Затем вы заявили, что вам не нужна земля. Ха! Они восприняли это как ложь — может, именно в этом и была причина нападения шанга? — или как проявление ненормальной слабости.

— Но разве они не поняли, что мы, даже внешне отличающиеся от них, будем действовать иначе, чем принято на Т'Келе?

— Я думаю, что цивилизованные т'келанцы поняли бы это, — ответил ван Рийн. — Однако вы имели дело с наивными варварами.

— За исключением Старейшин. Я уверена, что они поняли...

— Может быть, это и так. Вполне возможно. Но вы же стали для них смертельной угрозой. Разве вы этого не видите? Они были летописцами, врачами, квалифицированными ремесленниками, специалистами по солнцу — в течение многих веков. Затем пришли вы и стали делать то же самое, только гораздо лучше. Чего же вы от них ожидали?! Что они станут целовать ваши ноги или другие части вашего тела? Вы забыли, что они — хищники. И они начали борьбу.

— Но мы не собирались подменять их!

— Вспомните, — сказал ван Рийн, тыча в нее трубкой, — разум — это всего лишь жалкий слуга инстинкта. Старейшины здесь слабее всех. Они могут выжить лишь в городах. Они не охотятся, поэтому не нуждаются в тысячах квадратных километров. Но это вовсе не значит, что у них отсутствует инстинкт территории. Ха! Они увидели только одно: Кузулонго — их территория и вы хотите выселить их с нее!

Джойс сидела, ошеломленно глядя в ночное небо. Прошло немало времени, прежде чем она смогла возразить.

— Но мы же все объяснили Старейшинам, и я уверена, что они поняли. Мы растолковали, что планета без нашей помощи погибнет!

— Да, да. Но прирожденный боец боится смерти меньше, чем другие существа. К тому же смерть ожидает планету через много тысячелетий. Это для них слишком долгий срок, чтобы пробудить какие-то эмоции. Зато угроза, которую представляли для них вы, оказалась вполне реальной. И вся ваша болтовня о взаимопомощи планет для них ничего не значит. Думаю даже, что они вас просто не поняли. Хищники практически не объединяются, разве что в самом юном возрасте. Для них взаимопомощь не имеет реального смысла, так как у них нет соответствующего инстинкта. Орды ни в коем случае не являются нациями. Альтруизм остается за пределами их умственного горизонта. Ваше милосердие только заставило их относиться к вам с презрением. Старейшины в какой-то степени, возможно, поняли ваши мотивы, но ни в коей мере не разделили их. Вы никогда не сможете организовать этих туземцев, уж скорее вы построите карусель на кольцах Сатурна!

— А вы организовали для них войну! — гневно воскликнула Джойс.

— Нет. Я только дал им общую цель. Они поверили в то, что я им сказал об оружии в куполе. При их образе мыслей это оказалось самым естественным, самым правдоподобным. Конечно, вы использовали бы его при необходимости — все бы так поступили. Но шанга захватили купол слишком быстро, и вы просто не успели пустить его в ход. В результате этого Ягола

организовали заговор против Рокулэло, и это тоже вполне соответствует их образу мыслей.

— Но к чему вы их сейчас принуждаете? — Она больше не могла сдерживать слез. — Штурмовать горы? Они ничего не смогут сделать без Старейшин!

— Смогут, если Старейшин заменят люди.

— Но... но... нет, мы не можем... мы не должны..

— Может, и не придется, — сказал торговец. — Посмотрим. Ну, ну, не расстраивайтесь. Сейчас Ники вытрет вам слезы и высморкает ваш прелестный носик.

Она положила голову ему на руку и разрыдалась.

6

Гора Кузулонго как сказочное чудовище постепенно выростала над равниной. Утес громоздился на утес, между ними были видны осыпи, покрытые ледниками, которые тянулись вплоть до пиков, вырисовывающихся на фоне солнечного диска. Джойс никогда раньше не ощущала так сильно холод и мрак этого мира. Она ехала по тропе, ведущей в город, на однорогом животном, укутанном одеялами, чтобы предохранить его от тепла человеческого тела. Порывы ветра, свистевшего между скал, били словно кулаком и развевали знамя, которое вез на конце копья ехавший впереди Уулобу. Оглядываясь назад, она видела уходящую вниз тропу, а на ней — Ньяронгу и с полдюжины других вождей. Их плащи развевались по ветру, копья подымались и опускались в такт прыжкам животных, цвет их шерсти был неразличим в сумерках, но ей казалось, что она видит жесткое выражение их лиц. Далеко внизу, у подножия горы, осталось их войско — пятьсот вооруженных и разгневанных воинов Рокулэло. Но сейчас они были покрыты пылью. И если она погибнет наверху, они смогут отомстить за нее, а этого она не хотела.

Джойс вздрогнула и направила своего бесаи к соседнему животному, которое пыхтело под тяжестью ван Рийна.

— Наконец-то туземцы следуют за мной, — сказала она, понимая всю нелепость своего замечания. Но ей хотелось что-нибудь сказать, чтобы перекричать ветер. — Слава Богу, вспышка кончилась быстро.

— Да, мы успели вовремя, — ответил торговец. — Всего лишь три дня потребовалось на дорогу от Лубамбару до Кузулонго. Мы движемся гораздо быстрее, чем я ожидал, и к тому же мы собрали немало союзников.

Действительно, события развивались стремительно. После первой же схватки шанга отступили в горы, преследуемые Рокулэло. Атакующие остановились, не желая встречаться с

артиллерией Старейшин. Решили провести переговоры, но Джойс не представляла себе другого исхода, кроме кровопролития. Старейшины могут отпустить их группу назад, как и обещали, могут и не отпустить, но в любом случае ей казалось, что до рассвета множество воинов найдут свою смерть здесь, в горах.

«Увы, — вынуждена была признаться себе Джойс, — теперь я боюсь возвращения на Эсперансу. Что ждет меня там, если я вернусь живой? Десять лет исправительного заключения за развязывание войны!.. Или я убегу с Ники и больше никогда не увижу дома, никогда... никогда...»

Она натянула стремяна, полубессознательно желая сорваться с тропы в пропасть. Ван Рийн поймал ее за плечо.

— Спокойно, — проворчал он. — Нам нужно перехитрить тех, кто наверху. Это будет гораздо труднее и сложнее, чем справиться с варварами.

— А мы сумеем? — спросила она. — Старейшины в силах отразить любое нападение. У них имеются большие запасы. Я уверена, что они могут выдержать дольше, чем мы...

— Если мы заблокируем их на месяц, этого будет вполне достаточно. За это время прилетит корабль Лиги.

— Но они тоже могут послать за помощью. Например, используя для этого гелиографы.

И она указала на одну из решетчатых башен наверху. Ее зеркала тускло сверкали в красном свете солнца. Только т'ке-ланец мог различить другие зеркала, разбросанные по равнинам и холмам в разных направлениях.

— Старейшины также могут послать гонца. Наши линии обороны настолько слабы, что сквозь них способна пройти вся орда Ягола и никто ее не заметит.

— Может, да, а может, и нет. Посмотрим. А теперь не мешайте и дайте мне подумать.

Они ехали дальше в молчании, нарушаемом только свистом ветра. Через час они подъехали к стене, сооруженной поперек тропы. Непроходимые скалы возвышались с обеих сторон. Вход охраняли два примитивных орудия. А возле них стояли с зажженными фитилями четыре солдата из гарнизона. Стражники в кожаных шлемах и нагрудниках, вооруженные пиками и луками, патрулировали стены. В сумерках поблескивало оружие.

Улобу выехал вперед.

— Дайте дорогу могущественному небесному народу, который снизошел до беседы с вашими патриархами! — потребовал он.

— Хампф! — фыркнул командир отряда. — Известно, что небесные люди храбростью напоминают выпотрошенных янгулу!

— Нет, они обладают мужеством разгневанного маково-
ло, — сказал Уулубу. Он провел пальцем по лезвию своего кин-
жала. — Если тебе нужны доказательства, вспомни, кто
пленил Старейшин в их собственных горах?

Воин издал гневный возглас, но потом, овладев собой, ска-
зал:

— Вы можете пройти и будете в безопасности, пока мир
между нами не нарушится.

— Не вздумайте тут трепаться, — резко сказал девушке
ван Рийн. — Мы проедем, возьмем в оборот этих пугал и по-
шлем их туда, куда они заслужили.

Джойс не решилась прервать его. У Ники много хороших
качеств, если бы он еще избавился от своей вульгарности! Но у
него, бедняги, была нелегкая жизнь. Никто не протянул ему
руку дружбы...

Ван Рийн проехал между пушками и стал подниматься даль-
ше вверх.

Тропа вышла на широкую террасу перед городской стеной.
Из бойниц выглядывали дула пушек. Два взвода солдат демон-
стрировали дисциплину и выдержку, ранее не встречавшиеся
им в ордах. Глаза Джойс заметили три фигуры у входа. Старей-
шины были одеты в просторные белые балахоны, а шерсть их
поседела от возраста. Они высокомерно смотрели на прибыв-
ших.

— Это главные писцы, — сказала Джойс.

— Никаких разговоров с секретарями и служащими, —
сказал ван Рийн. — Будем говорить только с боссами.

Джойс облизала губы и сказала:

— Глава небесного народа требует немедленных перегово-
ров.

— Так и будет, — сказал один из Старейшин без выраже-
ния, — но вы должны оставить здесь свое оружие.

Ньяронга оскалил зубы.

— Ничего не поделаешь, — напомнила ему Джойс. — Ты же
знаешь так же хорошо, как и я, что по закону отцов никто,
кроме Старейшин и воинов, рожденных в городе, не может
пройти через эти ворота с оружием.

Она отстегнула кобур, то же самое сделал и ван Рийн.

Она видела, насколько тяжело дается разоружение туземцам
Рокулэло, и вспомнила, что ей говорил ван Рийн об инстинкте.
Разоружение для т'келанцев — это символическая кастрация.
Они побросали оружие, спешили и с напряженными лицами
прошли в ворота вслед за ван Рийном. Джойс заметила, как у
них сверкали глаза, словно у пойманных зверей.

Город Кузулонго поднимался каменными прямоугольными террасами, черными и громоздкими, над сторожевыми башнями. Улицы были узки и запутанны, полны звона кузнечных молотов и ветра. Обыватели города сторонились варваров и подбирали свои одежды, как бы опасаясь к ним прикоснуться. Трое сопровождавших их членов Совета не проронили ни слова; молчание становилось все напряженнее, по мере того как они углублялись в город. Джойс с трудом сдерживалась, чтобы не закричать.

В центре города возвышалось прямоугольное здание высотой метров в двадцать: без окон, с вентиляционными отверстиями и единственной дверью. Стражники у входа обнажили свои мечи и взмахнули ими в знак приветствия, когда члены Совета входили в здание. Джойс услышала позади себя приглушенные возгласы. Рокулэло следовали за людьми, и она подумала, что от них будет мало проку. Освещенная факелами пещера в конце коридора была специально предназначена для того, чтобы поражать воображение охотников с равнины.

На семиугольном помосте сидело шестеро одетых в белое стариков. Стена за ними была покрыта мозаикой, яркой даже в полутьме, с изображением вспыхнувшего солнца. Дыхание Ньяронги тяжело вырывалось сквозь стиснутые зубы. Он вспомнил о могущественной власти Старейшин.

«Правда, — подумала Джойс, — он должен вспомнить, что люди совершают чудеса не хуже, но представления, сформировавшиеся в течение многих поколений, не так-то легко поколебать».

Их проводники сели. Вновь прибывшие остались стоять. Молчание становилось все напряженнее. Джойс несколько раз сглотнула и произнесла:

— Я говорю от имени Николаса ван Рийна, патриарха небесного народа, который объединился с кланом Рокулэло. Мы пришли требовать правосудия.

— Правосудие здесь, — ответил высокий худой туземец в центре помоста. — Я Акуло, сын Олуба древнерожденного, глава Совета, говорю от имени города Кузулонго. Почему вы подняли против нас копье?

— Ха! — хмыкнул ван Рийн, когда ему перевели вопрос. — Спросите этого старого гиппопотама, почему они первыми затеяли эту заваруху?

— Вы лицемерите, — сказала Джойс.

— Я говорю то, что думаю. Переводите. Я очень хорошо знаю, почему они так сделали, но слушаем, как они будут выкручиваться.

Джойс перевела вопрос. Ноздри Акуло раздулись, он пробормотал:

— Странно. Старейшины никогда не ввязывались в ссоры на равнине. Когда вы напали на шанга, мы дали им убежище, но таков старый обычай. Мы с радостью выслушаем ваш спор и вынесем решение, но в борьбе участвовать не будем.

Джойс опередила ван Рийна, с возмущением выпалив:

— Они взорвали наши стены! Кто, кроме вас, мог снабдить их порохом?

— Ах да... — Акуло дернул себя за усы. — Я понял тебя, небесная женщина. Все произошло совершенно естественно. С разрешения Совета мы задолго до вашего прибытия сюда продавали порох для волшебства и праздников. Шанга купили у нас много пороха. Мы не спрашивали, зачем он им. Он-то и мог быть использован против вас.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил ван Рийн.

Джойс объяснила.

Тут выступил Ньяронга — требовалась известная смелость, чтобы возразить Старейшинам.

— Несомненно, отцы клана Шанга поддержат вашу сказку. Ложь — скромная плата за оружие, подобное вашему!

— О каком оружии ты говоришь? — прервал его советник.

— Арсенал небесного народа, который шанга захватили, чтобы обратить его против моей орды! — выкрикнул Ньяронга. Его рот скривился. — Это тоже не касается бескорыстных Старейшин?!

— Но... Нет! — Акуло наклонился вперед, и голос его уже не был таким ровным, как раньше. — Правда в том, что город Кузулонго не делал ничего для организованного нападения на лагерь небесного народа. Небесный народ слаб и беспомощен — это законная добыча. К тому же они явились причиной смуты между кланами, нарушив законы отцов...

— Законы, благодаря которым разжирел город Кузулонго? — прервала его Джойс.

Акуло хмуро глянул на нее, но продолжал, обращаясь к Ньяронге:

— Благодаря совершенному нападению шанга получили большой запас металла. У них будет много хороших ножей. Но это не настолько увеличило их силы, чтобы они могли вторгнуться в чужие земли, если их не будет подгонять отчаяние, страх и голод. Мы здесь, в горах, думали об этом и не хотим, чтобы это случилось. Забота Старейшин заключается в том, чтобы сохранить существующее равновесие. Небольшое количество металла, попавшее в руки шанга, не нарушило его. У небесного народа никто не видел оружия, кроме того, что они

носили с собой. Она забрали его, когда убежали. У них в куполе не было никакого арсенала. Ваш страх ни на чем не основан, Рокулэло.

Джойс перевела его речь ван Рийну почти дословно. Он кивнул:

— Отлично. А теперь скажите им то, что я велел.

«Я зашла слишком далеко, чтобы отступить!» — с отчаянием подумала она.

— Но у нас было резервное оружие, — дрожащим голосом сказала она. — Много оружия, сотни штук. Только мы не успели им воспользоваться, так как нападение было слишком внезапным.

Воцарилась тишина. Члены Совета с ужасом уставились на нее. Пламя факелов дрогнуло, и тени забегали по стенам. Вожди Рокулэло следили за происходящим с огромным удовольствием, самоуверенность отчасти вернулась к нам.

Наконец Акуло, заикаясь, проговорил:

— Но вы говорили... я однажды сам спрашивал, но вы сказали, что у вас лишь несколько...

— Естественно, — ответила Джойс. — Мы хотели сохранить наше оружие в тайне.

— Шанга никому не говорили об этом.

— А чего вы от них ожидали? — Джойс немного подождала, чтобы до всех дошло, и продолжала: — Вы не найдете тайник, даже если обшарите весь оазис. Они сейчас не встретили наше нападение огнем, значит, оружие находится далеко отсюда. Вероятно, они спрятали его в земле Ягола, чтобы использовать позже.

— Мы проверим это, — сказал другой Старейшина. — Стража!

Появился часовой.

— Приведи представителя наших гостей.

Джойс передала ван Рийну смысл происходящего, пока они ждали.

— Пока все идет хорошо, — сказал он. — Но сейчас начнется самое щекотливое дело, а это будет гораздо менее приятно, чем щекотать вас.

— Вы невозможны! — ответил она покраснев.

— Нет, всего лишь невероятно... А вот и они.

Высокий т'келанец в одежде шанга вошел в комнату. Он скрестил руки и взглянул на Рокулэло.

— Это Масоту, сын Бтузи, — представил его Акуло, наклонившись вперед. Он был напряжен, как и остальные его коллеги. — Небесный народ сообщил нам, что вы захватили в их лагере много ужасного оружия. Это правда?

Масоту вытаращил глаза:

— Конечно же, нет! Там не было ничего, кроме пустого пистолета, который я показал тебе, когда ты спустился к нам на рассвете.

— Значит, Старейшины на самом деле заключили союз с шанга! — выкрикнул т'келанец из отряда ван Рийна.

Немного сбитый с толку, Акуло собрался с мыслями и сказал резко:

— Ладно. В конце концов, зачем отрицать очевидное?! Город Кузулонго заботится о счастье всего мира, в том числе и о вашем. Но эти лукавые чужеземцы стали разрушать наши старые обычаи. Разве они не склонили вас напасть на другую орду? Какая же у них была причина путешествовать в ваших землях? Чего они хотели? Да, Совет предложил шанга уничтожить их лагерь и изгнать их с нашей земли.

Хотя биение сердца, казалось, заглушало ее слова, Джойс передала все ван Рийну, и тот сурово сказал:

— Итак, они признали это перед вами! У них наготове история, способная обмануть землян, чтобы они никогда не возвращались на эту планету.

«Они не собираются отпускать нас живыми, иначе никто не поверит их сказке», — подумал ван Рийн про себя.

Акуло обратился к Масоту:

— Итак, вы утверждаете, что небесный народ лжет и вы не нашли никакого арсенала?

— Да. — Шанга обменялся взглядом с Ньяронгой. — Ваш народ беспокоится, чтобы мы не направили это оружие для захвата ваших пастбищ? Вам нечего бояться. Идите с миром и дайте нам покончить с чужеземцами.

— Мы ничего не боимся, — ответил Ньяронга. Тем не менее в его взгляде появилось сомнение.

Старейшины нетерпеливо зашевелились на помосте.

— Достаточно, — сказал Акуло. — Мы видим, какое смятение приносит в наш мир небесный народ. Вызвать стражу! Пусть их убьют. Да будет мир между Шанга и Рокулэло. Все разойдутся по домам, и на этом дело завершится.

Джойс закончила перевод одновременно с окончанием речи Акуло.

— Ботулизм и бюрократы! — взорвался ван Рийн. — Не так просто, приятель! — Он засунул руку в резервуар на спине и извлек оттуда бластер. — Всем оставаться на своих местах!

Ни один т'келанец не шевельнулся, хотя между ними пробежал ропот. Ван Рийн прислонился спиной к стене и взял под наблюдение дверь.

— Теперь мы поговорим по-дружески.

— Закон нарушен! — выкрикнул Акуло.

— Но и вы нарушили закон, подготавливая нападение шанга на нас, — ответила Джойс.

Она почувствовала облегчение. «Не то чтобы бластер решил все проблемы. Но теперь они не убьют нас так просто».

— Спокойнее! — пробасил ван Рийн.

Эхо отразилось от каменных стен. В помещение вбежало несколько человек. Увидев в руке ван Рийна бластер, они застыли на месте.

— Входите, присоединяйтесь к остальным, — пригласил их ван Рийн. — У меня хватит зарядов на всех. Ну вот, сейчас как раз настало время поговорить, — сказал он Джойс. — Скажите им, что Николас ван Рийн произнесет речь. Потом дайте мне знак, чтобы я начал.

Она передала сказанное им. Толпа воинов слегка расслабилась. Акуло, Ньяронга и Масоту кивнули одновременно.

— Послушаем, — сказал Старейшина. — Сразиться мы всегда успеем.

— Хорошо. — Громоздкий ван Рийн шагнул вперед. Он ораторским жестом обвел вокруг стволом бластера. — Во-первых, вы должны узнать, что я организовал весь этот шум для того, чтобы можно было с вами поговорить. Если бы я пришел сюда один, вы бы забросали меня камнями и никому из вас это не принесло бы пользы. Следовательно, я должен был прийти сюда в сопровождении воинов. Пусть Ньяронга подтвердит, что, если понадобится, я могу сражаться, как разгневанный кредитор. Но, может быть, в этом и нет нужды?

Предложение за предложением Джойс переводила его речь, затем подождала, пока глава клана Гангу подтвердит, что люди — сильные бойцы. Ван Рийн воспользовался общим изумлением, чтобы начать словесное наступление на аборигенов.

— Теперь обдумайте сложившееся положение. Допустим, шанга лгут, а на самом деле они овладели арсеналом оружия. Тогда они приобретут такую силу, что даже город будет зависеть от них, вместо того чтобы быть первым среди равных, как было раньше. Нет? Чтобы предотвратить это, необходимо соглашение между Старейшинами, Рокулэло и нами, людьми, которые смогут использовать и еще более мощное оружие и остановить орду Ягола, когда прибудет наш спасательный корабль.

— Но у нас же нет вашего оружия, — настаивал Масоту.

— Так ты говоришь, что такой добычи у вас нет? — сказала Джойс, которая начала понимать замысел ван Рийна. — Ну, Старейшины и Рокулэло, рискнете ли вы поверить ему на слово?

На помосте воцарилось нерешительное молчание.

Ван Рийн продолжал:

— Теперь предположим, что лгу я и никакого оружия в куполе не было. Тогда Старейшины и Шанга должны будут действовать совместно. Люди с корабля, который прилетит с моей территории, а моя территория — все небо, полное звезд, этим людям они должны будут рассказать какую-нибудь выдумку о том, почему разрушен купол. Все, кроме меня и этой хорошенькой куколки, благополучно спаслись, поэтому все равно станет известно, что напали шанга. Мой народ разгневется, что упущена прибыль, ради которой мы много лет трудились. Они обвинят Старейшин в том, что те использовали шанга для нападения, и, может быть, разнесут на кусочки всю эту гору. Но, может быть, шанга поклонятся, что Старейшины здесь ни при чем, и оправдают их. Верно? Тогда на протяжении многих лет шанга, а благодаря им и ягола будут связаны с городом Кузулонго. И они, конечно, станут шантажировать их. Вам необходимы люди, чтобы поддерживать равновесие!

Улобу шелкнул зубами и крикнул:

— Это правда!

Но Джойс следила за Ньяронгой. Вождь медлил, обмениваясь взглядами с вождями остальных прайдов. А потом сказал:

— Да, так может случиться. Никто не хочет оказаться обманутым. И надо смотреть в будущее. Могут наступить плохие времена для Ягола. Тогда они двинутся в другие земли... и единственной ошибки в предсказании вспышки солнца будет достаточно, чтобы ослабить нас и подготовить Ягола к вторжению.

Вновь наступило молчание. Джойс слышала треск факелов и гул ветра за дверью. Акуло не двигаясь смотрел на ствол бластера ван Рийна. Наконец он произнес:

— Ты сеешь раздоры с великим искусством, чужеземец. Ты надеешься, что мы отпустим такого опасного человека, как ты, а также отцов прайдов, ставших твоими союзниками, живыми?

— Да, — с помощью Джойс ответил ван Рийн убежденно, — потому что я не сею раздоров, а лишь доказываю, что вы не можете верить друг другу и нуждаетесь в людях, чтобы поддерживать порядок. Когда люди со своим мощным оружием окажутся здесь, ягола не смогут им противостоять, даже имея несколько украденных пистолетов. Возможен и другой вариант: шанга говорят правду и на самом деле не имеют оружия. Представьте себе, что люди вернутся с миром и не будут требовать мести за разрушенный купол. Какой тогда смысл для ягола объединяться с шанга? В любом случае с приходом людей восстановится равновесие между городом и ордами, что и требовалось доказать.

— Но почему небесный народ так стремится закрепиться здесь? — с подозрением спросил Акуло. — Вы хотите сами выполнять работу, которую ныне делает Кузулонго? Но тогда вначале вам придется истребить нас всех до единого!

— В этом нет необходимости, — усмехнулся ван Рийн. — Мы будем получать прибыль другим путем. Я расспрашивал эту леди по дороге в город, и она многое мне объяснила. Теперь я готов рассказать об этом вам... Гм-м... Джойс, я озадачен. Как объяснить мой план — ведь туземцы понятия не имеют о биохимии!

— Вы хотите сказать... Ник, неужели вы нашли выход?

— Да, черт побери! — Торговец потер руки с довольным видом. — Мне пришлось для этого порядком поломать голову. Итак, моя компания берет на себя проведение дальнейшей операции на Т'Келе. Вы, эсперансиане, поможете нам на первом этапе, а затем можете заняться альтруизмом на какой-нибудь другой планете. Что касается меня, то я буду качать деньги из Т'Келы, да еще как!

— Но... но как же?

— Я уже вам говорил, девочка, что мне нужно вино кунгу. К тому же здесь можно организовать неплохую торговлю шерстью. Не сомневаюсь, что все кланы будут толпиться с огромными тюками вокруг моих факторий. Я, в свою очередь, буду продавать этим бедолагам аммиак и нитраты с тех планет, где имеется азот, в обмен на местные товары. Они будут нуждаться в нашей помощи для улучшения своей почвы. Им потребуются бактерии, чтобы получать связанный азот. Вы покажете им, как это делается. А затем им понадобится много аммиака и нитратов. Конечно, у них будут образовываться излишки товаров, на которые они смогут покупать различные приспособления, особенно оружие. Ни одно существо с охотничьим инстинктом не устоит перед возможностью купить оружие, для этого они согласятся на то, чтобы временно стать фермерами и... И по мере того как моя фактория будет продавать им инструменты, машины, вещества, они станут все более и более цивилизованными, как вы этого хотели. И вот на всем этом «Солнечная компания пряностей и напитков» здорово нагреет руки!

— Но мы пришли сюда не для того, чтобы эксплуатировать их!

Ван Рийн хохотнул, покрутил усы и сказал:

— Может, вы, эсперансиане, и не захотите, зато я собираюсь их эксплуатировать. И они поймут меня, эти кланы, разве вы не видите? Благотворительность находится вне их понимания, зато выгоду они понимают очень хорошо, и они еще будут радоваться, что надули нас на ценах на вино. Не будет больше

ни неприязни, ни подозрительности к людям, поскольку люди придут сюда зарабатывать деньги. Понятно?

Она ошеломленно кивнула. На Эсперансе они никогда не рассуждали подобным образом. Община всегда смотрела на Торгово-техническую Лигу с высокомерием — сверху вниз. Но люди в ней вовсе не были фанатиками, и если это единственная возможность реализовать замысел, то тогда...

— А Старейшины, — заметила она, — как вы расположите их к себе? Найдут ли они свое место в этом новом, изменившемся мире?

— О, я подумал и над этим. Нам понадобится множество туземных агентов и чиновников, проверенных парней, которые будут вести записи, расширять нашу торговлю, распространяя ее на новые территории. Для этого потребуется много молодых... э-э... Старейшин. Ох и глупое название! Что касается остальных Старейшин, то мы можем повысить престиж города. Вспомните, что здесь потребуется разрабатывать нефтяные залежи, строить электролизные фабрики. Фабрики будут производить водород, а сжигание нефти даст электричество. Я построю здесь заводы, научу Старейшин управлять ими, затем продам им на условиях долговременной выплаты. Эта перспектива должна вполне их удовлетворить... — Он задумчиво уставился в темный угол. — Гм-м... как вы думаете, стоит ли брать с них двенадцать процентов или остановиться на пятнадцати?

Джойс вздохнула и начала подыскивать слова на языке города Кузулонго.

7

Перед заходом солнца они спустились с горы. Впереди мерцали костры лагеря. Местность казалась немного приветливее, чем утром. Была какая-то особенная прелесть в этих ночных равнинах, по которым бродят свободные кочевники. Те несколько недель, которые им придется ждать прибытия корабля, похоже, будут не так уж неприятны, скорее наоборот, они могут оказаться чересчур веселыми.

— Другое преимущество моего плана, — сказал ван Рийн, — это то, что работа, приносящая прибыль, наверняка будет длиться долго. Очень долго. Вы считаете, что ваше правительство осуществит свой замысел? Ба! Правительство — это подонки. Любое изменение настроения, идеологии — и... пух! Кончится ваш проект. Но когда в дело замешана прибыль, положение стабилизируется. Политики приходят и уходят, алчность остается.

— О нет! Этого не может быть, — возразила она.

— Что ж, в машине у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить это и многое другое, — сказал ван Рийн. — Я думаю,

что можно будет попробовать получить алкоголь из кунгу. Мы подмешаем его к фруктовым сокам и будем пить вино, достойное человека, черт возьми!

— Я... не могу... Ники, ведь мы остаемся вдвоем...

— Вы еще слишком юны. Вы хотите сказать, что бедный старик может показать вам, что такое молодость? — Ван Рийн бросил на нее хитрый взгляд. — О'кей, попробую.

Джойс, вспыхнув, отвернулась. «Придется быть начеку до прибытия корабля», — подумала она.

Конечно, если она хоть на минуту расслабится, то... то ничего страшного не произойдет. В конце концов, этот толстяк — очень интересный тип.

ВОЗМУТИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Plus ça change, plus c'est la même chose*

Приходилось ли мне встречать Ноя Аркрайта? Это мне-то? Ноя Аркрайта? Подтаскивай сюда стул и прочисти уши. Нет, только не тот стул. Мы держим его на случай, если заглянет Гратч. Дерево из Глоберри, оно концентрирует соли урана, так что если ты не носишь свинцовые трусики...

*Ясное дело, мы слышали, что за чудеса небесные затеял Ной Аркрайт. У бывалых космических пилотов и то челюсть отвисла, даже здесь, в наших краях. Мы так же хотели в этом участвовать, как и любой, у кого мозги не с прецессией**. По-нашему, те планеты прекрасно могут подождать еще парочку столетий, мы и так откусили больше, чем можем проглотить, э? Но только когда он посадил здесь свою жестянку, он и словечка не проронил о своей задумке. У него деловое предложение, сказал он, и не захотят ли те из нас, у кого завалился динар-другой, запустить денежки на орбиту?*

*Послушаешь его, так вроде он дело говорит, хоть компьютер у меня в мозгах давно вычислил, что со своим сладкоречивым языком он может продать двуокись углерода по цене чистого углерода в кристаллической форме. Понимаешь, какую планету ни возьми, на всякой можно найти хорошие местечки — Голконда, Клондайк, Ранд***, если вспомнить старушку Землю, — с богатыми залежами чего-нибудь. Только дело в том, что планета большая штука. Даже с ультразвуковыми и спектроскопическими причиндалами, пока все обнюхаешь, энтропия сожрет твой шанс найти что-то действительно*

The Trouble Twisters
Copyright © 1965 by Poul Anderson

* Чем больше я меняюсь, тем больше остаюсь самим собой (фр.)

** Прецессия — перемещение оси вращения твердого тела

*** Голконда — княжество в Индии, славившееся добычей алмазов; Клондайк — золотоносный район на северо-западе Канады; Ранд — золото-промышленный район в Южной Африке. (Здесь и далее примеч. пер.)

стоящее. Тут-то он и начал распространяться о том, какую он придумал суперхитрость, чтобы находить что нужно с орбиты спутника, дело только за капиталом, чтобы раскрутить дело, а эти жмоты на Земле отказали ему в кредите, так не хотим ли мы войти в долю?

Ну, сразу-то мы не проглотили наживку; не то чтобы нас насторожило, что он не сказал нам, как эта жужжалка работает: тут у нас секрет — те же деньги. Но мы заставили его показать ее в действии — обследовать Безнадежную. Это следующая отсюда планета, совсем никчемная пустышка, куда обычно и не залетает-то никто. И чтоб мне лопнуть, если его прибор не завопил как сумасшедший — там, где, как оказалось, самые большие залежи рения после месторождения на Игнаце.

Ну, ты же знаешь, как это бывает с минералами. Их цена выше стоимости разработки, как, например, при извлечении соли из морской воды, но не настолько выше, чтобы доходы росли по экспоненте. Но все-таки, если у тебя есть способ найти залежи, быстро и по дешевке, в окрестных планетных системах... В общем, мы чуть в очередь не выстроились, чтобы отдать ему наши денежки. А уж я-то — я же такой крутой парень и сообразительный тоже, я пробился в самое начало очереди.

Думаю, правда, тут его разговоры тоже сыграли роль. Он мог уговорить Юпитер улететь от Солнца, просто рассуждая о ксенологии, или аналитике, или Шекспире, или истории — да о чем угодно. Так получилось, что у меня сохранилась пленка — вроде той записи, что, я вижу, ты делаешь сейчас. Только, чур, пусть все останется междунами, — для твоего личного журнала, ладно? Я не рассказывал об этой истории ни единому человеку. Да и никому из инопланетян тоже — разве что был пьян до полного ангстрема. Ну вот, слушай Ноя Аркрайта.

«...дело не только в том, что общество в целом проходит через повторение своей истории. На самом деле я сомневаюсь, что справедливо общепринятое мнение, будто сейчас мы живем в век, который может быть назван неоелизаветинским. Существуют определенные аналогии, не более того. Но жизнь действительно имеет повторяющиеся циклы. В пределах заданного контекста число разновидностей событий, могущих произойти с индивидом, ограничено. Меняются только сочетания, базовые элементы остаются неизменными.

Для примера рассмотрим самую романтическую фигуру современности, торговца-разведчика. Все, и особенно он сам, думают, будто он ведет невероятно разнообразное существо-

вание. И все же насколько один эпизод в его приключениях отличается от другого? Да, конечно, он имеет дело со странной окружающей средой, с туземцами, чью психологию он должен понять, изворотливыми конкурентами, женщинами то соблазнительными, то коварными, — несколькими видами опасностей и вечной проблемой получения дохода от своего предприятия, — но ведь и только. То, что собираюсь сделать я, не столь броско на первый взгляд. Но моя идея означает возможность вырваться из замкнутого круга, начать совершенно новое существование. Не будь ты так одержим представлением о себе как о смелом первопроходце, ты бы понял, что я имею в виду».

Угу, теперь-то я понимаю.

Мы и не подозревали, как нас облапошили, пока не догадались пропустить соглашение о партнерстве через семантический компьютер. Должно быть, Аркрайт воспользовался символической логикой, когда составлял договор, только замаскировал ее всеми этими разноцветными словечками. Единственная распроклятая вещь, которую он юридически был обязан выполнить, — это произвести для нас разведку полезных ископаемых. Он мог отправиться куда угодно, делать все, что ему вздумается, ради Бог знает каких целей. Так что, конечно, он за наш счет оснастил эту чертову экспедицию! Он ведь заранее нашел те залежи рения. Ему просто не хотелось ждать пять лет, пока доходов от его доли в разработках хватит на это дело; да их могло и не хватить. Вот он и сварганил ту свою дерьмовую машинку — на Земле такие мошенничества зовут «благословение цыгана».

Ну, понятно, со временем мы получили, конечно, кое-какие доходы с Безнадежной, хотя и вполовину не так много, как могли бы, учитывая внесенную нами сумму. Да и он попытался расплатиться с нами — почетом, если уж не наличными. Только что из этого всего вышло — вот ведь целое звездное скопление названо моим именем, а разве хоть одной живой душе могу я признаться, за что мне такая честь?

Дневниковая запись Урвейна Путешественника

1

В покер играть втроем плохо, поэтому команда разведывательного торгового корабля «Через пень-колоду» приспособила корабельный компьютер в качестве четвертого партнера. Он расплачивался долговыми расписками и был запрограммирован на средний уровень картежной искушенности: в результате к

концу путешествия его проигрыши и выигрыши примерно уравнивали друг друга, и игроки-люди получили полную свободу выяснять отношения между собой.

— Еще две карты, — произнес механический голос. Дэвид Фолкейн сдал их и положил перед сканером, который он установил на конце стола в салоне. В глубинах корабля, в своем бронированном контейнере, процессоры компьютера принялись оценивать карты, оказавшиеся у него на руках.

— Одну, — сказала Чи Лан.

— Мне не нужно, спасибо, — пророкотал Адзель.

Фолкейн сдал себе три карты и углубился в размышления о том, что получилось. Его положение улучшилось: пара троек в масть к имевшимся королям. Адзель вполне может не менять карт, имея ничуть не лучший шанс, Чи, похоже, пытается добрать до флеша*, а машина торговалась без особого энтузиазма. Ну да ведь у Пня ржавые мозги...

Стальная рука уронила в миску, служившую банком, голубую фишку.

— Проклятье! — завопила Чи. Ее хвост распушился, шелковистый белый мех на всем маленьком тельце встал дыбом, и она с силой швырнула карты на стол. — Чума на тебя! Чтоб лопнуло твоё криогенное брюхо!

Адзель невозмутимо удвоил ставку. Фолкейн вздохнул и запасовал. Гнев Чи угас так же быстро, как и разгорелся, она спокойно уселась на своем высоком стуле и принялась по-кошачьи умываться. Фолкейн потянулся за сигаретой.

Пень снова увеличил ставку. Драконье лицо Адзеля, если не считать подвижных резиновых губ, не было способно менять выражение, но его огромное, покрытое чешуей тело, занимавшее большую часть салона, напряглось. Он сосредоточенно принялся изучать свои карты.

Игру прервал звонок. Та часть компьютера, которая постоянно оставалась на вахте, обнаружила что-то необычное.

— Я посмотрю, — сказал Фолкейн. Он поднялся и быстро прошел в переднюю часть корабля. Фолкейн был высокий молодой человек, светловолосый и голубоглазый, с курносом носом и высокими скулами. Даже здесь, в Бог весть скольких световых годах от любого представителя человечества, он был одет в смокинг, который бы не посрамил своего владельца даже и в дорогом ресторане кратера Тихо. Дэвид постоянно напоминал себе, что его статус накладывает определенные обязательства — ведь

* Флеш — комбинация карт при игре в покер: пять карт одной масти
Флеш-ройял — пять старших карт одной масти

он младший сын барона с Гермеса, а теперь еще и представитель Торгово-технической Лиги, — на самом же деле он просто был очень молод и еще не перерос некоторого тщеславия.

Подойдя к пульта сканера, он нажал кнопку. На экране не появилось ничего необычного. Что же, черт возьми, там обнаружили приборы? Компьютер так много своих мощностей использовал для игры, что не мог сообщить ему никаких подробностей. Пожалуй, будет лучше... Фолкейн перекатил сигарету в другой угол рта и повернул регулятор увеличения.

На западе с глубокого фиолетового неба лила свой вечный вечерний свет звезда. Это был красный карлик класса К со светимостью едва ли в одну десятую Солнца родной для человечества Земли. Находясь от Икрананки всего в трети астрономической единицы, светило имело видимый диаметр вдвое больше солнечного, но давало в три раза меньше света. Даже днем тусклое красное освещение и разреженный воздух не мешали видеть звезды. Спика, находящаяся примерно в двух парсеках отсюда, сияла, как алмаз чистой воды. Больше в небе не было видно ничего, кроме стаи местных чудищ с кожистыми крыльями да желтого облака далекой песчаной бури.

Со склона холма, где приземлился «Через пень-колоду», открывалась панорама Чакоры. Долина, которая была когда-то морским дном, простиралась во все стороны, исчерченная ржаво-зелеными и сине-фиолетовыми тенями. Всюду были видны посадки низких растений-суккулентов. Тут и там к подножию каменных башен — семейных твердынь — жались группы строений, плетеные стены которых радовали глаз узорами ярко окрашенных полос; каждое такое поселение принадлежало одному семейному клану земледельцев. Там, куда уже проникла весенняя влага, растительность становилась ярко-зеленой и золотой. Кое-где ветер колыхал растения, похожие на бамбук с перистыми листьями, — местный аналог земных деревьев.

Каменистый холм со следами эрозии был бесплоден — лишь чахлые кустики местами выглядывали между камней. На вершине возвышались укрепления Хайякаты. Башня у подножия холма охраняла городской колодец, добраться до которого из города можно было по туннелю. Грунтовая дорога из восточной части долины, петляя, вела к воротам в городской стене. Никого из местных жителей не было видно.

Впрочем, не совсем так. На дороге появилось быстро приближающееся облако пыли. «Кто-то очень торопится сюда», — подумал Фолкейн.

Он подрегулировал сканер. Теперь сцена стала ясно видна.

Шестеро икрананкцев из-за всех сил погоняли своих зандар. Крупные, покрытые коричневым мехом двуногие скакуны с толстыми хвостами передвигались длинными парящими скачками. Всадники потрясали копьями и мечами и, судя по тому как широко были раскрыты их клювы, громко вопили.

Ветер отнес пыль в сторону, и Фолкейн увидел, кого они преследуют. Он чуть не проглотил свою сигарету.

— Нет, — слабым голосом пробормотал Дэвид. — Это невозможно. Клянусь, невозможно.

Остолбенение мгновенно слетело с него, Фолкейн повернулся и кинулся обратно. При силе тяжести всего в 65% земной он мчался, как перепуганная комета. Ворвавшись в салон, он с трудом затормозил и проревел:

— Тревога!

Чи Лан, перепрыгнув через стол, переключила компьютер на нормальный рабочий режим. Адзель положил в банк последнюю фишку и нехотя отвернулся от карт: у него был верняк.

— Что случилось? — спросила Чи с ледяным самообладанием, свойственным ей в минуты опасности.

— Там... там женщина. Ее преследуют, — выдохнул Фолкейн.

— Кто?

— Ну не я же, черт возьми. Но послушайте, это правда! Компания местных кавалеристов гонится за женщиной! Человеком! Ее зандара выглядит усталой. Они догонят ее прежде, чем она доберется сюда, и Бог знает, что они с ней сделают!

Пока Фолкейн выкрикивал все это, Адзель поинтересовался картами Пня. У того был флеш-ройял. Вздохнув, Адзель подтолкнул миску-банк к манипулятору компьютера, поднялся и проговорил:

— Пожалуй, следует вразумить их. Чи, ты остаешься на дежурстве.

Цинтианка кивнула и засемила на мостик. Адзель, стуча копытами по палубе, последовал за Фолкейном к нижнему люку. Тот схватил из шкафа при входе кобуру с бластером, куртку и сунул в карман рацию. Космонавты через шлюз вышли из корабля.

Чтобы избежать проволочек при входе и выходе, экипаж поддерживал внутреннее давление таким же, как и снаружи — примерно на уровне трех четвертей земного. Однако воздух в корабле был более теплым и влажным. Сильный холодный и сухой ветер обрушился на Фолкейна; его глаза не сразу адаптировались к местному освещению. Адзель, сложенный как кентавр, подхватил его двумя могучими когтистыми передними

конечностями и посадил себе на спину, за собственным торсом. Как раз для таких случаев острое гребня, тянувшегося вдоль всей спины воданита от головы до хвоста, в этом месте было сглажено. Адзель припустил вниз с холма ровным галопом. Фолкейна окутало облако мускусного запаха.

— Можно предположить, что неподалеку приземлился еще один корабль, — басистый голос Адзеля был так же спокоен, как если бы они все еще играли в карты. — Несчастный случай?

— Должно быть, — Фолкейн, щурясь, всматривался в сумрак. — Правда, девушка как-то странно одета. Может, ей пришлось спастись от местных варваров? До нас ведь все время доходят слухи о стычках в Сундрадартских горах.

При неярком свете он с трудом различал вдалеке пики хребта, туманно вырисовывавшегося на востоке. Слева от дороги тянулись рыжевато-коричневые скалы, бывшие когда-то континентальным шельфом, справа были видны только вечнозеленые поля Чакоры. Позади высился холм Хайякаты, и корабль на склоне сверкал как острое копьё. Этот вид успел до смерти надоесть Фолкейну, и возможность поразмяться его радовала. Ни о какой опасности не приходилось и говорить: вся шайка побежит домой к маме, стоит им только увидеть Адзеля.

Фолкейн чувствовал под собой игру могучих мускулов, воздушный поток свистел и пел в его ушах, заглушая стук копыт. Теперь впереди уже было ясно видно девушку и ее преследователей.

Она замахала рукой и послала свою измученную зандару вперед. Икрананкцы что-то кричали. Фолкейн уловил несколько слов — надо же, они говорили по-катандарски...

Один из преследователей остановился и поднял лук. Это было миниатюрное оружие — руки икрананкцев вдвое уступают человеческим в силе, — но стрелы, которыми луки стреляли, были остры как иглы и при здешнем слабом тяготении летели далеко. Воин выстрелил. Стрела пропела в сантиметре от развевающихся каштановых прядей. Лучник отдал приказ, целясь снова. Еще двое всадников взялись за луки.

— Великие боги Плутона! — ахнул Фолкейн. — Они и в самом деле хотят ее убить!

Все его чувства обострились. Несмотря на рыжую пыль и тусклый красный свет, он видел ближайшего туземца как на ладони.

Существо полутораметрового роста с бочкообразной грудью и тонкой талией напоминало человека с непропорционально длинными и тонкими конечностями. Все его тело было покрыто

коротким коричневым мехом. Фолкейн знал, что местные жители — теплокровные, всеядные, живородящие — не были млекопитающими. Голову на тонкой шее украшали темный пушистый хохолок, светлые глаза, уши, как у осла, и янтарного цвета хищный клюв. Босые ноги с тремя пальцами крепко вцепились в стремена, а одежда состояла из узких штанов на помочах и кожаного нагрудника с железными оплечьями и зигзагообразной эмблемой на груди; с широкого пояса свисали ножны с кинжалом. Туземец был вооружен мечом и луком, с которым ловко управлялись четырехпалые руки с острыми когтями.

Фолкейн выхватил бластер и выстрелил вверх. Выстрел был предупреждением, к тому же яркая вспышка слепила глаза нападавших и мешала им целиться. Девушка издала одобрительное восклицание.

Отряд у нее за спиной рассыпался в стороны. Все воины носили одну и ту же форму; эмблема на их доспехах была незнакома Фолкейну. Предводитель выкрикнул команду. Нападавшие явно пришли в себя и намеревались атаковать. Стрела просвистела над плечом Фолкейна, другая сломалась о твердую чешую Адзеля.

— Но... но они хотят убить и нас, — запинаясь, пробормотал воданит. — Похоже, наш вид для них не неожиданность.

— Вперед! — рявкнул Фолкейн. Родившись в аристократической семье на планете, где воинское искусство все еще было необходимо, он не забыл боевой выучки. Твердой рукой он установил бластер на максимальную дальность и уложил зандару под одним из всадников.

Адзель распрямился во весь рост. Его массивное тело развило такую скорость, что встречный поток воздуха совершенно ослепил Фолкейна. Впрочем, в его участии больше и не было нужды: Адзель уже достиг сбившихся в тесную кучку икрананкцев. Одного вместе с зандарой он просто смял, двое других взлетели в воздух, как камни, выпущенные из пращи. Одним движением хвоста Адзель уложил четвертого. Оставшиеся в седлах всадники предпочли спастись бегством через поля.

Адзель затормозил, развернулся и потрусил обратно. Те двое, что ускакали, нахлестывали своих зандар, спеша оказаться как можно дальше от места схватки, а поверженные противники еле шевелились.

— О Боже мой, — сокрушенно произнес Адзель, — надеюсь, мы не нанесли им серьезных увечий.

Фолкейн пожал плечами. Воданиты, раса гигантов, могли себе позволить быть более мягкосердечными, чем люди.

— Лучше вернуться на корабль, — ответил он.

Девушка остановила свою зандару на безопасном расстоянии. Когда Фолкейн и Адзель приблизились к ней, губы Дэвида издали беззвучный свист.

Может быть, ее мускулатура и была чрезмерно развита, но что за фигура! Высокая, с округлостями там, где надо, длинноногая, стройная. . . К тому же ее одежда очень кстати не особенно скрывала все это — на девушке были короткие сапожки, высоко подоткнутая, чтобы можно было скакать верхом, меховая юбка, открытый корсаж поверх легкой блузы и короткий синий плащ. Она оказалась вооружена так же, как и туземцы, к седлу был приторочен ярко расписанный щит, каштановые кудри выбивались из-под плоского шлема. Ее кожа была удивительно бела, черты классически правильны; некоторая холодность этой мраморной красоты смягчалась большими серыми глазами и выразительным ртом.

— Ну и ну! — пробормотал Фолкейн. — И откуда же ты взялась, малютка?

Девушка, тяжело дыша, вытирала пот со лба. Адзель продолжал трусить по дороге, и всадница пристроила свою зандару рядом. Животное было слишком измучено, чтобы проявлять беспокойство от такого соседства.

— Вы... и правда... из другого мира? — спросила девушка. Ее низкий голос выговаривал слова англика с незнакомым Фолкейну акцентом.

— Да, вообще-то, — Фолкейн показал на корабль.

Она начертила в воздухе охранительный знак.

— Благодарение *алгату*! — Слово было местное и приблизительно переводилось как «магия».

Немного отдышавшись, она оглянулась на своих врагов. Те пришли в себя и восстановили походный порядок, но явно не собирались пускаться в погоню. На глазах у девушки один из воинов отделился от отряда и во весь опор поскакал к дальнему склону холма. Остальные медленно ехали следом.

Девушка протянула руку и коснулась Фолкейна, как будто хотела удостовериться в его реальности.

— До нас доходили только слухи, — тихо сказала она. — Мы слышали, будто эршока-чужеземец появился на летающей колеснице, и император запретил подданным своим приближаться к нему. Но мы думали, что в рассказах все преувеличено. Вы ведь истинно из другого мира? Может быть, даже с самой Земли?

— Я же сказал: да, — ответил Фолкейн. — Но о чем ты говоришь? Кто такой эршока?

— Человек. Разве тебе не ведомо? Эршока — так называют нас здесь в Катандаре. — Она внимательно посмотрела на Фолкейна, и как будто маска закрыла ее лицо. С непонятной для него осторожностью она продолжала: — С тех пор, как сюда прибыли наши предки — более четырехсот лет назад.

— Четырехсот лет?! — челюсть Фолкейна отвисла. — Но ведь тогда еще не был изобретен гиперпространственный двигатель!

— Она, очевидно, имеет в виду икрананкские годы, — вступил в разговор Адзель, которого было трудно вывести из равновесия. — Смотри, при периоде обращения планеты в семьдесят два стандартных дня... да, получается примерно семьдесят пять земных лет.

— Но... послушай, как же, черт возьми...

— Они направлялись куда-то в другое место и должны были стать... как же это называется? — стать колонистами, — объяснила девушка. — Пираты захватили корабль и высадили их всех здесь, всех пятьсот человек.

Фолкейн попытался собраться с мыслями. Как сквозь туман до него доносился голос Адзеля:

— Ну да, похоже на вылазку с планет Пиратских Солнц — они иногда забирались так далеко от своих баз в надежде как раз на такую богатую добычу: большой пассажирский корабль. Выкупом за колонистов они, конечно, не заинтересовались. Хорошо еще, рядом оказалась пригодная для жизни планета, и им не пришлось убивать пленников. Не беспокойся, маленькая женщина, — передней конечностью он похлопал ее по плечу, — Торгово-техническая Лига давно научила обитателей Пиратских Солнц хорошим манерам.

Тут Фолкейн решил, что лучше уж он сам займется утешением красотки. Широко улыбнувшись, он сказал:

— Ну и сенсация же будет! Как только на Земле узнают, они пришлют за вами корабль.

Ответом ему послужил внимательный взгляд: девушка явно относилась к нему с непонятной и огорчительной настороженностью. Только что спасенная от гибели красавица не должна бы так себя держать.

— Ты ведь эршо... я хочу сказать — ты землянин?

— На самом деле я — гражданин Великого Герцогства Гермесского, а мои спутники происходят с других планет. Но наша база на Земле. Меня зовут Дэвид Фолкейн.

— А я — Стефа Карлс, лейтенант личной гвардии в... Впрочем, это сейчас несущественно.

— Почему эти вояки тебя преследовали?

Девушка слегка улыбнулась:

— Молю тебя, будем говорить обо всем по порядку. Нам ведь так много нужно поведать друг другу, не правда ли? — Но тут сдержанность оставила ее, глаза засверкали, улыбка мощно-стью в пятьдесят мегаватт осветила лицо. Девушка захлопала в ладоши и воскликнула: — Истинное чудо! Человек с Земли — и к тому же мой спаситель.

«Ну вот, — подумал польщенный Фолкейн, — давно бы так!» Он перестал задавать вопросы и просто любовался спутницей. В конце концов, уже много недель ему не приходилось видеть представительниц прекрасного пола.

Добравшись до корабля, они привязали зандару к одной из опор, и Фолкейн с поклоном проводил девушку по трапу к воздушному шлюзу. Чи Лан выбежала встречать прибывших.

— Что за милая зверюшка! — воскликнула девушка.

Чи ошетичилась. Задиристостью она не уступала самому почтенному Бельягору.

— Только попробуйте погладить меня, юная леди, — можете недосчитаться пальчиков. — Чи обернулась к своим коллегам. — Что, во имя девятидесяти девяти дьяволов, там случилось?

— Разве ты не наблюдала за схваткой? — удивился Фолкейн. Не удержавшись от искушения покрасоваться перед Стефой, он продолжал: — По-моему, мы не так уж плохо разделились с этими бандитами.

— Какими бандитами? — оборвала его Чи. — Мне же отсюда все было видно: они отправились прямо в город. Если хотите знать — вы, пара пустоголовых идиотов, — вы расколошматили отряд солдат императора, для заключения договора с которым мы сюда прилетели.

2

Представители Торгово-технической Лиги и их гости собрались в салоне. Идти в город никому не хотелось — там можно было нарваться на стрелу. Пусть уж лучше явится Гудженги и потребует объяснений. К тому же всем хотелось сначала порасспросить друг друга.

Фолкейн налил себе и Стефе шотландского виски, Адзель запасся четырехлитровой емкостью кофе. Его буддистские принципы не мешали ему при случае пить и более крепкие напитки, но ни один корабль в дальнем полете не имел достаточных, на вкус воданита, запасов спиртного. Чи Лан, на которую алкоголь не оказывал никакого действия, вставила в свой любимый мундштук из слоновой кости сигарету со слабым наркотиком. Всем было нужно успокоить расстроенные нервы.

Девушка, щурясь и хмурясь одновременно — ее глаза были непривычны к яркому корабельному освещению, — поднесла стакан к губам и залпом выпила содержимое. Крепкий напиток заставил ее задохнуться. Фолкейн поспешил похлопать ее по спине. Ругательства, которыми перемежались приступы кашля и судорожные вздохи, заставили его покраснеть.

— А я-то думала, ты поскупился на выпивку, — наконец пробормотала Стефа.

— Думаю, за три поколения вы утратили большую часть технологии — включая производство спиртного, — сказал Адзель. — Знаний пятисот человек, часть из которых к тому же дети, недостаточно для поддержания современной цивилизации, а корабль с колонистами вряд ли имел особенно полный набор микрофильмированных книг.

Стефа, вытирая слезы, посмотрела на него.

— Я всегда думала что прапращедок — большой лжец, — сказала она. — Но сдаётся мне, в юности своей он истинно кое-что повидал. Откуда ты?

Воданит действительно представлял собой внушительное зрелище. Если считать хвост, его опирающееся на четыре ноги тело имело в длину не меньше четырех с половиной метров, а торс с могучими руками, грудью и плечами соответствовал остальному. Все туловище покрывала блестящая голубовато-серая чешуя, щитки защищали живот, а гребень — спину. Драконья голова с костяными выступами вокруг ушей и над глазами венчала метровую шею. Но глаза были большими, карими и задумчивыми, а выпуклый череп вмещал весьма развитый мозг.

— С Земли, — ответил он, — то есть с Затлаха, что на нашем языке и значит «Земля». Люди называли мою планету Водан. Это было еще во времена, когда они не исчерпали запас земных наименований для планет. Теперь по большей части используются названия, почерпнутые из языка наиболее развитой местной цивилизации — как, например, Икра-нанка.

— Ты, должно быть, хорош в сражении, — задумчиво произнесла Стефа, и ее рука скользнула к кинжалу на поясе.

Адзель поморщился:

— Ох, ради Бога. Мы — мирный народ. Мы такие большие и бронированные только потому, что природа Водана рождает гигантов. Видишь ли, наше солнце принадлежит к типу F и находится неподалеку от Регула. Оно изливает так много энергии, что, несмотря на силу тяжести, в два с половиной раза большую, чем на Земле, жизненные формы развиваются массивными и...

— Закрой свое реактивное сопло, ты, болтливый варвар, — перебила его Чи Лан. — Пора заняться делом.

Адзель с трудом сдержался.

— Коллега, — прорывал он, — весьма невежливо выражать презрение к другим культурам. Хотя мои соплеменники и простые охотники, наше искусство не уступает никакому другому. Когда я удостоился стажировки на Земле для изучения планетологии, я подрабатывал, исполняя партию Фафнира* в оперном театре Сан-Франциско.

— А также участвуя в качестве дракона в китайских новогодних шествиях, — ядовито добавила Чи.

Фолкейн стукнул кулаком по столу.

— Уймись, вы оба! — рявкнул он.

— Но откуда на самом деле происходит... э-э... госпожа? — спросила Стефа.

— Со второй планеты α^2 Эридана А, — ответил Фолкейн. — Люди-первооткрыватели назвали планету Цинтия, в честь жены капитана корабля.

— Как я слышала, — промурлыкала Чи, — женой она ему не приходилась.

Фолкейн снова покраснел и украдкой взглянул на Стефу. Но девушка совсем не выглядела смущенной; да и если учесть те выражения, которые у нее вырвались недавно...

— В те времена их уровень развития примерно соответствовал античной Александрии, — продолжал он. — Они как раз открыли научную методологию. Но у них нет городов, хоть торговля и развита. Так что они быстро нашли общий язык с Торгово-технической Лигой. — Фолкейн устыдился своей болтливости и замолчал.

Чи изящной шестипалой рукой стряхнула пепел с сигареты. Даже когда она выпрямлялась во весь рост, она едва достигала девяноста сантиметров в высоту. Обычно же она предпочитала опираться на все четыре конечности, свернув свой великолепный хвост кольцом на спине. Ее круглая голова была непропорционально большой, с короткой черноносой мордочкой, аккуратными маленькими ушками и кошачьими усами. Вся Чи Лан, кроме темной маски вокруг огромных сияющих золотых глаз, была покрыта белым пушистым мехом. Своим тонким голосом она деловито произнесла:

— По-моему, нам следует разобраться в той ситуации, в которую ты попала, свободнорожденная госпожа Карлс. Нет,

* Чудовище в скандинавской мифологии; персонаж тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов».

прости, лейтенант Карлс, — так правильно? Как я поняла, ваши предки оказались высажены в здешних местах?

— Да, — кивнула Стефа. Она снова вернулась к подчеркнутой осторожности в разговоре. — Они почти сразу стали сталкиваться с местными жителями — иногда на поле битвы, иногда мирно. Сражения показали, что люди сильнее и выносливее икрананкцев. Здесь же войны не прекращаются. Не лучше ли быть хорошим солдатом, чем батрачить в полях или на шахте? Так с тех пор и повелось — каждый эршока, достигнув должного возраста, поступает на воинскую службу. Те, кто не может уже сражаться, получают чин квартирмейстера или другой подобный.

Фолкейн заметил шрам на руке девушки. «Бедное дитя, — подумал он. — Все должно быть иначе. Ей бы танцевать и развлекаться на Земле — со мной, например. Она слишком милая, у нее слишком нежное сердце, чтобы...»

Глаза Стефы блеснули.

— Я слышала, старики говорили, что на других мирах все время воюют. Не нужны ли там наемники? — заинтересованно спросила она.

— Что?! Э-э...

— Я хорошо сражаюсь. Видели бы вы меня в битве при Яндже! Ха! На наши порядки напали кавалеристы. Одну зандару я насквозь проткнула пикой. — Стефа вскочила, выхватила меч и начала размахивать им в воздухе. — Я снесла голову всаднику одним ударом! Она так и покатилась! Я повернулась и разрубила другого нападающего — от плеча до бедра. Тут на меня слева кинулся спешившийся воин. Я заехала ему щитом в лицо, прямо в клюв. Потом...

— Остановись! — простонал Адзель и зажал уши.

— Нам нужно прояснить ситуацию в целом, — поспешно вмешался Фолкейн. — Ты враждуешь с катандарским императором?

Стефа сдержала свой боевой порыв, снова села и протянула стакан за новой порцией выпивки. Заговорила она сдержанно и осмотрительно.

— Эршока стали служить первому властителю из династии Джадхади, когда старая империя распалась. Они помогли ему оседлать Зверя Катандары, восстановить и расширить империю; с тех пор они — личная гвардия всех императоров и основа армии. В недавние времена они захватили Рангакору в Сундрадарте к востоку от Сумеречного хребта. Это — самая важная твердыня. Хоть она и не перекрывает дорогу к основному перевалу в горах, земли вокруг богаты источниками, а это делает провинцию самой богатой в Чагоре.

— Хаос поberi вашу поганую геополитику! — перебила ее Чи. — Почему тебя преследовали солдаты императора?

— Э-э-э... Я не знаю доподлинно. — Стефа отхлебнула из своего стакана. — Не лучше ли, если сначала вы расскажете о себе? Тогда, может быть, удастся понять, почему Джадхади Третий держит вас здесь, а не в Катандаре. Или его резоны вам известны?

Адзель покачал своей огромной головой.

— Нет, — ответил он. — Более того, мы не знали, что находимся в карантине. Некоторые намеки, конечно, были. Нам на самом деле показалось странным, что до сих пор мы не приглашены в столицу, да и местные жители мало общаются с нами. Как-то мы на флиттере отправились осматривать окрестности и увидели военные укрепления неподалеку; потом Гудженги потребовал, чтобы мы больше не летали. Он сказал, что вид летательного аппарата вызывает слишком сильный страх у местных жителей. Мне не хотелось бы обвинять его в том, что он темнит, но это объяснение производит впечатление притянутого за уши.

— Правду сказать, вас здесь держат в изоляции по приказу императора, — мрачно произнесла Стефа. — Жителям других мест запрещено появляться в Хайякате, а местным не позволено покидать здешние края. Это плохо для торговли, но... — Фолкейн собрался было спросить, почему она сама нарушила запрет, но девушка продолжала: — Скажите мне, как вас занесло в эту Богом забытую дыру? Почему вообще вы явились на Икрананку?

— Она морочит нам голову, — прошипела Чи на торговой латыни.

— Конечно, — ответил Фолкейн на том же языке. — Но можно ли ее винить? Мы для нее чужаки, а последние представители галактической цивилизации, с которыми имел дело ее народ, были пиратами. Мы должны отнестись к ней с пониманием и показать свои добрые намерения.

Чи всплеснула руками:

— О космос! Ты и твой проклятый инстинкт спаривания!

Фолкейн повернулся к ней спиной.

— Прости нас, — обратился он к Стефе на английском. — Нам... э-э... нужно было обсудить некоторые личные моменты.

Стефа улыбнулась, похлопала его по руке, придвинулась поближе и прошептала:

— Я понимаю, Дэвид. Какое милое имя — Дэвид! И к тому же ты из другого мира! Мне так хочется побольше узнать о тебе!

— Ну... э-э... — заикаясь, пробормотал Фолкейн, — мы купцы-разведчики. Это кое-что новое в торговле. — Он надеялся, что его улыбка получилась скромной, а не идиотской. — Я... э-э... один из тех, кто это придумал. — И стараясь быть сдержанным, чтобы не выдать секреты Лиги, он рассказал девушке об их экспедиции.

Николас ван Рийн встал из-за стола и подошел к прозрачной стене своего кабинета. С этой высоты открывался прекрасный вид на изящные башни города, зелень парков и сверкающую под лучами горделивого солнца Земли поверхность Зондского пролива. Некоторое время он молча дымил своей сигарой, потом, не оборачиваясь, произнес:

— Я*, черт побери, у тебя тут зачатки хорошего доходного проекта, а ты — подходящий парень для такого дела. Я давно присматриваюсь к тебе — я не забыл, как ты выкрутился на Айвенго, а ведь ты тогда был — уж ты меня прости — еще совсем юнцом. Ну теперь-то, с дипломом мастера Торговотехнической Лиги, ты справишься с делишками в «Галактической компании пряностей и напитков». Мне, бедному толстому старикашке, нужны стоящие парни. Твое дело — притащить домой хорошую жирную добычу, а уж я прослежу, чтобы тебе достался навар.

— Да, сэр, — пробормотал Дэвид.

— Ты тут хорошо придумал про новые места, про новинки, которые у нас расхватают, как горячие пирожки, и про то, как туземцы раскупят наши товары по неслыханным ценам. Чудненько. Только, парень, думаю я, ты на большее способен. Я тут пораскинул мозгами, — знаешь ли, ночами все ворочаешься, ворочаешься, заботы уснуть не дают.

Фолкейн не стал говорить ван Рийну, что причина его бессонницы — толстенная и белокурая — всем известна.

— Что вы имеете в виду, сэр?

Ван Рийн обернулся, дернул себя за бородку и внимательно посмотрел на молодого человека глазками-бусинками, близко посаженными по сторонам огромного крючковатого носа.

— Скажу тебе по секрету, — после непродолжительного молчания произнес он. — Ты ведь надежный парень, а? У меня так мало друзей... Смотри, если проговоришься, это разобьет мое старое доброе сердце и я своими руками сверну тебе шею. Понял? Ну то-то же. Люблю понятливых.

* Да (голланд.)

Я подумал вот что: как только Лига открывает новую планету, так туда сразу лезет всякое отребье и начинается потасовка. Вижу, вижу, ты считаешь, что это тебе тоже по зубам. Но ведь нет, ты для этого слишком утонченный, слишком чувствительный. Это ясно с первого взгляда. К тому же ты пока что не из космических знаменитостей, за которыми шпионят все, кому не лень. Ну и вот... Почему бы тебе не отправиться и не открыть парочку новеньких планет только для «Пряностей и напитков»? — Ван Рийн подошел и ткнул молодого человека пальцем в ребра. Тот пошатнулся. — Как тебе это нравится, а?

— Но... но... то есть...

Ван Рийн вытащил из холодильника две литровые бутылки пива и, звякая стаканами, пустился в объяснения.

— Галактика, даже та малюсенькая часть спирали, которую мы более или менее обследовали, невообразимо огромна. Исследуя и иногда колонизируя планеты, представляющие очевидный интерес, космические путешественники проскочили мимо буквально миллионов других. Многие из них даже не вошли в каталоги. Если не предпринимать специальных усилий, вряд ли они станут известны человечеству раньше чем через миллионы лет. Но статистика предсказывает, что тысячи из них представляют потенциальную ценность как рынки сбыта и источники новых экзотических товаров. Чем продолжать вести дела с уже известными планетами, не стоит ли найти себе новые... и держать язык за зубами?

Можно выбрать сектор где-нибудь подальше, куда еще мало кто добирается: например, окрестности Спики. Создать там базу. Оттуда маленькие и дешевые автоматические зонды можно будет рассылать во все стороны сотнями. Как только они при помощи своих стандартных программ найдут подходящий мир, они сообщат об этом, и команда торговцев-разведчиков отправится туда, чтобы присмотреться повнимательнее. Если им удастся напасть на золотую жилу, они соберут информацию, заключат торговые соглашения и доложат ему, ван Рийну.

— Достаточно будет троих на корабле, я думаю, — продолжал он. — Вполне достаточно, если учесть, какие цены заламывает ваше Братство, чтоб его блохи закусали. Ты, мастер Торгово-технической Лиги, искушенный в сравнительном культуроведении и прочей свистопляске; планетолог и ксенолог. Лучше, если остальные двое будут инопланетяне. У всех свои таланты, знаешь ли, к тому же меньше будете действовать друг другу на нервы. Может, и приятнее иметь при себе красотку, но в этом деле все можно наверстать — ха-ха! — когда вы

вернетесь. А может, и до того, как отправитесь — приглашаю тебя, парень, на свою следующую маленькую хорошенькую оргию, если ты берешься за эту работу.

— Так вы знали, что на этой планете существует цивилизация, освоившая железо, — кивнула Стефа. — Конечно, ваши роботы — Великий Джеро, подумать только, а я еще не верила прапредку, когда он рассказывал о роботах! — ваши роботы не обнаружили эршока — нас слишком мало. Но что они сообщили вам такого, ради чего вы решили сюда прилететь?

— Планету земного типа всегда стоит исследовать, — ответил Фолкейн.

— Что! Эта дыра похожа на Землю?! Прапредок...

— Любая планета, на которой человек может жить без специального снаряжения, является планетой земного типа. Их не так уж много, видишь ли. Физические показатели, биохимия, экология... да мало ли. Конечно, Икрананка многим отличается от Земли и Гермеса, это правда.

(Масса 0,394 земной, плотность 0,815, диаметр 0,783. Хотя местное солнце излучает немного энергии, это компенсируется близостью орбиты планеты к светилу. Приливные силы заставляют одно полушарие постоянно быть обращенным к солнцу. Однако это медленное вращение в свою очередь приводит к тому, что магнитное поле оказывается слабым и относительно мало взаимодействует с космическим излучением, да и солнце — красный карлик — испускает сравнительно немного заряженных частиц. В результате планета сохраняет значительную атмосферу. Большая часть влаги сконцентрирована в холодном полушарии в виде льда, а теплое полушарие засушливо и является по преимуществу пустыней. Однако такие климатические условия сложились не сразу, и белковая жизнь успела развиваться и приспособиться к ним. В целом химические процессы удивительно похожи на земные.)

— Но что здесь может представлять для вас интерес?

— Многое. Роботы доставили снимки и образцы. По крайней мере два новых опьяняющих вещества, несколько антибиотиков, возможно, пряности, роскошные меха; несомненно, окажется и еще много всего интересного. К тому же есть местные жители — они могут все это для нас собирать в обмен на наши товары и достаточно развиты для того, чтобы оценить привезенное нами.

Чи облизнулась:

— А какие комиссионные!

Стефа вздохнула:

— Я не все поняла, но поверю вам на слово. Почему вы приземлились у Хайякаты? Ведь вы же знали, что самый большой город — Катандара?

— Первый контакт и так — дело тонкое, лучше не соби-
рать вокруг себя толпы, — ответил Фолкейн. — Пока что мы изучаем местный язык и обычаи, да в захолустье и спокойнее. Дело идет достаточно быстро благодаря современным мнемоническим методикам. Император, узнав о нас, прислал учителя — Гудженги. Мы уже собирались посетить столицу, но тут наш профессор начал придумывать всякие отговорки. Это длится уже три или четыре недели.

— Хотела бы я знать, многому ли мы в действительности научились, — пробормотала Чи.

— Что такое неделя? — спросила Стефа.

— Это неважно, — ответила Чи. — Послушай, женщина, из-за тебя мы ввязались в неприятности и теперь можем потерять весь рынок сбыта.

— Что за глупости! — отмахнулась девушка. — Завоюйте их!

— Это было бы чрезвычайно аморально, — пристыдил ее Адзель, — а также против всех наших правил, в частности, из-за экономической убыточности, не говоря уже обо всем остальном.

— И долго ты будешь темнить, трещотка? — напустилась на Стефу Чи. — Почему эти солдаты гнались за тобой?

Раздался сигнал сканера. Голос компьютера произнес:

— Из города к нам приближается отряд.

3

Фолкейн решил, что лучше проявить вежливость и встретить посла-инструктора императора у воздушного шлюза. Но вежливость вежливостью, а бластер на поясе лучше передвинуть так, чтобы он был виден.

Дожидааясь приближения отряда, Фолкейн рассматривал крепостные стены на вершине холма. Камни стен были уложены всухую, поскольку вода здесь — слишком большая драгоценность, чтобы тратить ее на приготовление цемента. Укрепления и приземистые башни по углам охраняли несколько дюжин плетеных хижин: Хайяката — всего лишь торговый городок, перевалочный пункт для местной сельскохозяйственной продукции и приют для купеческих караванов. Здешний гарнизон был невелик; Гудженги признал, что императорская армия очистила предгорья от воинственных дикарей, обитающих в пустыне, и, как заподозрил Фолкейн, солдаты в городе были нужны в основном

для предотвращения возможных беспорядков. То немногое, что Дэвид знал об икрананкской истории, не свидетельствовало о тишине и покое.

«Еще один повод для беспокойства, — подумал он. — Старый Ник не вложит ни гроша в этот дорогостоящий проект, если не будет уверенности в том, что местное правительство в состоянии обеспечить безопасную торговлю. И Катандарская империя представляется единственным подходящим для этого местом на планете. Не будет на Икрананке торговой фактории — не будет комиссионных. Что за веселую и беззаботную жизнь на острие ножа ведем мы, первопроходцы!»

Фолкейн перевел взгляд на приближающийся отряд. Он состоял из двух десятков солдат в кожаных доспехах, вооруженных до зубов (которые в их клювах отсутствовали) мечами, кинжалами, луками и алебардами. Все они носили причудливую эмблему братства тирут — как и остальные солдаты гарнизона. Впереди вышагивал Гудженги: высокий для икрананнца, покрытый всклокоченным иссиня-черным мехом, с очками в позолоченной оправе, криво сидящими на клюве. Он был облачен в длинное алое одеяние, украшенное гербом деодах — императорского братства. На узорчатом поясе висел кинжал. Фолкейну не встречался еще ни один местный житель мужского пола, который не был бы вооружен.

Землянин поклонился, скрестив руки на груди, как того требовал местный обычай.

— Приветствую благороднейшего Гудженги и весь его род, — произнес он традиционное приветствие. Выговорить все звуки этого гортанного языка он был не в состоянии: человеческая гортань для этого просто не годилась. Тем не менее Фолкейн объяснялся достаточно свободно, хотя его грамматика и хромала.

Гудженги не ответил ему столь же традиционным: «Да будет мир между нашими родами», ограничившись коротким: «Давай поговорим». Это означало наличие серьезного недоразумения, которое, как он *надеется*, удастся разрешить без кровопролития. Икрананкец сопровождал свои слова знаком, отвращающим зло, чего он давно уже не делал, встречаясь с торговцами.

— Окажи честь моему дому, — пригласил его Фолкейн: местный язык не имел слова, обозначающего «корабль», а называть звездолет фургоном было бы нелепо.

Гудженги приказал воинам дожидаться и неуклюже поднялся по трапу.

— Что за ужасное здесь освещение! — пожаловался он. Местные жители не воспринимали коротковолновой части

спектра, хотя могли видеть в инфракрасных лучах, так что свет флюоресцентных корабельных ламп казался Гудженги тусклым. К тому же его глаза с горизонтально расположенными зрачками не обладали способностью к адаптации в темноте, что, естественно, не требовалось жителю полушария, постоянно обращенного к светилу

Фолкейн проводил его в салон. Пока они шли туда, Гудженги не переставал ворчать: ему было и жарко, и душно, и парко, и вообще не перестанет ли наконец Фолкейн дышать на него влажным воздухом. Сами икрананкцы не выдыхали водяных паров: влага, образовавшаяся в их организме в результате обмена веществ, сразу попадала в кровь.

Войдя в салон, Гудженги замер на пороге, поправил очки и прокаркал:

— Так, значит, вы и правда дали ей убежище!

Стефа потянулась за мечом.

— Ну-ну-ну, — укоризненно пробормотал Адзель, кладя на ее руку свои железные пальцы, — разве так можно?

— Прошу тебя, присядь, благороднейший, — пригласил Фолкейн, — и позволь предложить тебе утолить жажду.

Гудженги схватил стакан с виски с плохо скрытой жадностью. Икрананкцы в этом отношении ничем не отличались от людей.

— Я верю, что вы прибыли к нам с добрыми намерениями, — сказал он, — и это досадное происшествие найдет удовлетворительное объяснение.

— Конечно, — ответил Фолкейн с большим оптимизмом, чем на самом деле чувствовал. — Мы увидели, как за этой женщиной моей расы гонятся всадники — разбойники, насколько мы могли судить. Естественно, мы предположили, что она наша соотечественница.

Чи выдохнула дым и сказала самым сладким тоном:

— Тем более что ты, благороднейший, не счел нужным сообщить нам о наличии поселения людей на вашей планете.

— Аххрр. — замыаял Гудженги. — Я должен ведь научить вас столь многому...

— Но ведь не мог же ты не знать, насколько это для нас интересно, — неумолимо продолжала Чи.

— по вашей же собственной просьбе...

— Благороднейший, мы шокированы и огорчены.

— Но это же всего лишь одно из солдатских братств...

— Солдатское братство, имеющее большое значение в империи — империи, с которой мы честно и открыто ведем важные переговоры.

— Но эта эршока нарушила строжайший приказ императора...

— Какой приказ? Чтобы нас держали в изоляции? Это, благо роднейший, для нас еще одно неприятное открытие. Мы начинаем сомневаться, стоит ли вам доверять. Может быть, мы здесь нежеланные гости? Ты же знаешь, мы можем и отбыть. Мы не собираемся навязывать ни себя, ни свои товары.

— Нет, нет, нет! — воскликнул Гудженги, у которого слюнки текли каждый раз, когда он вспоминал о виденных образцах — от синтетических тканей до огнестрельного оружия. — Это только...

— Хотя, говоря откровенно, — гнула свое Чи, — вряд ли этим все кончится. Люди на Земле, узнав об эршока, должны будут позаботиться об их перевозке в более подходящее место. Правители Земли едва ли будут довольны, узнав, что в Катандаре скрывают присутствие их соотечественников. Может быть, с ними к тому же плохо обращаются? Боюсь, что все это вызовет большие осложнения.

Фолкейн был слишком потрясен, чтобы насладиться посрамлением Гудженги. Ведь сам он не подумал о последствиях! Если эршока вернутся на родную планету своих предков — шуму будет на всю Галактику! А его задача — держать все их открытия в секрете...

Может быть... но нет. Он посмотрел на Стефу, настороженно сидевшую на кончике стула, на отблески света в ее каштановых кудрях, на серые глаза и изгиб белой шеи, и понял, что не сможет предать ее, скрыв существование эршока. К тому же это было бы бесполезно: как только на Икрананке появятся торговые корабли, все выйдет наружу и какой-нибудь совестливый болван обязательно начнет болтать...

Гудженги дрожащей рукой поднял стакан, запрокинул голову и вылил виски в широко разинутый клюв.

— Я должен сообщить императору... Действительно, должен. Но... в сложившихся обстоятельствах... Может быть, нам удастся прийти к соглашению?

— Мы очень на это надеемся, — ответил Адзель.

— Дело в том, — признался Гудженги, — что незадолго до вашего появления случилось... аххрр... весьма прискорбное событие. Империя начала завоевание Сундрадарты. — Язык икрананкцев не предусматривал лицемерных выражений вроде «умиротворение». — Ключ к этой провинции — город Рангакора. Он сильно укреплен, его трудно захватить, так что император отправил туда свои отборные войска, эршока, чтобы

они взяли крепость штурмом. Командовал ими генерал гвардии... Э-э...

— Роберт Торн, — отрывисто сказала Стефа, вспомнив, что губные звуки икрананкцам не даются.

— Им удалось...

— Можно бы и поблагодарить девушку, — перебила его Чи.

Гудженги смутился и снова приложился к виски.

— Им удалось, — выдавил наконец он из себя, — захватить город. Но тут... э-э... Ро'ер'орн решил, что из Сундрадарты получится неплохое королевство для него самого. Он и другие эршока... В общем, они выбросили из Рангакоры наши войска и захватили власть. Так оно и остается по настоящий момент. Нам еще не удалось... справиться с ними. Тем временем эршока в столице начали волноваться. И тут как раз появляесть вы — той же самой расы, а может быть, и из того же братства! Разве удивительно, что император решил... аххрр... проявить осмотрительность?

— Иуда и его сребренники! — прошептал Фолкейн.

Наступила тишина, которую только подчеркивали шелест вентиляторов, нетерпеливое постукивание пальцев Чи по мундштуку и астматическое дыхание Гудженги. Стефа мрачно смотрела себе под ноги и теребила подбородок. Наконец она пришла к решению, выпрямилась и сказала:

— Да, истинно, все так и было, и это очень плохо для эршока в Катандаре. Они знают, что находятся под подозрением. Если император совсем перетрусит, он может даже приказать их вырезать. Это, правда, было бы не очень мудро с его стороны — ведь неизвестно, кто уцелеет в потасовке, — к тому же мы, эршока, вовсе не хотим, чтобы империя развалилась. С другой стороны, мы должны подумать и о себе. Тут до нас дошли слухи о чужеземцах. Без этого не могло обойтись: жители Хайякаты разнесли новости до того, как был наложен запрет, да и теперь иногда крестьянам удается проскользнуть мимо стражников. Нам, эршока из Железного Дома, обязательно нужно было узнать, что кроется за всеми этими рассказами. Иначе мы бы оказались в положении слепца на горной тропе. Я решила пробраться сюда. Это была моя собственная идея, я не кривлю душой: никто больше ничего не знал. Но стражники меня углядели.

Гудженги не воспользовался представившейся возможностью порассуждать о лояльности и субординации. Впрочем, возможно, ему это и в голову не пришло. За проведенные на Икрананке недели у Фолкейна сложилось впечатление, что туземцы

преданы своим кровным родственникам, а в остальном руководствуются соображениями выгоды.

— Эй, минуточку!

В возбуждении Фолкейн вскочил с места. Гудженги схватился за кинжал, но Дэвид, не обращая на него внимания, зашагал взад-вперед по салону. Наконец он выпалил:

— Да ведь это для нас просто магия! — В катандарском языке отсутствовало слово «везение». — Ваш император напрасно подозревает нас. Мы заинтересованы в том, чтобы иметь дело с крепким государством. Наш корабль достаточно вооружен, чтобы взорвать какую угодно стену. Мы захватим Рангакуру для императора.

— Нет! — вскричала Стефа, вскакивая на ноги и выхватывая меч. — Ах ты подлый...

Фолкейн дал ее пылу остыть в стальных объятиях Адзеля, затем спросил:

— Ну, в чем дело? Разве ты не на стороне императора?

— Прежде чем тебе удастся перебить тысячу эршока, — прошипела она сквозь стиснутые зубы, — я... — и она принялась долго и в анатомических подробностях перечислять, что она сделает с Дэвидом Фолкейном.

— Ох, моя милая, — запротестовал он, — ты не поняла. Я не собираюсь никого убивать. Мы только взорвем стену-другую, чтобы припугнуть мятежников.

— О которых тут же позаботятся солдаты Джадхади, — уныло пробормотала девушка.

— Н-ну... Мы их защитим. Заключим с императором соглашение.

— Но послушай, — возразил Гудженги, — прерогативы императора...

Фолкейн сказал ему, куда император может девать свои прерогативы, но на латыни. По-катандарски же он предложил:

— Мы поможем вам при одном условии — вы даруете эршока амнистию. С гарантиями. Не думаю, что это такая уж высокая цена. Впрочем, это, конечно, решать императору. Мы слетаем к нему и все обсудим.

— Нет, подожди! — вскричал Гудженги. — Вы не можете...

— И как же ты собираешься остановить нас, милый малыш? — ядовито поинтересовалась Чи.

Гудженги привел массу возражений. Император разгневался, если его приказами пренебрегут. В Катандаре нет подходящего места для посадки корабля. Местное население так перепугается, что начнутся беспорядки. И так далее, и так далее.

— Лучше пойти на компромисс, — прошептал Адзель. — Высокомерие только рождает сопротивление.

После длительных препирательств Гудженги наконец признал, что на флиттер можно согласиться. Он был невелик, передвигался быстро — его увидит не так уж много народа, а сестра он может в дворцовом саду. Действительно, ведь если отправить послание в Катандару обычным способом, на это уйдет слишком много времени.

— Вот и хорошо, — заметила Чи, — что корабль останется здесь. Он может послужить резервной базой, если вы впутаетесь в неприятности.

— Мы впутаемся в неприятности? — вскинулся Адзель.

— Не думаешь же ты, что я отправлюсь в этот пыльный мешок? Ни за что. Здесь к тому же я спокойно смогу прослушивать свои записи, пока вы, с вашими ушами, на которые медведь наступил, будете отсутствовать.

— Если ты намерена слушать то, что за неимением достаточно уничижительного термина именуется цинтианской музыкой, я буду рад убраться подальше.

— Мы можем захватить тебя с собой, — предложил Фолкейн Стефе.

Девушка держалась со странной отчужденностью, ее лицо снова скрылось за маской безразличия. Теперь она заколебалась.

— Тебе ведь это ничем не грозит? — спросил ее Дэвид.

— Н-нет, — ответила она на англике, которого Гудженги не знал. — Мои товарищи, конечно, скрыли мое отсутствие, даже если и не догадались, куда я отправилась. Это нетрудно, ведь для безмозглых икрананкцев мы все на одно лицо. Но мы обязаны... я хочу сказать, нам запрещено покидать город. Так что я не могу просто войти в ворота, а если вернусь вместе с вами, за мной будут следить. — Стефа задумалась. — Вот что можно сделать. Вы приземлитесь перед Железным Домом, и я проскользну внутрь. Если потом вас спросят, в чем было дело, вы скажете, что ошиблись и приняли Железный Дом за дворец.

— Но почему ты так стремишься избежать слежки?

— Мне это не нравится. — Стефа схватила Фолкейна за руки и наклонилась к нему. — Ну пожалуйста, Дэвид! Ты ведь был мне таким хорошим другом до сих пор!

— Ну...

Девушка опустила ресницы.

— Я так надеюсь, что мы станем еще более близкими друзьями...

— Ладно, черт возьми!

Сборы были недолгими. Фолкейн переоделся в теплую куртку и штаны, натянул высокие сапоги. Белый плащ и украшенный драгоценностями берет, лихо надвинутый на одну бровь, должны были придать ему импозантности. Оружие — бластер и станнер — он заткнул за пояс, а в карман сунул рацию: ионосфера планеты позволяла поддерживать из Катандары радиосвязь с кораблем. Немногочисленные личные вещи и подарки для императора были сложены в сумку. Адзель ограничился тем, что повесил на шею радиопередатчик.

— Мы регулярно будем выходить на связь, Чи, — сказал Фолкейн. — Если никто из нас не вызовет тебя на протяжении восьми часов, разводи пары и скачи на помощь.

— Мне по-прежнему непонятно, зачем вся эта суета, — пожаловалась Чи. — Эта неуклюжая девица и так уже испортила нам всю обедню.

— Ты имеешь в виду секретность? Мы что-нибудь придумаем. В самом худшем случае, даже если сюда набьются конкуренты, старый Ник все равно урвет свое, лишь бы империя не развалилась. И... э-э... не можем же мы допустить, чтобы кровопролитие продолжалось.

— А почему бы и нет? — заупрямилась было Чи, но быстро сдалась: — Ладно уж, отправляйтесь. Я тут продолжу наши занятия с Гудженги. Чем больше у нас будет информации, тем лучше.

Представитель императора со своим эскортом уже вернулся в город. Узнав о новостях, жители Хайякаты высыпали на крепостные стены, чтобы наблюдать отбытие флиттера.

— Охх! — выдохнула Стефа, ухватившись за Фолкейна. Он преодолел искушение проделать несколько фигур высшего пилотажа и взял курс на северо-запад. Благодаря съемкам, произведенным зондом, земляне располагали превосходными картами, а Гудженги указал им необходимые ориентиры.

Километр за километром под ними проплывала Чакора. Из своей сферической кабины путешественники видели бесконечные ржаво-зеленые поля, крошечные деревушки, вытянувшийся в цепочку караван тяжело нагруженных карикут, который охраняли вооруженные всадники на зандарах.

— Должно быть, это шекедж, — заметила Стефа. — Перевозки в здешних местах — привилегия их братства.

Адзель, размеры которого заставляли всех троих сидеть, прижавшись друг к другу (против чего Фолкейн совсем не возражал), спросил:

— Каждое ремесло — занятие одной семьи?

— Ну конечно, — ответила Стефа. — Если ты по рождению — шекедж, ты будешь караванщиком. Все деодах были

охотниками, пока не завоевали Катандару; теперь они — правители. Тирут и другие, как, например, мы, эршока, — солдаты. Рахинджи — писцы, и так далее.

— А если ты родишься с совсем другими талантами?

— О, но ведь каждое братство занимается разными делами. Основная профессия, конечно, самая почетная. Но кто-то должен вести хозяйство, работать в поле — если братство владеет землей. Это ведь нельзя доверить чужакам, правда? К тому же любой икрананкец, прежде чем достигнет совершеннолетия и будет посвящен в секреты братства, может при желании быть усыновлен другой группой, если те, конечно, согласятся. Это, кстати, одно из отличий нас, эршока. Мы не можем вступать в браки с икрананкцами. — Стефа хихикнула, добавив весьма вульгарную шутку. — Так что мы остаемся в своем отряде. С другой стороны, как раз по этой причине мы можем вполне доверять своей молодежи — им некуда податься. И они рано проходят посвящение.

— Как я понимаю, большинство братств — очень старинные?

— Да. Королевства возникают и распадаются, ни одно не существует дольше нескольких поколений, но кровное родство — это навсегда.

Ее слова подтвердили то, что Фолкейн уже подозревал. Эта всеохватывающая клановость смущала его. Если такое поведение местных жителей — врожденное, значит, этот мир плохо подходит для развития торговых операций. Но если его можно изменить, если икрананкцев удастся научить чувствовать преданность чему-то большему, чем кучка родственников...

Скоро стала видна Катандара. Город лежал не более чем в двух сотнях километров от Хайякаты, которая находилась на полпути от столицы к Рангагоре. Основная территория империи простиралась к западу и к югу, охватывая плодородные области Чакоры.

Извилистое русло реки Яндже, серебрившееся на северо-востоке, окружала пышная растительность, выделявшаяся на фоне голых холмов на востоке и выжженных пастбищ на западе. Там, где, сбегая с круч бывшего континентального шельфа, Яндже впадала в мелкое и илистое озеро Урши, и была построена Катандара. Столица с населением в полмиллиона представляла собой впечатляющее зрелище. На протяжении веков она принадлежала, как в свое время Рим и Константинополь, Пекин и Мехико, разным цивилизациям, и каждая из них строила собственные стены и башни, дома и дворцы, так что теперь городские укрепления охватывали пеструю смесь строений, по большей

части каменных. Когда-то четкие грани древних камней выкрошились от времени, серые квадратные мрачные фасады выходили на старинные узкие улочки. Только в наиболее удаленной от озера части города, на крутых склонах холма высились здания, чьи стены еще не были изъедены несущим песок ветром пустыни — твердыня новых правителей, дворцы с мраморными стенами, украшенными абстрактной мозаикой, и сверкающими медью куполами. Этот район, как и резиденции древних владык, был обнесен собственными крепостными стенами — для защиты властителей от любящих их подданных.

Благодаря сильной оптике сканера Стефа смогла показать Фолкейну нужные ориентиры с расстояния, на котором флиттер еще не был виден горожанам. Дэвид заложил крутой вираж. Рассекаемый воздух завизжал вокруг летательного аппарата, рукояти управления завибрировали в руках землянина. В последний момент он резко затормозил и с грохотом приземлился.

— Прощай, Дэвид... до новой встречи. — Раскрасневшая Стефа наклонилась и поцеловала Фолкейна. Юноша ощутил сладкий запах ее волос. Через секунду ее уже не было во флиттере.

Казарма, в которой размещались эршока, представляла собой огромное здание рядом с императорским дворцом. Оно выходило на вымощенную булыжником площадь, со всех сторон окруженную домами знати. Как и они, Железный Дом имел внутренний дворик и единственную дверь наружу, но в его архитектуре — крутой крыше, головах горгон на карнизах, резьбе на двери — чувствовалась ностальгия по Земле. Немногие оказавшиеся на площади икрананкцы при виде флиттера замерли, вытаращив глаза. Так же реагировала и стража у входа — огромные бородатые воины в кольчугах, позолоченных шлемах и радужно ярких плащах. Но эршока быстро пришли в себя, выхватили мечи и заорали. Стефа метнулась к соплеменникам. Отрывая флиттер от земли, Фолкейн краем глаза увидел, как ее быстро впустили внутрь.

— Ну а теперь — к грозному господину, — сказал он. — Будем надеяться, что он задаст нам свои вопросы прежде, чем прикажет открыть стрельбу.

4

У входа в гостевые апартаменты прозвучал гонг.

— Войдите, — откликнулся Фолкейн.

Слуга в облегающей ливрее откинул тяжелые занавеси, служившие внутренними дверями в этой бедной деревом стране, поклонился и объявил, что император желает видеть представи-

телей Торгово-технической Лиги. Посланец был вежлив, но совсем не подобоострастен; говоря об императоре, он обходился без титулов вроде «его величество», «всемогущий» или «внушающий трепет светоч». Система наследственных занятий не переросла здесь в иерархию каст, и служитель, чувствуя поддержку своего клана, был столь же горд и независим, как и любой солдат или писец.

— Мой спутник вышел на прогулку, — ответил Фолкейн. — Но, думаю, хватит и меня одного.

«Хватит для чего? — спросил он себя. — Мы прохлаждаемся здесь уже целую неделю. Хорошо бы, если бы кто-нибудь из этих посланцев, без конца снующих туда-сюда, догадался засунуть ракету в штаны Джаджади. А может быть, это удастся сделать мне, когда тот отвернется. Очень бы хотелось. Ну ладно, отправляемся».

Он вышел в соседнюю комнату, чтобы одеться для торжественного приема. Предоставленные ему апартаменты были просторны и в своем роде роскошны. Жаль только, что они не соответствовали его вкусу. Дэвиду, правда, нравились занавеси из великолепного оранжевого меха (особенно если подумать о том, сколько за них можно было бы выручить на Земле), но росписи на стенах не только были выполнены в совершенно чуждой человеку манере, но и казались его непривычному к местному освещению взгляду набором черных пятен. Голый пол был таким холодным! И ни одно из низких кресел и украшенных балдахинами лож не было удобным — ведь они предназначались для икрананцев.

С балкона находящейся на третьем этаже комнаты открывался вид на дворцовые сады. Они напоминали старинную японскую гравюру: скалы, низкие растения с изысканно подобранными оттенками листвы. Имелась даже такая роскошь, как фонтан: его струи играли внутри стеклянной колонны, чтобы не дать испаряться драгоценной влаге. Поверх окружающей сад стены были видны только городские крыши. С запада сквозь пелену пыли пробивались зловещие красные лучи солнца. «Опять пыльная буря, — подумал Фолкейн, — несладко придется местным крестьянам».

Провести неделю в императорском дворце было бы интересно, будь это человеческая империя, достигшая необходимого уровня декаданса. Катандара не соответствовала этим стандартам. От нечего делать Дэвид упражнялся в местном языке, читая эпическую поэму, названную скромным автором величайшей поэмой в мире. В ней было даже больше загадок, чем в Библии. Дэвид показал язык фолианту и включил рацию.

— Привет, Адзель, — сказал он на латыни, — как ты там?

— Похоже, мы направляемся в таверну, — ответил голос воданита. — По крайней мере вывеска гласит, что это «Дом изысканных наслаждений и крепких напитков».

— О Боже, как жаль, что мне пришлось остаться на посту... Ну так вот: меня вызывает самая главная шишка. Скорее всего для новой порции болтовни и проволочек, но кто знает. Так что держи радио-ушки на макушке.

Насколько было известно галактическим путешественникам, этот способ связи не был известен икрананкцам и мог при случае оказаться тузом в рукаве.

Если только эршока не научили... Нет, это казалось маловероятным. Ведь их предков высадили в том, что было на них надето, почти без всяких инструментов. Водоворот местной цивилизации быстро закружил их, тут уж стало не до воспоминаний о земных достижениях. Зачем делать ружья или что-то еще, даже если бы на это нашлось время и умение, раз можно просто воспользоваться тем, что ты вдвое сильнее и выносливее местных жителей? За исключением немногих приспособлений, нужных в повседневной жизни, эршока ничего не дали здешней технологии, и их великие знания быстро стали всего лишь легендой.

— Хорошо, — ответил Адзель. — Я объясню капитану Падрику, что это всего лишь безвредная магия. Мне и так приходится его все время успокаивать: он что-то нервничает. Желаю удачи.

Фолкейн вернулся в приемную и последовал за слугой. Тот вел его по бесконечным коридорам и пандусам. Дворец гудел, как улей: шаги, голоса, шуршание одежд и шелест бумаг раздавались отовсюду. Навстречу Фолкейну попадались чиновники в длинных одеяниях, закутанные в плащи с капюшонами торговцы, крестьяне в килтах, скотоводы в широкополых шляпах и в сапогах со шпорами; встретился даже купец, прибывший издалека, из жарких земель тропиков, дрожащий в своем теплом меховом балахоне. Бурный поток жизни империи омывал дворец императора — корону на лбу царственного города. Заманчивые запахи из кухни напомнили Фолкейну, что он голоден. Нужно признать, что местные кулинары были на высоте — это порадует ван Рийна, если все пойдет удачно.

У входа в тронный зал на страже стояли четыре эршока в таких же ярких плащах, как и часовые у Железного Дома. Стоять навтыжку не было принято в армии икрананкцев, и люди оказались достаточно сообразительны, чтобы не вводить здесь это новшество, но тем не менее воины со своими сверкающими алебардами казались неподвижными, как статуи. Рядом с ними

располагалась дюжина лучников братства тирут. Фолкейн не сомневался, что они появились во дворце недавно, только с тех пор, как начались неприятности в Рангагоре. Впрочем, нельзя винить Джадхади в излишних предосторожностях: ведь он теперь не мог доверять собственной Sicherheitsdienst*.

И все же было что-то совершенно шизофреническое в его подозрительности: вместо того чтобы ухватиться за предложение Фолкейна о возвращении захваченного города, император в течение недели допрашивал землянина. Поскольку, приняв предложение, он ничего не терял (по крайней мере никакие возможные осложнения не обсуждались), приходилось отнести нерешительность Джадхади за счет сильнейшей ксенофобии. Но что вызвало ее и что тут можно сделать?

Слуга откинул занавеси, и Фолкейн вошел в тронный зал.

Джадхади ожидал его, сидя верхом на Звере Катандары, бронзовой позолоченной химере. Фолкейн остановился в положенных семи шагах от владыки (расстояние, как подозревал Дэвид, считавшееся достаточным, чтобы стражи-эршока успели схватить злоумышленника в случае покушения) и поклонился.

— Где твой спутник? — резко спросил Джадхади. Гладкий рыжевато-черный мех и алое одеяние пожилого императора не скрывали его кругленького животика. В одной руке Джадхади сжимал украшенный самоцветами скипетр, который в случае необходимости мог послужить и оружием.

— Один из офицеров гвардии пригласил его на прогулку по городу, благороднейший, — объяснил Фолкейн. — Мы сочли, что отсутствовать нам обоим...

— Какой офицер? — спросил Джадхади, наклоняясь вперед. Ближайшая к нему стражница, покрытая шрамами седая могучая валькирия, положила руку на рукоять меча. Придворные, писцы, советники, чародеи, младшие отпрыски знатных семейств, обучающиеся приемам управления, придвинулись поближе. Их глаза горели красным огнем в тусклом свете.

— Э-э... его зовут Хью Падрик, благороднейший.

— Аххрр... И скоро они вернутся?

— Я не знаю, благороднейший. Что-нибудь срочное?

— Нет. Пожалуй, нет. Но мне это не нравится. — Джадхади повернулся к гвардейцу-туземцу. — Пусть их найдут и вернут. — Подозвав писца, он приказал: — Нужно немедленно вывесить приказ о том, что всем эршока запрещается приближаться к делегатам Торгово-технической Лиги.

* Политическая полиция (нем.)

— Благороднейший! — из-за цепи стражников, эршока и представителей братства отнакаджи, стоящей вдоль ряда малахитовых колонн, выступил единственный человек в зале, кроме часовых и Фолкейна, — седой старик, сохранивший, однако, воинскую выправку. Фолкейн встречал его на других аудиенциях: это был Гарри Смит, старейшина эршока. — Я протестую!

В зале воцарилась мертвая тишина. Все замерли, только язычки пламени в серебряных канделябрах заставляли тени скользить по мрамору, мехам и роскошным тканям да едкий дымок поднимался из курильниц. Музыканты за колоннами перестали играть, и лишь затейливо украшенные часы на стене, казалось, затикали громче.

Джадхади застыл на своем Звере. Его глаза сверкали так же холодно, как алмазные глаза химеры.

— Что ты сказал? — спросил он резко.

Смит бестрепетно ответил:

— Благороднейший, мы, эршока из твоей гвардии, как и ты, возмущены неповиновением Роберта Торна. Он больше не один из нас, и мы не примем обратно его приспешников. — Смит кинул на стражницу-валькирию взгляд более свирепый, чем требовала ситуация. — Только позволь нам выступить на Рангакору, и мы докажем тебе, что эршока так же верны дому деодах, как и во времена Джадхади Первого. Но ты нам не доверяешь. Ты держишь нас без дела, за нами следят, другие братства по твоему приказу делят с нами обязанности, которые были нашей привилегией со времен воцарения твоей династии. Все это мы сносим терпеливо, мы понимаем: ты опасаясь того, что узы крови окажутся сильнее верности государю. Тем не менее воины раздражены. Они ворчат. Если теперь ты открыто оскорбишь их, я не ручаюсь за последствия.

Секунду человек и икрананкец пристально смотрели друг на друга. Затем Джадхади отвернулся и обратился к своему главному чародею:

— Что скажешь, Нагагир?

Согбенный старец в тоге, украшенной магическими символами, не стал указывать своему повелителю на очевидное обстоятельство: в зале находилось полсотни эршока, которые не потерпели бы насилия над своим главой. Ответ его был мудр:

— Не стоит придавать этому делу особого значения, благороднейший. Очень немногие из гвардейцев имеют шанс повстречаться с твоими почтенными гостями. Если запрет их так задает, отмени его — большой разницы это не составит.

— Я озабочен соблюдением твоих же собственных интересов, благороднейший, — мягко сказал Смит.

Фолкейн считал, что ему самое время вмешаться.

— Если мы не задержимся здесь, благороднейший, вопрос разрешится сам собой. Согласись на мое предложение, и мы тут же отправимся в Рангакору; откажись от него — и мы вернемся к себе. Не пора ли принять решение?

— Аххрр... приказ отменяется, — сдался император. — Я не могу решать вслепую, — ответил он Фолкейну. — Мы слишком мало знаем о вас. Даже с самыми благими намерениями вы можете накликать несчастье. Ради того, чтобы этого не случилось, я вас и позвал сегодня. Я хочу, чтобы ты объяснил свои обряды Нагагиру — он сможет оценить, достаточно ли они благочестивы.

«О нет!» — простонал про себя Фолкейн.

Тем не менее он нашел беседу с чародеем интересной. Фолкейна всегда удивляло полное, казалось бы, отсутствие религии в местном обществе, а обсудить это удивительное обстоятельство с Гудженги он не успел. Хотя он не рискнул задавать Нагагиру прямые вопросы — обнаружить незнание могло быть не менее опасно, чем остаться в неведении, — окольными путями он выведал у него кое-что. Притворяясь, что не понимает некоторых вещей, Фолкейн заставил чародея объяснить ему главное в местных верованиях.

Только идиот или невежественный турист рискнул бы делать обобщения касательно всей планеты, познакомившись с одной-единственной культурой. Но обычно предполагалось, что наиболее развитая цивилизация обладает по крайней мере одним изощренным теологическим учением. Религия же Катандары была на удивление примитивной. Фолкейн даже не был уверен, можно ли назвать эту мешанину религией. У местных жителей не было богов; их бытие представлялось им просто обычным течением событий, нормальным предсказуемым порядком вещей, существовавшим с начала времен, когда доисторические Пламя и Лед, соединившись, породили Вселенную. Но катандарцы верили в каких-то неопределенных демонов, силы, вечно стремящиеся к созданию хаоса. Их *modus operandi** заключался в том, чтобы вызывать несчастья. Держать эти силы в узде можно было только с помощью магии — от бесчисленных повседневных обрядов и табу до сложных таинств, в которые были посвящены чародеи.

К тому же не все маги оказывались благочестивы. Никогда нельзя было быть уверенным в том, что кто-то из них не окажется развращен настолько, чтобы служить силам разрушения.

* Образ действий (лат.)

Мифология выглядела столь же параноидальной, как и все прочис достижения икрананкской мысли. Фолкейн начал сомневаться в том, что с катандарцами стоит заключать торговый договор.

— Конечно, — сказал он Нагагиру, — мы в Торгово-технической Лиге все могучие волшебники. Мы усердно изучаем законы случая, правящие миром. Я буду рад научить тебя весьма полезному обряду, который мы называем покер. Что же касается отвращения несчастий, мы могли бы продать вам талисманы по невероятно низкой цене — например волшебную траву, которая называется клевер с четырьмя листиками.

Нагагир, однако, хотел знать подробности. Он подозревал, что магия землян может оказаться менее действенной, чем они думают: силы разрушения иногда притворяются слабыми и тем заманивают простаков, чтобы вернее их погубить. И вообще, вдруг это черная магия — благороднейший, конечно, понимает, что это необходимо выяснить.

Не обладая познаниями Мартина Шустера, чтобы опрокинуть целый религиозный культ с помощью каббалы, Фолкейн был вынужден прибегнуть к проволочкам.

— Я подготовлю обзор, и мы с тобой его обсудим, — предложил он Нагагиру. «Господи, помоги мне, — сказал он себе, — или, вернее, Чи Лан, помоги мне. От Адзеля толку мало: этот буддист только и годится на то, чтобы издавать успокоительные звуки. А вот Чи другое дело — я сам видел, как она гадала на картах на вечеринке. Надо связаться с ней и придумать что-нибудь». Вслух он произнес: — Если ты сделаешь такой же обзор своей системы, это очень нам поможет.

Клюв Нагагира широко раскрылся. Джадхади привстал на своих золоченых стременах и, указывая на Фолкейна скипетром, проскрежетал:

— Ты пытаешься вывести наши секреты?

— Нет, нет! — замахал руками Фолкейн, покрываясь холодным потом. — Мне не нужно никакой секретной информации — я хочу сказать, ничего такого, что не положено знать непосвященным. Я имел в виду те обычаи, которые известны всем — кроме, конечно, чужестранцев вроде меня.

Нагагир успокоился.

— Это можно сделать, — ответил он, — хотя составление обзора займет определенное время.

— И сколько же времени на это нужно?

Нагагир пожал плечами. От остальных тоже было мало прока. Хотя часы здесь были известны уже несколько столетий, а эршока их усовершенствовали, катандарцы использовали их про-

сто для того, чтобы отмерять периоды работы и отдыха. Жители планеты, где отсутствовала смена дня и ночи и не было времен года, смутно представляли себе отрезки времени более короткие, чем их семидесятидвухдневный год. А в глуши, где приземлился «Через пень-колоду», дела обстояли еще хуже: крестьяне просто работали до тех пор, пока не чувствовали, что пора на отдых. Несомненно, это был очень здоровый образ жизни, но Фолкейну от этого не становилось легче.

— Позволь мне удалиться, благороднейший, — сказал он. Джадхади разрешил, и Фолкейн поспешил покинуть зал, прежде чем выцарапает глаза благороднейшему.

— Пусть мне принесут обед, — приказал он сопровождавшему его слуге. — И принадлежности для письма, и кувшин пива. Большой кувшин.

— Какое пиво желает благороднейший?

— Крепкое, конечно. Брысь! — Фолкейн задернул занавеси в дверном проеме.

Чья-то рука стиснула его горло. Фолкейн икнул и потянулся к оружию, отбиваясь от нападавшего. Ему удалось лягнуть его, но того защитил высокий сапог, а другая рука сжала правую руку Дэвида. Как ни силен был Фолкейн, хватка противника не давала ему вытащить бластер. Не смог он дотянуться и до станера на левом бедре: второй силач-эршока вцепился в его левую руку. Фолкейн начал задыхаться. Землянин ударил ногой того нападавшего, что был слева, попал по щиту и завопил бы от боли, если бы мог. Теперь эршока крепко держали его. И тут в поле зрения Фолкейна всплыло лицо Стефы Карлс. Ее рука прижала к его носу какую-то мокрую тряпку. Душитель ослабил хватку, и Дэвид рефлекторно сделал глубокий вдох. Он ощутил резкий запах, все закружилось у него перед глазами, и он провалился в темноту.

5

Как правило, рассказывал Хью Падрик, Старый Город — не самое безопасное место на свете. Помимо того, что там традиционно обитают представители братств убийц, грабителей и карманников — не говоря уже о менее опасных занятиях: азартных играх и проституции, — он предоставлял убежище приверженцам прежних династий, ненавидящих узурпаторов — братство деодах. Поэтому эршока не ходили в Старый Город поодиночке. Однако сейчас, сказал Хью, бояться нечего — Адзель заменяет собой целый отряд.

— Но я вовсе не хочу ввязываться в неприятности, — пожаловался воданит.

— Вряд ли это тебе грозит, — улыбнулся Падрик. Это был высокий молодой человек, одетый в рубашку, брюки, высокие сапоги и плащ, вооруженный мечом и кинжалом. Вьющиеся русые волосы обрамляли обветренное лицо с римским носом и явно недавно отпущенной бородкой. Фолкейн и Адзель находили его интересным собеседником, когда он раньше навещал представителей Торгово-технической Лиги, и Адзель, любопытство которого не уступало его размерам, не смог устоять перед соблазном, когда Падрик пригласил его на прогулку по городу.

Выйдя из дворцовых ворот, они пересекли Новый Город. На воданита глазели, но сенсации его появление не вызвало. Все уже знали о гостях императора, к тому же представители образованных классов имели некоторое представление об астрономии.

— Это вы, люди, научили их? — спросил воданит Падрика, когда речь зашла об этом.

— Немножко, мне кажется, — ответил эршока. — Как мне говорили, они уже знали о том, что планеты, вращающиеся вокруг солнца, такие же миры, как и их собственный, и даже представляли, что звезды — это другие солнца.

— Откуда же они узнали? Здесь ведь всегда день...

— От жителей Рангакоры, я думаю. Этот город имеет более высокоразвитую науку, чем остальные. Он расположен достаточно близко к Сумеречным краям, так что их путешественники могли заходить и во Тьму для наблюдения за звездами.

Адзель кивнул. Циркуляция атмосферы должна приводить к тому, что в тех местах еще достаточно тепло для икрананкцев — даже в Бессолнечной Стране, у антиподов, температура редко падала ниже минус пятидесяти градусов. По этой причине, а также из-за того, что Икрананка меньше Земли, а видимый размер ее светила — больше, пограничный эффект проявляется здесь не так резко: климат в приполярных зонах и в Сумеречных краях особенно не отличается от климата умеренного пояса.

Местные жители, рискующие путешествовать в холодном полушарии, должны страдать от неприспособленности их зрения к темноте. Но, соорудив там склады топлива, они обеспечили себе освещение. Вероятно, побудительной причиной для этого изначально была разработка полезных ископаемых, и только потом они начали удовлетворять свое научное любопытство.

— По правде говоря, — пробормотал Падрик, — Рангакора гораздо лучше этого города: более удобна для жизни и более... э-э... цивилизована. Иногда я думаю, как хорошо бы было, если бы наши предки встретили жителей Рангакоры прежде, чем присоединиться к толпе дикарей — завоевателей этой пар-

шивой империи. — Он умолк и оглянулся вокруг, чтобы удостовериться, что его никто не подслушал.

За стеной, отделявшей Новый Город, начинался крутой спуск. Здания, мимо которых они шли, становились все более древними, обветшалые серые дома теснились друг к другу, на их закрытых дверях можно было разглядеть символы давно погибших цивилизаций. На рыночной площади торговли расхваливали свои товары — еду, напитки, ткани, меха, изделия местных ремесленников. В мастерских позади лавок стучали молотки, жужжали гончарные круги, скрипели ткацкие станки. Но сами лавки были наглухо закрыты от прохожих: как бы какой-нибудь демон или злой волшебник не навел порчу на товары.

Толпа, заполнявшая узкие улочки, была шумной и безалаберной. Чтобы проложить себе дорогу, никто не стеснялся применять силу; доверху груженные дарами полей Чакоры крестьянские тележки, запряженные карикутами, со скрипом тащились навстречу полуобнаженным носильщикам с тюками на бритых головах, жавшимся к стенам домов, когда появлялись чванливые караванщики-шекедж. Встретившийся Адзелю и Падрику большой фургон охранялся не кем-нибудь, а лучниками братства тирут: он перевозил спрессованные в доски стволы местных «деревьев» — материал более драгоценный, чем бронза. Всадники-лахнакони на неуклюже переваливающихся зандах — в тесноте города животные не могли передвигаться скачками — везли на продажу меха; жители пустыни крепко сжимали копыя и настороженно озирались. Резкие голоса икрананкцев, скрип повозок, топот копыт, стук молотков сливались воедино, напоминая грохот прибоя. Ветер нес пыль и дым, воздух был наполнен тысячью острых запахов.

Горожане безропотно уступали дорогу Адзелю; некоторые из них даже пытались влезть на стену при его приближении. Сотни клювастых лиц боязливо смотрели на него с плоских крыш. Падрик нес на высоком древке флажок братства деодах, к тому же молва уже успела предупредить об их приближении. Но все равно большинство катандарцев были явно не в своей тарелке.

— Почему это тот старик в коричневом одеянии — там, в проходе, — делает в нашу сторону какие-то знаки? — спросил Адзель.

— Это чародей. Он отводит проклятие, которое ты можешь навлечь на здешних жителей. По крайней мере он на это надеется. — Ответ Падрика оказался почти заглушен поднявшимися вокруг воплями.

— Но я же никого не проклинаю!

— Ему это неизвестно. Да и вообще, здесь считается, что все новое скорее всего вызвано черной магией.

«Похоже, что такие же взгляды распространены и в здешнем высшем свете, — размышлял Адзель. — Это может объяснить явное нежелание Джадхади заключать соглашение с послами Лиги. *Нужно обсудить это с Дэвидом по возвращении*».

Падрик показывал ему местные достопримечательности: статую, которой пять тысяч лет (по земному календарю), дворец правившей раньше династии, превращенный теперь в склад, дом, дверь в который была сделана в форме клюва... Адзеля больше интересовали великолепные дворцы самых влиятельных братств: в них жили старейшины и там же братства собирались на совет. Хотя члены этих групп поддерживали правительство, кланы не перенесли свои резиденции в Новый Город — да и зачем? Империи, династии, цивилизации приходят и уходят, они эфемерны. Только братства вечны.

— Вон Дом Каменного Топора, — показал Падрик. — Он принадлежит братству даттагир. Их Старейшина все еще владеет этим кремневым топором: никто не знает, когда его сделали, известно только, что это случилось еще до того, как научились получать металлы. — Он зевнул. — Тебе это все не надоело? Не пойти ли нам туда, где жизнь еще не замерла? В Старом Городе есть веселые кварталы.

— А не будут ли там тоже смущены моим появлением? — спросил Адзель. Ему очень хотелось надеяться, что нет. Его уязвляло, что при его приближении матери хватают и прячут детенышей — этих милых пушистых малышей, которых ему так хотелось бы подержать на руках.

— Не особенно, — ответил Падрик. — Там не так боятся черной магии, поскольку сами ею занимаются.

Они спустились еще ниже, миновали полуразрушенную стену и вошли в извилистый проход. Дома здесь были выше и уже, чем старинные здания, они теснились друг к другу, верхние этажи имели нависающие балконы, так что лишь изредка удавалось увидеть кусочек лилового неба, а тени стали темными и непроницаемыми. Строители этого района жили в более благодатные времена, когда земля еще не так иссохла; они вымостили улицы, чтобы не ходить по грязи. Копыта Адзеля громко стучали по камням: квартал был тихим, закутанные в плащи фигуры прокрадывались от двери до двери, и только откуда-то доносились тихие звуки арфы. Пока Адзель и Падрик спускались по откосу на дно древнего моря, можно было видеть одновременно озаренные красными лучами солнца скалы над столицей и развалины верфей на берегу заросшего водорослями озера Урши.

Падрик остановился.

— Как ты относишься к тому, чтобы промочить горло?

— Мне нравятся ваши напитки... — Адзель умолк. Рация на его шее заговорила голосом Фолкейна.

— Что за демон! — вскричал Падрик, отскакивая назад и хватаясь за меч. Двое икрананкцев, сидевших на корточках у двери дома, поспешно скрылись внутрь.

Адзель успокоительно помахал рукой и закончил свою беседу по-латыни с Фолкейном.

— Не пугайся. Это всего лишь немножко магии, совсем безвредной, — обнадежил он Падрика. — Э-э... заклинание от сил зла, прежде чем войти в незнакомый дом.

— Это может пригодиться, — расслабился его спутник. — Особенно здесь.

— Зачем же мы пришли сюда, если ты чего-то опасаясь?

— Ради выпивки, игры, может быть, драки. В казарме скучно. Пошли.

— Я... мне кажется, лучше бы вернуться во дворец.

— Что! Веселье еще только начинается! — Падрик дернул Адзеля за руку, хотя с таким же успехом мог бы попытаться сдвинуть с места скалу.

— Может быть, в другой раз. Магические предзнаменования...

На лице Падрика появилось оскорбленное выражение.

— Ты мне не друг, если отказываешься со мной выпить.

— Прости меня, — сдался Адзель. — Ты был так добр, я не хотел бы обидеть тебя своей невежливостью. — К тому же в горле у него пересохло; да и Фолкейн не требовал от него никаких немедленных действий.

Падрик откинул полусгнившую кожаную портьеру. Какая-то потаскуха стала подбираться к нему с хриплыми приглашениями, увидела, что это человек, и быстро ретировалась. Падрик засмеялся:

— Здешние красотки не про нас, что ж поделаешь. Зато в Железном Доме можно легко и свободно найти себе подружку.

Когда следом за эршока в полную посетителей, дымную комнату протиснулся воданит, там воцарилась мертвая тишина. Над столами, где сидели завсегдатаи, засверкали ножи. Факелы на стенах бросали зловещий свет — тусклый для Адзеля, яркий для местных жителей, — на грязную одежду, жадные лица, немигающие глаза. Падрик прислонил к стене древко своего флажка и поднял обе руки.

— Мир между нашими родами. Вы меня знаете — я Хью из дворцовой гвардии, и в драке я не из последних. А это — гость

императора. Он хоть и велик, но не зол, и никакой демон не следует за ним по пятам. Любой демон побоится.

Какой-то пьянчуга в углу хрипло рассмеялся. Это несколько разрядило атмосферу. Посетители вновь потянулись к кружкам, хотя и продолжали искоса кидать настороженные взгляды, а их бормотание наверняка не содержало ничего лестного для чужака-дракона. Падрик нашел себе табуретку у стола, Адзель свернулся на земляном полу напротив эршока. Хозяин таверны наконец набрался смелости спросить, чего гости желают. Падрик показал на Адзеля и щедро распорядился:

— Налей его доверху. — Икрананкец наклонил голову, прикинул емкость посетителя и довольно потер руки.

Бренди, или джин, или арак — как бы ни называлось пойло, которое гнали из местных фруктов, — по крепости напоминал концентрированную серную кислоту. Но у него был приятный запах. Адзель залпом выпил пол-литровую кружку. «Не следует быть жадным», — напомнил он себе.

— Не стесняйся. Я плачу. — Падрик звякнул полным кошельком. — У нас хорошее жалованье, надо отдать Зверю справедливость.

— Вот что меня всегда интересовало: ведь не все эршока живут в Железном Доме?

— Нет, конечно. Ты несешь там службу, когда тебя назначают, пока не женишься. И еще Железный Дом — наша штаб-квартира. Дома, в которых живут семьи, разбросаны по всему Новому Городу. Часть живет на фермах — кто где хочет. Выйдя замуж, женщины обычно уходят со службы. Мужчины раз в год проходят тренировки, ну и конечно, встают под ружье в случае войны.

— Как же тогда отряд Роберта Торна рискнул восстать? Ведь их семьи оказались заложниками императора?

— Да нет. Если Джадхади тронет хоть одного из нас, мы все восстанем — от Гарри Смита до последнего мальчишки-барбанщика, — и быть тогда голове императора на пике. Да, кроме того, многие жены и дети сопровождали отряд. Так обычно бывает, когда ожидается длительный поход или осада. Женщины — прекрасные часовые в лагере: куда против них этим хлипким икрананкцам; они и поварихи, они и... — и Падрик продолжил перечисление женских функций.

Будь это на Земле, женам и детям не следовало бы сопровождать войско, учитывая примитивность культуры и неразвитость медицины. Но никакие местные бактерии не были страшны землянам. Это, кстати, делало из эршока таких непобедимых солдат: ведь болезни губят армии более неумолимо, чем сражения.

— Я так вам сочувствую, — сказал Адзель. — Должно быть, это очень тяжело — при вашей тесной сплоченности — оказаться по разные стороны баррикад.

— Кто это тебе сказал? — вскинулся Падрик. — Этот выживший из ума Смит? Ну конечно, в те времена, когда он был молод, узы крови не были так сильны. Ему не удастся подняться против Торна никого из моих ровесников. — Он осушил свой стакан и помахал хозяину, требуя пополнения. — Похоже, правда, что офицерам в Железном Доме удастся заставить эршока соблюдать нейтралитет.

Чтобы переменить опасную тему, Адзель спросил Падрика, видел ли он Стефу Карлс после ее возвращения.

— Конечно, черт побери! — с энтузиазмом воскликнул тот. — Ну и девка!

— Очень милая, хотя и несколько импульсивная, — согласился Адзель.

— Я не совсем это имел в виду. Хотя, истинно, в бою она не уступит любому воину. Выпьем за Стефу!

Стаканы со звоном ударились друг о друга. Видя, как добродушен дракон, завсегдатаи таверны приободрились. Вскоре икрананкец — прежний собутыльник Падрика — присел к их столу и приветствовал гостя.

— Добро пожаловать! — вскричал эршока. — Пей, я угощаю!

— Все-таки нам следовало бы уже вернуться, — вспомнил Адзель.

— Не глупи. И ты обидишь моего доброго друга Ракшни. Он хочет с тобой познакомиться.

Адзель пожал плечами и снова опрокинул кружку. К компании присоединились другие икрананкцы. Они начали петь, потом заспорили о положении в Рангакоре — без особого пыла, поскольку никого в Старом Городе особенно не интересовало, что будет с этим выскочкой-императором, потом случилась небольшая потасовка между тремя или четырьмя местными головорезами. Это окончательно сплотило компанию, и кувшин снова пошел по кругу. Начались тосты — за их братства, за потаскух, пивших с ними вместе, за доброго старого короля Аргаша, за реку Яндже, которая поит Катандару, за озеро Урши, в котором так удобно прятать концы в воду, за Хью Падрика — за Хью Падрика особенно часто, ведь именно он платил за выпивку. Потом собутыльники уже не могли вспомнить, за что они уже пили, а за что еще нет, в ход пошли кости и карты, и всем было очень весело. Выпивка стоила недорого, а в кошельке Падрика хватало денег. Когда вечеринка

все-таки закончилась, это произошло не потому, что кошелек опустел, а потому, что большинство участников свалились на пол и отключились.

— Я... длж... должен вернуться, — выговорил Адзель. Его конечности оказались почему-то совершенно ненадежными, а хвост проявил возмутительную самостоятельность и начал вилять. В результате большая часть мебели оказалась разбита в щепки, но хозяин не возражал. Он тоже отключился.

— Ик... конечно... истинно так. — Падрик, пошатываясь, встал на ноги. — Долг зовет.

— Зовет визгливым противным голосом, — подтвердил Адзель. — Ммой друг, у тебя... ик! совершш... совершенно неверные представления. Ессли бы ты... ик! ощутил единство мироздания, — только не следует делать обычную ошибку и путать нирвану с полным исчезновением...

Адзель не был фанатиком, но нужно же дать этому отличному парню, шагающему с ним в обнимку, ясное представление о махаяне*. Вот он и читал ему проповедь весь обратный путь. Падрик пел. Местные жители предусмотрительно убирались с дороги.

— Ну и вот, — бубнил Адзель, — как видишш... реинкарнация вовсе не являясь необходимым атрибутом кармы...

— Подожди, — Падрик остановился. Адзель наклонился, чтобы видеть спутника. Они были у ворот в Новый Город.

— Э-э... в чем дело?

— Вспомнил об одном поручении, — Падрик протрезвел с неожиданной быстротой. Пил ли он в таверне наравне с остальными? Адзель не заметил. — Ты иди дальше.

— Но я как раз подхожу к самому интересн...

— Потом, потом. — Ветер дул по пустой улице, неся песок. Кроме них, поблизости никого не было. Странно, возникла у Адзеля смутная мысль. Горожане, конечно, и раньше расступались перед ним, но не до такой же степени. Нельзя было и предположить, что все вокруг спят: за отсутствием ночей в любое время количество бодрствующих было примерно одинаковым.

— Ну что жж, спасибо за очень интересш... интересш... интересную прогулку. — Адзель протянул руку. Падрик торопливо, почти испуганно пожал ее и кинулся прочь, только меч звякнул в ножнах.

* Наряду с хинаяной одно из двух основных направлений буддизма. Махаяна подчеркивает черты терпимости в этическом учении буддизма.

И место тоже странное. Мысли Адзеля по сентиментальной привычке обратились к Водану — его прекрасным широким равнинам, освещенным ярким солнцем, где можно было мчаться километр за километром, а после скачки дружной компанией сидеть у костра — друзья, ребяташки, самки... Но все это позади. Его семья всегда поддерживала отношения с Лигой, родные хотели, чтобы он получил современное образование; вот он и получил его — и так переменялся при этом, что теперь уже никогда не сможет чувствовать себя своим среди охотников. Он не скучал по представительницам прекрасного пола: его возбуждал только запах самок в сезон спаривания. Но простодушное принятие собственной принадлежности к виду было утрачено навеки. Адзель вытер глаза и затрусил по улице, покачиваясь из стороны в сторону.

— Вот он!

Адзель резко остановился. Перед стенами Нового Города раскинулась широкая площадь. Она кишела солдатами. Адзель никак не мог сообразить, сколько же их: они почему-то раздваивались, как амебы, если он пытался получше их разглядеть. Но все равно их было много, и все как один икрананкцы. Ворота были закрыты, и перед ними стояли катапульты.

Вперед вырвался отряд кавалерии.

— Стой, ты! — закричал его командир. Наконечник его копья кроваво сверкал в лучах красного солнца.

— Я и так стою, — рассудительно ответил Адзель.

Как ни боялись зандары дракона, императорская кавалерия была хорошо вымуштрована: всадники начали окружать Адзеля.

— Благороднейший, — нервно обратился к нему командир, — нам нужно поговорить. Случилось несчастье, и император желает тебя видеть.

Адзель прижал руку к груди так, что чешуи закрипели, и поклонился. Его шея все сгибалась и сгибалась вниз, пока наконец морда не ткнулась в землю. Это ему не понравилось, но он постарался сохранить светский тон.

— Ну ясное дело, все что угодно. Готов служить... Пшшли к императору.

— Э-э... ради соблюдения этикета... благороднейший, император желает, чтобы ты был украшен этими почетными знаками. — Офицер поманил пехотинца, который повиновался без видимого ликования. Он нес цепи.

— Что? — Адзель попятился. Его ум помутился.

— Стой, ты! — закричал офицер. — Стой, или мы будем стрелять! — Солдаты у катапульт взвели пружины. Эти

неуклюжие машины могли прострелить копьём с металлическим наконечником даже воданита.

— Н-но что случилось? — запричитал Адзель.

— Все что угодно. Должно быть, все демоны сорвались с цепи. Твой напарник исчез, а вместе с ним и многие эршока. Когда император узнал об этом, он заподозрил предательство и приказал окружить Железный Дом. Воины внутри рассвирепели и отказались сдаться. Они стреляли в наших солдат!

Офицер вцепился своими пальцами-когтями в хохолок на голове. Плащ его захлопал по ветру, задара сделала скачок. Солдаты, выставив копыя, по-прежнему окружали воданита.

— Что? — Будь проклято это пойло! И под рукой нет ничего, что помогло бы быстро протрезветь. Адзель включил рацию. — Дэвид! Где ты? Что шллучилось?

Никакого ответа.

— Дэвид! Тревога! На помощь!

— Ты только постой спокойно, — увещевал офицер. — Сначала руки. Если ты невинен, тебе ничто не грозит.

Адзель переключился на волну Чи Лан:

— Чи! Ты тут?

— Конечно, тут, — пришел ядовитый ответ. — Где же мне еще быть?

Адзель про себя продекламировал тантру-другую. Их благотворное влияние несколько разогнало туман у него в голове. Кое-как он объяснил Чи ситуацию.

— Я пойду с ними. Мирно. А ты давай ссюда... вместе с кораблем... Тогда им придется освободить меня, и мы займемся поисками Дэвида.

— Немедленно, — ответила Чи.

Целый отряд чародеев у ворот делал отчаянные пассы в сторону Адзеля. Тот повернулся к офицеру.

— Да, конечно, я пойду ссс... с вами к императору. — Рация издала какие-то неотчетливые звуки. Должно быть, Чи разговаривает с кем-то еще. Адзель протянул руки и оскалился. Это должно было изображать улыбку, но на виду оказалось слишком много устрашающих клыков.

Офицер подтолкнул солдата с цепями концом копья.

— Ну давай. Выполняй свой долг.

— Выполняй сам, — заупрямился тот.

— Что я слышу?! Ты противоречишь приказу?!

— Да. — Солдат попятился. Верховые воины отнеслись к нему с явной симпатией и расступились, давая дорогу.

— Да ладно, — сказал Адзель. Ему хотелось как можно скорее увидеть Джадхади и узнать в подробностях, что же про-

изошло. Он рванулся вперед, кавалеристы взвизгнули и кинулись врассыпную.

— Я же только хочу помочь! — воскликнул воданит. Он поймал солдата, отобрал у него цепи и отпустил его. Тот рухнул на землю и сжался в комочек.

Адзель присел, опираясь на хвост, и стал рассматривать цепи. Их звенья погнулись.

— Как, вы полагаете, я смогу их застегнуть? — сварливо осведомился он. Чем старательнее он распутывал цепь, тем больше звеньев сцеплялось друг с другом. Императорское войско зачарованно наблюдало.

Из рации донесся крик:

— Адзель! Спасайся! Этот невоспитанный варвар поймал меня! — За этим последовали звуки борьбы, удар, и передатчик умолк.

На какой-то безумный момент Адзелю показалось, что он попал обратно на корабль и играет в сумасшедший покер: семь карт торчком и еще одна под столом, тройка в рукаве и вторая тройка на столе — получился флеш-ройял. Он подымал ставку до тех пор, пока на кону не оказалось его жалованье за полгода, а при последней сдаче получил двойку. Тут алкогольные пары рассеялись, и он понял, что на самом деле ситуация совсем иная, хоть ощущение иррационального кошмара осталось.

Лига обучала своих космонавтов действовать быстро. Адзель продолжал возиться с цепями, но при этом бросал взгляды направо и налево, оценивая обстановку. Можно быстро кинуться вон туда — если повезет, он прорвется. Но только не поранить бы этих бедолаг, не вытряхнуть из них их бедные заблудшие души.

Воданит напряг мускулы и кинулся.

На пути оказался кавалерист. Адзель сгреб его в охапку вместе с зандорой и зашвырнул в середину строя копьеносцев. Порядки войск расстроились, и Адзель устремился в образовавшуюся брешь. Позади раздались крики, и на него обрушился дождь стрел. Древко выпущенного из катапульты копья просвистело рядом. Офицер на зандаре нацелил пику в бок Адзеля и поскакал на него. Тот не заметил его вовремя, и стальное лезвие нанесло удар. Оно не пробило бронированную шкуру, но угодило в рацию на шее воданита. Адзель промчался мимо, все ускоряя движение, зандара завертелась волчком, а всадник взлетел в воздух по пологой дуге.

Впереди высилась глухая стена четырехэтажного здания. Адзель врезался в нее на полной скорости. Сила толчка подкинула

его вверх, он уцепился за кромку стены и подтянулся. Грубо обтесанный гранит служил хорошей опорой. Копье из катапульты ударило в стену рядом с ним, посыпались обломки камня. Адзель пересек крышу, перепрыгнул на соседнюю, соскочил в проход между домами и устремился в Старый Город.

Помощи ожидать там, конечно, не приходилось, но выследить его в этом лабиринте будет трудно. Ему нужно добраться до озера Урши. Икрананкцы смогли бы преследовать пловца только на неповоротливых плотах, которые ему ничего не стоит обогнать. Добравшись до дальнего берега, он напрямик отправится через Чакору. До его появления там в Хайякате еще ничего не узнают... Но черт возьми, как же без рации?

Ничего, можно воспользоваться передатчиком Чи, после того как он вызовет пустоголовую малышку из тех неприятностей, которые на нее свалились. Они поднимут корабль, заберут флиттер из дворца и отправятся на поиски Дэвида. Только бы Дэвид был жив. И только бы им с Чи тоже удалось уцелеть.

6

Может быть, в катандарских поверьях о том, что сверхъестественные силы имеют исключительно злобный характер, и содержалась определенная доля истины. Если бы в тот момент, когда Адзель вызвал ее, Чи Лан оказалась на корабле... Но сама она, неисправимая рационалистка, сочла, что в ее невезении нет нарушения законов вероятности: ведь половину своего времени она проводила с Гудженги. Оба они стремились как можно больше узнать о цивилизациях друг друга.

Одним из новшеств, введенных Чи (нельзя сказать, что Гудженги был от него в таком уж восторге), была регулярность занятий. Единственные часы в Хайякате шли настолько своеобразно, что Чи пришлось подарить Гудженги хронометр. После этого барабанный бой и подъем флага, означавшие смену караула, начали случаться несколько более предсказуемо, и Чи могла определить, когда ей подниматься на холм для очередной встречи с Гудженги.

Компьютер, которому Чи велела напомнить ей о времени беседы с посланцем императора, сделал это со всей своей машинной бесцеремонностью.

— Ты мог бы быть и более почтительным, — проворчала Чи, откладывая книгу. Хотя она и убедила своих спутников, что тома, привезенные ею с Цинтии, — философские сочинения (на самом деле это были душеспасительные любовные романы), но все равно читать их без глупых приставаний было одно удовольствие.

— Ты не включила почтительность в мою программу, — произнес механический голос.

— Напомни мне, чтобы я это сделала. Нет, распоряжение отменяется. Кому нужна машинная почтительность?

— Никому, — ответил Пень, не имевший программы для обработки риторических вопросов.

Чи вылезла из койки и собралась в город: взяла рацию и магнитофон, а на пояс повесила элегантный, как и положено леди, стреляющий иглами револьвер.

— Оставайся на вахте, как обычно, — сказала она компьютеру и вышла из корабля.

Пень умиротворенно загудел. Оставаться на вахте означало выполнять команды, отдавались ли они голосом, по радио или условным кодом, только членов команды, хоть в его банк памяти теперь и был заложен катандарский язык, а Чи подключила наружные микрофоны: вдруг ей понадобится, находясь снаружи, узнать у компьютера показания приборов.

Как только Чи ступила на трап, замок шлюза позади нее защелкнулся. Люк, находящийся непосредственно рядом с опорами, всегда оставался открытым на случай тревоги. Опасности, что внутрь заберутся туземцы и что-нибудь испортят, практически не было: от этого их удерживал страх перед чужеземцами, да и вел люк всего лишь в пустой трюм, дверь из которого на палубу компьютер не открыл бы никому, кроме членов экипажа. Чи всегда гордилась своей предусмотрительностью.

Алое солнце глазам Чи представлялось более светлым и ярким, чем глазам Фолкейна или Адзеля. Тем не менее ландшафт был виден ей неотчетливо. Чи выругалась: незамеченный сучок запутался в мехе — а ведь на расчесывание его она потратила целый час. И сухой воздух впитывал влагу с ее носа так же быстро, как впитывал виски Фолкейн по возвращении из затянувшегося путешествия; и ветер был холоден, как сердце ван Рийна; и запахи растительности отдавали креозотом и горгонцолой*. Ах, если бы вновь оказаться в Та-чи-чин-пи, Живом-доме-под-небом, уютном жилище на вершине дерева, благоухающем лесными ароматами! И зачем только она покинула Цинтию?

Из-за денег, конечно. И как раз сейчас перспективы быстро их заработать представлялись неутешительными. Чи распушила хвост и зашипела.

Часовые у ворот подняли мечи к клювам в качестве приветствия. Как только Чи прошла мимо, они схватились за амулеты

* Пахучий итальянский сыр.

и начали шептать заклинания. Хотя чужеземцы пока что не принесли несчастья и даже имелся шанс получить от них большую выгоду, от демонов, как известно, ничего хорошего ждать не приходится.

Чи не удивилась бы и не обиделась, если бы узнала об этом. Она уже давно заметила глубочайший консерватизм и подозрительность икрананкцев. Этим и объяснялось, что у них до сих пор не было науки, несмотря на невероятную древность их расы. Цинтианке пока что не удалось найти объяснение этому феномену.

Чи плавным шагом шла между плетеных хижин. У порога одной из них сидела туземка и кормила своего малыша. В этом икрананкцы были схожи с цинтианами: ни те ни другие не были млекопитающими, и их детеныши сразу начинали питаться твердой пищей (губы цинтиан не были приспособлены к тому, чтобы сосать). Но на этом сходство и кончалось. Жительницы Икрананки были миниатюрны, незаметны, покорны. Цинтианки же, которым приходилось таскать своих детенышей на спине, — для их расы ветви деревьев в бесконечных лесах стали привычной средой обитания, — были крупнее самцов и столь же свирепы, как и хищники. Счет родства у цинтиан ведется по материнской линии, полиандрия весьма распространена, а некоторые культуры являют собой отчетливо выраженный матриархат. Чи относилась к высокому уровню развития своей расы за счет этого.

Цинтианка вошла в дверь просторной хижины, где размещался Гудженги. Посол императора сидел за столом вместе со своим хозяином, комендантом местного гарнизона, Лалнаком. Они играли в какую-то игру, заключающуюся в бросании цветных палочек в клетки расчерченной доски.

Чи вскочила на стол и уселась там, едва не опрокинув хлипкое плетеное сооружение.

— Что это? — спросила она.

Лалнак нахмурился. Гудженги, успевший привыкнуть к ее бесцеремонности, ответил:

— Это называется *акрител*. — Из объяснений выяснилось, что игра имеет довольно сложные правила, но в основном суть ее сводится к заключению пари о том, как упадут палочки относительно клеток. — Очень популярная игра, — добавил Гудженги.

— Ты собираешься делать ставку или нет? — буркнул Лалнак.

— Конечно, конечно. Только не торопи меня. — Гудженги поправил очки и начал внимательно изучать расположение уже

находящихся на доске палочек. Чем менее вероятная комбинация выпадет, тем больше он выиграет; но если ему не удастся кинуть палочки необходимым образом, то и проигрыш будет соответственно велик — Кажется, мне сегодня везет, — сказал он, кивая на горку монет перед собой. — Пожалуй, можно попробовать... — и он выбрал палочки и сделал ставку

— Тут следует не предполагать, — вмешалась Чи, — а знать.

Лалнак вытаращил на нее глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Речь не о фактическом расположении палочек, конечно, — объяснила Чи, — а о том, каков шанс: достаточно ли велика вероятность выигрыша, чтобы делать большую ставку.

— Как, во имя всеразрушающих демонов, это можно рассчитать? — спросил Гудженги.

— Кидай, будь ты проклят! — выкрикнул Лалнак.

Гудженги встрахнул пригоршню палочек и бросил их на доску. Выпала нужная комбинация.

— Аррр... — прорычал Лалнак. — Я вылетаю из игры! — Он пододвинул свои последние монеты через стол к Гудженги.

Гудженги пересчитал деньги.

— Но ты должен мне больше, — сказал он.

Лалнак выругался и полез в висящий на шее кошель. Выудив оттуда что-то, он бросил перед Гудженги матово-белый диск.

— Это ты возьмешь? Рангакорская работа. Я хранил его на счастье. Но сегодня демоны сильнее талисмана.

Гудженги протер очки и начал рассматривать диск. Чи тоже присмотрелась. Это была медаль тонкой работы, с гирляндой, изображенной на аверсе, и горным ландшафтом на реверсе. Но с части поверхности серебро стерлось.

— Да это же посеребренная бронза, — сказала она.

— Это одно из их искусств, — ответил Гудженги. — Они погружают металл в ванну, и... я не знаю, что там происходит. У рангакорцев сильная магия. Я однажды был в их посольстве, и мне дали подержать две медные проволоочки, торчащие из коробки. Так что-то укусило меня, а они смеялись. — Гудженги вспомнил о своем достоинстве. — Так или иначе, вещи, подобные этой, высоко ценятся за свою магическую силу. Это еще одна причина того, почему завоевание Рангакоры столь желательно.

— Мы могли бы завоевать ее для вас, — напомнила Чи. — И, между прочим, мы готовы продать вам сколько угодно посеребренной бронзы.

— Аххрр. Пойми, благороднейшая, я не обладаю властью принять столь... э-э... судьбоносное? Да, судьбоносное решение. Я всего лишь представитель императора.

— Но ты ведь можешь ему посоветовать, не правда ли? — настаивала Чи. — Я ведь знаю: вы с ним все время обмениваетесь посланиями.

— Э-э.. да, конечно. Но не продолжить ли нам наши занятия?

— Я пошел, — сказал Лалнак мрачно.

Именно в этот момент рация заговорила.

— Чи! Ты тут? — произнес на странно невнятном английском голос Адзеля. Уж не пьян ли этот здоровенный балбес? Только бы рядом не оказались эршока. Мех Чи встал дыбом.

— Конечно... — начала она более ядовито, чем хотела.

Лалнак отпрыгнул в сторону, хватаясь за кинжал. Гудженги поднялся и принялся делать знаки, отвращающие зло, прервав это занятие, чтобы поймать соскользнувшие с клюва очки.

— Что это за напасть? — потребовал ответа Лалнак.

— Где мои очки? — жалобно спросил Гудженги, шаря по полу. — Я их не вижу. Уж не похитил ли их какой-нибудь демон?

— Это защитная магия, — быстро сказала Чи по-катандарски. Из рации неслись звуки, издаваемые большой толпой. — Нечего бояться.

— Помоги мне найти мои очки, — простонал Гудженги. — Они мне очень нужны.

Лалнак с ругательством поднял очки. Чи дослушала Адзеля до конца. Ее мех по-прежнему стоял дыбом, но теперь, как всегда в моменты опасности, она взяла себя в руки. Ее ум начал просчитывать варианты, как криогенный компьютер.

— Немедленно, — ответила она Адзелю и посмотрела на икрананцев. Те тоже смотрели на нее, настороженные и враждебные.

— Я должна идти, — сказала она. — Мой магический талисман предупредил меня о беде.

— Какой беде? — прокаркал Лалнак.

Гудженги, более привыкший к чудесам чужеземцев, поднял палец.

— Это был голос того чудовища, — сказал он, — но ведь оно же в столице!

— Ну да, — признала Чи. Прежде чем ей удалось придумать убедительное объяснение, Гудженги продолжал:

— Должно быть, это и есть приспособление для разговора через большие пространства. Я уже давно заподозрил, что вы

умеете это делать. Ну же, благороднейшая, не оскорбляй меня отрицая очевидное. Он ведь зовет тебя на помощь, не так ли?

Чи смогла только кивнуть. Икрананкцы подошли поближе, угрожающе возвышаясь над ней. Ей не хотелось, чтобы ее поймали на лжи: это плохо сказалось бы на будущих контактах, которые и так казались не особенно безоблачными.

— Эршока восстали, — сказала она. — Они забаррикадировались в... в Железном Доме, как вы его зовете. Адзель хочет, чтобы я прилетела на корабле и припугнула их.

— Никуда ты не полетишь, — оборвал ее Лалнак, а Гудженги добавил:

— Мне очень жаль, благороднейшая, но, с тех пор как твои спутники находятся во дворце, я получил строжайший приказ удерживать тебя здесь.

— Ураган и саранча! — воскликнула Чи. — Вы что же, хотите, чтобы началась гражданская война? Именно этого вы добьетесь, если эршока не усмирить, и не откладывая. — Шум из рации стал громче. — Используйте свои мозги хоть раз в жизни. Если бы я хотела падения династии Джадхади, я бы просто не стала ничего предпринимать и дала событиям идти своим чередом.

Наступила тишина. Лалнак явно был в растерянности. Гудженги почесал шею.

— В этом что-то есть... — пробормотал он. — Определенно в этом что-то есть.

Из рации раздался рев. Звон металла, крики и удары, казалось, сотрясали прибор. Какой-то икрананкец прокричал тонким голосом:

— На помощь, чудовище меня убьет!

Лалнак насторожился. Косые лучи солнца, пробивавшиеся в сумрачную хижину, сверкнули на лезвии его кинжала.

— И это друзья? — прорычал он.

Чи выхватила револьвер.

— Это недоразумение, — оптимистично сообщила она. — Истинно говорю вам, мы ваши друзья, и я застрелю любого, кто обвинит меня во лжи. — Басовитый голос Адзеля невнятно что-то пробормотал, заглушая лязг металла. — Вы же слышите? Он не участвует в сражении.

— Конечно, нет, — протянул Лалнак. — Он просто закусывает.

Чи выпрямилась на крышке стола.

— Я ухожу, — сказала она, — и советую мне не препятствовать.

К ее удивлению, Гудженги, которого она считала просто болтливым профессором, выхватил меч и спокойно произнес:

— Я — деодах, и, если я не попытаюсь тебя остановить, меня выгонят из братства.

Чи заколебалась. Ей совсем не хотелось его убивать. Это тоже не пойдет на пользу будущим торговым контактам. Может быть, слегка ранить?

Гудженги отвлек ее внимание от Лалнака. Рука воина взметнулась. Его нож мелькнул в воздухе и ударил по револьверу. Оружие вылетело из руки Чи, а Лалнак кинулся на цинтианку. Она вскрикнула и оказалась прижата к полу.

— Ххахх, — выдохнул Лалнак. — Не дергайся, ты! — Он сильно ударил Чи по голове, вырвал у нее рацию и отшвырнул в сторону.

— Ну, ну, — мягко упрекнул его Гудженги. — Не нужно насилия, благороднейший, не нужно насилия, пока мы не решим, что это необходимо. Как все неудачно вышло. — Он поклонился Чи, которую по-прежнему держал Лалнак. Одновременно он раздавил ногой ее рацию. — Я немедленно отправлю гонца. Пока все не прояснится, с тобой будут обходиться с должным почтением.

— Подожди! — прервал его Лалнак. — Командир здесь все-таки я!

— Но, мой дорогой друг, вполне возможно, что нам еще удастся договориться.

— Сомневаюсь. Эти чудовища — демоны или одержимы демонами. Но согласен: держи ее под стражей, где тебе будет угодно, я только проверю, чтобы все было надежно. Я же начну с того, что выставлю часовых у этого их летающего дома. С катапультами, на случай если появится дракон, и с приказом убить его немедленно.

— Ну что же, — ответил Гудженги, — идея недурна.

7

Фолкейн не потерял сознания. Скорее сознание его сделалось фрагментарным, как при сильном опьянении. Его мысли разбегались по дюжине различных дорожек, ни одна из которых не вела к тому месту, куда скрылась его сила воли.

Привалившись к стене там, где его оставили эршока, он смутно ощущал твердость камня за спиной, давление всей массы планеты на подошвы, холод и сухость воздуха, слышал собственное отдающее наркотическим снадобьем дыхание и стук своего сердца, видел красные отблески на голом полу и затянутое пыльной дымкой небо за окном, которое почему-то было наклонным.

Фолкейн осознавал присутствие здорового белокурого ребенка, который напал на него сзади, и не менее здорового рыжего, который его поддерживал; форма носа рыжего явно имела скрытое космическое и, возможно, зловещее значение... Дэвида посетила мысль о том, что отравы, которую он вдохнул, возможно, могла бы завоевать фармацевтический рынок; эти приятные размышления сменились воспоминанием о родительском замке на Гермесе и раскаянием в невнимании к родителям (можно бы писать им письма и почаще); но через полсекунды он уже переключился на пирушку у Ито Ямацу в Токио, что, по очевидной ассоциации, напомнило ему о некоторых девушках, а это, в свою очередь, заставило его задуматься о...

— Помоги мне, Оуэн, — прошептала Стефа Карлс. — Его слуга скоро вернется, а то и еще кто-нибудь заявится.

Она начала раздевать Фолкейна. Это могло бы его смутить, не будь он таким одуревшим, или доставить удовольствие, если бы Стефа не была столь безразлична. И, конечно, если бы не участие белокурого ребенка. Несмотря ни на что, Фолкейн все-таки попытался оценить некоторые виды, открывшиеся ему в результате близости Стефы, но ему никак не удавалось сфокусировать зрение.

— Порядок, — Стефа кивнула в сторону лежащего на полу узла. Оуэн развернул сверток, в котором оказалась грубошерстная с кожаными заплатами одежда воина-эршока, предназначенная для езды верхом. Теперь Стефа стала одевать Дэвида. Это оказалось не таким уж легким делом: Фолкейн никак не удерживался в сидячем положении, даже несмотря на поддержку рыжего.

Впрочем, оцепенение понемногу проходило. Фолкейн собрался было позвать на помощь, но вдолбленная годами обучения осторожность остановила его. Это ничего бы не дало — пока. Однако силы постепенно возвращались к нему, комната перестала вращаться, а как только они наденут на него пояс с кинжалом...

Стефа надела на него пояс. Теперь он мог бы выхватить кинжал и ударить ее в спину: она как раз опустила на корточки перед ним. Но ему было жалко девушку. Фолкейн дернулся, выскользнул из рук рыжего, его пальцы сомкнулись на рукояти кинжала. Резким движением он направил оружие в грудь воина.

Ахх! У кинжала не оказалось лезвия — только короткий тупой обломок, достаточный, чтобы удерживать кинжал в ножнах. Эршока, несомненно, заработал синяк — он отшатнулся от Фолкейна со сдвленным проклятием. Дэвид, все еще нетвердо держась на ногах, заковылял к двери. Он уже открыл было рот, чтобы позвать на помощь, но белокурый ребенок схватил его

за руку, а Стефа, быстрая как тигрица, всунула кляп — все ту же тряпку с наркотиком.

Снова погружаясь в состояние безволия, Фолкейн увидел, как она улыбнулась, и услышал ее довольный шепот:

— Здорово сделано. Ты многое умеешь. Но мы это предвидели.

Девушка нагнулась, поднимая с пола бластер и станнер. Отблеск света скользнул по ее заплетенным в косы волосам.

— Эй! — вмешался белокурый. — Брось это!

— Но это же его оружие, — возразила Стефа. — Я говорила вам, как много можно им сделать.

— Мы не знаем, на что еще оно годится, что за черная магия в нем заключена. Брось его, я сказал.

Рыжий, потирая ушибленный бок, согласился с ним. Стефа была явно недовольна, но времени на споры не оставалось. Она вздохнула и выпрямилась.

— Тогда спрячь все это в шкаф, чтобы слуга подумал, будто он просто вышел на минутку. Нам пора.

Поддерживаемый с каждой стороны воинами, Фолкейн, шатаясь, вышел в холл. Он был слишком не в себе, чтобы интересоваться тем, что происходит, и механически повиновался своим спутникам. В этой части дворца, занятой жилыми покоями, почти никого не было. У пандуса, ведущего в нижний этаж, они встретили слугу, который нес заказанный кувшин с крепким пивом. Икрананкец не узнал Фолкейна в его новой одежде. Не узнал его никто и в многочисленных коридорах в другой части дворца. Только какой-то чиновник задал вопрос:

— Куда ведут этого эршока?

— Он напился перед тем, как заступить на пост, — ответила Стефа. — Мы ведем его в казарму.

— Безобразие! — возмутился бюрократ, однако в присутствии троих вооруженных и вполне трезвых эршока воздержался от дальнейших комментариев.

Через некоторое время Фолкейн достаточно пришел в себя и понял, что они приближаются к воротам для вылазок в северной стене. Вид на город отсюда был закрыт рядом строений. Десятка два эршока, в основном одетые в доспехи мужчины, нетерпеливо ждали их появления. Четверо воинов братства тирут, часовые у этих ворот, лежали связанные и с кляпами в клювах, бросая яростные взгляды на эршока. Люди выскользнули из ворот.

К западу от города река Яндже протекала в глубоком каньоне. Густая зелень и чистое журчание воды остались позади, когда дорога вывела путников на нагорье. Здесь уже начиналась

пустыня, выветренные скалы, осыпи, рыжие от окислов железа. В этом диком краю эршока ничего не стоило затеряться.

— Шевелись, ты! — белокурый детина дернул Фолкейна за руку. — Действие наркотика давно кончилось!

— Ухх... почти, — признал Фолкейн. Он приходил в норму с каждым шагом по перекатывающимся под ногами камням. Особого прока от этого, правда, не было — со всех сторон его окружали проклятые гангстеры...

Вскоре они добрались до устья ущелья, где их ждало полсотни зандар под присмотром двух всадников-икрананкцев. Некоторые животные были выюнными, большинство — верховыми. Эршока лихо вскочили в седла, Фолкейн последовал их примеру более осторожно. Туземцы отправились обратно в город.

Стефа скакала впереди. Они ехали по ущелью, пока не выбрались на склон, поднимающийся над скалами. Здесь не было ничего живого, кроме нескольких чахлах кустиков. Позади них остались текущая на север Яндже, раскинувшийся на берегах озера город и протянувшаяся до горизонта плоская и затянута пылью долина Чакоры. Всадники повернули на восток и пустили своих скакунов галопом.

Нет, пожалуй, это слово тут не подходило! Зандара Фолкейна развила такую скорость, что он едва не вылетел из седла. Он ощутил головокружение свободного падения, затем седло ударило его снизу. Дэвид начал валиться направо. Скакавший рядом эршока умудрился перегнуться через шею зандары и подхватить его. К этому моменту его скакун снова взвился в воздух. Фолкейн качнулся назад. Ему удалось удержаться, обхватив шею зандары.

— Эй, ты собираешься ее задушить? — крикнул кто-то.

— По правде говоря... это... было бы... неплохо, — выдохнул Фолкейн в промежутках между толчками.

Вокруг него сверкали шлемы, копья, расписные щиты, развевались плащи. Звенел металл, скрипела кожа, барабанную дробь выбивали ноги зандар. Запахи пота и мускуса наполняли воздух, пыль и песок облаком окружали отряд. Перед глазами Фолкейна мелькнула Стефа. Эта чертовка смеялась!

Он стиснул зубы. Точнее, он хотел это сделать, но не смог — его рот был полон песка. Если он хочет остаться после этой скачки в живых, то требуется как-то освоить технику езды.

Постепенно ему это удалось. Нужно слегка приподниматься на стремянах в момент, когда зандара касается земли, чтобы смягчить толчок, и наклоняться вперед в такт с движениями животного. При этом выясняется, что хоть ты и считаешь себя атлетом, мускулы, о существовании которых ты никогда не

подозревал, возражают против гимнастики на зандаре. Физические мучения вскоре вытеснили размышления о том, что вся эта эскапада значит.

Несколько раз отряд останавливался, чтобы передохнуть и сменить верховых животных. Наконец, после нескольких веков скачки, эршока расположились на ночлег. Были розданы походные рационы из седельных сумок, по глотку воды из фляг, одеяла. Воины выставили караул, завернулись в плащи и улеглись.

Фолкейн не знал, как долго он наслаждался горизонтальным положением, когда Стефа разбудила его.

— Уйди, — промямлил он, пытаясь снова укрыться в благословенной темноте. Она вцепилась ему в волосы и дернула. Этот метод дал результат: через некоторое время он был готов завтракать.

Теперь они скакали не так быстро, и боль в мускулах несколько поухнула. Фолкейн начал замечать происходящее вокруг. Пустыня стала более холмистой и несколько более плодородной. Солнце стояло ниже, и впереди всадников, к горам Сундрадарты, тянулись длинные тени. Сине-серый горный массив медленно выплывал из-за горизонта. Эршока расслабились, начали шутить, смеяться и петь довольно кровожадные песни.

Ближе к концу «дня» их догнал всадник с несколькими запасными зандарами. Фолкейн вытаращил на него глаза. Проклятье, это же Хью Падрик! Воин дружелюбно помахал ему и проехал в голову отряда, чтобы что-то обсудить со Стефой.

Эти двое все еще продолжали разговаривать, когда отряд остановился на второй ночлег на вершине холма среди ярко-желтых кустов. Воины не сразу завалились спать, а разожгли костры и устроились вокруг них дружескими компаниями. Фолкейн предоставил кому-то из эршока расседлать его зандару, стреножить ее и отправить пастись. Сам же он с хмурым видом уселся в сторонке. Однако его одиночество продолжалось недолго.

На него упала чья-то тень. Это оказалась Стефа. Фолкейн не мог не признать, что смотреть на высокую, полногрудую, с внешностью королевы девушку было по-прежнему приятно. К тому же, более привычная к местному прохладному климату, она сбросила плащ и осталась в легкой блузе и юбке, что делало зрелище еще более соблазнительным.

— Присоединяйся к нам, — пригласила она.

— А есть ли у меня выбор?

Серые глаза серьезно смотрели на юношу. Стефа коснулась его руки и произнесла смущенно:

— Мне очень жаль, Дэвид. Конечно, не следовало так с тобой обращаться, и не только после всего, что ты для меня сделал. Ты и сам по себе заслуживаешь лучшего. Может быть, ты позволишь мне все тебе объяснить?

Он последовал за ней к костру с меньшим неудовольствием, чем постарался изобразить. Падрик жарил над углями кусок мяса, насаженный на палочку.

— Привет, — в его спутанной бороде блеснули белые зубы. — Надеюсь, тебе понравилась наша поездка.

— Что случилось с Адзелем? — требовательно спросил Фолкейн.

— Не знаю. Когда я видел его последний раз, он направлялся во дворец, пьяный в стельку. Мне лучше было смыться из города прежде, чем начнется заварушка, так что я отправился к озеру, где оставил своих зандар, и поскакал за вами вдогонку. Ну и пыль же вы подняли — ее было видно издалека! — Падрик протянул Фолкейну кожаную флягу. — Глотни-ка — хорошее вино!

— Уж не думаешь ли ты, что я стану пить с тобой, после...

— Дэвид, — умоляюще сказала Стефа, — выслушай нас. Вряд ли твой друг-великан попал в такую уж беду. Они не рискнут причинить ему вреда, пока та малышка все еще на корабле. К тому же Джадхади может решить, что ты похищен, а не удрал по своей воле.

— Сомневаюсь, — ответил Фолкейн. — Так подумал бы представитель галактической цивилизации, но подозрительные икрананкцы видят заговорщиков под каждой кроватью.

— Ну, мы ведь и нашим собственным товарищам, тем, кто остался в Железном Доме, устроили веселую жизнь, — напомнила ему Стефа. — Дело может дойти до стычки между ними и этими клювастыми, если учесть, как напряжены нервы с обеих сторон.

— Удружили же вы своему братству, — заметил Дэвид.

— Нет! Это все для их же блага. Ты только послушай!

Стефа показала на расстеленную у огня попону. Фолкейн пожал плечами и опустился на нее, приняв позу римского сенатора. Девушка уселась рядом, Падрик остался по другую сторону костра, довольно хмыкнув:

— Скоро будет готов обед. Так как насчет выпивки?

— Ну ладно, черт возьми, — согласился Дэвид. Термоядерный огонь, зажженный содержимым фляги в его горле, немного выжег накопившийся там песок и приглушил тревогу за Адзеля. — Вы ведь люди Роберта Торна, верно?

— Теперь да, — ответила Стефа. — Сначала только я была на его стороне. Видишь ли, Торн рассылает лазутчиков-икрананкцев. Жители Рангакоры, если уж от завоевания им никуда не деться, предпочитают эршока братству деодах: мы лучше находим с ними общий язык. Так что некоторые их отряды сражаются на нашей стороне, да и купцы тоже, и... Так или иначе, не особенно трудно выбраться из Рангакоры и смешаться с осаждающими, притворившись горцем-торговцем или еще кем-нибудь в этом роде.

«Никуда не годится служба безопасности, — подумал Дэвид. — Интересно, как же так получается, ведь эта раса не доверяет никому, кроме кровных родственников? Ну да, клановость ведет к разобщенности между отрядами и облегчает если не шпионаж, то уж разведку точно».

— Когда Джадхади узнал о вас, — продолжала Стефа, — он, наверное, разослал гонцов к командирам, и кто-то из них проболтался. — Фолкейн хорошо мог себе это представить: что-бы офицер, принадлежащий к братству тирут или яндаджи, да сохранил новость в секрете от своих собственных родственников по приказу какого-то деодах! — До рядовых, как ты понимаешь, доходили только смутные неопределенные слухи, но они дошли и до наших разведчиков. Мы не знали, что же на самом деле происходит, и обязательно должны были это выяснить. Мне удалось проскользнуть сквозь посты незамеченной, раздобыть пару зандар и отправиться к Хайякате. Там часовые все-таки засекли меня и подстрелили мою запасную зандару. Меня тоже чуть не уколошили. — Стефа засмеялась и взъерошила волосы Фолкейна. — Если бы не ты, Дэвид!

— Понятно: ты порасспросила нас, выяснила, что мы на стороне Джадхади, и притворилась тоже его сторонницей, — кивнул Фолкейн; при этом ее рука еще раз очень приятно прошлась по его волосам. — Но как же ты рискнула возвратиться с нами вместе в Катандару?

— Я же должна была что-то предпринять, не так ли? Вы собрались разбить нас. Я не знала заранее, что мне удастся сделать, но в Катандаре осталось много воинов, которые хотели бы попасть в Рангакору. И, конечно, никто в Железном Доме меня бы не выдал икрананкцам. — Стефа озорно улыбнулась. — Ох и разозлился же старый Гарри Смит! Он хотел немедленно отдать меня под трибунал. Но слишком многие возражали. В конце концов он велел мне оставаться в казарме, пока все не прояснится. Это была его ошибка. Пока я там сидела, я вовсе не молчала, когда его не было поблизости; к тому же я

знала, к кому обратиться — к старым друзьям и любовникам, которым можно доверять.

— Э-э... — поперхнулся Фолкейн Падрик самодовольно улыбнулся.

— Так что мы организовали заговор и ждали возможности действовать. Хью нанял парочку своих собутыльников в Старом Городе, чтобы те купили нам зандар и припасы. Деньги на это у нас были. Потом он познакомился с вами. Конечно, у нас ничего бы не вышло, пока Адзель был с тобой. Мы думали, все окажется проще, если ты отправишься с Хью в город. Но, когда вместо тебя с ним пошел Адзель, мы решили, что больше терять времени нельзя. Нашим людям по одному удалось выбраться из казармы, а Оуэн и Росс провели меня через заднюю дверь во дворец. Мы проскользнули в твои комнаты. Ну и встряску же мы получили, когда тебя там не оказалось! Но мы решили, что ты на приеме у императора, и стали ждать. Хорошо, что мы это сделали.

Фолкейн для успокоения отхлебнул еще разок из фляжки, оперся на локоть и строго посмотрел на Стефу:

— И какова же цель всего этого фантастического предприятия?

— Помешать тебе помочь Джадхади, — ответил Падрик, — а может быть, даже побудить помочь нам — ведь мы же твои соплеменники, в конце концов.

— Эршока в Катандаре — тоже мои соплеменники.

— Но наша затея и им на пользу, — настаивала Стефа. — Почему наше братство должно оставаться подчиненным, жить по законам, соблюдать традиции, не для нас придуманные, когда мы можем быть хозяевами в своем собственном королевстве?

— И к тому же лучшем королевстве, чем это, — добавил Падрик.

— Так считает и Роберт Торн, — согласилась Стефа. — Он надеялся, что все эршока порвут с Джадхади и присоединятся к нему, как только узнают о его восстании. Конечно, мы понимаем, что пробиться сквозь императорскую армию будет нелегко. Будут потери. Но сделать это возможно, — голос ее зазвенел, — и ради победы можно и не постоять за ценой!

— Похитив меня, вы могли поставить эршока в такое положение, когда им ничего другого не останется, — с горечью признал Фолкейн. — И ради чего? Разве я не говорил тебе, Стефа, что вы все сможете вернуться на Землю?

Глаза девушки расширились, она поднесла руку ко рту.

— Ох! Я совсем забыла об этом!

— Теперь уже поздно, — засмеялся Падрик. — К тому же, когда еще твои корабли сюда придут, а, Дэвид? И что тем временем случится в Рангакоре? Да и вообще... Я не уверен, что мне так уж хочется отсюда улетать. Обычаи на Земле могут оказаться очень уж непривычными, хуже, чем в Катандаре.

— Прекрасно, — сказал Фолкейн. — Пока вы во всем преуспели. Вы устроили волнения в столице. Вы помешали нам выступить против мятежников — до тех пор пока мои спутники не выяснят, что случилось со мной. Может быть, вы поссорили нас с Джадхади. Но только не рассчитывайте, что мы станем выполнять за вас грязную работу.

— Я так хотела бы, чтобы ты передумал, — промурлыкала Стефа и погладила Дэвида по щеке.

— Брось, красотка! Моя цель — подштопать империю, а не стереть ее с лица земли.

— Это не имеет значения, — проворчал Падрик. — Пока твой... э-э... корабль не наложил свои лапы на нас, — перед Фолкейном мелькнула сумасшедшая картинка: размахивающий лапами «Через пень-колоду», — нам ничего не страшно. А пока ты в наших руках, можно не бояться атаки с корабля.

— Если только они не придут мне на помощь, разрушив заодно ваши паршивые стены.

— Пусть только попробуют, — прорычал Падрик, — и им придется собирать тебя по кусочкам. Мы им об этом сообщим, если они появятся. — Падрик даже не затруднил себя тем, чтобы выглядеть огорченным.

— Это будет так печально, — проворковала Стефа, — наша дружба еще только в самом начале...

— Мясо готово, — сообщил Падрик.

Фолкейн смирился с ситуацией. Он не намеревался оставаться в бездействии дольше, чем это окажется необходимым, однако был готов вынести еду, выпивку и присутствие красивой женщины с выдержкой, которая заставила бы Адзеля им гордиться. («Адзель, старая ты чешуйчатая образина, все ли у тебя в порядке? Надеюсь, что так. Ведь единственное, что ты должен сделать, — это вызвать Чи по радио на помощь».) Разговор за обедом носил дружеский и оживленный характер. Падрик после изрядных возлияний оказался совсем неплохим парнем, а уж Стефа — о той и говорить нечего. Единственное, что в конце концов огорчило Фолкейна, — это их настояния прекратить веселье и отдохнуть перед следующим этапом пути. Что за унылый взгляд на вещи!

Фолкейн лишился своих часов вместе со всеми прочими вещами, но, как оказалось, эршока обладали хорошо развитым

чувством времени. Древние ритмы Земли все еще звучали в их крови. Час на сборы, шестнадцать часов — с короткими остановками — в пути, час на то, чтобы разбить лагерь, шесть часов сна (часовые за это время сменялись дважды). Беспокоиться в этих пустынных местах было особенно не о чем.

Местность становилась все более зеленой, по мере того как они приближались к Сумеречным краям. Подножия гор Сундрадарты оказались покрыты похожей на мох растительностью, стали встречаться ручьи, заросли местных деревьев с перистыми листьями клонились под ветром. Однажды на севере собрались окрашенные в цвета расплавленного золота облака. К востоку горы, освещенные ровным красным светом, становились круче. Фолкейн заметил покрытые снегом пики и ледники. Небо над ними становилось все темнее, засверкали звезды. Отряд достиг границ Сумеречных краев.

Атмосфера планеты рассеивала достаточно света, к тому же орбита Икрананки была весьма эксцентрической, в результате чего освещенность этих земель менялась на протяжении семидесятидвухдневного года. В настоящий момент тьма отступила, и солнце стояло чуть выше западного горизонта. Склоны гор на этой высоте отражали так много тепла и инфракрасных лучей, что климат здесь оказался даже теплее, чем в Катандаре. Снега, выпавшие за холодный сезон, растаяли, и реки, пенясь, низвергались со скал. Теперь Фолкейну стало понятно, почему Рангакора представляет собой такой лакомый кусочек.

По его представлениям, отряд был в пути около пяти земных дней и преодолел около четырех сотен километров, когда они свернули на юг к восточной оконечности Чакоры. Впереди высился крутой отрог хребта, и тропа вела вверх, к снежной вершине горы Гундра. Фолкейн привык к езде на зандаре и любовался теперь великолепным видом, размышляя о последнем разговоре у костра. Падрика увела какая-то девушка, и Фолкейн остался наедине со Стефой. Ну, не совсем наедине: это было невозможно в лагере, — но все же его пленение, подумал Дэвид, имеет и свои приятные моменты...

Обогнув скалу, они увидели перед собой Рангакору.

Город был построен под перевалом через хребет, на небольшом плато. Ухабистая дорога вилась вверх от Рангакоры, а с другой стороны столь же круто шла вниз, на дно бывшего моря. Сквозь туман была видна равнина, насыщенная влагой, зеленая и золотая. Вдоль горной стены вилась река, русло которой частично скрывалось в лесу, и как раз над Рангакорой падала с отвесной скалы увенчанным радугой водопадом. У Фолкейна перехватило дыхание.

Отряд остановился и сплотил ряды. Воины прикрылись щитами и вытащили мечи, луки были взяты на изготовку. Фолкейн понял, что сейчас не время любоваться окрестностями.

Зелень, покрывающая землю в окрестностях города, была истоптана. Вокруг стен дымились костры, рядом теснились шатры и развевались флаги. Крошечные на таком расстоянии, воины Джадхади окружали заманчивую Рангакору, откуда они были изгнаны.

— Мы будем прорываться, — сказал Падрик. Свист ветра и эхо придали его словам драматический оттенок. — Ребята Торна увидят нас и сделают вылазку, чтобы мы могли пробиться в город.

Стефа остановила свою зандару рядом со скакуном Фолкейна.

— На твоем месте я бы оставила глупые идеи о том, чтобы удрать и сдать осаждающим, — мило улыбнулась она.

— О черт, — пробормотал Фолкейн, который обдумывал именно это.

Стефа перекинула повод его зандары через луку своего седла, а другая девушка привязала его ноги к стременам. Фолкейну часто приходилось слышать о моральном и психологическом влиянии полной неизбежности, но это казалось уж чересчур.

— К бою! — скомандовал Падрик. Он взмахнул мечом. — В атаку!

Зандары рванулись вперед. В лагере императорских войск барабаны забили тревогу. Кавалерийский отряд на полной скорости помчался им наперерез. Копья воинов сверкали невыносимо ярко.

8

Будучи столь же склонны к нарушению закона, как и представители большинства других рас, икрананкцы нуждались в тюрьмах. Узилище в Хайякате находилось на рыночной площади и представляло собой хижину из единственной комнаты, внутри которой была решетка из крепких столбов, предохраняющая плетеные стены от покушений узников. Если заключенный нуждался в свете, он мог откинуть дверной занавес; при этом решетка на двери оставалась вне его досягаемости. В качестве мебели наличествовали соломенный матрац и несколько глиняных горшков. Чи разбила один из них и попыталась обломком вырыть подкоп. Ее оружие раскрошилось, доказав тем самым, что тюремщики могли быть безумны, но не были глупы.

Шум и тарактение вывели Чи из задумчивости. Дверь со скрипом отворилась, занавес был откинут, и в красноватом сумеречном свете блеснули очки Гудженги.

— Я как раз думала о тебе, — сказала цинтианка.

— Правда? — наместник выглядел польщенным. — И могу я узнать, что же ты обо мне думала?

— О всяких предназначенных тебе приятных и длительных процедурах — например, кипящем масле или расплавленном свинце. Что бы ты предпочел?

— Я... э-э... можно мне войти? — Дверь распахнулась шире, и за сутулой фигурой Гудженги Чи увидела двух вооруженных стражей; позади них были видны несколько местных жителей, бесцельно слоняющихся по базарной площади — изоляция Хайякаты свела торговлю к минимуму. — Я хотел бы убедиться, что у тебя есть все необходимое.

— Ну, крыша пока не протекает.

— Но я же тебе говорил, что к западу от Сундрадарты дождей не бывает.

— Вот именно. — Взгляд Чи с интересом остановился на мече посланца императора. Не удастся ли заманить в камеру одного Гудженги и отобрать у него оружие?... Нет, он сумеет защититься и тут же позовет на помощь. — А почему у меня отобрали сигареты? Ну, те горячие трубочки, которые, как ты видел, я обычно вставляю в рот.

— Они находятся в твоём летучем доме, благороднейшая, и хотя дом не возражает против стражи вокруг, он отказывается впустить нас внутрь. Я просил его об этом.

— Отведи меня туда, и я отдам приказ дому.

Гудженги покачал головой:

— К сожалению, это невозможно. Слишком могучие силы находятся там в твоём подчинении. Когда настоящее... аххрр... досадное недоразумение прояснится, тогда, благороднейшая, конечно, я сделаю, как ты захочешь. Я в срочном порядке отправил в Катандару гонцов, и ответ придет скоро.

Не сомневаясь в гостеприимстве узницы, Гудженги перешагнул через порог, и солдаты заперли за ним дверь на громоздкий замок.

— А тем временем вернется бедняжка Адзель, и твои головорезы его застрелят. — упрекнула его Чи. — Задерни занавес, недотепа. Я вовсе не хочу, чтобы эти дуболомы глазели на меня.

Гудженги исполнил ее распоряжение.

— Но теперь я ничего не вижу, — пожаловался он.

— Ну в этом я не виновата. Садись. Да, вон там в углу — матрас. Хочешь выпить? Стражники принесли мне кувшин вина.

— Э-э... мне не положено.

— Ладно, давай, — отмахнулась от его сомнений Чи. — Пока мы вместе пьем, мы, по крайней мере, не стали еще смертельными врагами. — Она налила вина в глиняную кружку.

Гудженги жадно выпил и не стал возражать против второй кружки.

— Что-то я не вижу, чтобы ты сама пила, — сказал он с тяжеловесной претензией на игривость. — Может быть, ты считаешь меня напоить допьяна?

«Ну, — подумала Чи, вздыхая, — попытаться во всяком случае можно». На секунду она напряглась. Ее ум, как всегда в критической ситуации, заработал на повышенных оборотах. Расслабив мускулы, она лениво проговорила:

— Здесь ведь нечем больше заняться, не правда ли? — Она отпила из своей кружки. В темноте Гудженги не увидел, как она сморщилась. Ну и гадость! — Вы напрасно причиняете нам зло, — сказала она. — Мы ведь питаем в отношении вас самые дружественные намерения. Однако, если мой товарищ, когда он здесь появится, будет убит, вам не уйти от возмездия.

— Кр... Его убьют, только если он нападет. Как ни сопротивлялся этому комендант Лалнак, я велел расставить глашатаев, которые криками предупредят твоего товарища, что ему не следует к нам приближаться. Надеюсь, он будет благоразумен.

— Но тогда что же ему делать? Не умирать же с голоду? — Гудженги поморщился. — Ладно, пока что давай выпьем, — сказала Чи.

— Мы... аххрр... можем попытаться достичь компромисса. Все зависит от того, какой ответ я получу из столицы.

— Но если Адзель направляется сюда, он доберется гораздо раньше, чем ты получишь ответ. Допивай, и я наполню кружки снова.

— Нет-нет, с меня хватит, я уже не так молод.

— Я не люблю пить одна, — настаивала Чи.

— Но ты почти и не пила, — возразил Гудженги.

— Я же меньше тебя, — ответила цинтианка, осушила свою кружку и налила им обоим из кувшина снова. — Но ты удивился бы, если бы знал, как много я могу выпить, — добавила она.

Гудженги наклонился вперед:

— Хорошо. Чтобы показать тебе мое искреннее стремление к дружбе, я к тебе присоединюсь. — Чи ясно прочла его мысль: *если ее хорошенько напоить, она может проговориться о чем-нибудь важном*. Чтобы поощрить его в этом похвальном намерении, она икнула.

Гудженги старался пить мало, в то время как Чи поглощала вино во все больших количествах. Тем не менее по истечении часа речь икрананкца постепенно сделалась несколько неотчетливой.

Гудженги, казалось, в отличие от Чи сохраняет ясность сознания, хотя его попытки выманить у нее признание в том, что целью Фолкейна в Катандаре было вызвать беспорядки, никак нельзя было бы назвать тонкими. Когда ее протесты приняли слишком уж воинственный характер, Гудженги сменил тему.

— Давай обсудим что-нибудь еще, — предложил он. — Например, твои способности и умения.

— У меня разносторонние шшпошшобности — лучше, шшем у тебя.

— Да. Да, конечно.

— И к тому жже я краш... красивее.

— Э-э... вкусы различаются, знаешь ли, вкусы различаются. Но я должен признать, что ты обладаешь определенной...

— Ужж не хочешш ли ты шшказать, что я не красотка? — Усы Чи угрожающие встопорщились.

— Что ты, благороднейшая, напротив...

— И ешшще я замечательно пою. — Чи, пошатываясь, поднялась с кружкой в руке, махнула хвостом и издала чудовищное завывание. Гудженги зажал уши.

«Чинг, чанг, гули, гули васса, Чинг, чанг, гули, гули бум».

— Очень, очень мелодично! Боюсь, что мне пора идти. — Гудженги завозился на матраце.

— Не уходи, мой старый друхх... Не ошштавляй меня в одиночестве... — умоляла Чи.

— Я вернусь. Я...

— Ик! — Чи пошатнулась и обхватила Гудженги. Содержимое ее кружки выплеснулось ему на очки. Очки слетели, Чи попыталась их поймать, не удержалась на ногах и села на хрупкий предмет. Раздался треск.

— Помогите! — вскричал Гудженги. — Мои очки!

— Мне очень жжаль... — Чи извлекла из-под себя осколки.

Солдаты ворвались в хижину со всей доступной им скоростью. Чи попятилась в дальний угол. Гудженги зажмурился от хлынувшего в дверь света.

— Что случилось, благороднейший? — спросил один из стражников, размахивая мечом.

— Какое несчастье... — бормотала Чи. — Как жжаль... Но я тебе помогу.

— Она не нарочно, — признал Гудженги, делая знаки, отворачивающие злых духов. — Тебе бы лучше выспаться теперь, — обратился он к Чи.

— Помогу тебе. У нас есть врачи. Они вылечат твои глаза, так что очки тебе больше не понадобятся. — Чи удивилась собственной искренности. Посланник императора был не таким уж плохим парнем, и ему, несомненно, придется несладко, пока не удастся заменить очки. Катандарская оптика была явно не на высоте.

— У меня есть запасные, — ответил Гудженги. — Отведите меня в мою резиденцию. — Он поклонился Чи и заковылял прочь. Чи свернулась в клубочек на матрасе и закрыла глаза.

— Здесь шшлишком шшветло, — пожаловалась она. — Задерните занавес.

Солдат послушался, запер дверь и ушел. Чи, однако, подождала несколько минут, прежде чем встать, продолжая при этом издавать вполне реалистический храп.

Спиртное вызывало у нее тошноту, хотя и не опьяняло. Этиловый спирт не сказывается на метаболизме цинтиан. Незаметно для близорукого Гудженги Чи припрятала под матрац два самых больших осколка стекла.

Она разорвала зубами обивку матраца, замотала лоскутами руки, чтобы защитить их от острых краев осколков, и принялась за работу в дальнем углу хижины.

Стекло было не особенно твердым. Режущие кромки быстро затупились и все хуже перепиливали решетку. Чи пришлось обкалывать стекло, чтобы снова заострить края — академия Лиги давала разнообразную практическую подготовку, — но очень экономно, чтобы обломки не оказались чересчур малы для работы.

— Ад и проклятье! — воскликнула Чи, когда один из осколков совсем вышел из строя.

— Что там такое? — раздался голос снаружи.

— Хррр, — издала Чи особенно громкий храп.

Будь на ее месте человек, он бы извелся за этот час, но Чи относилась к возможности неудачи философски. К тому же ей было достаточно гораздо меньшего отверстия, чем понадобилось бы человеку. Но даже и с учетом этого обстоятельства ей еле-еле удалось подпилить достаточное количество прутьев решетки, прежде чем ее орудия совсем пришли в негодность.

Ну а теперь выгнуть спину, напрячь натренированные при прыжках с дерева на дерево в родных лесах руки и ноги... ухх... подпиленные прутья согнулись, Чи протиснулась сквозь образо-

вавшееся отверстие, и решетка встала на место. Чи оказалась прижата к внешней стене, грубое плетение поцарапало ей нос. Пыхтя и ежась от холода, цинтианка атаковала стену зубами и когтями. Волокна поддавались одно за другим.

Ну а теперь быстро, пока ее кто-нибудь не заметил!

В образовавшуюся дыру Чи увидела освещенную красным солнечным светом стену другой хижины, в разделяющем их проходе никого не было. Чи выбралась на свободу и помчалась.

Неизвестно, есть ли охрана у городских ворот. В любом случае, пока она до них доберется, ее будет преследовать полгорода. Кто-нибудь может ее перехватить или ее подстрелят из лука. Чи выскочила на рыночную площадь.

Туземцы завопили. Торговка в лавке попыталась спрятаться за грудой овощей, из кузницы выскочил кузнец с молотком в руке, а часовые кинулись наперерез. Чи метнулась к навесу в центре площади.

Грубо вырубленные ступени вели вниз. Чи ощутила зловонное дуновение воздуха. Она устремилась вниз по лестнице; скоро отверстие входа исчезло из виду и она оказалась в темном туннеле, вырубленном в скале, освещенном редкими лампами в углублениях стены. Чи остановилась и потушила две первые. Хотя таким образом ее собственное продвижение замедлилось и ей пришлось добираться до следующего освещенного участка ощупью, погоню это задержит еще больше. Она слышала крики икрананкцев, резкие и искаженные из-за гулкого эха в туннеле. Не осмеливаясь встретиться с неизвестным в темноте, они вернулись наверх за факелами.

К этому времени она достигла подножия холма. Короткий проход вел в комнату с колодцем посередине. Черпавшая воду туземка выпустила рукоятку ворота и с воплем вскочила на ограждение колодца. Чи не обратила на нее внимания. Ведущие отсюда наружу ворота не были заперты и не охранялись, когда городу не грозила опасность. Чи знала об этом: Гудженги приводил сюда гостей, когда показывал им город. Цинтианка выскочила из башни и метнулась в кусты.

Оглянувшись, она увидела, что у ворот Хайякаты царит переполох. В другой стороне блестел на солнце корпус «Через пень-колоду». На секунду Чи задумалась, не попытаться ли ей проникнуть на корабль. Если бы это удалось, она была бы неуязвима. Могла она и голосом отдать команду кораблю подняться и забрать ее.

Нет. «Через пень-колоду» был окружен сплошным кольцом щитов и копий с выдвинутыми вперед катапультами. Ей не удастся пробраться в пределы слышимости незамеченной, да и

пока она даст кораблю необходимые инструкции, ее изрубят в капусту. Пень не был запрограммирован на какие-либо действия без прямых приказов, что бы ни обнаружили его датчики.

Ну ничего. Скоро появится Адзель и наведет порядок. Чи пустилась в путь. Она бежала параллельно дороге, скрытая от взглядов копнами злаков, которые местные крестьяне приготовили к перевозке. Погони не было видно.

Воздух был как рассыпавшаяся в пыль мумия — очень старая мумия и очень мелкая пыль. С каждой минутой Чи все больше мучила жажда. Ей удалось отвлечься от неприятных ощущений, погрузившись в обдумывание того, как лучше опровергнуть прочитанную ею еще на Земле в «Журнале ксенобиологии» статью. Автор статьи явно имел кашу вместо мозгов и шарики для пинг-понга вместо глаз.

Но все-таки рано или поздно ей потребуются и вода, и отдых. Она свернула через поле к зарослям чего-то, похожего на тростник: должно быть, там есть родник. Подобравшись с осторожностью поближе — тень среди теней, — Чи осмотрела находящуюся рядом ферму.

Там оказался Адзель. Он стоял рядом с загоном, держа в руке визжащее животное размером с поросенка, и уговаривал кого-то в забаррикадированной башне:

— Но, уважаемый, ты должен сказать мне, как тебя зовут.

— Чтобы ты навел на меня порчу? — отвечал ему хриплый голос изнутри.

— Нет-нет, уверяю тебя. Я просто хочу дать тебе расписку. Или по крайней мере узнать, кому я должен буду заплатить, когда смогу это сделать. Мне нужна пища, но не могу же я воровать.

Из бойницы вылетела стрела. Адзель вздохнул:

— Ну, если ты так относишься...

Чи вышла из кустов.

— Где тут вода? — спросила она хрипло.

Адзель вытарашил на нее глаза.

— Ты! Дорогой друг, что, во имя всего святого, с тобой случилось?

— Обойдемся без «дорогих друзей», ты, дубина. Разве ты не видишь, что я высохла уже настолько, что меня вот-вот унесет ветер?

Адзель попытался ошетиниться, но, поскольку щетины у него не имелось, ему это не удалось.

— Ты могла бы быть и повежливее. Ты даже и представить себе не можешь, насколько симпатичнее ты бы выглядела в этом случае. Я тут тороплюсь тебе на помощь, скачу день и ночь...

— И что, уже обежал планету по экватору? — поддела его Чи. Адзель сдался и показал ей источник. Воды в нем было мало, да и имеющаяся не отличалась особой прозрачностью, но Чи пила, наслаждаясь ею, как тем выдержанным шампанским, которое так часто вспоминал Фолкейн. Утолив жажду, она присела на задние лапки и принялась умываться.

— Теперь самое время сообщить друг другу новости, — сказала она.

Тем временем Адзель разделал похожее на поросенка животное. Ножа у него не было, да он в нем и не нуждался. Закончив дело, он грустно взглянул на Чи:

— И что же нам делать?

— Вызвать корабль, конечно.

— Как?

Только тут Чи заметила, что его рация тоже разбита. Они молча посмотрели друг на друга.

Гудженги поправил свои запасные очки. Они не подходили ему так же хорошо, как прежние. Все выглядело несколько туманным. «Впрочем, может быть, так лучше, — подумал он. — Эта штука такая огромная, и там, конечно, все заколдовано. Да, пожалуй, при таких обстоятельствах вполне можно согласиться видеть не особенно отчетливо».

Он сглотнул, собрал свое мужество и подошел на шаг ближе. Стоящие у него за спиной солдаты испуганно наблюдали за происходящим. Это немножко придало ему духа. *Нужно показать им: все деодах, как один, бесстрашны.* На самом деле он ни за что не пошел бы на это, если бы не Лалнак. Этот комендант ведет себя как дикарь. Конечно, ты понимаешь, что тирут тебе не ровня — да и кто ровня? — но все-таки обычно принимаешь их за представителей цивилизованного братства. Но Лалнак закатил такой скандал, когда пленница сбежала, что... Ну, с деловой точки зрения, это обстоятельство, конечно, может подорвать репутацию посланника... Но все-таки только ради чести рода Гудженги с холодной вежливостью предложил офицеру, что он пойдет и расспросит летающий дом. Не желает ли комендант к нему присоединиться? Нет? Прекрасно. Конечно, показывать облегчение сразу не следовало — а то как бы Лалнак не передумал — но по возвращении будет можно, пожалуй, намекнуть разок-другой, что благороднейший Лалнак *не осмелился* пойти с ним вместе. Да, очень существенно сохранить моральное превосходство, даже с опасностью для собственной жизни.

Гудженги снова сглотнул.

— Благороднейший! — позвал он. Его голос прозвучал странно в его собственных ушах.

— Ты обращаешься ко мне? — раздался откуда-то сверху механический голос.

— Аххр... да. — Чужеземцы сообщили Гудженги — раньше, прежде чем начались все теперешние неприятности, — что летающий дом (нет, не так: нужно говорить «корабль», с этой невозможной согласной в середине) может говорить и думать. Если только, конечно, эти чужаки не обманули его и там внутри просто кто-то не прячется. Правда, если это так, то этот кто-то очень странный: у него нет собственной воли. — Ну? — не выдержал Гудженги, когда длительное молчание стало невыносимым.

— Я жду, что ты скажешь, — ответил корабль.

— Я хотел бы, благороднейший, узнать о твоих намерениях.

— Мне пока еще не сказали, какими должны быть мои намерения.

— А пока тебе этого не скажут, ты ничего не будешь предпринимать?

— Я накапливаю данные, сообщаемые приборами, на случай если они понадобятся в будущем.

Гудженги облегченно вздохнул. Он надеялся на что-то подобное. Набравшись храбрости, он спросил:

— Предположим, ты обнаружишь, что кто-то из команды находится в затруднительном положении. Что ты предпримешь?

— То, на что я запрограммирован, в пределах моих возможностей.

— И больше ничего? Я хочу сказать... э-э... разве ты не станешь действовать по своей инициативе?

— Нет, если не получу устный или кодированный приказ. В противном случае была бы слишком велика возможность ошибки.

С облегчением переведя дух, Гудженги неожиданно ощутил желание узнать побольше. В конце концов, ведь есть же у разумного существа интеллектуальное любопытство. А кроме того, все, что удастся выяснить, может пригодиться и в практическом плане. Если пришелец-эршока и два его жутких спутника окажутся убиты, кора'ль никуда не улетит. Гудженги повернулся к ближайшему офицеру и приказал:

— Пусть все отойдут подальше. Я буду обсуждать секретные вопросы.

Воин-тирут бросил на него подозрительный взгляд, но выполнил приказ. Гудженги снова повернулся к кора'лю.

— Но ты же не бездействуешь, — сказал он. — Ты же достаточно подробно отвечаешь на мои вопросы.

— Так я сконструирован. Для моего функционирования требуется способность принимать логические решения.

— Аххрр... а тебе не становится... как бы это сказать... скучно все время сидеть взаперти?

— Моя конструкция не предусматривает возможности скушать. Мыслительные функции автоматически поддерживаются в состоянии активности, анализируя данные. Когда новых данных не поступает, я практикуюсь в применении правил игры в покер.

— Что?

— Покер — игра, в которую играют у меня на борту.

— Понятно. Мне очень приятно, что ты так охотно со мной разговариваешь.

— Я проинструктирован не проявлять к вам враждебности. «Проинструктирован» — самое близкое по значению слово в катандарском языке: мне не запрещено отвечать на вопросы и реагировать на ваши слова. Логическое заключение из этого — что я должен отвечать.

Гудженги охватило возбуждение:

— Ты хочешь сказать — если я правильно понял, благороднейший, — что ответишь на любой мой вопрос?

— Нет. Я запрограммирован на соблюдение интересов команды, а наличие войск вокруг меня говорит о том, что наши интересы могут оказаться несовпадающими. Поэтому я не сообщу вам никакой информации, которая может пойти во вред моему экипажу.

Спокойный ответ охладил пыл Гудженги. Он был разочарован тем, что кора'ль не скажет ему, как делать бластеры. Тем не менее искусный собеседник может что-нибудь выведать в разговоре.

— Но ведь ты не откажешься дать мне совет по делу, ничем не затрагивающему твоих хозяев?

Только завывания ветра, крутившего пыль и пригибавшего к земле кусты, раздавались вокруг, пока кора'ль обдумывал ответ. Наконец Гудженги услышал:

— Эта проблема почти выходит за пределы моих логических способностей. Я не вижу оснований тебе отказать. С другой стороны, цель настоящей экспедиции — извлечение дохода. Поэтому лучшее решение, к которому я оказался способен прийти, — это брать с тебя плату за советы.

— Но... но как?

— Ты можешь принести меха, лекарственные вещества и другие ценности и сложить их у открытой двери, которую ты, вероятно, видишь. Что ты хочешь, чтобы я для тебя вычислил?

Гудженги в растерянности лишился дара речи. Перед ним открылась возможность невероятно обогатиться, если только удастся придумать... Впрочем... Он вспомнил замечание, сделанное Чи в доме Лалнака как раз перед тем, как ее арестовали.

— У нас распространена игра, называемая *акрител*, — произнес он медленно. — Можешь ли ты мне сказать, как в нее выиграть?

— Сообщи мне правила.

Гудженги сообщил.

— Да, — ответил корабль, — это просто. Возможности выигрывать каждый раз, не жульничая, не существует. Но, зная вероятность выпадения различных комбинаций, риск можно свести к минимуму: ты должен делать ставки в соответствии с вероятностью, и таким образом при достаточно длительной игре окажешься в выигрыше, при условии, что твои партнеры не будут придерживаться такой же стратегии. А они, очевидно, не будут, поскольку расчет «хода пьяницы» требует довольно сложных математических методов. Принеси материалы для письма, и я продиктую тебе расчет вероятности.

Гудженги с трудом сдержал ликование.

— Какую плату ты хочешь за этот совет, благороднейший?

— Я не могу ответить с уверенностью. Позволь мне сравнить затраты и возможную прибыль. — Корабль некоторое время размышлял, затем назвал довольно значительное количество товара. Гудженги завопил, что такая цена его разорит. Корабль ответил, что в этом случае ему не следует приобретать информацию. Он, корабль, не торгуется. Наверняка найдутся другие, которые не сочтут цену чрезмерной.

Гудженги сдался. Ему, правда, придется влезть в долги, чтобы купить так много товаров. С другой стороны, на местном рынке из-за карантина цены упали, и он сможет приобрести нужное по дешевке. А уж потом, когда он вернется из этой глуши в Катандару, где игра идет на настоящие деньги...

— Удалось ли тебе что-нибудь узнать, благороднейший? — спросил офицер-тирут, когда Гудженги направился к городским воротам.

— Да, — ответил он. — Я получил чрезвычайно важную информацию. Мне, правда, придется дать большую взятку, но я оплачу ее из собственного кармана, — ради нашего императора. Аххрр... Проследи, чтобы никто больше не смог

разговаривать с кораблем. Его магические силы так легко могут выйти из-под контроля.

— Непременно, благороднейший! — пожегился офицер.

9

Герои приключенческих романов способны выдержать любые душераздирающие испытания — без поддерживающих психику лекарств. Обычно без сна, всегда без удовлетворения телесных потребностей они неизменно готовы подвергаться душе-раздирающим испытаниям снова и снова. Реальные люди для такого не годятся. Даже после примерно двенадцати часов в койке Фолкейн чувствовал себя усталым и разбитым. Он не пострадал во время безумной скачки сквозь порядки императорских войск, но стрелы пели неприятно близко, и Стефа зарубила вражеского всадника за секунду до того, как тот добрался до Дэвида. Потом появились воины Роберта Торна, отогнали противника и провели вновь прибывших в Рангакору. Фолкейну была непривычна такая близость смерти. Его нервы даже и после нескольких часов отдыха все еще были завязаны узлами.

Не помогло и то, что Стефа была особенно очаровательна, показывая ему дворец. Впрочем, надо признать, что здание его поразило. Оно не только было более светлым и воздушным, чем что-нибудь виденное им в Катандаре, не только поражало красотой; в нем хранились сокровища, созданные столетиями культуры менее воинственной, чем у западного соседа. Здесь даже имелись настоящие двери — подобные тем, которые Дэвид видел на родной планете: бронзовые, покрытые барельефами. Были застекленные окна, имелось центральное отопление.

Осмотрев мастерскую гальванопластики (этот объект королевской монополии находился во дворце), Фолкейн и Стефа вышли на балкон. Дэвид был поражен тем, какого прогресса достигли эти мрачные философы: свинцовые батареи, медные провода, эксперименты с подобием лейденской банки. Теперь он вполне мог понять, почему здешнее общество оказалось ближе людям, чем Катандара.

— Святой Джеро, вон сам Торн и с ним король! — воскликнула Стефа. Она подтащила Фолкейна к перилам балкона, где остановились правители. Двое стражников держались позади. Это были дружелюбные молодые парни, но они никогда не оставляли Дэвида одного, а их оружие было всегда наготове.

Торн опустил медную подзорную трубу, через которую он осматривал позиции противника, и кивнул:

— Этот лагерь выглядит неряшливее с каждым днем. Они деморализованы, это ясно.

Фолкейн посмотрел в том же направлении. Дворец представлял собой изящное здание со множеством окон, высотой в несколько этажей. Он не был обнесен стеной, вокруг него расстилались сады, а дальше начинался город. Как и Катандара, Рангакора была невообразимо древней, и большинство ее зданий были построены из камня. Но дома выглядели симфонией белых, золотистых, красных тонов. Они были обращены к внешнему миру, а не замкнуты на себя, как в Катандаре, и своими грациозными пропорциями и острыми черепичными крышами несколько напоминали постройки раннего Ренессанса на Земле. Довольно широкие мощеные улицы были заполнены крошечными на расстоянии пешеходами, до Фолкейна доносился отдаленный скрип колес и стук копыт. Струйки дыма поднимались к небу, на котором виднелись немногие легкие облачка. На заднем плане громоздились, уходя ввысь, серо-голубые горы, увенчанные могучей вершиной Гундры, снежная шапка которой сияла золотом в свете вечного заката. Справа был виден водопад, над которым в водяной пыли играла радуга; поток устремлялся к Чакоре, ярко-зеленой и плодородной.

Взгляд Фолкейна остановился на осаждающих. За пределами города плато усеивали палатки и костры, паслись стада верховых зандар, солнечные лучи блестели на металле оружия. Должно быть, Джадхади прислал сюда много войск, узнав о восстании.

— Мне все-таки кажется, что ваша вылазка была бы безрезультатна — они слишком превосходят вас числом, — сказал Фолкейн.

Роберт Торн засмеялся. Это был приземистый человек с всклокоченной бородой и пронзительными голубыми глазами. Старые боевые шрамы и меч в потертых ножнах плохо сочетались с вышитой пурпурной туникой и шелковыми штанами.

— А нам некуда спешить, — ответил он юноше. — У нас довольно продовольствия — больше, чем им удастся наскреести у местных крестьян. Пусть себе посидят перед стенами. Может быть, тем временем придут остальные эршока. Если нет, то к следующему сумеречному периоду осаждающие совсем оголодают, у них начнутся болезни, да к тому же они почти ничего не будут видеть. Тогда мы их и опрокинем. Они сами это знают. Поэтому-то в лагере такое уныние. — Он повернулся к шуплому рыжему молодому икрананкцу в оранжевом одеянии и позолоченной диадеме. — Король Урсала, это тот самый человек из другого мира, о котором я тебе говорил.

Монарх наклонил свою птичью голову.

— Приветствую тебя, — сказал он Фолкейну на диалекте, не слишком отличающемся от катандарского. — Я очень хо-

тел с тобой встретиться. Если бы только обстоятельства были более благоприятны.

— Они еще могут такими стать, — намекнул Фолкейн.

— Едва ли, если твои товарищи выполняют свое обещание завоевать нас для Катандары, — ответил Урсала. Его мягкий тон смягчил угрозу.

Фолкейн почувствовал себя неловко.

— Ну, видишь ли, мы здесь чужаки, пока мало что знаем. А что плохого, если вы присоединитесь к империи? Как мне кажется, там никого особенно не притесняют.

Урсала встряхнул своим хохолком и надменно произнес:

— Рангакора была древним городом, еще когда Катандара была деревушкой. Деодах всего несколько поколений как перестали быть просто дикарями. Их замашки нам не подходят. Мы не натравливаем братство на братство, мы не обязываем сына заниматься тем же, что и отец.

— Вот как? — удивился Фолкейн.

Стефа кивнула:

— Здесь братства — просто объединения семей. Ремесленные гильдии состоят из представителей разных братств.

— Сколько раз я говорил тебе это, благороднейший, — произнес Торн наставительно. — Как только вы окажетесь под защитой эршока...

— О которой мы не просили, — перебил его Урсала.

— Не просили, но если бы не я, здесь бы сейчас хозяйничал вице-король Джадхади.

— Думаю, вы — наименьшее из двух зол, — вздохнул король. — Иршари слишком долго были к нам милостивы: похоже, мы утратили умение воевать. Но будем честны: вы ведь возьмете нас под защиту не бесплатно: нам придется расплачиваться землями, сокровищами, властью.

— Конечно, — кивнул Торн.

Наступила неловкая тишина. Чтобы разрядить напряжение, Фолкейн спросил, кто или что такое иршари.

— Ну как же, — ответил Урсала, — создатели и правители Вселенной. Разве вы в своем другом мире столь же суеверны, как и жители Запада?

— Что-что? — заинтересовался Дэвид. Он даже вздрогнул от неожиданности и начал засыпать Урсалу вопросами.

Ответы икрананкца превзошли все ожидания. У Рангакоры оказалась нормальная политеистическая религия; боги, естественно, требовали жертвоприношений и лести, но в целом были доброжелательны. Наличествовал единственный бог зла, убийца Цуриата Светлого, а сам Цуриат ежегодно воскресал,

чтобы при помощи других богов удерживать зло в положенных рамках.

Но тогда, значит, икрананкцы вовсе не прирожденные параноики!

Что же в этом случае породило представление западной культуры о враждебности космоса?

Ум Фолкейна заработал на полных оборотах. Он наконец осознал то, что должно было бы броситься ему в глаза давным-давно: на большей части дневной стороны Икрананки *не было смены времен года*. Жизнь здесь лишена ритма — только бесконечная борьба за выживание и медленная деградация окружающей среды. Любое изменение в природе означает несчастье: песчаная буря, эпидемия, падеж скота, высохший источник. Неудивительно, что туземцы относятся подозрительно ко всему новому, а заодно и друг к другу. Понятно, почему они доверяют только прошедшим инициацию членам собственного братства. В результате возникающие цивилизации нестабильны, а набеги дикарей часты. Вот бедолаги!

Рангакора же, на границе Сумеречных краев, знала дожди, снегопады, ритм, установленный сменой дня и сумерек. Жителям были известны не отдельные самые яркие звезды, а расположение созвездий: чтобы изучить их, они отправлялись во Тьму. «Другими словами, — подумал Фолкейн, — если местные жители и сукины дети, то они сукины дети в земном понимании».

Ну а раз так...

Нет. Рангакора мала и изолирована. Она просто не располагает необходимыми возможностями. А учитывая бесконечные войны и набеги дикарей, ван Рийн не согласится иметь дело ни с кем, кроме мощной империи. Переметнуться на их сторону и помочь восставшим было бы, возможно, и благородным делом, но Торгово-техническая Лига не занималась сражениями с ветряными мельницами. Отвоєванная Рангакора будет захвачена снова, как только космолет покинет планету; и тогда уж новых посещений Икрананки не будет.

Однако, если бы удалось подействовать установлению мира и порядка на этой планете, космические торговцы очень бы выиграли. Нет ли какой-нибудь возможности компромисса?

Фолкейн озабоченно взглянул на небо. Когда же, черт возьми, появится «Через пень-колоду»? Ведь ясно же, что Чи и Адзель в первую очередь должны искать его здесь. Если только с ними самими не случилось ничего ужасного...

Тут до Дэвида дошло, что к нему обращается Урсала, и размышления пришлось отложить.

— Прощу прощения, благороднейший?

— Мы не употребляем титулов, — сказал ему король. — Так приветствовать нужно только врага. Я попросил тебя рассказать нам о твоём доме. Это, должно быть, удивительное место, и, иршари мне свидетели, такое развлечение нам сейчас очень кстати.

— Ну... э-э...

— Мне тоже интересно, — вмешался Торн. — В конце концов, если нам, эршока, предстоит покинуть Икрананку, тогда все меняется. Мы могли бы и уйти из Рангакоры. — Эта перспектива его явно не очень радовала.

Фолкейн сглотнул. Когда люди с Икрананки будут возвращены на Землю, он, Фолкейн, станет в глазах общественного мнения героем, но это положит конец их с ван Рийном плану разведки для будущей торговли. Работы он, конечно, не лишится: милая спокойная должность третьего помощника капитана на каком-нибудь молоковозе ему обеспечена, с перспективой получения капитанского чина где-нибудь к пятидесяти и увольнения на пенсию десятью годами позднее.

— Ну, например, солнце на Земле гораздо ярче, чем здесь, — сказал Фолкейн. — Ты же видела, Стефа, как освещен наш корабль.

— Черт возьми, я там чуть не ослепла, — пожаловалась девушка.

— К этому можно привыкнуть. Конечно, сначала придется соблюдать осторожность, выходя из помещения: иначе можно обгореть на солнце.

— Проклятье! — не выдержал один из сопровождавших Фолкейна охранников.

Дэвид решил, что так он, пожалуй, произведет плохое впечатление.

— Это быстро пройдет. Потом уже опасаться будет нечего. Кожа станет загорелой и нечувствительной к солнечным лучам.

— Да что ты! — Стефа поднесла руку к своей гладкой щеке. Она даже приоткрыла рот от изумления.

— Должно быть, там очень жарко, — догадливо высказался Урсала.

— Не так уж жарко, — ответил Дэвид. — Во многих районах, конечно, теплее, чем здесь.

— Как же вы это выдерживаете? — спросил Торн. — Я и сейчас весь в поту.

— Ну, если погода действительно жаркая, всегда можно укрыться в помещении. Внутри здания температура устанавливается по желанию.

— Не хочешь ли ты сказать, что мне придется просто сидеть дома, пока эта проклятая погода не соблаговолит перемениться? — рывкнул Торн.

— Да, я припоминаю, — включилась в разговор Стефа, — воздух у вас в корабле был сырой и теплый, как болото. На Земле он такой же?

— Зависит от того, где ты окажешься, — объяснил Фолкейн. — На Земле погода довольно эффективно контролируется.

— Все хуже и хуже, — пожаловался Торн. — Если уж придется потеть, то еще не хватало, чтобы это было по чьей-то там прихоти. — Тут лицо его просветлело. — Но ведь можно же сразиться с теми, чьи действия тебе не нравятся!

— О Господи, нет, конечно! — возразил Фолкейн. — На Земле это запрещено.

Торн прислонился к ограде балкона и озадаченно уставился на Фолкейна:

— А чем же мне там тогда заниматься?

— Э-э... ну, для начала нужно будет несколько лет поучиться в школе. Земных лет, конечно — они раз в пять длительнее, чем на Икрананке. Вы должны будете познакомиться с математикой, естественной историей, философией... Вообще-то говоря, всего предметов жуткое количество. Но вы не беспокойтесь, как только вы закончите учебу, вам найдут работу.

— И какую же работу?

— М-м-м, боюсь, не особенно высокооплачиваемую. Даже и в какой-нибудь колонии... Колонизированные планеты теперь, видите ли, уже не примитивные миры, а чтобы управлять нашими машинами, нужно основательное образование. Думаю, вы могли бы стать... — Фолкейн запнулся, подыскивая подходящие слова в местном языке, — поварами, помощниками механиков или чем-то в этом духе.

— И это я, правитель города?! — Торн покачал головой и забормotal ругательства.

— Но ведь можно заняться военным делом, — запротестовала Стефа.

— К сожалению, да, — подтвердил Фолкейн.

— Почему «к сожалению»? Ну и чудак же ты, — Стефа повернулась к Торну: — Не унывай, командир. Мы станем солдатами. Если прапредок говорил правду, там есть что взять в качестве добычи.

— Солдатам никто не позволит заниматься грабежами, — охладил ее пыл Фолкейн. Его собеседники вытаращили на него глаза, не веря своим ушам. — Да и вообще, солдаты должны

уметь управлять сложной техникой, и боюсь, в вашем возрасте этим уже не овладеть.

— Гром и молния! — прошептал Торн.

— Все это нужно обсудить на совете братства, — встревоженно сказал один из стражников.

Торн выпрямился и взял себя в руки.

— Сейчас это не так легко. Пока что нам нужно продолжать начатое. Когда мы прорвем осаду и снова объединимся с нашими соплеменниками, тогда будет видно. Урсала, мы с тобой должны заняться организацией групп связников между нашими отрядами.

— Да, пожалуй, должны, — неохотно ответил король. — Он склонил голову, прощаясь с Фолкейном. — Надеюсь, позже мы сможем иметь более длительную беседу.

Фолкейн рассеянно кивнул: он был очень недоволен собой. Правители удалились.

Стефа оперлась локтями на перила балкона. На ней была легкая туника, волосы распущены. Ветерок играл ее бронзовыми локонами. Хотя сейчас она казалась равнодушной, Фолкейн не забыл некоторые ее слова, сказанные раньше. Сердце его забилося быстрее. Можно ведь даже и из принудительного пребывания здесь извлечь удовольствие.

— Я не хотел, чтобы мои рассказы о Земле прозвучали так разочаровывающе, — сказал он. — Тебе там понравится. Такая красивая девушка, с таким экзотическим прошлым — да ты произведешь сенсацию.

Она продолжала смотреть на сторожевую башню.

— Конечно, как новая игрушка. И как долго это продлится? — упрек в ее голосе огорчил Фолкейна.

— Ну... Дорогая, для меня ты никогда не утратишь своей очаровательной новизны.

Никакой реакции.

— Из-за чего, черт возьми, ты вдруг стала такой мрачной? — спросил Дэвид.

Губы девушки сжались в тонкую линию.

— Из-за того, что ты рассказал. Когда ты спас меня, я подумала, что ты великолепный воин. Я должна была, конечно, сразу понять: ничего особенного в той схватке не было — с тобой было то чудовище и, главное, у тебя в руке была машина! Может быть, и несправедливо говорить о том, какой ты никудышный всадник — тебя ведь никогда не учили ездить на зандарах. Но тем не менее это правда — ты никуда не годишься в седле. Да и вообще, на что ты годишься — без помощи машины?

— По крайней мере на одно, — попытался улыбнуться Фолкейн.

Стефа пожала плечами:

— Я не сержусь на тебя, Дэвид. Я просто разочарована. Истинно, это моя вина — надо было давно понять, что только твое отличие от всех и делало тебя таким привлекательным.

«Удачный денек, ничего не скажешь», — простонал в душе Дэвид.

— Пожалуй, пойду посмотрю, не сменился ли с дежурства Хью, — продолжала Стефа. — Ты можешь тут еще погулять, если хочешь.

Фолкейн потер подбородок, глядя ей вслед. Чуть отросшая щетина оцарапала ему руку. Естественно, ведь последний раз предотвращающий рост волос гормон он принимал уже давно. Кроме как на корабле, вряд ли на всей Икрананке найдется бритва. Теперь несколько дней предстоит мучиться, пока этот проклятый лицевой мох как следует не отрастет.

«Нельзя сказать, что в словах девушки нет правды», — с горечью подумал Фолкейн. Во время этого последнего путешествия он был слишком пассивен. Если с Адзелем и Чи что-нибудь случилось, то вина в этом его: ведь он капитан корабля. Через четыре месяца, если они не вернутся, конверт с планом их предприятия, который они оставили на базе, будет вскрыт и за ними отправится спасательная экспедиция. Может быть, их и выручат, если, конечно, сам Фолкейн к тому времени еще будет жив. В данный момент ему не так уж и хотелось оставаться в живых.

Раздавшиеся вдали крики заставили его обернуться. Фолкейн присмотрелся к тому, что происходило за городской стеной. Тут его как громом оглушило.

Адзель!

Из-за поворота дороги показался мчащийся галопом воданит. Его чешуя блестела, а рев перекрывал шум водопада. Из лагеря осаждающих раздалась вопли. Барабаны на сторожевых башнях Рангакоры забили тревогу. Вооруженные люди и икрананкцы кинулись к парапетам.

— Живой демон! — ахнули у Фолкейна за спиной. Оба его стража, побледнев, уставились на открывшееся им сверхъестественное зрелище. У Фолкейна вспыхнула надежда: наконец-то шанс сбежать! Он попытался выскользнуть за дверь.

На его несчастье, вернулась Стефа. Она схватила Фолкейна за руку и всем весом повисла на нем.

— Не зевайте! — окликнула она охранников. Те очнулись от оцепенения, выхватили мечи и втащили Фолкейна обратно. Он чуть не плакал от разочарования.

— Что происходит? — выдохнул он. — Где корабль?

Теперь ему оставалось только наблюдать. Отряд катандарской кавалерии бросился на воданита. Адзель не замедлил свой бег и пропахал себе дорогу сквозь ряды нападающих. Копья ломались о его чешую, всадники разлетались в стороны, зандары в панике разбегались. Его могли бы остановить выстрелы из катапулт, но полевая артиллерия не была подготовлена к обстрелу инопланетных чудовищ, да и что делать, когда на тебя мчится настоящий, хорошо видимый демон, никто из икрананкцев не знал; так что артиллеристы просто разбежались.

Ужас распространился как пожар. Через несколько минут армия Джадхади представляла собой воюющую, мечущуюся толпу, которая бросилась бежать вниз в направлении Катандары. Адзель немножко поспредседовал беглецов, чтобы убедиться, что они нескоро остановятся. Когда последний солдат исчез из виду, воданит вернулся, продираясь сквозь хаос брошенного оружия, перепуганных зандар и карикут, опрокинутых тележек, опустевших палаток, чадающих костров. Адзель довольно махал хвостом.

Воданит потрусил к воротам. Фолкейн не расслышал, что он выкрикивает, но мог хорошо это себе представить. У него подкосились ноги, стало трудно дышать. Казалось, не прошло и минуты, как за ним примчался посланец, но целая вечность потребовалась, чтобы дойти до ворот по опустевшим улицам Рангакоры — население попряталось по домам, молясь своим богам.

Впрочем, за это время Фолкейн успел немного успокоиться. К тому моменту когда он оказался у парапета вместе с Торном, Урсалой, Стефой и отрядом солдат и глянул вниз на своего друга, он уже снова был способен думать. Теперь, вблизи, он увидел мохнатую фигурку Чи на мощных плечах Адзеля. По крайней мере они оба живы. Слезы обожгли глаза Дэвида.

— Дэвид! — прокричал Адзель. — Я так надеялся, что мы найдем тебя здесь. Почему нас не пускают?

— Меня держат в плену, — ответил Фолкейн на латыни.

— Так не пойдет, — вмешался Торн. — Говори на английском или катандарском, чтобы я мог вас понять, или помалкивай.

Копья, нацеленные в него, показались Фолкейну такими острыми, что пришлось послушаться. То обстоятельство, что теперь всем стало известно, как его корабль оказался недоступным для команды, а сам он попал в плен, не сделало беседу более приятной. Все внутренности Фолкейна, казалось, сжались в холодный ком.

Торн горячо воскликнул:

— Эй, послушайте, у нас же общая цель! Давайте вместе выступим на Хайякату, отобьем у них эту вашу летающую штуку, а затем пойдем на Катандару.

Урсала ответил ледяным тоном:

— Другими словами, мой город все-таки будет управляться из Катандары.

— Но должны же мы помочь своим братьям! — сказал Торн.

— По пути сюда я перехватил курьера, — вступил в разговор Адзель. — Боюсь, что я утратил чувство меры, желая его припугнуть, но так или иначе мы прочли сообщения, которые он должен был передать. Те эршока, которые находились в городе, но не были в казарме, объединились и атаковали силы императора с тыла. Общими усилиями те, кто был в Железном Доме, и их соратники снаружи прорвали ряды осаждавших и с боями выбрались из города. Они захватили — как же она называется? — деревню в Чакоре и послали за семьями, которые были еще не с ними, чтобы обеспечить их безопасность. Джадхади не решается напасть с имеющимися в его распоряжении войсками и вызывает подкрепления из дальних гарнизонов.

Торн дернул себя за бороду.

— Насколько я могу судить, наши люди выступят оттуда раньше, чем ему удастся собрать силы. И куда же им идти, кроме как к нам? — Его глаза засверкали. — Клянусь Марсом! Нам нужно только сидеть смирно, и мы получим все, чего хотели!

— Кроме того, — предостерегла Стефа, — мы не можем доверять Фолкейну. Как только он получит обратно свою летающую машину, он сможет делать, что захочет. — Она враждебно взглянула на юношу. — Похоже, вы окажетесь не на нашей стороне.

— Единственная вещь, о которой я мечтаю, — убраться с этой планеты, и чем дальше, тем лучше.

— А потом? Из-за своих вонючих торговых интересов ты окажешься на стороне Катандары. И другие, которые появятся здесь потом, тоже. Нет, лучше нам тебя не отпускать, мой телепочек. — Она наклонилась через парапет, приложила руки ко рту и закричала: — Убирайтесь, вы, или мы вам кинем голову вашего приятеля!

Чи вскочила на ноги между огромными пластинами гребня. Ее тонкий голос еле долетал до них сквозь шум водопада.

— Если вы это сделаете, мы обрушим на вас ваши навозные стены!

— Ну подождите же, — попытался утихомирить страсти Урсала. — Давайте рассуждать разумно.

Торн окинул взглядом собравшихся на стенах воинов. Люди вытирали потные лбы и облизывали губы; клювы икрананкцев были открыты, а хохолки уныло поникли.

— Мы не можем выступить против чудовища, — произнес он вполголоса. — Наши солдаты сейчас слишком перепуганы, да и зандары разбегутся. Вот когда придут остальные члены братства — тогда другое дело. Подождем.

— И сохраните мне жизнь, чтобы было о чем торговаться, — поспешно добавил Фолкейн.

— Как же, как же, — презрительно усмехнулась Стефа.

Торн отдал приказ. Военные инженеры принялись взводить пружину катапульты. Адзель услышал скрип метательного оружия и отошел на безопасное расстояние.

— Мужайся, Дэвид! — прокричал он. — Мы тебя не бросим!

«Это, конечно, было весьма благородно, но едва ли осуществимо», — мрачно подумал Дэвид. Теперь Торн уже не просто хочет удержать Рангакору, он должен это сделать в интересах своих соплеменников. К тому же эршока слишком многое переняли у катандарцев по части хронической подозрительности, чтобы добровольно отпустить Фолкейна на корабль. Скорее они будут держать его заложником на случай прибытия другого космолета. А укрепившись в Рангакоре, они, несомненно, попытаются свергнуть власть деодах. Вполне возможно, им это удастся. Так что оставалось надеяться на одно: спасательная экспедиция заключит соглашение с эршока — в обмен на жизнь Фолкейна Торгово-техническая Лига откажется от торговли с Икрананкой. Договор будет строго соблюдаться: торговля с враждебным населением не окупается. А уж стоит ван Рийну узнать, что он не только не будет монополистом на здешнем рынке, но и вообще его лишится, — он вышвырнет Фолкейна с такой силой, что тот долетит до Луны.

В какую же густую похлебку он угодил!

Стражники отвели его в те дворцовые покои, которые служили ему тюрьмой. Адзель собрал тех животных, которым не удалось порвать поводья и ускакать, чтобы использовать их в пищу, пока будет длиться осада города драконом.

10

Чи Лан ничего не стоило незаметно пробраться к восточной стене города. Катандарцы не приближались к укреплениям достаточно близко, чтобы вытоптать кусты, а рангакорцы не могли использовать их в качестве корма для своих животных. Высокие растения скрывали ее передвижение. Припав к земле у подножия стены, Чи посмотрела вверх на отвесную темную

скалу; по пурпурному небу скользило облако, и казалось, что стена нависает над цинтианкой. Ее нос ощущал малейшие оттенки острых смолистых запахов растительности. Сквозь вой холодного ветра Чи расслышала грохот катапульты с противоположной стороны укреплений.

Здесь тени были так густы, что разглядеть детали стены удавалось с трудом; однако постепенно Чи наметила путь вверх. Как и во всех икрананкских постройках, камни были необработанными, а дождь и мороз за бесчисленные годы выщербил их. Вскрабкаться на стену ей вполне по силам.

Ее мышцы напряглись. Чи прыгнула, уцепилась всеми четырьмя конечностями за выбоины, нашла следующую опору, передвинулась дальше. Холодная и шершавая поверхность камня царапала ее живот. Передвижению мешал и груз, захваченный ею из лагеря осаждавших — два кинжала и обмотанная вокруг тела веревка. Тем не менее с полным хладнокровием она продолжала подъем.

Когда ее пальцы ухватились за край амбразуры, Чи секунду помедлила. Где-то поблизости находились часовые. Но... Чи подтянулась и, притаившись между зубцами крепостной стены, огляделась. В нескольких метрах от нее слева и справа действительно стояли стражники — один человек, другой икрананкец. Их плащи бились на ветру так же яростно, как и флаги на дальних башнях. Но часовые смотрели из-за стены наружу.

Теперь быстро! Чи метнулась к противоположной стороне стены. Как она и ожидала — любой грамотный военный инженер должен был это предусмотреть, — между стеной и ближайшими домами оставалось несколько метров ничем не застроенного пространства. Поскольку торговля с внешним миром прекратилась, никакого движения здесь не было. Чи пренебрегла тем, что ее может увидеть случайный прохожий, и с отчаянной быстротой начала спускаться. С высоты нескольких метров она прыгнула; относительно слабая гравитация помогла ей в этом.

Достигнув начала узкой улицы, она остановилась, чтобы отдышаться, но только на мгновение. Вблизи слышались шаги и каркающие голоса. Уцепившись за раму окна, Чи вскрабкалась на крышу дома.

Отсюда открывался широкий вид. Красное солнце в туманной дымке бросало косые лучи на пустынные улицы. После появления Адзеля прошло всего несколько часов, и местные жители были слишком потрясены, чтобы взяться за свои обычные дела. «Надо сообразить... Дэвида наверняка держат во дворце — должно быть, это вон то затейливо украшенное зда-

ние в центре города». Чи наметила маршрут — по возможности с одной крыши на другую, а улицы придется пересекать, когда никого не будет поблизости.

За осторожность приходилось расплачиваться временем, но она того стоила. Самое трудное препятствие ожидало Чи в конце пути. Четыре просторных бульвара окружали королевскую резиденцию, и по ним сновало множество пешеходов. Помимо тех, кто был там по делу, толпы взволнованных горожан очень почеловечески искали безопасности поблизости от своих правителей. Чи пришлось провести около двух часов, прячась за трубой, прежде чем представился шанс преодолеть это препятствие.

По мостовой тащилась неуклюжая повозка, а впереди, направляясь во дворец, шествовал старик-туземец в свободной тоге придворного. Чи прыгнула в канаву между двумя домами поближе к дороге. Упряжные карикуты миновали ее, скрипучий экипаж заслонил цинтианку, и она проскользнула под него и на четвереньках подобралась к старому икрананкцу. Теперь ее отделяло от его развевающегося одеяния метра три. Даже если ее заметят, дворцовый сад совсем рядом, там есть где спрятаться; но Чи надеялась, что в этом не возникнет необходимости.

Так оно и оказалось. Она в полсекунды пересекла открытое пространство и, приподняв волочащийся по земле подол, спряталась под ним. Старик остановился и обернулся.

— Что? Что? — спросил он, но, никого не увидев, пошел дальше. Чи двинулась одновременно с ним, очень осторожно, чтобы не задеть его щиколотки. — Крр-э? Что? Клянусь, я почувствовал... нет... нет... э-э...

Икрананкец поковылял дальше. Когда Чи сочла, что они уже достаточно углубились в дворцовый сад, она выскользнула из-под одеяния и спряталась в ближайший куст. Из своего убежища она видела, как туземец снова остановился, ощупал свою тогу, почесал затылок и пошел дальше, бормоча что-то себе под нос.

Пока все шло хорошо. Настоящие приключения начнутся на следующем этапе. Чи некоторое время обследовала сад, прячась с искусством, доступным только уроженке лесов, как только кто-нибудь оказывался поблизости, пока ей снова не представилась возможность действовать.

Она подобралась к боковой стене дворца. Ряд похожих на бамбук деревьев скрывал ее от любого, кто выглянул бы в окно, а подстриженные кусты живой изгороди давали дополнительное укрытие. Поблизости не было ни души, кроме туземца-часового в доспехах, вышагивавшего по дорожке. Что же, на войне как на войне. Чи дала ему пройти мимо и прыгнула на него сзади. Воин растянулся на животе, а его латы издали огорчительно громкий

лязг Чи вскочила на плечи поверженного противника, одной рукой стиснув его горло, а другой вытаскивая кинжал.

Приставив острие к его горлу, она жизнерадостно прошептала:

— Только пикни, мой друг, и ты — холодный труп. Мне этого не хотелось бы — ты не выглядишь особенно аппетитным.

Ослабив хватку, она дала ему повернуть голову и увидеть себя; бульканье, которое при этом вырвалось из горла икрананкца, она решила ему простить. Можно понять чувства туземца, на котором уселся демон в темной маске, даже если это и совсем маленький демон.

— Отвечай быстро, если тебе дорога жизнь, — приказала она. — Где находится пленный эршока?

— Ахх-э-э-э...

— Не увиливай, — Чи кольнула его острием кинжала. — Ты знаешь, о ком я говорю: высокий светловолосый безбородый эршока. Отвечай или прощайся с жизнью!

— Он... он там в... — Больше слов у него не нашлось. Солдат сделал мужественную попытку подняться. Чи мгновенно сжала его горло так, что он потерял сознание. Еще находясь в Хайякате, она позаботилась о том, чтобы узнать как можно больше об анатомии туземцев — насколько это возможно без вскрытия; теперь эти знания пригодились. Вообще-то икрананкцы — довольно хлипкий вид...

Когда солдат очухался, он уже вполне был готов к сотрудничеству. Во всяком случае, он испытывал слишком сильный ужас, чтобы попытаться обмануть Чи. Цинтианке в свое время пришлось вести достаточно допросов, чтобы быть в этом уверенной. Она получила всю нужную ей информацию. Как выяснилось, у помещения, где находился Фолкейн, несли стражу два эршока — но от пленника их отделяла тяжелая бронзовая дверь.

— Спасибо, — сказала она икрананкцу и снова сжала его горло. При помощи куска веревки и обрывка его собственного плаща она сделала кляп, затем связала солдата и оттащила его в кусты. К тому моменту когда она закончила это дело, ее информатор пришел в себя.

— Тебя тут скоро найдут, — утешила она несчастного, — может быть, даже до того, как начнут поливать сад

Чи кинулась в нужном направлении. Теперь следовало спешить. Но именно этого-то она и не могла сделать. По сравнению с необходимостью пробираться по дворцу незамеченной в этом проклятом городе, не знаящем ночи, все ее предыдущие приключения выглядели детской забавой. Через открытое окно она проникла в комнату, в которой, как она убедилась предвари-

тельно, никого не было. Но дальше ей пришлось пробираться от портьеры — к креслу — к декоративной вазе — к статуе, скрываясь от бесчисленных слуг, стражников, чиновников, купцов, просителей, сестер, кузин, тетюшек и дядюшек, заполнявших дворцовые помещения. Чтобы подняться на следующий этаж, нужно было дожидаться, пока на пандусе никого не будет, и надеяться, что ее не заметят прежде, чем она найдет следующее укрытие. И так до бесконечности. К тому времени когда она достигла изяшных колонн нужного ей верхнего балкона, даже ее железные нервы были на пределе.

Чи подтянулась, вспрыгнула на крышу и проползла по ней так, чтобы оказаться точно над окном комнаты Фолкейна. Захваченный ею воин сказал ей, что оно находится с северной стороны между вторым и третьим балконами. Крышу от окна отделяли шесть метров гладкой стены, на которой не за что было уцепиться. Но у Чи была достаточно длинная веревка, а на крыше оказалось несколько труб. Привязав веревку к ближайшей из них и удостоверившись в том, что снизу никто на нее не глазееет, она скользнула вниз.

Достигнув окна, Чи обнаружила, что оно забрано фигурной бронзовой решеткой. Отверстия в ней были достаточно велики, чтобы через них могла пролезть цинтианка, но никак не человек. Ну почему она не догадалась захватить с собой напильник? Чи просунула руку сквозь решетку и постучала по стеклу. Никакого ответа. Издав восклицание, которое едва ли пристало такому белому пушистому существу, она разбила стекло рукоятью кинжала и забралась в комнату. Оглядевшись вокруг, она втащила внутрь веревку.

Покои оказались весьма комфортабельны — для икрананнца. Человеку здесь было слишком темно и холодно. Фолкейн спал, свернувшись в клубок. Чи подошла к кровати, зажала ему рот — эти человеческие существа такие по-идиотски эмоциональные — и встряхнула его за плечо.

Фолкейн проснулся и вытаращил глаза.

— А? Шо? Ух! — Чи приложила палец к губам. Глаза Дэвида стали осмысленными, он кивнул, и Чи убрала руку.

— Чи! — выдохнул Фолкейн, крепко обнимая цинтианку. — Как, черт возьми, тебе удалось?..

— Я проскользнула внутрь, ты, чучело. Не ожидал же ты, что я прибуду под звуки оркестра? Теперь давай подумаем, как тебе отсюда выбраться.

Фолкейн разинул рот.

— Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

— Откуда же?

Фолкейн поднялся на ноги, но без особой прыти.

— Я тоже не знаю, — признался он уныло.

Сердце Чи оборвалось. Она съежилась на полу.

В порыве нежности Дэвид нагнулся и взял Чи на руки.

— Мне достаточно сознания того, что ты пыталась, — пробормотал он.

Хвост Чи дернулся, и язвительность вернулась в ее голос.

— А для меня нет. Ведь все, что нужно, — это выбраться отсюда. Потом можно просто подождать где-нибудь в глуши, пока придет спасательная экспедиция.

Фолкейн покачал головой:

— К сожалению, ничего не выйдет. Как мы дадим им знать? Конечно, они обнаружат «Через пень-колоду», но как только мы появимся в тех местах, нас прикончат, а Джадхади свалит вину за это на Торна. Скорее всего ему поверят: ты только представь себе, как эти туземцы будут друг друга поддерживать.

Чи некоторое время размышляла.

— Я могла бы подобраться достаточно близко к кораблю, чтобы его приборы меня услышали.

— М-м-м... — Фолкейн провел рукой по волосам. — Ты же прекрасно понимаешь, что такое тебе не удастся — иначе ты попробовала бы это первым делом. Там же нет укрытия, о котором стоило бы говорить. — Его охватил гнев. — Если бы не проклятая случайность и рация Адзеля не оказалась бы разбита! Если бы только мы могли вызвать корабль...

И тут его осенило. Он сделал шаг назад и сел на кровать. Чи высвободилась из его рук, отскочила и уставилась на него круглыми желтыми глазами. Казалось, тишина в комнате все разрастается и разрастается.

Наконец Фолкейн стукнул кулаком по ладони другой руки:

— Боги Меркурия! Да!

Присутствие духа, привитое Дэвиду еще в детстве, вернулось к нему. Да, его одурманили, похитили, он получал, образно говоря, один пинок за другим и не мог дать сдачи; это совсем деморализовало его. Но теперь, когда у него появилась идея, он снова почувствовал себя мужчиной. То обстоятельство, что его могли убить, не значило ничего. Его душа возликовала.

— Слушай, — обратился он к Чи. — Ты можешь выбраться из города, хоть и без меня. Но шанс на то, что вы с Адзелем останетесь в живых, весьма невелик. Еще меньше надежды дать о себе знать спасательной экспедиции. Если ты готова рискнуть прямо сейчас — поставить все на кон...

Чи не стала спорить с его планом. Поразмыслив и прикинув вероятности, она кивнула:

— Давай.

Фолкейн начал было одеваться, но остановился:

— Ты не хотела бы сначала отдохнуть?

— Нет, я чувствую себя вполне готовой. А ты?

Фолкейн ухмыльнулся. Он хорошо выспался. Кровь быстро бежала в его жилах.

— Я готов сражаться со слонами, дорогая!

Одевшись, он подошел к двери и начал барабанить в нее.

— Эй! — закричал Дэвид. — Срочно! Немедленно! Сверхсекретно! Обращаться с осторожностью! Откройте дверь, вы, дубины!

В замке звякнул ключ. Дверь распахнулась. Могучий воин стоял, с обнаженным мечом в руке загораживая выход. Его тыл прикрывал напарник.

— Ну?

— Я должен видеть твоего начальника! — Фолкейн особо не задумывался над своими словами. Только бы подобраться поближе к стражнику. Он сделал шаг вперед, размахивая руками. — Я должен сообщить ему нечто ужасное!

— Что именно? — донеслось из густой бороды.

— Вот это. — Фолкейн ухватил воина за плащ на плечах, скрестив запястья. Когда он свел руки, костяшки пальцев уперлись в горло жертвы. Одновременно Чи вылетела из двери и кинулась на второго стражника.

Противник Фолкейна ударил мечом сверху вниз, но Фолкейн увернулся. Его колено ударило в пах воину, тот согнулся от боли. К тому же руки Фолкейна продолжали душить его. Дав потерявшему сознание воину осесть на пол, Дэвид атаковал второго стражника. Чи нападала на него и пока что не дала поднять тревоги, но справиться с эршока ей было не по силам. Удар ребром ладони по шее — и этот часовой тоже остался лежать на полу.

Ни один из них так уж сильно не пострадал, с облегчением отметил Фолкейн. Он нагнулся, намереваясь втащить их в комнату и позаимствовать их одежду. Но шум привлек внимание: из соседней двери выглянула туземка и начала вопить. Что ж, не все удастся наилучшим образом. Фолкейн схватил меч и кинулся бежать. Чи не отставала от него. Визг туземки достиг верхнего «соль» и продолжал набирать децибелы.

Вниз по тому пандусу! Навстречу шел придворный. Фолкейн отпихнул его и продолжал бежать. Еще несколько икрананкцев оказались в коридоре. Фолкейн взмахнул мечом.

— Смерть и разрушение! — взревел он. — У-у-у! — Туземцы дали ему дорогу, падая друг на друга и вопя.

Вот наконец и электрическая мастерская. Фолкейн ворвался в дверь. Подняв головы от рабочих столов, уставленных замысловатой формы аппаратами, на него вытаращились двое ученых и несколько их помощников.

— Все вон отсюда! — приказал Фолкейн. Недостаточно быстро улепетывавших он поторопил, похлопав мечом Великого Главного Философа Королевства Рангакора. Тут все его сразу поняли. Дэвид захлопнул дверь и запер ее.

Снаружи сквозь массивный металл двери доносился шум, становившийся громче с каждой минутой: крики, топот, лязг оружия; барабаны забили тревогу. Фолкейн огляделся. Через окна до них не добраться, но в дальнем конце длинной комнаты оказалась еще одна дверь. Он запер и ее и решил для надежности забаррикадировать мебелью. Если свалить в кучу все, что не прибито к полу, и вдобавок связать в единое целое имевшейся у Чи веревкой, то пробиться внутрь без военной техники никто не сможет. А военных инженеров вряд ли вызовут, раз обычные меры кажутся более уместными.

Закончив это дело, он обернулся, тяжело дыша. Пока он трудился, Чи тоже не бездельничала. Она сидела на полу посреди невообразимого нагромождения батарей и всевозможных приспособлений, сворачивая из провода катушку и хмуро глядя на конденсатор. Она могла только гадать, каковы электрическая емкость, сопротивление, индукция, вольтаж и сила тока в собранной ею схеме. Хотя, впрочем, ее предположения основывались на весьма солидном образовании.

Обе двери содрогались от обрушившихся на них ударов. Фолкейн сосредоточил внимание на той из них, которая не была забаррикадирована. Он потянулся, раскачиваясь на носках, и приказал своим мускулам расслабиться. Позади него Чи возилась с разрядником; он слышал треск искр.

Человеческий голос за дверью прокричал:

— С дороги! С дороги! Мы сейчас выьем эту поганую дверь, если только вы уберетесь с дороги!

Чи даже не подняла голову от работы.

Грохот снаружи утих. Через секунду мертвой тишины раздался топот, и в дверь ударило что-то тяжелое. Бронза зазвенела и прогнулась. Таран ударил снова. На этот раз раздался треск и взрыв проклятий. Фолкейн ухмыльнулся. Должно быть, они используют бревно из склеенных вместе стволов местного бамбука, которые не выдерживают удара. Он подошел к двери и выглянул в образовавшееся между дверью и косяком отверстие. Он увидел нескольких эршока в полном вооружении; лица их были искажены яростью.

— Ку-ку, — сказал им Фолкейн.

— Приведите кузнеца! — Фолкейну показалось, что он узнал голос Хью Падрика. — Эй ты, приведи того дерьмового кузнеца! Пусть захватит молотки и лом.

Пожалуй, так они справятся с дверью, но на это понадобится время. Фолкейн вернулся к Чи и стал ей помогать.

— Думаешь, в этих батареях достаточно электролита?

— Да. — Чи не отводила глаз от импровизированного телеграфного аппарата, который она соорудила на единственном рабочем столе, не использованном для баррикады. — Ведь до Хайякаты всего километров четыреста, верно? Даже этот страдающий плоскостопием Адзель добрался сюда всего за несколько дней. Что беспокоит меня гораздо больше — удастся ли нам получить нужную частоту?

— Ну, это можно установить только приблизительно, а потом попробовать разные частоты. Знаешь, скользящий контакт на катушке.

— Да знаю я! Мы же обсудили все это в твоей комнате. Перестань болтать и займись делом.

— Я же тут для украшения, — отшутился Дэвид. Он неловко взялся за плоскогубцы — они не были приспособлены для человеческой руки — и принялся соединять батареи между собой. Так, теперь лейденскую банку... или здесь ее полагаются называть рангакорская банка?

Бронзовая дверь вновь зазвенела и подалась. Фолкейн уделял ей половину своего внимания. С того момента как они вломились в мастерскую, прошло, наверное, около часа. Не так уж много времени, чтобы уподобиться Генриху Герцу*. Но Чи делала последние соединения. Она села перед уродливым раскорякой-аппаратом и кивнула. Затрещали искры в разряднике. Чи отступивала точки и тире кода Лиги. Невидимые, неощутимые радиоволны пронизали пространство.

Теперь все зависело от того, удастся ли ей найти ту частоту, на которой работали их безвременно погибшие рации — среди всего множества частот, которые она могла только пробовать вслепую. Да и времени на попытки почти не оставалось. Дверь рухнет через минуту-другую. Фолкейн отошел от Чи и занял пост у двери.

Крепления засова отскочили. Дверь косо повисла на одной петле. В щель протиснулся эршока с мечом в руке.

* Немецкий физик, экспериментально доказавший существование электромагнитных волн.

Фолкейн преградил ему дорогу. Зазвенела сталь. Как Дэвид и ожидал, воин не имел никакого представления о настоящем фехтовании. Фолкейн мог убить его в течение полуминуты. Мог, но не хотел. Кроме того, пока он удерживает этого парня в двери, в комнату не ворвутся остальные.

— Поразвлечемся? — обратился он к противнику поверх мелькающих клинков. Тот в ответ яростно оскалился.

Бип-бип-биип-бип... Переместись в Рангакору. Приземлись в пятидесяти метрах от южных ворот. Бип-биип-биип.

Эршока прижался спиной к дверному косяку. Неожиданно он скользнул в сторону, открывая дорогу второму бойцу. Фолкейн удержал первого на месте энергичной атакой, одновременно совершив знаменитый удар каратэ ногой. Второй противник застонал от боли и повалился назад, в руки своих соплеменников. Резко обернувшись, Фолкейн отразил удар первого воина и сделал выпад. Острие меча вонзилось в руку эршока, Фолкейн повернул меч, рассекая плоть; оружие противника зазвенело, упав на пол.

Не теряя времени на то, чтобы высвободить собственный меч, Фолкейн повернулся, еле избежав удара третьего противника. Он сделал шаг вперед и сделал захват, который помнил по урокам каратэ. Рывок — мерзкий звук ломающейся кости — и противник со сломанной рукой и посеревшим от боли лицом упал на колени, а Фолкейн завладел его мечом. Оружие зазвенело, столкнувшись с мечом следующего противника.

Фолкейн огляделся. Эршока, которого он ранил, лежал, жавшись в комок на полу. Кровь лилась из его раны, невероятно яркая даже при этом освещении. Второй поверженный противник сидел, привалившись к стене. Дэвид взглянул в лицо своего нового противника (мальчишки с пушком на щеках — он сам был таким совсем недавно) и предложил:

— Если ты немного отодвинешься, эти бедолаги смогут ползти, а там им окажут помощь.

Паренек ответил проклятием и яростным выпадом. Фолкейн отразил удар и прижал его клинок к полу.

— Разве ты хочешь, чтобы твой товарищ истек кровью? — спросил он. — Расслабься, я тебя не съем. Я вообще-то совсем мирный человек.

Фолкейн отошел на шаг и занял оборонительную позицию. Юноша изумленно посмотрел на него, затем попятился к двери и толпившимся за ней людям и икрананкцам. Фолкейн подтолкнул раненого ногой.

— Иди, — сказал он мягко. Поверженные противники выбрались за дверь. В коридоре воцарилась тишина.

Хью Падрик протолкнулся вперед. Его меч был обнажен, но он держал его опущенным.

— Что ты затеял? — прохрипел он.

— Очень страшное колдовство, — ответил ему Фолкейн. — Вам это обойдется дешевле, если вы сразу же сдадитесь.

Биш-биш-биш-биш!

— Чего ты от нас хочешь? — спросил Падрик.

— Ну, во-первых, большую кружку воды. А после этого можно поговорить. — Фолкейн попытался облизать губы, но язык был сух. Будь проклят здешний воздух! Неудивительно, что туземцы не пользуются коврами: они все время получали бы статические разряды. Может быть, это и послужило толчком интереса рангакорцев к электричеству?

— Да, можно поговорить. — Меч Падрика опустился еще ниже. В следующую долю секунды он молнией устремился к бедру Фолкейна.

Тренированное тело Дэвида прореагировало прежде, чем включился рассудок. Землянин высоко подпрыгнул: тяготение в две трети земного облегчило дело. Острый металл со свистом пронесся ниже его подошв. Фолкейн приземлился прежде, чем его противник успел отдернуть меч, и своим весом вырвал оружие из руки Падрика.

— Ах ты, озорник! — воскликнул он. Его левый кулак врезался в лицо противника. Падрик со всего размаха сел на пол, его нос превратился в кровавое месиво. Фолкейн заметил себе, что нужно будет содрать с Падрика три шкуры за пластическую операцию, когда помощники ван Рийна организуют здесь соответствующие услуги.

Какой-то икрананкец ткнул в него копьем. Дэвид отбил его в сторону и вырвал из рук противника. Это дало ему выигрыш в одну минуту.

Еще одну он выиграл, пока Падрик, шатаясь, выбирался из комнаты. И еще одну — пока толпа переминалась с ноги на ногу и с неловкостью глазела на него. Затем он услышал команду Роберта Торна:

— Освободите проход! Лучники, вперед! — и понял, что конец близок.

Толпа расступилась в стороны и попятилась назад. Полдюжины икрананкцев с луками выступили вперед и заняли позицию поперек коридора. Дэвид выдавил самую беззаботную улыбку из своего репертуара, когда перед лучниками выбежала Стефа.

Девушка остановилась и с изумлением посмотрела на Фолкейна.

— Дэвид, — прошептала она, — никто в мире не смог бы так... А я и не знала...

— Теперь знаешь. — Поскольку ее кинжал был в ножнах, Фолкейн рискнул потрепать ее по подбородку. — Там, где я родился, людей учат большему, чем просто управлять машинами. Другое дело, что я бы вовсе не возражал против хорошенькой бронированной боевой машины сейчас.

На серые глаза навернулись слезы.

— Все-таки ты должен сдаться, — сказала она умоляюще. — Что еще ты можешь сделать?

— Вот это, — ответил он, бросил меч и схватил девушку. Она вскрикнула и начала отбиваться, но Фолкейн оказался сильнее. Он прижал Стефу к себе и крикнул лучникам:

— Уходите, вы, противные уродцы! — Теплый запах ее волос коснулся его обоняния.

Чи невозможно продолжала посылать сигналы.

Стефа прекратила сопротивление. Фолкейн ощутил, как она напряглась в его руках. С ледяной гордостью она обратилась к лучникам:

— Стреляйте!

— Ты же не всерьез? — пробормотал Фолкейн.

— Вполне серьезно, — ответила девушка с печальной улыбкой. — Ты думаешь, мы, эршока, больше боимся смерти, чем вы?

Лучники начали целиться. Фолкейн покачал головой.

— Ну что же, — сказал он и даже выдал из себя смешок, — когда ставки высоки, приходится блефовать. — Крики, далекий грохот, приближающийся с каждой секундой, сейчас не казались ему особенно важными. — Конечно, я не собираюсь использовать тебя в качестве щита. Ты же знаешь, я ужасный лжец. Ты заслуживаешь лучшей доли. — Он поцеловал Стефу. Она ответила на его поцелуй, повернулась и обхватила его за шею.

Это было очень приятно и к тому же добавляло несколько секунд безопасности...

— Демон! Демон! — с криками ужаса эршока и икрананкцы бросились бежать. Раздался громовой удар и вслед за ним грохот рассыпающихся камней.

Стефа не обратилась в бегство вместе с остальными, но высвободилась из объятий Фолкейна, и в ее руке блеснул кинжал.

— Что это? — воскликнула она.

Фолкейн выдохнул воздух: как оказалось, на несколько секунд он забыл, что нужно дышать. Голова его кружилась. Каким-то чудом ему удалось ответить ей ровным голосом:

— Это наш корабль. Он приземлился за стеной, теперь его пилотирует Адзель: боюсь, он снова несколько утратил чувство меры и увлекся демонстрацией нашей скромной силы. — Он взял Стефу за руку. — Пошли, нужно выйти туда, где он нас заметит и сможет взять на борт. Давно уже пора выпить сухого martini.

11

Переговоры велись на нейтральной территории, в независимой чакорской деревушке, расположенной между исконно катандарскими и исконно рангакорскими землями (независимость деревушки означала, что она платит дань как императору, так и королю). Чтобы соблюсти все возможные формальности и не задеть чувства ни одной из сторон, Фолкейн предоставил открытые переговоры деревенскому старосте. Процедура оказалась бесконечной. Фолкейн со скуки рассматривал узоры на плетеных стенах хижины совета, сидевших на корточках вооруженных копьями жителей деревни, которые были чем-то вроде почетного караула, большой каменный стол в центре, за которым и сидели высокие договаривающиеся стороны. Ему хотелось бы находиться снаружи, за открытой дверью, которую терпеливо охранял Адзель; оттуда доносился веселый шум и болтовня — там братались солдаты, сопровождавшие вождей на переговоры.

Сами вожди братских чувств друг к другу явно не испытывали. Король Урсала только что закончил долгое и монотонное чтение списка своих обид и претензий и теперь ерзал на своем стуле: император Джадхади принялся за свой собственный список. Гарри Смит свирепо таращился на Торна, который отвечал ему тем же. Старейшина эршока винил во всех несчастьях, свалившихся на братство, бунтовщиков. Его честь местный староста шуршал бумагами, без сомнения готовясь к очередным разглашениям.

«Ну, мой мальчик, — сказал себе Фолкейн, — ты сам это затеял. Ничего, когда-нибудь придет и твоя очередь».

Когда из низко зависшего космического корабля раздался громовой голос, предложивший перемирие и переговоры, противники безропотно согласились. Они не знали, что на самом деле имеют свободу выбора: Фолкейн никогда не применил бы оружие, хотя и не стал, конечно, им об этом сообщать. Несомненно, Чи Лан в пилотском кресле корабля в небе значила для икрананкцев сейчас много больше, чем могучая фигура Адзеля у порога. Но только неужели никак нельзя обойтись без этих бесконечных речей? Ведь позиции участников ясны. Джадхади хотел присоединить к своей империи Рангакору и не доверял

больше эршока. Часть эршока хотела Рангакору для себя, а остальные предпочли бы status quo или равноценную замену; ни те ни другие не видели пути получить желаемое и считали друг друга предателями общих интересов. Король Урсала хотел, чтобы его город покинули все чужеземные демоны, а сам он получил солидное возмещение понесенного ущерба. А Фолкейн хотел... впрочем, он им об этом еще скажет. Он закурил трубку и погрузился в приятные мысли о Стефе, которая ждала его в деревне. Что за девушка! — если и не в качестве спутницы жизни, то уж для приятного времяпрепровождения...

Так прошел час.

— ...Слово предоставляется благороднейшему представителю торговцев из другого мира, Дэ'иду 'Олкейну.

Наконец-то кончилась эта тягомотина. Фолкейн поднялся, испытывая энтузиазм, который ему с трудом удалось скрыть за улыдкой и небрежной позой.

— Я очень признателен вам, благороднейшие, — начал он. — После всех этих великолепных речей я даже и пытаться не буду сравниваться с предыдущими ораторами. Я выскажу свою позицию в немногих простых словах. «Как же благодарны ему за это должны быть все присутствующие!»

— Мы прибыли сюда с самыми добрыми намерениями, чтобы предложить вам товары, которые вы все видели, по невероятно низким ценам. И что же? На нас напали и чуть не убили, меня самого держали в плену и унижали. Наша собственность была незаконно конфискована. Откровенно говоря, благороднейшие, вам повезло, что никто из нас не был убит. — Его рука коснулась бластера. — Не забывайте, за нами стоят могучие силы, считающие своим долгом мстить за причиненное зло. — *Когда это выгодно*, добавил он про себя. Фолкейн заметил, что хохолок Джадхади встопорчился от страха, а стиснутые в кулаки руки Смита побелели.

— Успокойтесь, успокойтесь, — поспешил он ободрить слушателей. — Мы не держим на вас зла. Кроме того, мы хотим торговать, а войны мешают торговле — это одна из причин, почему я предложил нам всем собраться на переговоры. Лига заинтересована в том, чтобы разногласия были устранены. Вы тоже в этом заинтересованы. Ведь вам нужны наши товары, не правда ли?

Итак, — он наклонился вперед, опершись о стол, — я думаю, компромисс возможен. Каждая из сторон чем-то пожертвует, но что-то и приобретет, а когда торговля развернется по настоящему, вы станете так богаты, что будет смешно вспоми-

нать о сегодняшних потерях. Вот в общих чертах то соглашение, которое я хочу предложить.

Во-первых, Рангагоре гарантируется полная независимость, но она отказывается от всяких претензий на возмещение убытков...

— Благороднейший! — Джадхади и Урсала вскочили и завопили одновременно.

Фолкейн жестом призвал их к тишине.

— Я согласен ответить на вопрос короля Урсалы, или что там он хочет сказать.

— Наши убитые... погубленный урожай... разграбленные деревни... разрушенные здания... — Урсала умолк, взял себя в руки и продолжал с большим достоинством: — Не мы были агрессорами.

— Я знаю, — ответил Фолкейн, — и сочувствую вам. Однако разве не были вы готовы на жертвы ради своей свободы? А теперь вы будете свободны — это же многого стоит. Не забудь, Лига выступает в качестве одной из сторон соглашения, к которому должны прийти здесь собравшиеся. И если согласно договору Рангагора получит независимость, то Лига выступит в качестве гаранта выполнения условий. — «По правде говоря, это не совсем так: не Лига, а только "Пряности и напитки"... Впрочем, большой разницы тут нет». Фолкейн кивнул Джадхади. — Говоря по справедливости, благороднейший, тебе следовало бы возместить ущерб. Мое предложение имеет целью примирение.

— Но мои границы, — возразил император. — Моя империя должна иметь надежные границы. Кроме того, мои притязания на Рангакору вполне законны. Мой предок, Джадхади Первый...

Фолкейн героическим усилием удержался от того, чтобы красочно описать, что следовало бы сделать с предком, и ограничился сухим замечанием:

— Благороднейший, считай, что ты легко отделался. Ты поставил под угрозу жизни агентов Лиги. Не можешь же ты ожидать, что это останется безнаказанным? Уступки Рангагоре — цена поистине небольшая. — Фолкейн бросил взгляд на свой бластер, и Джадхади поежился. — Что же касается охраны границ, Лига может тебе в этом помочь. Не говоря уже о том, что мы продадим тебе огнестрельное оружие, ты больше не будешь нуждаться в эршока.

Джадхади сел. Было легко себе представить, как завертелись колесики у него в голове.

Фолкейн повернулся к недовольному Торну:

— Потеря Рангакоры — это наказание и для тебя. Твои люди захватили меня в плен, не забудь.

— Но что же нам делать? — вскричал старый Гарри Смит. — Куда нам податься?

— Не на Землю же! — прорычал Торн. Последнее время Фолкейн много размышлял о том, насколько чужой окажется Земля для этих отщепенцев. Да они и сами не стремятся туда больше. Дэвид не видел в этом своей вины. Ведь и правда, им будет лучше здесь, где они родились. А если они остаются по доброй воле, то уж торговцы ван Рийна придержат языки. Конечно, через одно-два поколения — секрет все равно дольше не продержится — дети и внуки эршока начнут интегрироваться в галактическую цивилизацию, подобно тому как это произошло с народом Адзеля.

— Нет, если вы не хотите, — ответил Фолкейн Торну. — Но ведь чем вы здесь занимаетесь? Вы профессиональные солдаты. В то же время у вас есть фермы, ранчо, городские дома. Они останутся у вас, чужестранцы часто имеют собственность в других странах. Однако что вы должны бы сделать — это основать полноправную нацию. Не на какой-то определенной территории — они все уже заняты. Вы можете стать странствующим народом, как кочевники или цыгане в древности на Земле. Или более подходящим окажется вариант, принятый на Цинтии: там есть нации, владеющие скорее торговыми маршрутами, а не территориями. Мой друг Чи Лан может рассказать вам об этом подробнее. Что же касается занятий — вы воины, а цивилизованные страны страдают от набегов варваров, и когда Лига развернет здесь свои операции, караванов станет больше, чем солдат для их охраны. Вы сможете предложить свою помощь за высокую цену. Вы разбогатеете. — Фолкейн довольно улыбнулся: — Говоря по правде, мы все разбогатеем.

— Скажи им про миссионеров, — произнес Адзель в наступившей тишине.

— Ах да, я совсем забыл, — сказал Фолкейн. — Я не думаю, что возникнут возражения, если на наших кораблях сюда придут учителя. Мы хотели бы познакомить вас с нашими воззрениями.

Это оказалось такой мелочью, что никто не возражал. Однако именно это в перспективе принесет радикальные перемены, а не привозная техника или лекарства. Катандарцы скорее всего охотно воспримут буддизм — религию, гораздо более умиротворяющую, чем их собственная демонология. Вместе с научными знаниями религия излечит их от комплекса ксенофобии. В результате возникнет стабильная культура, с представителями которой Николасу ван Рийну легко будет торговать.

Фолкейн развел руками.

— Таковы мои предложения, — закончил он. — Они сводятся к тому, что на Земле когда-то было названо равенством неудовлетворенности. Но зато торговля с Лигой принесет вам больше удовлетворения, чем вы сейчас можете вообразить.

Торн кусал губы. Отказ от мечты о королевстве не дастся ему легко.

— Вы нанесли оскорбление Лиге, — напомнил ему Фолкейн. — Мы настаиваем на определенной компенсации. Мои требования умеренны, не так ли?

Он не сомневался, что они согласятся. Кнут войны и пряник торговли: они ведь не знали, что его угроза — чистый блеф. Они заключат договор так, как он предлагает.

Но, конечно, не обойдется без нескончаемых препирательств, обвинений, ссор из-за ерунды, речей, — о Боже, речей! Фолкейн сделал шаг назад.

— Я понимаю, что все это сразу принять трудно, — сказал он. — Почему бы нам не сделать перерыв? Всем нужно обдумать мои предложения и отдохнуть, тогда наши переговоры станут более продуктивными.

Ему не терпелось вернуться к Стефе. Он обещал ей, что прокатит ее на космолете. А Чи и Адзель вполне могут подождать и здесь, в лагере. Когда было принято решение сделать перерыв, первым покинул хижину Фолкейн.

Приборы слабо гудели. Обзорный экран сиял звездами, и крохотная красная искра, солнце Икрананки, стала уже почти неразличимой.

Глядя на нее, Фолкейн вздохнул.

— Целый мир, — пробормотал он. — Так много жизней и надежд. Как-то кажется неправильным, что мы теперь передадим его кому-то другому.

— Понятно, почему тебе хотелось бы вернуться, — подколола его Чи Лан. — Но у нас с Адзелем нет такой же приманки. А на Земле нас ждет...

Фолкейн повеселел. В конце концов, и у него были все основания предвкушать окончание путешествия.

— ...так что пора заняться делом, — подытожила Чи.

Фолкейн следом за ней вошел в салон. Адзель был уже там, раскладывая фишки.

— Вы знаете, — сказал Фолкейн, — мы ведь новая порода: не уполномоченные по улаживанию конфликтов, а преобразователи неприятностей. Подозреваю, что вся наша деятель-

ность сведется к ряду кошмарных ситуаций, из которых мы выкрутимся с выгодой для себя.

— Заткнись и сними колоду, — оборвала его Чи. — Кому выпадет первый валет, тот сдает.

Две-три игры закончились без особых событий, а потом у Фолкейна оказался флеш. Дэвид повысил ставку. Адзель ее удвоил. Чи ответила тем же. Компьютер увеличил ставку еще, Фолкейн — тоже. Чи запасовала, но компьютер не сдавался. Так продолжалось некоторое время. «Пень, похоже, имеет хорошие карты, — подумал Фолкейн, — но, учитывая его манеру игры, флеш стоит некоторого риска». Он решил держаться до конца. Компьютер попросил еще одну карту.

Иуда Искарriot и взрыв сверхновой! У проклятой машины, похоже, четыре туза! Фолкейн бросил карты на стол.

— Ладно, — сказал он, — забирай!

Через две игры то же самое случилось с Чи, проигравшей еще больше. Ее замечания по поводу невезения, казалось, ионизировали воздух в салоне.

Затем дошла очередь и до Адзеля. Ставки поднимались и поднимались, пока наконец у воданита не сдали нервы и он не запасовал.

— Ты бы выиграл, — произнес механический голос. Адзель уронил на стол карты, открыв флеш-ройял, и разинул в изумлении пасть.

— *Что?!* — завопила Чи. Ее хвост распушился и задрался на спину. — Ты блефовал?

— Да, — ответил Пень.

— Да подожди, ты же играешь на расписки, и мы установили тебе лимит, — хрипло произнес Фолкейн. — Ты не можешь блефовать!

— Если вы посмотрите в трюме номер четыре, — ответил Пень, — вы обнаружите там значительное количество мехов, драгоценностей и специй. Хотя их стоимость не может быть определена точно, пока рынок этих товаров не стабилизировался, она довольно высока. Я получил их в обмен на расчет вероятностей для туземца Гудженги и собираюсь теперь покупать фишки для игры, как и все.

— Но... но... ты же машина!

— У меня нет программы для того, чтобы определить, в чью пользу вынесет решение суд, определяя собственника этих товаров, — сказал Пень. — Однако, как я понимаю, в любой коммерчески и индивидуалистически ориентированной цивилизации любые законным образом приобретенные доходы принадлежат тому, кто их заработал.

— Господи Боже, — произнес Фолкейн слабым голосом, — думаю, ты прав.

— Ты не личность! — завопила Чи. — Ни на самом деле, ни тем более по закону!

— Я приобрел это имущество, выполняя цель, соответствующую введенной в меня программе, — ответил Пень, — а именно программе игры в покер. Как подсказывает логика, я буду играть лучше, смелее и рискованнее, имея достаточные накопления.

Адзель вздохнул.

— Правильно, — признал он. — Если мы хотим, чтобы корабль играл с нами как следует, мы должны принять и вытекающие из этого логические следствия. Иначе программа станет невероятно усложненной. Да и честь спортсмена, знаете ли...

Чи перетасовала колоду.

— Ладно, — сказала она мрачно. — Раз так, я выиграю у тебя и на таких жестких условиях.

Конечно, это ей не удалось. Никому не удалось. Имея в своем распоряжении так много резервов, Пень развернулся вовсю. Ему не удалось прикарманить все их комиссионные за операцию «Икрананка», пока они летели к Земле, но заметный ущерб им он нанес.

ДЕНЬ ГНЕВА

Тысячелетие за бесчисленным тысячелетием бежала эта звезда по своему пути, прежде чем оказалась между Бетельгейзе и Ригелем. Раза в полтора тяжелее Солнца, раскаленно-белая, она была чудовищно прекрасна в ослепительном убранстве короны и огромных протуберанцев. Но и только: такие звезды — не редкость. Один из кораблей, участвовавших в первой Великой Разведке, отметил ее существование, но не мог задерживаться здесь долго — гораздо больший интерес представляло соседнее солнце, имевшее планеты. Галактика слишком велика, кое-какие приблизительные сведения о том ее спиральном рукаве, в котором мы живем, — самое большее, на что могла рассчитывать команда. Поэтому некоторые многозначительные особенности спектра этой звезды остались незамеченными.

На пару веков о ней фактически забыли — Технической цивилизации хватало забот с миллионами более близких к Солнцу миров; никто так и не обратил внимания, что эта звезда заметно старше всех своих соседей, принадлежащих к одному с ней типу, а значит, и вправду пришла издалека. В астрономических масштабах она не была такой уж старой, но большие бездетные светила эволюционируют быстро и довольно непредсказуемо.

А затем эта звезда взорвалась, по случайности — в тот самый момент (не будем забывать, что на межзвездных расстояниях понятие одновременности далеко не очевидно), когда в каком-то световом годе от нее пролетал разведывательный корабль Торгово-технической Лиги, мирно занимавшийся поиском новых рынков.

Предсмертная же агония наступила месяцами раньше. Все более яростные термоядерные реакции выжгли в ядре последние

остатки водорода. Удерживавшиеся прежде радиационным давлением верхние слои коллапсировали под собственным своим весом, в результате чего вспыхнули совершенно другие реакции термоядерного синтеза. Создавались новые элементы, причем не только такие, которые присутствуют обычно на планетах, но и короткоживущие трансураны; какое-то время в этой анархии доминировал технеций. Нейтроны и нейтрино хлынули наружу, унося с собой последние остатки поддерживавшей равновесие энергии, сжатие стало катастрофическим. Вспыхнула сверхновая, в кратком своем максимуме сравнимая по яркости с целой галактикой.

Корабль шел на гипердрайве, и только это спасло членов его экипажа. Они тут же бежали со всех ног от чудовищного фейерверка — даже в крохотных промежутках между квантовыми микроскачками просачивалось опасное количество радиации, да и все равно корабль не имел никакой научной аппаратуры. Появилась первая в истории возможность хорошенько рассмотреть новорожденную сверхновую. Слишком далекая от места событий Земля не могла ничем помочь, но зато совсем рядом был Катараянис со своей научной станцией, вполне способной выслать исследовательский корабль.

Для детального изучения редчайшего космического события требовалось многое, в частности — место для размещения людей и изготовление аппаратуры. Если заказывать приборы на заводах Содружества, к моменту их доставки волна, несущая информацию о быстро развивающихся событиях, пройдет огромное расстояние, ослабившись при этом по известному из школы закону «единица на эр квадрат», и какая же тогда будет, спрашивается, точность измерений?

К счастью, в парсеке с небольшим от космической скандалистики — для многолетних исследований позиция практически идеальная — находилась некая звезда G-типа, одна из планет которой принадлежала к террестроидным по многим классификационным параметрам, как физическим, так и биохимическим. Согласно отчетам разведчиков, самая прогрессивная из культур этой планеты находилась буквально на грани научно-технической революции. Эврика!

Не нужно, правда, забывать, что, не говоря даже о приблизительно упомянутых отчетах, писались они две сотни лет назад.

— Нет.

Мастер Дэвид Фолкейн пораженно отшатнулся; ближайшие к нему стражники схватились за пистолеты. «Ну а теперь-то какой чертов канон я нарушил?» — мелькнуло в сознании.

— Простите, э-э, простите, не понял, — неуверенно сказал он.

Располагавшийся на возвышении Моррукан Длинный Меч, Столп вах Датира подался вперед. Высокий даже по мерсейским меркам, ростом он превосходил также не маленького Фолкейна на добрых пятнадцать сантиметров; одетая в длинную, с подложенными плечами оранжевую мантию, увенчанная рогатой митрой, его фигура буквально подавляла. Фигура эта была близка к человеческой — если не считать тяжелого хвоста, уравновешенного наклоненным вперед телом и составлявшего вместе с обувью в сапоги ногами весьма удобный для сидения треножник. Зеленая, слегка чешуйчатая кожа была полностью лишена растительности; по всей спине, от макушки до кончика хвоста, сбегал шипастый гребень, ушные раковины отсутствовали. Однако по физиологии своей он относился к млекопитающим, а зеленое лицо было вполне человеческим, тяжелокостным и мужественным.

Но вот насколько близок и понятен разум, глядящий через угольно-черные глаза, — этого Фолкейн не знал.

— Вам не достичь господства над нашим миром, — пророчески хрипел бас. — Если мы отдадим права, свободы и ответственность, завоеванные пращурами, Господь найдет на нас их разъяренные души.

Фолкейн потерянно огляделся; редко приходилось ему чувствовать себя настолько одиноким. Зал для аудиенций замка Афон узко уходил к высокому, теряющемуся в полумраке потолку; ни одному земному архитектору не приходили в голову подобные пропорции. Ни расшитые странными изображениями драпировки каменных стен, занимавшие все пространство между окнами, стрельчатыми не только сверху, но и снизу, ни свисавшие со стропил боевые знамена ничуть не приглушали гулкости этого помещения. На воинах, выстроившихся вдоль стен, от возвышения до огромного — слона в пору жарить — каминна, сверкали латы и шлемы с дьявольскими масками. Их вооружение состояло из ятаганов, зазубренных копий и пистолетов. В таком странном сочетании не виделось почему-то ничего неуместного, скорее уж неуместными — и бесконечно-недостижимыми — казались проглядывающие сквозь окна клочки голубого неба.

В зале было холодно; несмотря на то что местное тяготение лишь слегка превосходило земное, Фолкейн ощущал, как оно гнет его, прижимает к полу.

Дэвид Фолкейн выпрямился. В конце концов у него тоже есть оружие, да к тому же не какая-то там химическая стрелялка, а

бластер. Адзель, гуляющий по городу, и Чи Лан, сидящая в корабле, вслушиваются в каждый звук, передаваемый укрепленной на запястье рацией. А уж кораблю стереть в порошок этот самый Ардайг — пара пустяков, и Моррукан прекрасно это знает.

Но нужно уговорить его по-хорошему.

— Прошу прощения, Столп, если по невежеству своему я плохо умею пользоваться твоим языком, — сейчас Фолкейн подбирал слова с предельной тщательностью, — намерения мои были дружественными. Я прибыл сюда с вестью о грозящей беде, изготовиться к которой у вас есть еще время. Мой народ будет рад объяснить твоему народу, что именно нужно делать. Работы предстоит так много, а времени осталось так мало, что ты должен послушаться наших советов. Иначе наша помощь окажется тщетной. Но мы не намереваемся вести себя как завоеватели. Это было бы злым деянием — и не принесло бы никакой ощутимой выгоды нам, общающимся со многими мирами. Нет, мы будем подобны братьям, предложившим руку помощи в час суровой необходимости.

— Говори дальше. — Моррукан нахмурился и потер подбородок. — Откровенно говоря, я в сомнении. Ты говоришь, что Валендерей превратится в сверхновую...

— Нет, Столп, я твердо заявляю, что это уже случилось. Свет, пришедший оттуда, обрушится на эту планету менее чем через три года.

В действительности Фолкейн использовал в этой фразе мерсейскую временную единицу, которая немного превышает земной год. Он потел и чертыхался про себя, пытаясь справиться с языковой проблемой. Несколько месяцев, проведенных на Мерсее, позволили ксенологам Великой Разведки хорошо освоить эрио, а сейчас, в течение полета, эти познания были — посредством нейроиндукторов — спешно вбиты в головы всех членов команды корабля. Оно бы и хорошо, но вдруг оказалось, что как раз две сотни лет назад здешний язык претерпел сильные изменения, в результате чего Фолкейн не умел даже правильно произносить гласные.

— Не желаешь ли ты... э-э, то есть, если будет на то ваше желание... — Он отчаянно пытался перейти с допотопного языка на современный. — Если вы хотите получить подтверждение, мы можем отвезти вас, либо ваше доверенное лицо к этой звезде, на такое расстояние, откуда взрыв уже виден.

— Не сомневаюсь, что ученые и поэты будут поединками решать, кому из них отправиться в такой полет, — сухо ответил Моррукан. — Лично я верю тебе и так; твой корабль, твои

товарищи и ты сам — какие еще нужны доказательства? В то же время, — его голос стал резче, — я не намерен обожествлять вас — как это делают звезданутые — на том лишь основании, что вы явились с неба. Ваша цивилизация занялась техникой раньше нас — только и всего. Тщательное изучение материалов по предыдущему краткому пребыванию чужаков среди нас показывает — ими не двигали никакие мотивы более благородные, чем обычная профессиональная любознательность. Результатов никаких не последовало — никто больше к нам не прилетел. До настоящего момента.

Поэтому я и спрашиваю: что вам здесь нужно?

Фолкейн позволил себе немного расслабиться. «Похоже, — подумал он, — мы с этим крокодилом — два сапога пара. Никакого священного трепета, никакого идеализма, никаких непостижимых человеку побуждений; тертый, недоверчивый политик, нормальный продукт этой прагматичной культуры.

Именно что “похоже”, — охладил он себя. — Ведь что я знаю про Мерсейю?»

Судя по наблюдениям из космоса, радиомониторингу, начальному радиоконтакту и тому немногому, что удалось увидеть по пути сюда (ехали в наземной электрической машине), народ этой планеты все еще был разделен на уйму самых разнообразных государств; доминировала среди них держава, раскинувшаяся на побережье Вилвидского океана. Прежде власть над ней делили многочисленные аристократические семейства. Судя по всему, за две сотни лет было достигнуто какое-то единство — в ответ на просьбу о встрече с представителем высшей власти Фолкейна не задумываясь доставили в Ардайг и привели пред ясные очи этого индивидуума. Но может ли Моррукан говорить от имени всей своей планеты?

Крайне сомнительно, но надо же с чего-то начинать.

— Я хочу быть вполне откровенным, — сказал Фолкейн. — Я и моя команда только готовим путь для других. Добившись успеха, мы будем вознаграждены некоторой частью будущих прибылей. Наши ученые очень хотят использовать Мерсейю и ее спутники в качестве баз для длительного, двенадцатилетнего наблюдения за сверхновой. Очень желательно, чтобы ваш народ обеспечил большую часть их потребностей, и не только в пище, но и в изготовлении приборов. Заплатим мы очень хорошо, кроме того, вы получите знания.

Но самым первым делом мы хотим обеспечить сохранение мерсейской цивилизации. Для этого нам нужно проделать огромную работу. Вы должны будете оплатить и наши усилия, и истраченные в процессе этой работы ресурсы. Цена не будет

грабительской, однако мы хотим получить хоть какой-то доход. На эти деньги мы закупим мерсейские товары, те из них, которые можно — опять же с прибылью — продать в нашем мире. Таким образом, — улыбнулся он, — все будут довольны, и никому ничего не нужно бояться. В Торгово-технической Лиге нет ни бандитов, ни захватчиков, одни рискованные купцы, старающиеся честно («более-менее», — добавил он про себя) зарабатывать себе на жизнь.

— Ханхх! — прорычал Моррукан. — Вот и добрались до сути. Как только вы заговорили о сверхновой, я и мои собратья проконсультировались у астрономов. Ведь мы же здесь не полные дикари, у нас есть уже атомная энергия и межпланетные корабли. Так вот, наши астрономы утверждают, что пиковая светимость подобной звезды в пятнадцать миллиардов раз превышает светимость Кориha. Это верно?

— Приблизительно так, Столп, если я правильно понял, что Кориh — это ваше солнце.

— Из всех ближайших звезд взорваться может только Валлендерей. Судя по вашему описанию «самая яркая в Южном полушарии», вы говорите именно о нем.

Фолкейн кивнул, сообразив, что не уверен, обозначает ли здесь этот жест согласие. Затем вспомнил, что означает, но все-таки добавил:

— Да, Столп. — На всякий случай.

— Перспектива устрасала, — продолжил Моррукан, — пока они не подчеркнули очень важный момент: до Валлендерей целых три с половиной световых года. Расстояние столь огромное, что ум отказывается его представить. Поэтому самое большое, чего нам следует опасаться, — это радиация, которая составит примерно одну треть ежедневно получаемой от Кориha. А через пятьдесят пять дней (земных) она уменьшится в два раза... и так далее, пока сверхновая не превратится в небольшую, ярко сверкающую туманность.

Будут, конечно, нарушения погоды — бури, проливные дожди, возможно затопление некоторых территорий, если растает заметная часть южной полярной шапки. Но все это пройдет, и в любом случае центр цивилизации здесь, в Северном полушарии. Верно также, что в пиковом излучении будет содержаться опасное количество ультрафиолета и рентгена, но они задержатся в атмосфере. Таким образом, — Моррукан отклонился назад, перенося тяжесть на хвост, и сложил кончики пальцев своих — до удивления напоминавших человеческие — рук, — опасности, о которой ты говоришь, практически не существует. И снова появляется вопрос: чего же вам нужно в действительности?

Фолкейн расправил плечи, в нем проснулся сын гермесского аристократа. Высокий и светловолосый, с ярко-голубыми глазами на худощавом, скуластом лице, молодой торговец произвёл внушительное впечатление.

— Столп, — начал он, стараясь сдержать возмущение, — как я догадываюсь, у вас не нашлось еще времени посоветоваться с теми, кто искушен в области...

И осекся, не зная местного слова, обозначающего «электроника».

Моррукан не стал пользоваться замешательством собеседника, наоборот, он охотно пришел ему на помощь. Ответ Фолкейна оказался сбивчивым, ему часто приходилось прерываться, чтобы подобрать — вместе с мерсейцем — нужную фразу или выражение. Но в общем он сказал, если изложить все нормальным языком, примерно следующее:

— Здесь Столп полностью прав, однако рассмотрим другие последствия катастрофы. Мощностъ взрыва неимоверна; даже нам не до конца понятны ядерные реакции, происходящие в недрах сверхновой. Потому, кстати, мы и хотим их исследовать. Но некоторые факты мы знаем, и ваши собственные физики их подтвердят.

Рекомбинируя в этом огненном шаре, ядра и электроны порождают асимметрические всплески магнитного поля — явление, известное по взрывам ядерного оружия. А теперь представьте себе подобное явление в космическом масштабе. Магнитное поле Мерсеи ничем не помешает этим импульсам, они беспрепятственно достигнут поверхности планеты. Незаэкранированные электромоторы, генераторы, высоковольтные линии... да, понимаю, у вас есть защита от перегрузок, но ведь все магнитные прерыватели откажут. И тогда колоссальные перенапряжения разрушат каждую вашу энергосистему. То же самое произойдет и с линиями связи. И с компьютерами — если вы пользуетесь транзисторами... да, конечно же, пользуетесь... пробои p - n -переходов сотрут все базы данных, остановят буквально любую деятельность.

А вскоре за магнитными импульсами появятся электроны; вращаясь по спирали в магнитном поле планеты, они создадут синхротронное излучение, которое не даст работать ни одному случайно уцелевшему электронному прибору. Протоны, движущиеся со скоростью около половины световой, придут позднее, а затем настанет очередь альфа-частиц, затем — более тяжелых осколков. Год за годом из космоса будут выпадать осадки, по большей части — радиоактивные, общее их количество превысит все мыслимые последствия самой безудержной ядер-

ной войны. И не поможет вам магнитное поле планеты — энергичные частицы легко пробьют этот щит. Мало толку будет и от атмосферы — проходя через нее, тяжелые ядра будут испускать вторичное излучение, которое достигнет поверхности.

Я не хочу сказать, что погибнет все живое, однако без серьезной предварительной подготовки вам грозит экологическая катастрофа. Возможно, ваш вид погибнет, а возможно, и выживет, но даже и тогда он превратится в жалкую кучку полуголодных дикарей. Об этом достойно позаботится грядущее в самом начале разрушение всех электрических систем, на которых держится ваша цивилизация. Вот представьте себе картину: неожиданно прекращается доставка пищи в города, и сразу же их обитатели становятся жадной, голодной ордой грабителей. Если ваше сельское хозяйство высокоспециализировано — а так оно, думаю, и есть, — то даже фермеры и те не смогут себя прокормить. Как только голод и взаимное избиение распространятся повсеместно, начнутся эпидемии, а ведь медицинского обслуживания уже не будет. Все это будет похоже на последствия полномасштабного ядерного удара по стране, не позаботившейся о гражданской обороне. Насколько я понимаю, Мерсейя счастливо избежала подобной судьбы, однако у вас должны быть теоретические разработки этого вопроса, а я — я видел планеты, прошедшие через ужас ядерной войны, собственными глазами.

Задолго до наступления полного конца погибнут все ваши инопланетные колонии — там попросту откажет аппаратура жизнеобеспечения, а ни один космический корабль не сумеет подняться, ни тогда, ни многие годы потом.

Так будет, если вы не примете нашу помощь. Мы умеем создавать силовые экраны — от маленьких, прикрывающих технику, до гигантских, способных обеспечить некоторую защищенность всей планете сразу. Этого будет мало, но мы знаем и то, как изолироваться от просачивающихся остатков энергии. Мы умеем создавать неуязвимые для подобных явлений машины и системы связи. Мы знаем, как распылять с воздуха вещества, способные защитить живой мир планеты от жесткого излучения. Мы умеем восстанавливать поврежденные гены. Короче говоря, мы обладаем знаниями, без которых вам не выжить.

Работа предстоит огромная, и большую ее часть выполните вы сами — персонал, который мы можем предоставить, крайне немногочислен, а расстояние между Землей и Мерсейей слишком велико, однако инженеров и организаторов вы получите.

Говоря попросту, Столп, вам жутко повезло, что мы узнали об этом вовремя, еще небольшое промедление — и все старания

были бы тщетными. И не нужно нас бояться, не нужна нам ваша Мерсейя. Будь она хоть сто раз привлекательной, до нее слишком далеко, мы знаем миллионы гораздо более выгодных планет, расположенных к нам гораздо ближе. Просто мы не хотим, чтобы погибла разумная раса. Однако расходы предстоят большие, и значительная часть работы ляжет на плечи команд вроде моей, таких, которые существуют ради получения дохода. Поэтому, кроме организации научных баз, мы хотим обеспечить себе разумные, достаточно прибыльные экономические условия.

Через какое-то время мы уйдем, и чем вы будете заниматься потом — ваше собственное дело. Главное — вы сохраните свою цивилизацию, а заодно получите уйму новой техники и новых знаний. На мой взгляд — очень выгодная для вас сделка.

Фолкейн смолк, и некоторое время в длинном полутемном зале царила полная тишина. Пахло здесь как-то странно, совсем иначе, чем на Земле или Гермесе.

— Все это нужно обдумать, — нарушил наконец молчание Моррукан. Он говорил медленно, очень серьезно. — Мне нужно посоветоваться с братьями, да и с прочими. Ведь возникает множество сложностей. Вот, например, я не вижу никаких разумных оснований помогать колонии на Ронруаде — и сколько угодно оснований позволить ей погибнуть.

— Что? — От неожиданности Фолкейн клацнул зубами. — Столп имеет в виду следующую от солнца планету? Но мне казалось, что всю вашу систему связывают оживленные торговые отношения.

— Конечно, конечно, — раздраженно отмахнулся Моррукан. — Мы получаем с других планет сырье, например, расширяющиеся материалы и некоторые сложные газы. Однако от Ронруада нет толка никому, кроме Гетфенну.

Последнее слово было выплюнуто с таким отвращением, что Фолкейн решил узнать его значение попозднее и в каком-нибудь другом месте.

— В моем докладе должны содержаться рекомендации, и эти рекомендации будут сильно зависеть от мудрости Столпа, — заметил он.

— Весьма благодарен за любезность, — ответил Моррукан, но можно было только гадать, сколько в его словах иронии. Фолкейна порядком удивило хладнокровие, с которым было выслушано настолько тревожное сообщение, но, с другой стороны, этот тип принадлежит к малознакомой расе и к тому же явно воспитан в воинских традициях. — Надеюсь, ты почтишь вах Датир, мы хотели оказать тебе гостеприимство.

— Ну... — замылся в нерешительности Фолкейн. Вообще-то он собирался вернуться на корабль, но, может, и вправду стоит задержаться? Первая экспедиция нашла мерсейскую пищу вполне питательной для человека, более того — очень вкусной, а один из докладов осыпал местное пиво прямо-таки неумеренными комплиментами.

— Я очень благодарен за приглашение.

— Вот и хорошо. Тогда я предлагаю тебе пройти в уже приготовленные апартаменты, отдохнуть и немного подкрепиться. Если ты не возражаешь, через некоторое время туда зайдет посыльный, можешь сказать ему, что нужно доставить тебе с корабля. А может быть, перевести корабль сюда?_

— Э-э, лучше, пожалуй, не надо... политика.

Рисковать Фолкейну не хотелось. По техническому уровню мерсейцы не слишком отставали от Лиги, так что устроить какой-нибудь неприятный сюрприз было вполне в их возможностях.

Моррукан недоуменно наморщил лоб, однако от комментариев воздержался.

— А на закате мы поужинаем в компании моих советников. Они церемонно распрощались.

Двое охранников проводили Фолкейна по каким-то коридорам, а затем наверх, широкой винтовой лестницей с резными перилами в форме змеи; отведенные ему комнаты оказались просторными, а по бытовым удобствам не очень отставали от привычных стандартов Технической цивилизации. Немного раздражали ковры из шкур пресмыкающихся и звериные черепа, развешенные по красной драпировке стен, на кой, собственно, черт. С балкона открывался вид на дворцовые сады, почти японские своим аскетически-безупречным вкусом, и на город.

Ардагг был довольно велик, население его составляло миллионна, наверное, два, а то и все три. Замок располагался в Старом квартале, среди старинных, серого камня, зданий, фантастически изукрашенных башенками и зубчатыми парапетами; окружавшие его холмы были поделены на неровные прямоугольники богатых поместий, в низине лежал белый с голубоватым оттенком снег. Тускло поблескивала вода опоясанного высокими современными зданиями залива; судя по количеству прибывающих и отплывающих кораблей, здесь был крупный порт. Разрывая уши свистом, в небе пронесся самолет с треугольным крылом, но обычные городские шумы почти не слышались — случайные, посторонние машины в священный Старый квартал не допускались.

— Мое имя Ведхи, Покровитель, — сказал поджидавший Фолкейна невысокий, одетый в черную куртку мерсеец. —

Покровитель может считать меня своим вассалом, я готов выполнить любые его приказания. — Он хлестнул себя хвостом по лодыжкам — местная разновидность военного приветствия.

— Премного благодарен, — улыбнулся Фолкейн. — Покажи мне, как пользоваться всеми этими устройствами. — Ему не терпелось ознакомиться с туалетной комнатой местной конструкции. — Ну а затем мне потребуются кружка пива, учебник политической географии и несколько часов полного одиночества.

— Покровитель сказал. Не откажется ли он последовать за мной?

Они перешли в соседнюю, предназначенную для сна комнату. словно по случайности, хвост Ведхи коснулся двери; лишенная какой-либо автоматики, попросту висевшая на петлях, она захлопнулась от толчка. Ведхи схватил Фолкейна за руку и что-то сунул ему в ладонь; одновременно он закусил обе свои губы. Знак, что ли, молчания?

Ощувив мгновенный холодок в спине, Фолкейн кивнул и сунул бумажку в карман.

Оставшись в одиночестве, он развернул ее, тщательно прикрывая всем своим телом — на случай скрытых телекамер. За двести лет алфавит не изменился.

Будь осторожен, звездный странник. Моррукан Длинный Меч не друг. Если ты сможешь тайно послать кого-нибудь из своих сегодня в дом на углу улицы Триау и дороги Победы, у которого над дверью знак сплетенных свастих, истина выйдет на свет.

С наступлением темноты из-за восточных холмов показалась круглая, размером с Луну, медно-красная Нейевин; она нависла над сверкающими инеем верхушками деревьев. Еще раньше бледным серпиком взошел Литир. В самом сердце созвездия, названного Копьеносец, сверкал ослепительный Ригель.

Чи Лан слегка передернуло, она пробормотала не совсем подобающую даме фразу и отвернулась от экрана.

— Мое оборудование не позволяет мне выполнить этот приказ, — сообщил корабельный компьютер.

— Пожелание было адресовано моим богам, — пояснила Чи.

На время она погрузилась в мрачные размышления. Сейчас ей казалось, что родная Та-чи-чен-пи (по земной классификации вторая планета компоненты А звезды α^2 Эридаана, или попросту Цинтия) бесконечно, недостижимо далека; теплый, крас-

новатый свет солнца, шорох листьев вокруг выстроенных на верхушках деревьев домов — все это затерялось в пространстве и времени. Холод, царящий снаружи, выводил ее из себя, но не только он. Эти проклятые мерсейцы — они же дико, непристойно огромны.

Сама Чи не превосходила размером средней собаки, хотя и казалась больше из-за длинного, роскошного хвоста. Руки ее, почти такие же длинные, как и ноги, заканчивались изящными шестипалыми ладонями, все тело, за исключением круглого, с тупой мордочкой лица и голубоватой маски вокруг зеленых глаз, было покрыто белым, пушистым мехом. Увидев Чи впервые, человеческие особи женского пола обязательно восклицали что-нибудь вроде «Ну какая прелесть!»

При этом воспоминании вся шерсть ее встала дыбом. С какой это стати она, чьи хищные предки охотились на дичь, делая пятиметровые прыжки с дерева на дерево, ксенобиолог по образованию, вольный торговец по призванию и чемпионка по стрельбе из пистолета — просто потому, что любила стрелять из пистолета, — с какой это стати она придает значение пустой болтовне каких-то плоскостопых голых варваров? Мутной волной поднималось раздражение. Оставленная на корабельной вахте, она надеялась закончить свою последнюю скульптуру, а теперь — на тебе, вылезай в промозглую гадость, которая заменяет здесь погоду, тащись через эту каменную помойку, незаслуженно называемую городом, и все для того, чтобы послушать многочасовое зундение какого-то там лопухого болвана насчет склоки перепившихся мокриц, которую он считает высокой политикой. Да еще придется делать при этом серьезное лицо!

Выкуренная яростными затяжками наркотическая сигарета немного успокоила.

— А с другой стороны, — пробормотала она, — дело ведь и вправду серьезное. При удаче мне отколются приличные коммиссионные.

— Согласно моей программе, — заявил компьютер, — наша основная цель имеет гуманный характер. Правда, в банке данных такое понятие отсутствует.

— Не бери в свою железную башку. — Чи заметно повеселела. — Если тебе так уж интересно, то это близко связано с ограничениями, введенными в тебя по разделам «Закон и Этика». Только нас такие штуки совершенно не касаются. Конечно же, все эти сердобольные плакальщики расчирикались насчет Спасения Многообещающей Цивилизации, хотя в Галактике и так сильный перебор по части цивилизаций. Ради Бога, хотя бы подписывать счета — пусть подписывают, это же все с их

налогов и пойдет. И им придется работать с Лигой, Лиге принадлежит большая часть кораблей, только за так она их не предоставит. Лиге же придется работать с нами, ведь вольные торговцы считаются специалистами по части первых контактов, а мы — единственная команда, оказавшаяся в подходящем месте. В чем нам, как я думаю, сильно повезло.

Она раздавила окурки и занялась приготовлениями. Деваться было, собственно говоря, некуда, ей пришлось признать это после трехсторонних радиопереговоров с партнерами (ни один мерсеец не знал ни слова по-английски, так что о подслушивании можно было не беспокоиться). Фолкейн застрелял в этом самом как-там-бишь-его дворце. Адзель разгуливал по городу, однако уж такому-то громиле секретное задание не поручишь, разве что с пьяных глаз. Оставалась одна Чи Лан.

— Поддерживай связь с каждым из нас троих, — скомандовала она кораблю. — Записывай все, что придет по моему двухстороннему каналу. Без приказа, отданного на галактическом, не двигайся с места, а на попытки туземцев связаться с тобой не отвечай. Незамедлительно сообщай нам обо всем необычном. Если двадцать четыре часа кряду не будет известий ни от кого из нас — возвращайся на Катараянис и доложи там о случившемся.

Все эти фразы не требовали ответа, так что компьютер и не ответил.

Чи защелкнула ремни антиграва, пристегнула к поясу набор инструментов, бластер и парализатор, а сверху накинула черный плащ — не столько для тепла, сколько для маскировки. Притушив на корабле свет, она выскользнула из шлюза, подпрыгнула и полетела.

Воздух обжег холодом, струи, обтекавшие тело, казались густыми, почти жидкими. Над миром распростерлась огромная тишина, едва нарушаемая негромким гудением антиграва. Пролетая над солдатами, которые окружили «Через пень-колоду» частоколом танков и артиллерии — с местной точки зрения, вполне разумная, подумала она, предосторожность, вполне разумно поименованная почетным караулом, — Чи заметила неудобные, какие-то потерянные огоньки островов, услышала обрывок хриплой, дикой песни. Совсем неподалеку прожужжал экраноплан; огромный и черный, он словно переплывал через реку Млечного Пути, и ей пришлось свернуть, чтобы не заметили.

Дальше потянулась сплошная снежная пустыня. На незнакомых планетах не приземляются без крайней к тому необходимости прямо в центре города. Холмы и леса сменились обработанной, похоже, равниной; появились огни деревушек, теснив-

шихся вокруг замков с их непременными башнями. По всей видимости, Мерсейя — или по крайней мере этот ее континент, — даже вступив в промышленный век, сохранила феодализм. Или это только так кажется?

Вполне возможно, что сегодня это выяснится.

Показалось побережье, а затем и сам Ардайг. В отличие от большинства поселений Технической цивилизации, этот город не горел огнями и не кишел движением; желтоватые окна, прорезавшие его ночь, напоминали светлячков, угодивших в фосфоресцирующую паутину мостовой. Разрезая город, тускло поблескивал Ойсс; он нес свои воды в залив, по которому протянулась двойная лунная дорожка. Нет, даже тройная — из-за горизонта выходила Витна. К небу поднимался негромкий рокот машин.

Увернувшись от очередного летательного аппарата, Чи круто пошла вниз, к темной громаде Старого квартала. Приземлившись позади пустого сейчас рынка, она бросилась в ближайший переулочек, припала к стенке и начала осматриваться. Немощные улицы этого квартала (или этой части квартала? или всего города?) были покрыты сплошной ледяной коркой и освещены редко поставленными фонарями. Проехал мерсеец верхом на рогатом гвиде, его хвост был закинут на круп животного, а под трепетавшим на ветру плащом виднелись стеганая куртка, бронированная блестящими металлическими дисками, и перекинутая через плечо винтовка.

Не стражник, это точно; военную форму Чи видела и сама, а как выглядят лейб-гвардейцы Моррукана — это успел передать ей Фолкейн при помощи миниатюрной телекамеры. Если верить ему, эти же лейб-гвардейцы являются по совместительству и полицейскими. С какой это, интересно, стати штатский разъезжает с оружием? Это говорило бы о степени беззакония, плохо согласующейся со всеми понятиями о технологическом обществе... разве что это общество имеет гораздо больше проблем, чем хотелось бы признавать Моррукану. Чи проверила, легко ли извлекается ее собственное оружие.

Когда цокот копыт растаял за углом, Чи высунула голову из переулка и сориентировалась по уличным знакам: вместо надписей на них была разноцветная геральдическая символика, однако первая экспедиция составила вполне приличную карту Ардайга, которую вся тройка вольных торговцев выучила наизусть. А Старый квартал не должен был существенно измениться. Чи побежала; слышав шаги или стук копыт, она сразу бросалась в тень, однако улицы, к счастью, были почти пусты.

Вот этот угол! Над входом высокого серого дома еле различимая каменная резьба: две свастики. Чи взлетела по лестнице, сжала рукоятку парализатора и постучала в дверь.

Дверь со скрипом распахнулась, залив лестницу потоком яркого света; показавшийся на пороге мерсеец держал в руке пистолет и растерянно крутил головой, всматриваясь во тьму.

— Да здесь же я, идиот, — негромко бросила Чи.

Мерсеец посмотрел вниз — и всем телом отшатнулся:

— *Хайя!* Ты со звездного корабля?

— Нет, — презрительно фыркнула Чи. — Кран пришла починять. — Она проскользнула мимо громоздкой фигуры в обшитый деревянными панелями коридор. — А если ты намерен продолжать свою игру в секретность, нельзя ли порекомендовать тебе прихлопнуть эти ворота?

Мерсеец закрыл дверь и несколько мгновений созерцал Чи в свете висящей под потолком лампочки накаливания. — Я считал, ты будешь не такой.

— Первый раз к вам прилетали земляне, но не думаешь же ты, что все расы космоса изготовлены по настолько смехотворному образцу? Знаешь, я почти не имею времени на эти ваши истории, так что проводи меня к своему хозяину.

Мерсеец подчинился. Одет он был примерно так же, как и все здесь — в подпоясанную куртку и широкие, мешковатые брюки, но четкость покроя, а также сине-золотые шевроны и шитье на рукавах в виде двойных свастик говорили, что это — ливрея. Или военная форма? Через секунду Чи уверилась во второй своей догадке: перед дверью, к которой подвел ее мерсеец, стояли еще двое в такой же одежде и при оружии. Четко отсалютовав, они пропустили ее в комнату.

А скорее в просторный, роскошно убранный зал, в дальнем конце которого пылал камин, хотя имелась и вполне современная отопительная система. Но Чи почти не уделила внимания ни покрывавшим стены драпировкам, ни резным колоннам, она смотрела на двоих поджидавших ее мерсейцев.

Один из них держал в руке, на манер скипетра, короткое копье и был весьма живописен — атлетическая фигура, покрытое шрамами лицо, длинная сине-золотая мантия. Кончик высовывавшегося из-под этой мантии хвоста беспокойно подрагивал, а при виде Чи царственный мерсеец судорожно перевел дыхание. Цинтианка решила говорить с ним повежливее — только нервных припадков сейчас и не хватало.

— Я именуюсь Чи Лан, благороднорожденные, и пришла сюда по вашему любезному приглашению, как представительница межзвездной экспедиции.

— *Храйх*. — Аристократ приложил палец ко лбу; судя по всему, он уже оправился от замешательства. — Добро пожаловать. Я — Дагла по прозвищу Скорый на Гнев, Столп вах Халлена. А это — мой друг, Олгор ху Фрейлин, Старший Воитель Республики Лафдигу, находящийся в Ардайге как представитель своей страны.

Приплюснутое лицо и темная кожа заметно отличали пухлого, пожилого Старшего Воителя от обитателей побережья Вилвидского океана. Чужеземной выглядела и его одежда — нечто вроде тоги из пурпурной, затканной металлическими нитями материи. Мягкость его и невозмутимость тоже мало походили на грубую порывистость местных жителей.

— Честь, оказанная нам, велика, — сказал он с заметным акцентом и скрестил на груди руки (знак приветствия?). — В прошлый раз представители вашей высокой цивилизации ограничились в основном знакомством с этой частью планеты, и вы, возможно, не очень знаете мою страну. Поэтому я позволю себе объяснить, что Лафдигу расположена в другом полушарии и занимает большую часть южного континента. В те дни у нас не было промышленности, однако теперь, осмелюсь сказать, положение сильно изменилось.

— Отнюдь нет, Старший Воитель, наши разведчики были много наслышаны о древней культуре Лафдигу, и только при-
скорбная нехватка времени не позволила им познакомиться с вашей страной поближе. — Чем больше Чи врал, тем вежливее становились ее слова и голос. «Нет, только не это! — беззвучно простонала она. — Только международной политики нам и не хватало!»

Неслышно появившийся слуга принес хрустальный графин и кубки.

— Надеюсь, ваша раса, подобно землянам, может употреблять мерсейскую пищу и напитки, — сказал Дагла.

— Естественно, — кивнула Чи. — Общность рациона — одно из первых условий подбора команды. Спасибо.

— Только мы никак не ожидали, *хургх*, гостя таких размеров, — забеспокоился Олгор. — Дать вам рюмку поменьше? Вино ведь довольно крепкое.

— Все прекрасно. — Чи вскочила на невысокий столик, села на корточки и обеими руками подняла кубок. — По галактическому обычаю мы пьем за здоровье своих друзей. За ваше здоровье, благороднорожденные. — Она сделала большой глоток. Чи вообще редко распространялась о том весьма удачном обстоятельстве, что алкоголь не действует на мозг цинтианцев.

Дагла опрокинул чуть не половину кубка, обошел зал по кругу и прорычал:

— С вашего разрешения, капитан, бросим все эти формальности. — Чи молча скинула свой плащ. — Капитан... ша? — поперхнулся он; здешнее общество все еще относилось к женщинам по принципу «киндер-кюхе-кирхе-кляйдер»*. — Но нам... кх-х-х... предстоит обсудить очень серьезные проблемы.

— Торопливость Столпа не совсем учтивя по отношению к нашей благородной гостье, — укорил его Олгор.

— Ничего, — отмахнулась Чи, — у нас же не так много времени. А дело, по всей видимости, очень важное, иначе вы не пошли бы на хлопоты, связанные с вербовкой слуги Моррукана.

— Я посадил туда Ведхи еще восемь лет назад, — ухмыльнулся Дагла. — Великолепный источник.

— А так ли уверен Столп вах Халлена в надежности своих собственных вассалов? — мирно промурлыкала Чи.

Дагла нахмурился; губы Олгора нервно дернулись.

— Без риска никуда не денешься. — Дагла решительно рубанул воздух рукой. — Мы знаем удручающе мало — только то, что вы сообщили при первой радиосвязи. Моррукан быстро вас изолировал с очевидным намерением не позволить межзвездным гостям узнать ничего лишнего. Он хочет вас использовать! А здесь, в этом доме, мы можем беседовать вполне откровенно.

«Откровенно, насколько это устраивает вашу парочку», — подумала Чи. — Слушаю вас внимательно, — сказала она вслух.

Мало-помалу Дагла и Олгор обрисовали ей картину — вполне правдоподобную.

Экспедиция Великой Разведки застала Вилвид на самой грани первой промышленной революции. Уже прижилась гелиоцентрическая система, физика находилась где-то между Ньютоном и Максвеллом, быстро развивалась химия, имелась хорошо разработанная систематика биологических видов, появлялись первые эволюционные гипотезы. По первым железным дорогам бегали паровозы. Однако политически вахи оставались разобщенными; ученые, инженеры, учителя — все они находились под покровительством того или иного Столпа.

Пришельцам из космоса хватило ответственности и здравого смысла, чтобы не передать туземцам особенно много практических знаний, да и передай они эти знания, все равно толку было

* «Дети-кухня-церковь-одежда» (нем.). Так называемые четыре «к» (иногда три, без одежды). Мужчинам же положены свои три «к» — «кайзер-криг-канонен», т. е. «император-война-пушки».

бы чуть. Каким, скажем, образом сделаешь ты транзистор, не научившись предварительно получать сверхчистые полупроводниковые кристаллы? Да и зачем он тебе, этот самый транзистор, если ты не знаешь, что такое электроника? Однако земляне придали местной науке, и теоретической и экспериментальной, огромное ускорение — своими рассказами и, главное, самим фактом своего появления.

Потом они улетели.

Гордый, независимый народ ткнули носом в его захолустность и незначительность; именно здесь, поняла Чи, и лежал корень всех воспоследовавших социальных волнений и раздоров. Кроме того, ученые получили для своей деятельности значительно более жгучий стимул, чем любознательность или стремление к доходам — желание нагнать упущенное, одним скачком вывести Мерсейю на галактическую сцену.

Волну эту оседлали — проявив завидную сообразительность — вахи. Не сразу, конечно, но понемногу они сумели отложить свои склоки, образовали нечто вроде рыхлой конфедерации, причем сохранили практически все свои привилегии. Однако соперничество сохранялось, так же, как и постоянные столкновения интересов; не совсем исчез и реакционный дух, вызывавший к доброму старому времени, когда молодежь боялась Бога и уважала старших.

Тем временем планету охватывала модернизация; страна, не поспевавшая в этой гонке, быстро оказывалась под чужеземным владычеством. Больше всех преуспела Лафдигу. У Чи не было ни малейшего сомнения, что так называемая республика — самая обыкновенная диктатура, и притом очень жесткая. Имперские амбиции этой державы естественным образом столкнулись с интересами Столпов; ядерной войны на самой планете удалось избежать, однако время от времени то там, то сям разгорались космические сражения — жуткие и не приводящие в то же самое время ни к каким определенным результатам.

— Вот так оно и обстоит, — подытожил Дагла. — Громче всех звучит, конечно, голос вах Датира, самого большого и самого сильного, но на него давят все остальные — Халлен, Инвори, Руэт, да хоть бы даже Урдиолх, от которого остался практически один его правитель, которому нечем править. Так что нетрудно себе представить, что такое для любого из них — получить полную вашу поддержку.

— Да, — кивнул Олгор. — А к тому же Моррукан Длинный Меч хотел бы оставить в стороне мою державу. Мы расположены в Южном полушарии и страдаем от сверхновой

больше всего; оставшись без защиты, мы вообще выпадем из дальнейшего рассмотрения.

— А говоря уже совершенно откровенно, — добавил Дагла, — очень мне не верится, что Моррукан хочет вашей помощи. *Храйх*, хочет, конечно же, но по самому минимуму, лишь бы предотвратить полный развал. Он всегда был громогласным противником современной культуры и всех ее порядков, так что не станет плакать, если на месте погибшей промышленной цивилизации расцветет махровый феодализм.

— Ну и как же он помешает нам выполнить работу? — спросила Чи. — Не такой же Моррукан идиот, чтобы нас убивать, ведь тогда просто прилетят другие.

— Будет играть по обстоятельствам, — пожал плечами Дагла. — В самом крайнем случае попытается сохранить существующее положение — что вы действуете через него и через него же получаете большую часть информации — для укрепления своей власти. Само собой — за счет прочих заинтересованных сторон.

— У себя, в Лафдигу, — сказал Олгор, — мы предвидели это с самого начала, как только узнали о вашем появлении. Главный штаб поручил мне поискать здесь возможных союзников. Некоторые из Столпов согласны, чтобы моя страна сохранила свое влияние в мире — лишь бы мы помогли им прижать к ногтю кое-кого из своих ближайших соседей.

— Мне очень странно, — заметила Чи, — что вы почти уверены в нашем возможном поведении, и это — почти ничего о нас не зная.

— Не забывайте, — улыбнулся Олгор, — что Мерсейя почти две сотни лет изучала каждое слово, каждое изображение, каждую легенду, связанную с вашим народом. Некоторые считают вас богами, другие — демонами; расцвели целые культы, ожидающие вашего возвращения, не рискну даже предположить, что они будут делать теперь, когда вы и вправду прилетели. Но вами занимались и более трезвые, разумные головы, а ведь члены первой экспедиции — они же говорили нам только правду, верно?

Далее разумно предположить, что ни один из странствующих среди звезд народов не обладает ментальными способностями, которых нет у нас, они просто раньше начали. А когда мы узнали, как много на свете звезд, то поняли, как мала скорее всего ваша цивилизация рядом с этой огромностью. Из соображений даже чисто экономических вы не сможете уделить нам большого внимания, потратить на нас больших усилий. У вас слишком много других дел. Ровно так же у вас нет времени,

чтобы досконально изучить Мерсейю и разработать необходимый курс действий во всех деталях — сверхновая вспыхнет на нашем небе меньше чем через три года. Поэтому вы должны сотрудничать с местными властями, и вам придется верить им на слово, что необходимо спасти в первую очередь, даже пожертвовав многим прочим. Это верно?

Чи помедлила, обдумывая ответ.

— До некоторой степени, — осторожно признала она, — вы правы.

— Моррукан знает это не хуже нас, — вмешался Дагла. — И уж постарается использовать ситуацию с наибольшей для себя выгодой. — Но мы, — подавшись вперед, он навис над цинтианкой, — не намерены этого терпеть. Пусть уж лучше мир превратится в развалины, из которых мы его поднимем, чем вах Датир поглотит все завоевания наших предков. Всемирный проект не увенчается успехом без поддержки большинства. Если мы не получим полновесного голоса в принятии решений, придется сражаться.

— Столп, Столп, — одернул его Олгор.

— Не бойтесь, — улыбнулась ему Чи, — я ничуть не обиделась. Скорее я даже благодарна за такое откровенное предупреждение. Вам еще станет ясно, что мы не желаем зла ни одной группе мерсейцев, что мы не делаем никаких предпочтений. — «В ваших жалких, идиотских склоках». — Если документ, излагающий вашу позицию, приготовлен, мы готовы внимательно его изучить.

Олгор открыл ларец и достал стопу бумаги, переплетенную во что-то похожее на змеиную кожу.

— Составлено впопыхах, — извинился он. — Позднее мы представим вам более отработанный вариант.

— Пока хватит и этого. — Чи на мгновение задумалась, стоит ли ей здесь задерживаться. Наверняка удалось бы выяснить что-нибудь еще. Но, святой космос! Сколько же пропагандистских помоев придется выжимать из всего, сегодня услышанного! А необходимость быть вежливой и дипломатичной — сколько можно еще терпеть эту жуль?

Чи предложила им связываться с кораблем по радио. А если Моррукан поставит глушилки — она сама поставит его раком. Олгор был заметно шокирован, а Дагла возразил, что такие переговоры можно подслушать.

— Ладно, — вздохнула Чи, — приглашайте нас для приятных бесед сюда. А Моррукан — он не устроит из-за этого какую-нибудь войну?

— Нет... во всяком случае — не думаю... но он догадается, что именно мы задумали.

— Я искренне верю, — проникновеннейшим голосом пропела Чи, — что у Столпа вах Халлена нет иных намерений, кроме как покончить со всеми интригами и эгоистичными устремлениями, установить открытость и взаимопонимание, чтобы мерсейцы могли объединить свои усилия в работе на общее благо.

Ей, конечно же, и в голову не приходила такая чушь, но нельзя же требовать от Даглы откровенного признания, что главная его забота — обеспечить своим родственникам главенство над всей остальной местной шушерой. Он чего-то там проблемал насчет передатчика, который нельзя засечь с помощью местной техники и неужели у Галактического Содружества нет ничего в этом роде? Конечно, есть, только Чи не собиралась раздавать направо и налево приборы с такими потенциальными возможностями. Она выразила глубочайшее сожаление:

— Нет, увы, ничего подобного мы с собой не захватили — еще раз сожалею — спокойной ночи, Столп, спокойной ночи, Воитель.

К выходу цинтианку провожал охранник, тот же самый, который впустил ее в дом. «Странно, — подумала она, — а почему не хозяева? Осторожность, или у них здесь такого не принято? Ладно, ерунда это все, главное — поскорее домой». Она бежала по заиндевелой улице, высматривая переулок, откуда можно взлететь незамеченной. А то еще пристрелит какой дурак.

Между домов показался проем, Чи свернула в темноту — и упала, придавленная к земле чьей-то тушей. Еще чьи-то руки обхватили ее тело, не давая пошевелиться. Чи закричала, вспыхнул какой-то свет, но тут же ей надернули мешок на голову, она почувствовала тошнотворно-сладкий запах, потом головокружение, а дальше она вообще ничего не чувствовала.

Адзель все еще не очень понимал, что это такое происходит и с чего все это началось. Ходил он по своим делам, никого не трогал, а потом вдруг оказалось, что он главный проповедник на молитвенном собрании. Если, конечно, это и вправду — молитвенное собрание.

Он откашлялся.

— Друзья мои...

Зал взревел. Лица, и лица, и лица, и все они поедали глазами это диковинное четырехсполовинойметровое существо, взгромоздившееся на кафедру. Здесь было не меньше тысячи мерсейцев: простолюдины, вассалы, городская беднота, почти все —

плохо одеты. И много женщин — нижние классы не столь ревностно следят за соблюдением здешних правил приличия, как их господа. В воздухе стоял резкий, неприятный запах. Зал располагался в новой части Ардайга и был поэтому простым, без всяких выкрутасов, однако и пропорции его, и контрастирующие цвета облицовки, и ярко-алые символы, изображенные на стенах, ни на секунду не давали Адзелю забыть, что здесь — чужая планета.

Воспользовавшись долго не затихавшим ревом слушателей, он поднес к своей морде болтавшийся на шее передатчик и жалобно пробормотал:

— Дэвид, ну что же я им скажу?

— Что-нибудь благожелательное, но до крайности неопределенное, — посоветовал голос Фолкейна. — Моему хозяину вся эта история напрочь не нравится.

Воданит посмотрел на входную дверь. Трое стоявших около нее лейб-гвардейцев не сводили с него ненавидящих, угрожающих глаз.

Нападения Адзель не боялся. Корабль при нужде поможет, но даже и это не главное. Тысячекилограммовый кентавроид, закованный в сверкающую природную броню (зеленую сверху и золотистую на животе), с такими шипами на хребте, что мерсейцам было впору удавиться от зависти, — охотников подражаться с таким существом найдешь не сразу. Даже уши его и веки были не мягкие, кожистые, а костяные, а клыки в крокодильей пасти выглядели совершенно устрашающе. Вполне естественно, что именно ему досталась сегодня задача гулять по городу, набираясь общих впечатлений. Все возражения Моррукана были вежливо отклонены.

— Не бойся, Столп, ничего не случится, — в полном соответствии с истиной заверил его Фолкейн. — Адзель никогда не ввязывается в неприятности. Он у нас буддист, миролюбец, и ему совсем не трудно проявлять терпимость по отношению к любым поступкам окружающих.

Вот эта самая терпимость и не позволила Адзелю противостоять домогательствам толпы, загнавшей его в угол.

— От Чи чего-нибудь слышно? — спросил он.

— Пока ничего, — ответил Фолкейн. — Наш железный мыслитель при случае все запишет. Думаю, она свяжется с нами завтра. А теперь не мешай мне больше, я как раз добрался до середины бесконечного официального банкета.

Адзель воздел руки, призывая собравшихся к тишине, однако здесь этот жест имел противоположное значение, и зал буквально взорвался. Громко стуча копытами по помосту, он

изменил положение тела, но при этом сбил хвостом массивный стоячий канделябр. Одетый в красное мерсеец по имени Гриф, главная шишка этой организации — Звездные Верующие, так, что ли, они себя называют? — поставил светильник на место и сумел кое-как успокоить разбушевавшийся зал.

— Друзья мои, — сделал еще одну попытку Адзель. — Ээ-э... друзья мои, я, э-э, глубочайше благодарен вам за то, что вы попросили меня сказать несколько слов. — Он отчаянно пытался вспомнить слышанные на Земле, в студенческие годы, предвыборные речи политиков. — В огромном братстве разумных рас, охватывающем всю Вселенную, Мерсейе, несомненно, предназначена великая роль.

— Покажи нам, покажи нам путь! — кричали из зала. — Путь... истина... дорога в будущее!

— А... да, конечно. С удовольствием. — Адзель повернулся к Грифу. — Но только, может быть, сперва ваш, э-э, великий вождь объяснит мне назначение этого... этого... — как же по-ихнему «клуб»? А может не «клуб», а церковь?

В первую очередь его интересовала информация.

— Галактический властитель, конечно же, шутит, — зашелся в экстазе Гриф. — Ты же знаешь, что мы — это те, которые ждали, которые жили по заветам, преподанным посланцами Галактики, жили в постоянном предвкушении обещанного ими второго пришествия. Мы — твоё избранное орудие в избавлении Мерсейе от всех ее зол и бед. Бери же нас и используй!

По образованию Адзель был планетологом, однако чрезмерно развитая шишка любознательности все время подвигала его на изучение других областей знания. Сейчас воданит мысленно быстро перелистал читанные когда-то книги, припомнил общества, которые он видел, посещая другие планеты... да, картинка вырисовывалась знакомая. Это же сектанты, приписавшие божественный смысл вполне обычной и случайной остановке в пути. О, драгоценность в лотосе!* И до какого же, интересно, кошмара все это дошло?

Нужно выяснить.

— Это, э-э, очень хорошо, — сказал он. — Да, очень хорошо. А-а... а каково ваше число?

— Больше двух миллионов, Покровитель, и принадлежим мы к двадцати различным нациям. Есть среди нас и очень высокие, вот, скажем, Наследник вах Истира, но в большинстве своем мы — добродетельные бедняки. Знали бы только наши,

* Буквальный перевод знаменитой буддийской мантры Ом-мани-падмехум.

что сегодня, в этот самый день, грядет твое явление — они бы все примчались сюда, чтобы услышать твой приказ.

Такое нашествие доведет ситуацию до точки кипения, тут уж и к бабке не ходить. Ардайг и так достаточно взбудоражен его появлением на улицах, а немногие, конечно, сведения об основных инстинктах мерсейцев, полученные психологами Разведки, заставляли отнести эту расу к воинственным. Массовая истерия может принять крайне уродливые формы.

— Нет! — завопил Адзель, чуть не сдув Грифа с помоста, и тут же убавил громкость. — Пусть все останутся дома. Терпение, спокойствие, добросовестное выполнение повседневных обязанностей — вот главные галактические добродетели.

«Скажи такое вольному торговцу», — усмехнулся он про себя. — Боюсь, я не смогу порадовать вас чудесами.

Адзель чуть не сказал, что может обещать на будущее только кровь, пот и слезы*, однако сдержался. Слушателям, чья реакция совершенно непредсказуема, подобные новости нужно сообщать крайне осторожно. Именно поэтому в первом радиосообщении Фолкейна содержалось очень мало тревожной информации.

— Ясно, — сказал Гриф. Этот парень не был ни дураком, ни психом (странная вера звезданутых — разговор особый). — Мы должны свергнуть угнетателей своей собственной рукой. Ты только скажи, с чего нам начать?

Лейб-гвардейцы еще крепче вцепились в свои винтовки. «Он что, хочет, чтобы мы начали здесь что-то вроде революции? — Адзель был в полной растерянности. — Да нельзя же этого никак! Не наше это дело, наше дело — спасти ваши жизни, а потому мы не должны ослаблять позиции ни одной власти, способной на сотрудничество. Революция — дело длинное, да и технологические ее последствия... Только решусь ли я сказать все это сейчас?»

Педантизм, вот чем можно успокоить эту компанию. Занудством вогнать их в сон.

— У тех из софнтов, которые нуждаются в правительстве, — начал Адзель, — основным требованием к правительству, которое намерено и имеет шансы функционировать эффективно, является его легитимность, а основной проблемой любого политического реформатора является сохранение либо создание заново прочного базиса такой легитимности. Вследствие

* Именно это обещал своим соотечественникам Уинстон Черчилль в начале второй мировой войны.

этого пришельцы со стороны, к которым я должен отнести и себя, не имеют...

Тут его прервал (впоследствии ему хотелось сказать «спас») донесшийся с улицы шум. Хриплое пение и топот ног приближались, становились все громче. В зале прозвучали испуганные крики, хмурые, сосредоточенные мужчины начали пробираться к двери. Гриф спрыгнул с помоста, включил телеком, и на экране появилась улица, запруженная вооруженной толпой; ночное небо и покрытые снегом крыши резко оттеняли плещущее на ветру желтое знамя.

— Демонисты! — почти застонал глава звезданутых. — Ну так я и знал!

Адзель тоже спустился вниз.

— А кто это такие?

— Сдвинутая секта. Вообразили себе, что вы, галактические, хотите и с самого начала хотели развратить нас и привести к гибели... Но ничего, мы их встретим. Смотри. — Из переулков и дверей выдвигались группы крепких вооруженных мужчин.

Один из лейб-гвардейцев торопливо сыпал слова в карманную рацию, судя по всему — вызывая подкрепление. Адзель вернулся на кафедру и начал умолять присутствующих не покидать зал.

Возможно, он и убедил бы их, если не доводами, так хотя бы оглушительным голосом, но тут заговорила его собственная рация:

— Выбирайся оттуда, и сию же секунду. — Фолкейн был явно взволнован. — Нашу Чи сцапали.

— Что? Кто ее? Почему? — Донесившийся снаружи шум утратил всякое значение.

— Не знаю. Она уже возвращалась из этого места, и вдруг корабль услышал крик, потом звуки, вроде как драка, и все. Я приказал ему подняться и попробовать найти ее по несущей, но он говорит, источник движется. Так что двигайся и ты — сюда, в Афон.

Что Адзель и сделал. Прихватив с собой кусок стены.

Поднялся Корих, и сразу же клочья тумана, висевшие над рекой и окутывавшие городские башни, окрасились золотом. Над горой Эйд раскатился ритуальный рокот литавр. Распахивались двери и ставни, на базарах появились первые покупатели, сотни маленьких мастерских наполнились шумом. Издалека, со стороны новых кварталов доносился все нарастающий уличный шум, звон и лязг проснувшихся заводов, гудки отплывающих и причаливающих кораблей, небо со свистом бороздили

реактивные самолеты. Затем мощный грохот заглушил все прочие звуки — из космопорта стартовал направляющийся к Сейту корабль.

Моррукан Длинный Меч щелкнул выключателем; теперь защищенную от прослушивания комнату и напряженные, измотанные лица сидевших за столом освещали только бледные отблески зари.

— Я устал, — сказал он, — а все наши усилия впустую.

— Послушайте, Столп, — в голосе Фолкейна появились хорошие нотки, — я бы не советовал вам опускать руки. Мы не уйдем отсюда, пока не будет принято какое-то определенное решение.

В глазах Моррукана и Даглы вспыхнуло возмущение, а лицо Олгора застыло неподвижной, бесстрастной маской — никто из них не привык к подобной наглости. Однако Фолкейн твердо ответил взглядом на взгляд, а лежащий на полу Адзель заинтересованно поднял голову — и начавшие было вставать мерсерцы уселись на свои хвосты.

— Не забывайте, благороднорожденные, что на карту поставлена судьба всей вашей планеты, — уже спокойнее продолжил Фолкейн. — Узнав о подобном неблагоприятном отношении, мой народ может потерять всякое желание растрачивать понапрасну время, ресурсы и, возможно, жизни.

Он приподнял над столом антиграв с пристегнутым к его ремню инструментальным набором и покачал их в руке. Найденные — по указаниям корабля — неподалеку от города, в канаве, они были доставлены в замок несколькими часами раньше. Похитители Чи явно догадались, что в этих предметах должен быть работающий, наводящий на след передатчик. Легонькие, какие-то жалкие вещички...

— Но о чем же еще говорить, — возразил Олгор. — Каждый из нас троих подозревает двоих остальных; с той же самой целью — получить в свои руки важный козырь — похищение мог организовать и какой-нибудь другой вах. Или другая страна. А может быть, виноваты демонисты или даже звезданутые, кто там знает, что в их ненормальных головах делается. А вот вы, — повернулся он к Дагле, — действительно даже не догадываетесь, на кого мог работать этот ваш слуга?

— Я уже говорил, что нет, — раздраженно бросил вождь Халлена. — У нас нет привычки копаться в чужих биографиях. Я знаю, что Двайр поступил ко мне на службу несколько лет назад и произвел вполне удовлетворительное впечатление. И что сегодня он исчез. Из чего я делаю предположение, что он

был шпионом и сообщил своим хозяевам о представляющейся возможности захватить галактическую гостью. Связаться по телекому очень просто, а затем оставалось только перекрыть немногие пути, которые она могла избрать, покинув мой дом.

— Короче говоря, — подытожил Моррукан, — он действовал точно так же, как и ваш шпион, сообщавший вам обо всех моих действиях.

— А может, хватит, благороднорожденные? — устало вздохнул Фолкейн. — Всю ночь нас заносит на одну и ту же грязную колею. Не исключено, что расследование даст какие-нибудь материалы по этому Двайру — откуда он появился и так далее, но за минуту такие дела не делаются, а поэтому пока нельзя отказываться ни от одного из подозрений, в частности — от подозрений, касающихся участников этой беседы. Вы бы проверили друг друга, и получше.

— А кто делает подобное в отношении тебя самого? — спросил Моррукан.

— Что-то я не понимаю Столпа.

— Вполне возможно, что это — какой-то твой фокус.

— Для чего мне это делать? — сжал кулаки Фолкейн. Он хотел сказать больше, но отношения в этой комнате и так накалились до предела.

— А откуда мне знать? — пожал плечами Моррукан. — Мы вообще ничего про вас не знаем. *На словах* вы отрицаете всякие захватнические намерения, но ваши агенты встречаются с моими противниками и последователями культа, провозгласившего главной своей целью свержение существующего порядка. А с кем еще? С Гетфенну?

— Нельзя ли попросить Столпа о любезности объяснить мне, что это, собственно, такое? — пробасил Адзель своим мирным убаюкивающим голосом.

— Мы уже это обсуждали, — поморщился Дагла.

— Это происходило, Столп, во время моего отсутствия, когда я руководил кораблем в его поисках и последующем возвращении на базу. Умоляю вас, снизойдите к просьбе смиренного недотепы.

Существо с параметрами Адзеля, называющее себя смиренным недотепой, — картина весьма необычная; совершенно ошарашенные мерсейцы даже забыли, кажется, свою злость.

— Я тоже не против послушать о них еще раз, — добавил Фолкейн. — Ведь мы даже не подозревали, что такое существует.

— Это криминальный синдикат, раскинувшийся по всей планете и проникающий даже в космос, — объяснил Морру-

кан. — Воры, убийцы, проститутки, мошенники, противники всего высокого и благородного...

Не слушая дальше, Фолкейн погрузился в размышления. Верно, конечно, что Гетфенну — компания еще та, однако у Моррукана слишком много предубеждений — и слишком мало исторического чутья, — чтобы понять, а почему, собственно, она процветает? Промышленная революция расшатала устои общества. Рабочие, стекавшиеся в город, оказывались свободными от феодального владычества — и от уверенности в завтрашнем дне. Материальное и культурное обнищание порождало разгул беззакония. И все же старые, феодальные традиции уцелели, хотя и в извращенной форме: шайки объединились в единую сеть, предлагавшую своим членам не только долю добычи, но также и защиту, и даже цель жизни.

Находясь в вечной борьбе друг с другом, вахи и нации не могли совладать с подпольной империей Гетфенну — слишком уж эффективно она защищалась, причем не столько насилием, сколько деньгами и тайными своими связями. Кроме того, эта организация в некоторой степени уменьшала напряжение в обществе, служила чем-то вроде предохранительного клапана: пусть уж лучше обыватель зайдет иногда в игорный притон или публичный дом, где его обдерут как липку, чем будет мрачно сидеть дома и замысливать мятеж.

Возникло некое молчаливое взаимопонимание, даже согласие — ситуация, известная из истории многих планет, в том числе и самой Земли. Руководители банд удерживали преступность на некотором приемлемом уровне, ограничивали ее деятельность определенными районами и определенными общественными классами. Убийства, ограбления, кражи не затрагивали ни дворец аристократа, ни контору крупного финансиста. В некоторых странах высокие круги были заражены иным видом преступности — взяточничеством, и это тоже укрепляло позиции Гетфенну.

За последнее время щупальца этого спрута проникли даже в космос. Преступное сообщество покупало и основывало межпланетные предприятия. Кроме того, был Ронруад, следующая за Мерсейей по удалению от Кориха планета. Не обладая никаким особо ценным сырьем, она представляла вроде бы чисто научный интерес, однако организованные на ней военные базы имели такое большое стратегическое значение, что из-за них то и дело разгорались войны. В конце концов последний мирный договор объявил Ронруад нейтральным и не подлежащим юрисдикции ни одной из держав, чем сразу же и воспользовалась Гетфенну, построившая здесь колонию, где творилось уже

буквально все что угодно. Одна из космических транспортных компаний, находившаяся, как знал буквально каждый, под контролем синдиката, организовала пассажирский маршрут. Теперь, если респектабельному мерсейцу приходило в голову предаться безудержным, хотя и весьма недешевым развлечениям, он отправлялся не куда-нибудь, а в Луридор. Эта колония стала самым настоящим рассадником всевозможных зол; мало удивительного, что Моррукан не хотел защищать ее от сверхновой.

Не было такого желания и у Даглы, а скорее всего и у остальных Столпов. Олгор высказывался мягче, но даже он согласился, что если уж и заботиться о Ронруаде, то в самую последнюю очередь.

— Так, значит, члены Гетфенну могли похитить Чи Лан ради выкупа? — спросил Адзель.

— Странно бы, но как знать, — пожал плечами Дагла. — Впрочем, выкупом может оказаться ваша помощь. Если у этих бандитов тоже есть агенты в окружении Моррукана, они представляют себе ситуацию.

— Но в таком случае, — возразил Фолкейн, — вряд ли они настолько наивны, чтобы думать...

— Я разберусь с этим, — пообещал Моррукан. — У меня есть возможность сделать прямой запрос. Правда, связываться с хозяевами Гетфенну придется очень сложными способами, так что на это потребуется время.

— Только имейте в виду, — жестко сказал Фолкейн, — что ни я, ни Адзель не собираемся оставлять Чи Лан в лапах преступников на долгие годы. Ей ведь там могут и глотку перерезать.

— Нет никакой уверенности, что ваша сотрудница именно у них, — напомнил Олгор.

— Верно. И все же мы можем слетать в эту самую их колонию. А на почти неизвестной нам Мерсейе наши возможности очень ограничены. Искать на планете должны вы. Да и собрать-ям вашим неплохо бы принять участие.

— Вы, кажется, воображаете, что нам делать больше нечего, как искать одно-единственное существо? — Терпение Моррукана окончательно лопнуло. — Нам, повелевающим миллионами?

— Если вы не сделаете спасение Чи Лан своей первой и главной заботой, — взорвался в свою очередь Фолкейн, — скоро вам просто нечем будет повелевать.

— Успокойтесь, успокойтесь, — вмешался Олгор. — Все мы так устали, что начинаем уже бросаться друг на друга. А это очень плохо, у нас ведь общие интересы. Галактический

гость, — тронул он плечо Фолкейна, — вы же хорошо понимаете, что в таком разобщенном мире, как наш, организация всеобъемлющего поиска — задача гораздо более сложная, чем сам этот поиск. Да ведь очень многие руководители наций, племен, кланов, групп и группочек просто не поверят нам на слово. Придется их убеждать, на что потребуется время и дипломатическое искусство. Кое у кого обязательно появится желание извернуться похитрее и что-нибудь на этой истории выиграть. Другие преисполнятся надеждой, что теперь-то вы улетите и оставите нас в покое — и я говорю не только о демонистах.

— Эти надежды вполне могут осуществиться, — заметил Фолкейн. — Если Чи не вернется в целости и сохранности.

— Стоит ли играть словами, — улыбнулся Олгор. — Ваши ученые могут получить здесь знания и престиж, а ваши купцы — доход. Так разве позволяют они, чтобы прискорбное происшествие, вызванное несколькими мерсейцами и затронувшее всего лишь одно существо вашего мира, помешало достижению этих целей?

Некоторое время Фолкейн молча смотрел в угольно-черные, немигающие глаза Воителя, но вскоре не выдержал и отвернулся, к горлу подступила тошнота. Мерсеец разгадал его блеф и заставил выложить карты на стол.

Да, конечно, эти трое организуют нечто вроде розыска. Хотя бы из простой озабоченности — кто именно сумел окружить их своими агентами и много ли таких агентов. Найдутся и другие мерсейцы, готовые сотрудничать. Но вялое и сумбурное — а именно таким оно и получится — следствие не будет иметь ровно никаких шансов на успех в борьбе с шустрой, энергичной компанией, захватившей Чи Лан.

Этой троице — так же, как и почти всей Мерсее — попросту плевать на какую-то там цинтианку.

Очнулась она в камере.

Три метра в длину, метра по полтора в ширину и высоту, ровно никакой мебели, почему-то нет даже двери. Под слоем краски протруает крупная кладка стен. Удары кулаком не дают никакого отзвука, так что стеночки весьма солидные. К ним прикручена уйма разнообразного оборудования. Несмотря на незнакомые конструкции, Чи узнала флюоресцентную лампу, регенератор воздуха, приемник для отходов, допотопную койку, помогающую переносить ускорение... Боже милостивый, это что же, космический корабль?

И ни единого звука, только легкий шелест вентилятора. Через какое-то время Чи показалось, что эти голые стены

сдвигаются, грозят ее раздавить — и осыпала их целым градом ругательств.

Она чуть не заплакала от облегчения, когда один из блоков отодвинулся в сторону и в открывшемся проеме показалось лицо мерсейца. За его спиной сверкал полированный металл. Сквозь корпус корабля (если это именно корабль) снаружи, из космопорта (если это космопорт), доносились лязг, какое-то гудение, обрывки команд.

— С вами все в порядке? — озабоченно спросил мерсеец. Выглядел он еще почище рядового представителя своей весьма крутой породы, но изо всех сил старался быть вежливым. На аккуратной куртке виднелись какие-то знаки различия.

Чи мгновенно прикинула, а может, прыгнуть, выдрать ему глаза и попробовать смыться? Нет, вряд ли выйдет. Но и целоваться с этим типом она тоже не собиралась.

— Великолепно, — ощерилась цинтианка. — Лучше некуда. Если оставить в стороне мелочи, вроде того, что эти проклятые ублюдки избили меня и траванули газом и что я помираю от голода и жажды. За такие возмутительные штучки я, пожалуй, попрошу своих товарищей взорвать к чертовой бабушке этот гадюшник, недостойный называться планетой, пусть в Галактике хоть немного почище станет.

— Похоже, ты вполне здорова, — расхохотался мерсеец. — А то откуда бы такой боевой дух? На, ешь и пей, — он просунул в камеру несколько посудин. — Скоро стартуем, перелет займет несколько дней. Если тебе нужно что-нибудь — кроме пулемета — скажи, я принесу.

— Куда мы летим? Кто ты такой? И что, собственно, значит...

— Хургх, мохнатая, я не могу открывать эту дырку надолго, а то еще заметит какой-нибудь болтливый идиот. Говори прямо сейчас, чего тебе надо, и я попытаюсь заказать в городе.

Позднее Чи ругала себя последними словами, даже Адзель никогда не устаивался у нее таких выражений. Закажи она некоторые специфические предметы, это могло навести ее партнеров на след. Она же автоматически попросила книги и пленки, чтобы получше разобраться в местной ситуации. В самый последний момент к списку был добавлен учебник языка эрио — надоело выражаться на ветхозаветном его варианте. Мерсеец кивнул и закрыл окошко. Негромкий щелчок почти наверняка указывал, что замок тут обычный, язычковый, скорее всего — с магнитным ключом.

Подкрепившись — с немалым, кстати, удовольствием, — Чи почувствовала себя в силах делать хоть какие-то осмыслен-

ные умозаключения. Первое: этот потайной отсек устроен, по всей видимости, в защитном экране радиационного убежища.

Мерсейцы пользовались в космосе термоядерными ионными двигателями. Огромные транспортники никогда не садились на поверхность планеты, а обслуживающие их челноки и некоторые корабли специального назначения (к числу которых очевидным образом относился и данный) пользовались для взлета и посадки глубокими колодцами, где создавалось электромагнитное поле, способное удержать стартовый выхлоп, не дать ему испоганить все на километры вокруг. Каждый корабль имел радиационно защищенное помещение, способное — в случае солнечной бури — вместить всех пассажиров и экипаж. Конструкция была великолепна, оставалось только жалеть, что с появлением гравитационного привода и силовых экранов все это полетит псу под хвост.

Несколько дней, на одном мерсейском g : хм-м, это значит — одна из соседних планет. Не зная их теперешнего положения на орбитах, Чи не была уверена — какая именно. При подходе к Мерсейе приборы «Через пень-колоду» обнаружили весьма оживленное межпланетное движение. Чи видела на увеличивающих экранах и объемистые, пузатые грузовые суда, и узкие, хищные военные корабли.

Тюремщик принес Чи заказанные материалы и попросил ее привязаться — скоро старт; он представился как Ириад Странник, шкипер этого посыльного судна.

— На кого ты работаешь? — спросила Чи.

Ириад замялся, но потом пожал плечами:

— Гетфенну. — Отверстие закрылось, и она снова осталась в одиночестве. Ускорение придавило Чи к койке, навалилось на грудь, толстые стены задрожали от грохота. Прошли бесконечно долгие минуты, и тяжесть вдруг ослабла — стартовый режим закончился, и пошел нормальный полет.

Время тянулось мучительно медленно, занятий у Чи не было почти никаких — нельзя же с утра до вечера читать эти мерсейские книжки. Офицеры, приносившие ей пищу, представляли собой весьма разношерстную компанию, набранную из всех уголков Мерсейи. Некоторые из них не умели даже говорить на эрио, да и прочие не отличались особым многословием. Чи немного посоображала, как бы превратить регенератор воздуха в какое-нибудь подобие оружия, но много ли сделаешь без инструментов? От тоски пленница начала красочно рисовать себе, что именно сделает она с Ириадом, когда тот попадетсся ей в руки. Узнав о некоторых из этих планов, Адзель и Фолкейн пришли бы в искренний ужас.

На какой-то день полета желудок — единственные имевшиеся у нее часы — со всей определенностью заявил, что время обеда (завтрака? ужина?) давно миновало. Когда окошко наконец открылось, она яростно метнулась к нему, выплевывая град оскорблений; Ириад попятился и вскинул пистолет.

— Так что там у вас такое? — Чи остановилась и заговорила чуть спокойнее. — Помоги что ли, которыми вы меня кормите, недостаточно протухли?

Лицо Ириада судорожно подрагивало.

— Нам устроили досмотр, — еле слышно выговорил он.

— Как это? Ускорение же не менялось.

— Это... это ваши. Легли на параллельный курс, уравнили скорость. Я не знал, чем они вооружены, и поэтому... А высаживался к нам дракон.

В бессильной злости Чи заколотила кулачками по стене. Нет, нет, нет! Чтобы Адзель прошел в нескольких метрах от нее и даже не заподозрил... этот здоровенный, противный, пустоголовый олух!

— Но Хагуан предупредил меня, что такое может случиться. — Ириад выпрямился, к нему возвращалась прежняя самоуверенность. — Уж в контрабанде-то мы мал-мала понимаем, да и вы, галактические, совсем не те боги, какими кажетесь.

— И куда они направились?

— Куда-то. Скорее всего — досматривать другие суда. Счастливице им развлечься.

— Вы что, и вправду надеетесь, что меня никто не найдет?

— У Хагуана очень много надежных тайников. — Ириад передал ей полные посудины, забрал пустые и ушел.

Следующий раз он появился несколькими приемами пищи спустя, теперь — чтобы проследить за переселением Чи из камеры в грузовой контейнер. Ее пристегнули к стартовой койке, рядом с регенератором, и оставили в полной темноте. Последовали долгие часы предпосадочного маневрирования, посадки, ожидания, потом контейнер извлекли из трюма, погрузили на машину и куда-то повезли.

В конце концов его открыли, и Чи медленно выбралась наружу. Тяготение здесь было вполовину нормального, но идти было трудно, у нее онемели все мышцы. Подошли двое рабочих, подняли контейнер и унесли. Потом появились охранники, а с ними мерсеец, объявивший себя врачом; судя по умелости и дотошности проведенного обследования, этот тип и вправду имел какое-то отношение к медицине. Он сказал, что ей нужно немного отдохнуть, и ушел, за ним ушли охранники.

Комната не имела окон, но зато была роскошно обставлена. Великолепной оказалась и принесенная пища. Чи свернулась на кровати калачиком и приказала себе уснуть.

Потом за ней пришли, провели ее по длинному, обшитому деревянными панелями коридору, потом — вверх, по спирально вьющемуся пандусу, и тут Чи наконец увидела того, по чьему приказу ее похитили.

Он сидел за письменным столом полированного дерева, площадью, наверное, километр на километр. Густой белый мех, покрывавший пол комнаты, делал шаги беззвучными. Картины, негромкая музыка, воздух благоухает незнакомыми воскурениями. И окна — эта часть здания располагалась над поверхностью планеты. Чи увидела ржавый песок и мелкий, жесткий кустарник; вдали, над длинной холмистой грядой клубилась песчаная буря. У самого горизонта висел Корих, заметно уменьшившийся в размерах, но — благодаря разреженной атмосфере — ослепительно яркий. На темно-пурпурном небе проглядывало несколько звезд. Узнав среди них Валендерей, Чи непроизвольно поежилась. Такой ясный, спокойный, а ведь в эту самую секунду смерть, насылаемая им, неумолимо мчится сюда на крыльях света.

— Приветствую тебя, звездная гостья. — Он произносил слова не совсем так, как Олгор. — Я — Хагуан Элуац. А твое имя, насколько мне известно, Чи Лан.

Чи выгнула спину, распушила поднятый палкой хвост и угрожающе зашипела. Однако в действительности она чувствовала себя совершенно беспомощной. Мерсеец был огромен, его брюхо бочкой распирало вышитый халат; черной, сильно чешуйчатой кожей, раскосыми глазами и крючковатым носом он заметно отличался от вилвидской породы.

По взмаху украшенной сверкающей кольцами руки охранники четко шлепнули хвостами по лодыжкам и удалились, закрыв за собой дверь. Однако на столе, рядом с интеркомом, лежал пистолет.

— Не бойся, — улыбнулся Хагуан. — Ты в полной безопасности. Я очень сожалею о причиненных тебе неудобствах и сделаю все возможное, чтобы хоть как-нибудь их возместить. Мы действовали так из крайней необходимости.

— Вам что, самоубийство необходимо? — презрительно фыркнула Чи.

— Нет, мы хотим выжить. Но почему бы тебе не устроиться поудобнее на этом диване? Нам предстоит долгий и серьезный разговор. Может быть, хочешь съесть что-нибудь или выпить? Вина?

Чи отрицательно помотала головой, однако на диван вспрыгнула.

— Может быть, ты объяснишь мне эту возмутительную историю?

— С удовольствием. — Хагуан откинулся на хвост. — Вы, вероятно, не знаете, что такое Гетфенну, она возникла уже после первого посещения нас гостями из Галактики. Но сейчас... — Рассказывал он довольно долго. Описание раскинувшегося по всей планетной системе синдиката, распоряжающегося миллионами жизней и несметными богатствами, достаточно сильного, чтобы выстроить колонию на Ронруаде, и достаточно мудрого, чтобы срабатывать своих врагов друг с другом, в результате чего ни один из них не осмеливался напасть на эту колонию, вызывало доверие и вполне согласовывалось с тем, что Чи видела собственными своими глазами.

— Так мы сейчас что, в этом самом вашем городе? — спросила она.

— Нет. На Ронруаде, но в другом месте. Уточнять не хочется, слишком уж высокого я мнения о твоей сообразительности и предприимчивости.

— А я о твоей — очень невысокого.

— *Храйх?* Странно. Мне кажется, операция была проведена вполне удовлетворительно, особенно если учесть отсутствие времени на подготовку. Но конечно же, организация вроде нашей должна быть постоянно готова к чему угодно, а ваше появление нас особенно насторожило. То небольшое, что удалось узнать... — взгляд Хагуана задержался на белой искорке Валлендера. — Вот эта самая звезда, она ведь взорвется?

— Да. И размажет по стенке вашу цивилизацию, если только...

— Знаю, знаю. У нас тоже есть ученые. — Хагуан подался вперед. — Правительства многих стран увидели в этом великолепную возможность избавиться от доставляющей им столько беспокойств Гетфенну. Всего-то и нужно, что отказать в защите нашей колонии, нашим кораблям, нашим владениям на Мерсее и в прочих местах — и нам конец. Думаю, вы, галактические, тоже не станете выдвигать особых возражений; защитить все не хватит времени, так почему бы не пожертвовать, в частности, нами? Ведь вы, сколько я понимаю, тоже сторонники закона и порядка?

Чи молча кивнула, окруженные темно-синей меховой маской глаза сверкали зеленым кошачьим блеском. Хагуан рассудил вполне верно: самой-то Лиге было почти безразлично, с кем иметь дело, но вот солидных налогоплательщиков, на чьи

деньги будет проводиться спасательная операция, этот вопрос интересовал очень и очень.

— Так это что же, — усмехнулась она с деланным сарказмом, — вы украли меня, чтобы завоевать наше дружественное расположение?

— Что нам было терять? Ну поговорили бы мы с вами, ну попытались бы убедить, и чего бы мы добились в результате?

— А как если мои партнеры дадут теперь рекомендацию не оказывать копрофагной* мерсейской породе вообще никакой помощи?

— Ну что ж, — с леденящим спокойствием ответил Хагуан, — тогда грядет полный коллапс, после которого у Гетфенну появится больше, чем у кого бы то ни было другого, шансов на усиление своих позиций. Только я очень сомневаюсь, что будут даны такие рекомендации, а если и будут — что их выпнут ваши руководители.

Поэтому мы и захотели получить валюту на покупку технического содействия, то есть — тебя.

— Не такая уж я большая ценность. — Усы Чи пошевелились в чем-то вроде улыбки.

— Возможно, и нет, — согласился Хагуан. — Ноты — источник информации.

— Ты что, совсем сдвинулся? — встревоженно ощерилась цинтианка. — Думаешь, я расскажу вам, как сделать все своими руками? Да какой из меня инженер!

— Понятно. Но ты знаешь свою цивилизацию, знаешь, что могут сделать ваши инженеры, а чего не могут. И, что еще важнее, тебе знакомы многие планеты, обитающие на них расы, культуры этих рас, их обычаи, законы и моральные нормы. Ты можешь объяснить нам, чего можно от них ожидать. Ты можешь нам обзавестись межзвездными кораблями — угон, осуществленный по твоим советам, должен удался, ведь никто такого даже не ожидает — и научишь нас с ними обращаться. Несомненно, найдутся личности, готовые оказать нам помощь — за хорошую, разумеется, плату, вот ты и поможешь нам их найти.

— Если ты думаешь, что Торгово-техническая Лига потерпит...

— Может — не потерпит, а может, и потерпит, — широко улыбнулся Хагуан. — Звезд так много, что нельзя даже себе представить, сколько на них народов с самыми разнообразными интересами, а нам не привыкать стравливать возможных

* От греческого копрофаг, говноед.

соперников друг с другом. Твоя информация поможет нам подобрать наилучшие для данного случая способы. Я не знаю, что такое эта ваша Лига, но все равно не думаю, чтобы в такой момент — когда все усилия будут сосредоточены на спасении Мерсейи — она начала войну против тех, которые попытаются спасти нас.

Либо придумаем что-нибудь еще, — подытожил он, разводя руками. — В зависимости от того, что ты расскажешь и предложишь.

— А с какой стати вы мне будете верить?

— О почве судят по плодам, ею приносимым, — жестко посмотрел на цинтианку Хагуан. — И мы умеем обращаться с предателями. Если станет ясно, что Гетфенну обречена... Тебе хотелось бы познакомиться с нашими карательными заведениями? Они весьма обширны и разнообразны. Конечно же, ты — новый для нас вид, однако, постаравшись, мы сумеем на много дней сохранить тебя живой и в полном сознании.

В комнате повисла тишина. Корих скользнул за горизонт, и небо мгновенно почернело, на нем высыпали мириады звезд, прекрасных и безразличных.

Величественность этой картины подавляла, и Хагуан включил свет.

— С другой стороны, — сказал он, — обеспечив наше спасение, ты получишь и свободу, и весьма солидное вознаграждение.

— Но... — Чи с ужасом представила себе долгие, пустые годы заточения, как она предает друзей, и всеобщее презрение — если удастся когда-нибудь вернуться — и одиночество до конца жизни... — И раньше вы меня не отпустите?

— Ни в коем случае.

Все попусту. Ровно ничего похожего на ключ или след. Она сгнула в бездну, подобную окружавшей корабль космической пустоте.

Фолкейн и Адзель сделали буквально все мыслимое. Они посетили даже Луридор, ослепительно яркую столицу Ронруада — а тем временем зависший в небе корабль оплавлял скалы одиночными импульсами энергетических пушек, демонстрируя мощь, угрожавшую этому миру. Они перетряхивали все и вся, они действовали просьбами и угрозами, взятками и убеждением. Одни правители смотрели на них с ужасом, другие — с врожденным высокомерием мерсейских аристократов. Но нигде ни малейшего намека, что кому-нибудь известно, кто держит Чи Лан в заточении и где.

— А нужно было все-таки затащить к себе этого владельца казино и хорошенько с ним поработать. — Фолкейн машинально пригладил ладонью взъерошенные волосы; его глаза покраснели от усталости, лицо осунулось.

— Нет, — качнул головой Адзель, — причем не только из моральных соображений. Я уверен, что все, имеющие хоть какую-нибудь информацию, припрятаны. Самая элементарная предосторожность. И мы не уверены даже, что виновато именно преступное сообщество.

— Да. Это может быть Моррукан, или Дагла, или Олгор, или действующие втайне от них другие деятели тех же государств, или представители сотни прочих правительств, или какая-нибудь шайка психов, или... Господи!

Фолкейн взглянул на экран заднего обзора; корабль мчался к Мерсейе, и красноватый серпик Ронруада быстро уменьшался, таял среди созвездий. Невзрачный камешек, упавший такой на одну из гигантских газовых планет — даже булька приличного не получится, но в то же время и самая малая из планет — целый мир, где есть равнины и горы, пересохшие русла и ущелья, долины и пещеры, и реки. Миллионы квадратных километров поверхности, непостижимо огромные и многообразные. А Мерсейя еще больше, а есть и другие планеты, и их спутники, и астероиды, и, в конце концов, само пространство.

Похитителям Чи только-то и надо, что перевозить ее изредка с места на место, и тогда даже у целой дивизии сыщиков шансы на успех будут нулевые.

— Сами мерсейцы должны хоть немного представлять себе, где нужно смотреть, что делать, на кого стоит нажать, — пробормотал он в сотый раз. — Мы же не знаем здесь ни ходов, ни выходов. И ни один представитель наших культур не знает этого, да и знать не будет никогда — между нами пять миллиардов лет раздельного планетного существования. Нужно заставить мерсейцев, пусть сами побегают. И чтобы бегали хорошо, на полуосогнутых.

— У них и своих забот хватает, — вздохнул Адзель.

Фолкейн длинно и образно объяснил, что именно он думает про заботы мерсейцев.

— А может, привлечь этих энтузиастов? — спросил он, немного успокоившись. — Которым ты проповедовал.

— Да, — кивнул Адзель. — Звездное Братство было бы надежным союзником. Но члены его в большинстве своем бедны и, как бы тебе сказать, не очень практичны. Реальной помощи от них не дождешься. Боюсь, они просто начнут драться с демонами и все еще больше запутают.

— Это те, что ли, которые против гостей из космоса? — Фолкейн задумчиво почесал многондвенную щетину на подбородке; к тихому, неумолчному гудению, заполнявшему кабину, присоединился скребуший звук. — Может, они-то и виноваты.

— Сомневаюсь. Проверить, конечно же, стоит — тоже, кстати, веселенькое будет занятие — но они совсем не так хорошо организованы.

— Вот ей-же-ей, если она не найдется, я буду настаивать, чтобы всей этой чертовой расе позволили спокойно поджариться.

— Ничего у тебя не выйдет. Да и вообще несправедливо, чтобы за преступление, совершенное несколькими личностями, расплачивались миллионы.

— А миллионам совсем не мешало бы озаботиться поисками этих самых нескольких личностей. И ничего тут нет невозможного, всегда остаются какие-то следы, и если пойти по каждому из следов достаточно далеко...

На детекторе посторонних объектов замигала лампочка.

— Наблюдаю корбль, — возвестил компьютер. — Судя по всему, транспортник с грузом химикалий из внешней части системы. Расстояние...

— Да скисни ты, — отмахнулся Фолкейн. — И не мешай.

— Мое оборудование не позволяет...

Фолкейн раздраженно нажал отключающую голос кнопку.

Некоторое время он молча смотрел на звезды; сжатая пальцами трубка подымилась немного и потухла. Адзель глубоко вздохнул и уложил голову на палубу.

— Бедная маленькая Чи, — прошептал в конце концов Фолкейн. — Умереть так далеко от дома.

— Скорее всего она жива, — возразил Адзель.

— Надеюсь. Но Чи привыкла летать с ветки на ветку, в бесконечном лесу. Клетка ее убьет.

— Либо доведет до психического расстройства. Она же очень вспыльчивая, а, не находя выхода, ее злость направится внутрь.

— Да... ты же всегда с ней ругался.

— Это все несерьезно; после каждого такого скандала она готовила мне специальный обед. Помню вот раз я похвалил один ее рисунок, так она сунула мне его в руки и говорит: «Ну так и забирай это барахло». Ну прямо как ребенок, который хочет сказать, что любит тебя, но стесняется.

— У-гу.

Кнопка отключения голоса щелкнула и вернулась на место.

— Требуется изменение курса, — констатировал компьютер. — Чтобы избежать опасного сближения с рудовозом.

— Нужно, так и меняй, — окрылся Фолкейн. — Чтоб эти ублюдки подавились своей рудой. И чего это у них такое плотное движение?

— Вообще-то мы в плоскости эклиптики, — заметил Адзель, — и не слишком удалились от Ронруада. Так что совпадение вполне естественно.

Фолкейн сжал кулаки, погасшая трубка развалилась пополам.

— Полоснем-ка мы пару раз по этой планете, — предложил он холодным, каким-то не своим голосом. — Убивать никого особенно не будем, только сожжем несколько объектов поважнее и подороже, а затем пообещаем добавить, если они не пошевелят своими задницами и не устроят настоящий поиск.

— Нет. Полномочия у нас большие, но не настолько.

— Со следственной комиссией как-нибудь уж разберемся, когда-то еще будет.

— Такая акция породит полное смятение, настроит их против нас и только ослабит базу поисков. Более того, поиски эти могут вообще прекратиться. Ты же сам видел, какое большое значение придают гордости основные культуры мерсейцев. Попытка принудить мерсейцев к чему-то силой, не оставив никакой лазейки для спасения лица, может вынудить их вообще отказаться от нашей помощи. И виновны в этом будем мы, преступно виновны. Я просто не могу этого позволить, Дэвид.

— Так что же, значит, мы не можем ровно ничего сделать, чтобы...

Фолкейн резко смолк; он обрушил кулак на подлокотник пилотского кресла и вскочил на ноги. Адзель поднялся, готовый к любой неожиданности — воданит хорошо знал своего напарника.

Добрую половину экрана занимала Мерсейя, испещренная причудливым узором океанов, облаков и континентов, обведенная с одной стороны сапфировой полоской неба, украшенная диадемой из четырех маленьких лун. Чуть поодаль, в плюмаже зодиакального света сверкал Корих.

Согласно полетному заданию крейсер Объединенного флота Великих вахов «Йонуар» обегал планету по низкой полярной орбите с единственной целью — оказывать помощь попавшим в неприятности гражданским судам, но в действительности он присматривал за боевыми кораблями Лафдигу, Уолдера, Нерсанского Союза и прочих держав, не вызывавших у вилвидских правителей особого доверия. Не следовало забывать и об этих галактических пришельцах, буде таковые вернутся. Что они

задумали — одному Богу известно, так что вести себя следовало осторожно, а оружие держать наготове.

Капитан Тринтаф Укротитель Фангрифов смотрел на объемную карту звездного неба и пытался представить себе, что таится среди бесчисленных мириадов солнц. Тринтаф с детства знал, что есть существа, легко преодолевающие неизмеримость космических глубин, в то время как собственный его народ прикован к одной-единственной системе, и вопиющая эта несправедливость вызвала бессмысленную ярость. Теперь они снова прилетели... Зачем? Слухи ходят самые разные, чаще всего они связаны с этим вот зловещим уголком по названию Валендерей.

Помощь, сотрудничество... неужели вах Истир попадет в вассальную зависимость от этих смехотворных, один другого чище уродов?

Пискнул предупредительный сигнал, и тут же заговорил интерком:

— Центральный радарный пост — капитану. Обнаружен объект, идущий курсом на перехват. — Далее следовала серия чисел, причем абсолютно невероятных. Никак не метеорит, несмотря на отсутствие радиационного следа. Значит — они, галактические! Черная форменная куртка туго обтянула плечи Тринтафа — он наклонился вперед и торопливо заговорил в микрофон. Всем стоять по местам, он не собирался лезть на рожон, но благоразумная предусмотрительность никому еще не вредила. А если уж дойдет до дела — интересно будет посмотреть, как эти чужаки сумеют устоять против лазерного луча и ударов ракет с ядерными головками.

Изображение на экране росло, кургузая, обрезанная с конца капелька, анекдотически крохотная по сравнению с китовой тушей самого «Йонуара». Корабль пришельцев лег на параллельный курс и выровнял скорость так быстро, что у Тринтафа перехватило дыхание. Да какого черта их корпус не разлетелся в клочья, а команда не размазалась по переборкам? Что-нибудь вроде компенсирующего поля... Теперь чужаки зависли на расстоянии нескольких километров, и Тринтаф изо всех сил старался успокоиться. Сейчас они выйдут на связь, в такой момент нужно иметь крепкие нервы и ясную голову.

Запечатанный приказ, врученный ему перед вылетом, упоминал, что галактические покинули Мерсейю в полной ярости — они хотели, чтобы вся планета посвятила себя выполнению некоей задачи, и не добились этого. Столпы были склонны к умеренности; они делали все возможное — в разумных, само собой, пределах, — чтобы удовлетворить желание межзвезд-

ных гостей, но есть ведь и другие проблемы. Однако чужаки не могли, похоже, понять, что дела, касающиеся всей планеты, важнее их личных капризов. Совершенно естественно, что такой подход был встречен с негодованием — поступить иначе значило бы унижить имя вахов перед всеми народами.

Поэтому, глядя на экран внешней связи, Тринтаф не спускал пальца с кнопки «залп». Капитану стоило большого труда не выказать свое отвращение. Тонкие черты лица, клок шерсти на голове, бесхвостое тело, чуть покрытая пухом коричневая кожа — все это напоминало до непристойности грубую карикатуру на мерсейца. Уж лучше бы беседовать с этим, вторым, который маячит на заднем плане, уж он — честное чудовище, ни на что вообще не похожее.

Расстояние...

— Капитан, — сказал Фолкейн, весьма преуспевший уже в современном языке, — я крайне сожалею об этом и приношу свои извинения, но вы должны вернуться на базу.

Сердце Тринтафа гулко застучало, только привязные ремни помешали ему дернуться назад и плавно (невесомость!) перелететь все помещение командного мостика.

— А по какой причине? — спросил он, нервно сглотнув и прилагая все старания, чтобы голос звучал спокойно.

— Мы сообщали эту причину многим вашим руководителям, — объяснил Фолкейн, — однако, так как они не выразили своего согласия, я объясню ее и лично вам.

Кто-то, мы не знаем, кто именно, похитил нашу сотрудницу, члена нашей команды. И вы, капитан, естественно, понимаете, что вернуть ее — дело чести.

— Я понимаю, — кивнул Тринтаф, — и помочь вам — тоже дело чести, но только при чем здесь мой корабль?

— Если позволите, я продолжу. Я хочу показать вам, что мы не имеем никаких оскорбительных для вас намерений. У нас очень мало времени для подготовки к грядущей катастрофе и совершенно недостаточно персонала; жизненно важен вклад каждого из нас. Никак нельзя обойтись и без тех, в частности, специальных познаний, которыми обладает пропавшая наша сотрудница. Поэтому ее возвращение — дело не только чести, но и жизни каждого мерсейца.

Тринтаф хмыкнул, он прекрасно понимал, что этот надуманный довод — всего лишь попытка обеспечить его народу возможность мал-мала пристойной капитуляции перед требованиями чужаков.

— При условиях, когда ее могут перемещать в космосе, — продолжал Фолкейн, — всякая надежда на успешность розысков

пропадает. Поэтому вплоть до обнаружения нашей сотрудницы всякое межпланетное движение должно быть прекращено.

Тринтаф непроизвольно выругался.

— Это невозможно, — холодно добавил он, взяв себя в руки.

— Ну что вы, как раз наоборот, — улыбнулся Фолкейн. — У нас была надежда на добровольное сотрудничество, однако, если таковое несовместимо с вашим воинским долгом, мы можем добиться издания соответствующего приказа.

Ярость застала Тринтафу глаза, и он с удивлением услышал собственный свой голос, коротко ответивший:

— Я не получал таких приказов.

— Весьма печально, — вздохнул Фолкейн. — Я знаю, что ваши руководители обязательно их отдадут, но на это потребуется какое-то время, а дело не ждет. Вернитесь, пожалуйста, на базу.

Палец Тринтафа тронул кнопку.

— А если я откажусь?

— Капитан, мы ни в коем случае не хотели бы повредить ваш великолепный корабль...

Тринтаф нажал кнопку.

Канониры были наготове, долгое, напряженное ожидание разрядилось свerkанием лучей, грохотом рванувшихся ракет.

Ни один из снарядов не достиг цели, вражеский корабль метнулся в сторону, и все они прошли мимо, не причинив ему ни малейшего вреда. Мощный луч, который обязан был ударить чужака в корпус, словно наткнулся на невидимое препятствие и рассыпался дождем ослепительных брызг.

Кургузый кораблик описал лихую дугу, затем его нос выпустил на мгновение щупальце луча и — «Йонуар» наполнился громким воем сирены. Близкий к истерике вахтенный контролер за повреждениями заикаясь сообщил, что срезана одна из броневых плит, срезана гладко, словно кусок мягкого дерева — ножом. Повреждение не очень серьезное, однако если бы целью оказались двигатели...

— Весьма прискорбно, капитан, — сказал Фолкейн. — Согласитесь, однако, что при полной автоматизации оружия такого трудно избежать. Ради вашей команды, ради страны, возложившей на вас ответственность за этот корабль, я настоятельно прошу — передумайте.

— Прекратите огонь, — прохрипел, задыхаясь, Тринтаф.

— Так, значит, вы идете на посадку? — уточнил Фолкейн.

— Да, и чтобы вам сдохнуть. — Пересохший рот Тринтафа с трудом выговаривал слова.

— Прекрасно, капитан, вы поступаете очень мудро, как настоящий мужчина. И... вполне возможно, что у вас возникнет желание оповестить прочих командиров, дабы они предприняли шаги, исключающие повторение подобных инцидентов. А пока что — начинайте, пожалуйста, вход в атмосферу.

В космическую пустоту метнулись струи выхлопа. Гордость вахов, «Йонуар» пошел на спуск.

А тем временем на борту «Через пень-колоду» Фолкейн стер со лба обильный пот и ухмыльнулся Адзелю.

— А ведь я боялся, — сказал он прерывающимся голосом, — что этот идиот будет палить до конца.

— Мы сумели бы обезоружить их аккуратно, без всяких жертв, — пожал плечами Адзель. — И они наверняка имеют спасательный бот.

— Да, но ты подумай о материальных потерях и последующей вспышке злобы. — Фолкейн понемногу приходил в себя. — Ладно, поехали, их тут еще много.

— А способны ли мы, одно-единственное гражданское судно, установить блокаду целой планеты? — усомнился Адзель. — Что-то не припомню такого в истории.

— Такого и вправду не бывало, но только потому, что противник всегда имел гравитационный привод или еще что подобное. А эти мерсейские баржи — совсем другое дело, да и следить-то нам нужно за одной-единственной планетой, все замыкается именно на нее. — Фолкейн начал набивать трубку. — Слушай, Адзель, а не сочинишь ли ты текст для всеобщего обращения к народу? Тут ты справишься лучше меня, у тебя ведь гораздо больше такта.

— Ну и чего же им сказать? — без особого энтузиазма спросил воданит.

— А всю эту лапшу, которую я вешал на отсутствующие у бравого капитана уши, только оберни покрасивше и перевяжи розовой ленточкой.

— Думаешь, будет какой-нибудь толк?

— Весьма надеюсь. Мы же и просим всего-то, чтобы Чи доставили в какое-нибудь безопасное место, а затем уведомили об этом нас. Мы заранее откажемся от намерений кого бы то ни было наказывать и вызовем доверие к этому отказу, подчеркнув, что для успеха своей миссии нам совершенно необходимо показать, что умеем держать слово. Ну а если похитители не пойдут нам навстречу — во-первых, охотой на них займется все население планеты. А во-вторых — они сами будут страдать от этой блокады. Кем бы они ни были. Потому что абсолютно ясно — не будь все это межпланетное движение жизненно важным для экономики, его не было бы так много.

Адзель неуютно поерзал.

— Но никто не должен голодать.

— Никто и не будет. Кто же посылает космическими рейсами продовольствие, если не считать всяких деликатесов? Сколько вбивать в тупую твою голову, что это слишком дорого? Просто в результате нашей блокады все будут терять деньги. Со скоростью мегакредитов в день. А Очень Важные Мерсейцы застрянут в Луридоре и пережгут мазерные передатчики, отдавая своим подчиненным приказы разобраться как-нибудь с нетерпимой ситуацией. Заводы начнут закрываться, космопорты — порастать травкой, инвестиции покатаются вниз, все политические и экономические равновесия перекосятся... продолжать можешь сам.

Фолкейн раскурил трубку и выпустил голубоватое облачко дыма.

— Только я не думаю, чтобы зашло так далеко, — продолжил он. — Мерсейцы не хуже нас предвидят последствия. Я не про грядущую через три года катастрофу, а про сиюминутную утрату власти и денег. Поэтому они перенесут все свое негодование на похитителей и безотлагательно займутся их поисками. Похитители прекрасно это поймут, да к тому же и они, думаю, получают ощутимый удар по карману. Зуб даю, уже через несколько дней они предложат обменять Чи на полную свою амнистию.

— Каковое предложение мы, конечно, удовлетворим, — кивнул Адзель.

— Придется, хотя и не хотелось бы.

— Не будь, пожалуйста, таким циничным, Дэвид. Мне просто жалко смотреть, как ты портишь себе карму.

— Зато я получаю доходы, — ухмыльнулся Фолкейн. — Давай, Пень, покрути своими шестеренками и подыщи нам еще какой-нибудь корабль.

Зал для телевизионных совещаний замка Афон мог подключаться к сети, охватывавшей всю планету; сегодня это оборудование было приведено в действие.

Сидя в принесенном с собой кресле, Фолкейн глядел через стол, изрезанный кинжалами древних воителей, на ряды экранов, заполнявшие противоположную стену. В свою очередь с этих экранов на него смотрела сотня с лишком мерсейских лиц. В таком количестве они казались почти неразличимыми — за исключением одной черной физиономии, окаймленной рамкой из пустых экранов. Ни один из правителей не желал приближаться к Хагуану Элуацу, даже в виде изображения.

Сидевший рядом с вольным торговцем Моррукан, Столп вах Датира, поднялся и начал бесстрастно произносить обычные церемониальные формулы:

— Во имя Бога и связывающей нас крови, мы встретились. Да будет наша встреча доброй. Да хранят нас щит мудрости и щит чести... — Фолкейн слушал вполуха — он повторял в уме будущую свою речь. Даже при наилучшем исходе предстояли неприятности, сравнимые разве что со взрывом кобальтовой бомбы.

Прямой угрозы, конечно же, никакой — «Через пень-колоду» завис прямо над Ардайгом, телевидение разносит его изображение по всем уголкам Мерсейи, оно же обеспечивает связь с дежурящими у оружия Адзелем и Чи Лан, так что защита обеспечена.

Но то, что предстоит заявить, может вызвать волну гнева такую мощную, что пропадет последняя надежда на успешный исход миссии. Говорить надо с крайней осторожностью, а затем — молиться.

— ...и мы должны выслушать нашего гостя, — довольно резко закончил Моррукан.

Фолкейн встал, остро чувствуя, что сейчас он для всех — чудовище, намерения которого непостижимы, и даже не просто чудовище, а очень и очень опасное. Поэтому он надел сегодня самый простенький тускло-серый комбинезон, не имел при себе оружия и говорил, по возможности, мягко:

— Простите меня, благороднорожденные, — начал он, — что я не обращаюсь к вам соответствующим образом, называя титулы, слишком уж многочисленны и ранги ваши, и нации, которые вы представляете. Но вы — те, кому предстоит принять решение от имени всей расы. Хотелось бы надеяться, что разговор наш будет прямым и откровенным. На этом секретном и неофициальном совещании мы должны обсудить, какой образ действий наилучшим образом послужит во благо Мерсейи.

Позвольте мне в самом начале выразить глубокую и сердечную благодарность за ваши самоотверженные и увенчавшиеся полным успехом усилия по освобождению члена нашей команды. Хотелось бы также поблагодарить вас за то, что вы пошли навстречу моему пожеланию, чтобы в нашем высоком совещании принял участие и, э-э, вождь Хагуан Элуац — несмотря на отсутствие у него законного на то основания. Причины моей просьбы вскоре станут очевидны. Позвольте мне, наконец, еще раз выразить свое искреннее сожаление вынужденной необходимостью приостановить ваши космические перевозки, сколь кратким ни была бы эта приостановка, и поблагодарить вас за

содействие, оказанное при осуществлении этой чрезвычайной меры. Надеюсь, что все понесенные вами убытки будут возмещены с лихвой — несколько позднее, когда сюда придут для спасения вашей цивилизации другие представители моего народа.

А теперь самое время оставить разговоры о прошлом и заглянуть в будущее. На нас ложится организация этого грандиозного предприятия. И сразу появляется вопрос — каким образом лучше его организовать? Галактические инженеры не хотели бы ни в малейшей степени узурпировать принадлежащую мерсейцам власть. Да они, собственно, и не могли бы этого сделать — слишком их будет мало, слишком много будет у них работы и слишком инородны они для вашей планеты. Чтобы выполнить необходимую работу за столь краткое время, им нужны советы и указания властей. Они не смогут обойтись без широкого использования местных заводов и учреждений — а такое использование, естественно, должно быть авторизовано руководством этих заводов и учреждений. И мне нет смысла особо об этом распространяться — опытные руководители вроде вас, благороднорожденные, легко поймут суть проблемы. — Он откашлялся. — Но встает очевидный и очень важный вопрос — с кем наши инженеры будут сотрудничать особенно близко? Они не хотят никакой дискриминации, консультироваться будут с каждым из вас, в пределах его освященных временем полномочий. И помощь будет оказана — насколько это возможно — каждому. Но в то же самое время ясно, что комитет в составе всех здесь собравшихся получится чрезмерно громоздким и неоднородным. Для установления общей политики нашим сотрудникам необходим небольшой, достаточно единый мерсейский совет, с членами которого они смогли бы по-настоящему близко познакомиться, а затем установить быстрые и эффективные процедуры принятия решений.

Кроме того, все ресурсы этой планеты должны использоваться координированным образом. Например, некая Первая Страна не должна иметь права сидеть на запасах минералов, необходимых Второй Стране. Должна быть обеспечена полная свобода перевозок из любой точки в любую, и к этим перевозкам должны быть привлечены все доступные транспортные средства. Мы можем предоставить вашим кораблям экраны, однако не можем предоставить — в необходимом количестве — сами эти корабли. Не должна, естественно, полностью замереть и обычная деятельность — ведь народу нужно, например, есть. Итак, каким образом обеспечить справедливое распределение ресурсов и установить справедливую систему приоритетов?

Думаю, все эти соображения делают совершенно ясной для вас, благороднорожденные, абсолютную необходимость некоей международной организации, организации, которая сможет *беспристрастно* поставлять информацию, давать рекомендации, осуществлять координацию. А еще лучше — если у нее будут свои производственные мощности и работники.

Если бы существовала подобная, освященная законами организация! Но такой организации нет, и вряд ли есть время для ее основания. Простите меня за прямоту, но Мерсейя слишком обременена застарелыми неприязнями, ненавистью и завистью, чтобы за один день превратиться в гармоничное братство. Кстати, упомянутая мной международная группа будет нуждаться в тщательнейшем, повседневном контроле, чтобы с ее стороны не последовало попыток возвеличиться самой либо унижить других. Мы, галактические, можем обеспечить подобный контроль за одной организацией — но не за сотней. — Фолкейну очень хотелось курить, пот щипал ему кожу. — Так вот, я не имею никаких чрезвычайных полномочий, перед моей командой стоит одна-единственная задача — предоставить рекомендации. Однако проблема настолько неотложна, что скорее всего будет принята любая предложенная нами схема — лишь бы поскорее приступить к работе. А мы обнаружили здесь одну группу, превосходящую по сфере своей деятельности все остальные. Она не обращает никакого внимания на барьеры, разделяющие ваши народы. Группа эта многочисленна, богата, влиятельна, дисциплинирована и высокоэффективна. Не сказал бы, правда, что именно таким инструментом хотела бы воспользоваться моя цивилизация для спасения Мерсейи. Честно говоря, мы предпочли бы, чтобы она вообще исчезла, а не укреплялась еще больше, однако, как говорится в нашей пословице, на безрыбье и рак — рыба.

Он чувствовал, как нарастает напряжение, как неминуемо приближается гроза, слышал первые гневные восклицания и торопливо, не дожидаясь взрыва, закончил:

— Я имею в виду Гетфенну.

Дальнейшее не описать словами.

Но ведь он всего лишь предупреждал их о содержании своего доклада. Он мог заметить, что имеет и собственные счета, которые откладывает в сторону из соображений всеобщего блага. Он мог даже, к вящему своему удовольствию, подкинуть несколько весьма изобретательных замечаний, касавшихся происхождения и предполагаемых привычек Хагуана — который только улыбался и чувствовал себя, по всей видимости, вполне уверенно. В конечном итоге несколькими часами спустя было решено

тщательно изучить выдвинутое предложение. Фолкейн знал, чем кончится это изучение — у Мерсейи не было иного выхода.

Экраны потухли.

Мокрый, как мышь, вымотанный и трясущийся, он смотрел в лицо Моррукана Длинного Меча. Столп навис над звездным прищельцем, его пальцы судорожно тянулись к рукоятке пистолета.

— Надеюсь, вы понимаете, что затеяли, — сказал Моррукан, словно выплевывая каждое слово по отдельности. — Вы ведь не просто сохраняете эту банду навечно, вы придаете ей легитимность. Теперь они смогут претендовать на положение признанного элемента нашего общества.

— Но ведь это даже лучше, тогда они начнут придерживаться законов этого общества. — Горло Фолкейна болело, его голос звучал слабо и хрипло.

— Только не они! — Секунду Моррукан помолчал в задумчивости. — Но расплата неминуема. Если не найдется других желающих — вахи возьмут ее полностью на себя. А потом... Вы научите нас строительству межзвездных кораблей?

— Нет, если это хоть немного будет зависеть от меня.

— Вот и еще один счет. Хотя это, собственно, и не очень важно. Мы неизбежно узнаем очень много прочих вещей, а уж на их основе... что ж, галактик, этим делом займутся наши внуки.

— Неужели проявить самую элементарную благодарность ниже вашего достоинства?

— Нет. Среди моей расы тоже найдется вполне достаточно мягкотелых мечтателей, которые устроят самую настоящую оргию слез и восторгов. Но ведь ты вернешься домой, а я останусь на этой планете.

У Фолкейна не было сил спорить. Он сухо попрощался и попросил Адзеля забрать его отсюда.

Позднее, уже несясь сквозь межзвездную ночь, он устало слушал возбужденное верещание Чи:

— Ну, я еще посчитаюсь с этими вонючками. Слезам заплачут, что пальцем прикоснулись ко мне.

— Ты что, намерена сюда вернуться? — удивился Фолкейн.

— Кой черт, конечно нет! Но вот мерсейским техникам потребуются какие-то развлечения, и, как мне кажется, эти развлечения предоставит им Гетфенну, и в их числе будут азартные игры. Так вот, если я посоветую нашим ребятам захватить с собой некие миниатюрные приборчики, способные, в частности, управлять рулеточным колесом...

— Ну почему, — вздохнул Адзель, — в этом грозном и велико-
лепном космосе живые существа обязательно ведут себя извра-
щенно?

Губы Фолкейна слегка изогнулись в усмешке:

— Иначе было бы слишком скучно.

Когда волновой фронт сверхновой достиг Мерсейи, люди и туземцы все еще были заняты работой.

И вдруг ночь разлетелась в клочья — на юге вспыхнула звезда, лишь втрое уступавшая блеском самому Корику, слишком яростная для незащищенных глаз. Землю затопило мерт-
венное, голубое сияние; деревья, дома, мельчайшие подробности рельефа вырисовывались четко, словно высвеченные застывшей в небе молнией. Леса наполнились плеском крыльев и тревожны-
ми криками зверей, в деревнях судорожно запульсировали бара-
баны — боявшиеся прежде темноты крестьяне тщетно зывали о ней, вознося к небу молитвы. Затем настал день, огненный и безжалостный.

Прошли месяцы, и звезда поблекла, постепенно преврати-
лась в яркую, острую точку, едва заметную при дневном свете. Однако ночью, окруженная белым, темневшим на краю до сине-
вато-фиолетового, сиянием и кружевной туманностью, перели-
вавшейся сотнями призрачных, неземных оттенков — разбро-
санный взрывом газ светился под ударами жесткого излуче-
ния, — она была прекрасна. В небе Мерсейи повисли огромные
дрожащие полотнища полярного сияния, их шелест был слышен
непрерывно, днем и ночью. В воздухе стоял грозовой запах.

А затем пошел радиоактивный дождь, и в этом уже не было
ничего прекрасного.

КЛЮЧЕВОЕ УСЛОВИЕ

*Гордый «Арго» рассекает волны,
Неся завоеванный приз.
Другой Орфей в песнях своих
И любит, и плачет, и умирает.
Новый Улисс покинуть вновь готов
Калипсо ради родных берегов.*

Шелли

Жил-был король, надругавшийся над чужеземными торговцами... Теперь уже неважно, что он сделал с ними: это было давно и на другой планете, и той бедной девушки уже много лет нет в живых. Мы с Гарри Стенвиком подвесили короля вверх ногами на самом высоком минарете на глазах всех горожан, и с той поры Торгово-техническая Лига была прославлена на той земле. Затем мы славно пошуровали на складе «Солнечной компании пряностей и напитков», и там же поклялись в вечном братстве.

Встречаются нахалы, заявляющие, что у Николаса ван Рийна вместо сердца встроен компьютер с криогенным охлаждением. Может, это и так. Но он никогда не забывает хороших работников, даже если они некогда очень профессионально очистили ему карман. Может быть, поэтому, вместо того чтобы пристрелить нас с Гарри на месте, он однажды пригласил нас на обед.

Флиттер высадил меня на вершине холма под названием Летящий Крест, где находится «маленький, скромный домик» торгового принца — так его называл сам старик. Облака смога закрыли город, простиравшийся до самого горизонта. Чикаго, несмотря на ранний час, уже зажег свои бесчисленные огни. Я находился очень высоко, потому до меня доносился лишь от-

даленный шум машин. Вдоволь «налюбовавшись» серо-бурым облаком и «насладившись» запахом дыма и гари, я зажал нос и прошел по аллее мимо роз и кустов жасмина. У дверей меня встретил страж-робот. Удостоверив мою личность, он впустил меня в прихожую. Здесь я обнаружил Гарри. Мы сердечно обнялись, а затем некоторое время разглядывали друг друга.

— Не очень-то ты изменился, — ухмыльнулся Гарри. — Все такой же хилый и перекошенный, словно от приступа подагры. Никак метановая атмосфера довела до ручки?

— В той дыре, где я был в последний раз, дышат аммиаком, — поправил я его. — Я там замечательно провел время: длительные переходы без ночевки, случайные пули и дурацкая торговля по мелочам... Кстати, ты также выглядишь отвратительно: лоснящимся и самодовольным котом. Жизнь на этой тепличной Земле не пошла тебе на пользу. Как дела у Сигрид?

Подобно большинству мужчин, Гарри в конце концов надоел скитания по Галактике, и он решил обзавестись семьей. Он построил роскошный дом среди скал невдалеке от Хардингер-фиорда и вырастил там целую кучу сыновей и мастиффов.

— Хорошо. Жена шлет тебе поцелуй, а к нему в придачу коробку домашнего печенья. Ей очень жаль тебя, никчемного и неухоженного холостяка. В следующий раз, когда окажешься на Земле, возьми, дружище, отпуск и навести наше гнездышко!

— Пожалуй, я так и сделаю. Как твои парни?

Гарри помрачнел.

— Э-э... неплохо, — сказал он. — У Пера были неприятности, но сейчас уже все позади. Он тоже сегодня здесь.

— Замечательно! Когда я последний раз видел старика, то расспрашивал его о твоём старшем сыне. Кажется, он тогда был юнгой на борту одного из кораблей ван Рийна и болтался где-то в районе созвездия Геркулеса. Я слышал, что он уже получил звание мастера?

— Да, совсем недавно. Плюс искусственное бедро и множество малоприятных воспоминаний. Пойдем, они нас ждут.

Мы пошли по длинному коридору, украшенному редкими сувенирами с далеких планет. «Гм-м, не похоже, что старик собрал нас только для того, чтобы послушать пару новых анекдотов, — подумал я. — Скорее обострилась его старая, неизлечимая болезнь — алчность. Даже добрые дела в конечном счете приносят ему немалую прибыль, о незаконных махинациях и говорить нечего».

Пройдя анфиладу богато обставленных комнат, мы оказались наконец в гостиной. Здесь, у экрана, занимавшего целую стену, сидели трое мужчин. Сейчас экран был прозрачен и

сквозь него была видна уже знакомая мне панорама: огромный город, окутанный облаком смога, темнеющее небо и первые дрожащие звезды.

Лишь один из мужчин поднялся при нашем появлении. Это был смуглолицый, худощавый человек, похожий на мексиканца. На его поясе висел бластер, судя по внешнему виду, немало послуживший своему владельцу.

Ван Рийн тяжело заворочался в своем мягком кресле, приветственно поднял пивную кружку и пророкотал:

— Добро пожаловать, капитан! Не хотите ли выпить немного перед обедом? Лично меня Габриэль настолько утомил своим косноязычным английским, что я заслужил небольшую выпивку.

Я поклонился знаменитому торговому принцу, а затем протянул руку Перу Стенвику.

— Прошу прощения, что не встаю, — сказал он. Сын Гарри был на редкость бледным и изможденным. — Меня слегка... э-э... покалечили.

— Слышал, — сочувственно заметил я. — Не волнуйся, все наладится. Ты бы не поверил, если бы узнал, сколько в моем бедном теле искусственных органов, а я еще продолжаю летать. Как идет выздоровление?

— Спасибо, дело постепенно идет на лад. Благодаря Мануэлю. Да, познакомьтесь: Мануэль Филипп Гомес. Мой помощник.

Мы вежливо поздоровались. Оказалось, что Мануэль — выходец из колонии на Арктуре. Он показался мне несколько высокомерным, что было типично для жителей периферии Галактики. Пожав мне руку, он тотчас повернулся ко мне спиной, чтобы удостовериться, не сползла ли повязка с ноги Пера. Он сел после нас с Гарри и только затем взял свой стакан кларета. По распоряжению вана Рийна слуга — живой слуга, а не робот — на такую роскошь хозяин дома денег не жалел — принес аквавит для Гарри и мартини для меня. Пер с рассеянным видом вертел стакан с вермутом.

— Долго ты пробудешь дома? — спросил я молодого человека.

— Пока не выздоровеет окончательно, — ответил за него отец.

— Вот именно! — буркнул ван Рийн. — Ровно столько, и ни днем больше. Парень молод и силен, нечего ему бездельничать на Земле.

Мануэль спросил вежливо, но с металлом в голосе:

— Прошу прощения, сеньор. Я не хотел бы противоречить начальникам... но долг обязывает меня знать, в каком состоя-

нии находится мой капитан. Надеюсь, сеньор, что накануне Рождества вы не откажете ему в небольшом отпуске?

Ван Рийн поморщился и всплеснул руками.

— Все почему-то считают меня чуть ли не людоедом! — простонал он. — А я всего лишь бедный, одинокий старик, пытающийся удержаться на поверхности в бурном море бизнеса. Я разыскал перспективного парня, следил и заботился о нем еще с тех времен, когда он ходил в коротких штанишках. Дал ему прекрасное образование, подобрал замечательную работу — в надежде, что он поможет мне на старости лет. Вместо этого мой лучший капитан, попав в небольшую переделку, собирается спрятаться в родительском доме и до конца дней зализывать там свои пустяковые раны! Вот радость-то для моих волков-конкурентов, то-то они потешатся, терзая на клочки мои самые заветные планы!

— Ну, в этом случае их вряд ли спасет сам Господь Бог, — усмехнулся Пер. — Не беспокойтесь, сэр. Я буду готов, как только потребуется.

— Эй, полегче, сынок! Я не требую от тебя никаких жертв. Я слишком добр, стар и толст для этого. Мне очень жаль, что у нас случились неприятности, но все это пустяки по большому счету. Вот когда вы, господа, состаритесь и превратитесь в бедных старых вонючек вроде меня, когда вам станут недоступны многие удовольствия — вот это будет катастрофа! Абдал, принеси еще выпивки. Ты дождешься, что мы высохнем от жажды в двух шагах от моих винных погребов.

— Неужели ты вновь хочешь увидеть Каин? — озадаченно спросил Гарри.

— Конечно, отец! — ответил Пер. — Ведь это целый мир — первый новый мир в моей жизни!

Гарри насупился. Спустя несколько минут я нарушил затянувшееся молчание:

— В каких районах ты побывал на этой планете, Пер?

— Увы, почти нигде, — огорченно ответил он. — Каин совершенно не исследован. Мы успели нанести на карту лишь несколько областей вблизи места посадки.

— Как? И вы не делали съемок с орбиты?

— Нет. Мы спешили заняться вот этим.

Пер кивнул Мануэлю, и тот достал из кармана маленькую коробочку. В ней лежало несколько зеленоватых листьев. Я попробовал один. Удивительный вкус оказался у этого растения, и, кроме того, оно пробудило во мне целую бурю воспоминаний, яркие картины ушедшего... Я был потрясен. Очевидно, растение воздействовало на потаенные участки коры головного мозга.

Ван Рийн с довольной улыбкой разглядывал меня, наслаждаясь моим изумлением.

— Действует словно наркотик, не правда ли? — спросил он. — Но он безвреден, совершенно безвреден! Мои химики сбились с ног, но так и не сумели установить его состав и тем более искусственно синтезировать. По-моему, они давно уже забросили это безнадежное дело и дни напролет сами жуют эти замечательные листочки. А какие на Каине меха! Модницы со всей Галактики готовы выкладывать за них бешеные деньги. Мой старый приятель Лу Песку из компании «Петри» готов закупать товар оптом. Этот параноик повсюду разослал своих шпионов и за месяц истратил пятнадцать тысяч монет только на то, чтобы узнать, в каком созвездии находится эта планета. И ты еще спрашиваешь, хотим ли мы вновь увидеть Каин!

— Откуда вы знаете, сколько потратил Лу Песку? — с сомнением спросил Гарри, но ван Рийн промолчал и с довольной улыбкой стал набивать табаком трубку.

Пер с беспокойством сказал:

— Не подумайте, хозяин, я никому не называл ее координаты! — Повернувшись ко мне, он пояснил: — Каин находится в созвездии Пергаса. Ее солнце — карликовая звезда типа G-9 со светимостью в половину земного солнца. Система состоит из восьми планет, но только одна, Каин, близка по типу к земному. Открыл ее капитан Брандер. У него было мало времени для детального ее исследования, но он изучил язык туземцев, привел некоторые планетографические измерения, а главное, привез сведения о необычных свойствах местных мехов и трав. Спустя год меня направили для организации первой торговой фактории, но...

— Возникли неприятности с туземцами? — сочувственно спросил я.

— Неприятности — не то слово, — буркнул ван Рийн и добавил несколько весьма крепких выражений. Затем он буквально нырнул в пивную кружку и вскоре вынырнул, отфыркиваясь, как морж. — Бр-р-р... славное пиво! А дела — дрянь. Святой Дисмас, почему ты не защитил своего самого верного и щедрого слугу от этого разорительного удара судьбы!

— Нам казалось, что мы делаем все правильно... — прошептал огорченный Пер.

— Ах, вам так казалось? — свирепо взглянул на него ван Рийн. — Нет, парень, нам надо делать лишь то, в чем мы уверены на все сто процентов, иначе мы будем каждую неделю терять дорогостоящие корабли!

— А также многих настоящих людей... — прошептал Мануэль, опустив голову.

— Я читал доклад Брандера, — продолжал ван Рийн, — а также изучил ваш отчет. Кажется, я догадываюсь, в чем дело. Господа, я побывал на стольких мирах и набил столько шишек на лбу, что нюхом чувствую, где зарыта собака — даже если до нее добрых сто световых лет. Однако в официальных данных слишком мало нюансов, мелких деталей, которые порой оказываются самыми важными. Поэтому я хочу обо всем услышать своими ушами. Мне надо хотя бы мысленно побывать на этой планете, пережить с вами все события и схватки — все, что ныне, увы, недоступно старому и грузному Николасу.

Я с удивлением воззрился на торгового принца. И это говорил человек, только за последние несколько лет освоивший Берту, Диоман и Т'Келу!

— Что ж, попробую... — Пер покраснел, поглаживая вздрагивающими пальцами свой так и не тронутый стакан с вермутом. — Я могу рассказать сравнительно немного. Вы видели все на видеоэкране, так что я... По-моему, причина катастрофы в чем-то другом, это был лишь пустяковый эпизод...

— Ничего себе пустяк, — сухо заметил ван Рийн.

Пер кивнул:

— Прошу прощения, вы правы. Погибло несколько человек.

Чтобы разрядить сгушавшуюся атмосферу, я поинтересовался:

— Сынок, а что это за планета? «Земные условия» — это что, шутка? Чиновники с Земли, ни разу не побывавшие даже на Луне, так называют все миры, где можно хотя бы час дышать без скафандра.

— Или хотя бы полчаса выдержать местную гравитацию, — хохотнул ван Рийн.

— Нет, Каин на самом деле не так уж плох, по крайней мере в средних широтах, — возразил Пер. — По размеру он близок к Земле и расположен от солнца на расстоянии чуть больше астрономической единицы. Атмосфера плотнее на пятнадцать процентов, что создает сильный парниковый эффект. Период обращения — двенадцать часов, угол наклона оси — тридцать два градуса, что делает сложной картину смены времен года. Спутников у Каина нет. Мы высадились на сорок пятом градусе северной широты, на холмистой местности. Стояло лето, и, хотя соседний пруд по ночам замерзал, а на склонах лежал снег, было вполне терпимо.

— Это Брандер назвал ее Каином? — спросил я.

— Да. Мне кажется, ей это название чертовски подходит.

Пер помрачнел и залпом выпил свой стакан вермута. Мануэль молча встал и вновь наполнил его.

— Не переживай так, сынок, — посоветовал ван Рийн. — Неприятностей не избежать ни на одной из планет. Надо уметь выдерживать любой удар. Ты со временем научишься этому, если, конечно, выживешь.

— Но начало было таким обнадеживающим! — воскликнул Пер. — Мы легко выучили язык туземцев, вошли с ними в контакт, но... — Он повернулся ко мне. — Экипаж «Королевы Марии» состоял из двенадцати человек. Это замечательный, скоростной корабль, но маловместительный. Впрочем, большего и не требовалось — ведь мы намеревались основать лишь один торговый пост. В трюмах был обычный набор и тому подобное. Но украшений было немного, так как ксенологи Брандера не разобрались толком во вкусах туземцев. По их словам, каждый воин одевался и наряжался так, как хотел. Конечно, это касается только земли Улаш — единственной более или менее изученной нами территории.

— Культура, конечно, земледельческого типа? — спросил я.

— Да, и притом весьма примитивная, — кивнул Пер. — Для посадок используются лишь небольшие участки земли, очищенные от леса и вспаханные плугами. В Улаше есть и металлургия: выплавляются медь, золото, серебро, но все это делается на неолитическом уровне. Этим занимаются рабы, вернее, раса рабов — лугалы. Другая, более развитая раса, миллиане, добывают пищу исключительно охотой. Взгляните, капитан.

Пер протянул мне фотографию. На ней был виден склон холма, заросший бледно-зеленой травой и усеянный валунами. Справа виднелась долина с густым лесом. В центре стоял туземец и напряженно смотрел в объектив.

— Это Шивару, — пояснил Пер, — один из наших друзей-миллиан.

Шивару телосложением напоминал человека. У него была широкая грудь, голова с черным гребнем, зеленые глаза с узкими зрачками, круглые уши, кошачий нос и толстогубый рот с крупными клыками. Рыжевато-коричневая шерсть покрывала тело от макушки до кончика длинного хвоста. На нем был меховой плащ из шкуры, напоминающей львиную. В левой руке туземец сжимал боевой топор с обсидиановым лезвием, за поясом висел стальной нож, полученный, несомненно, от землян.

— Каиниты — млекопитающие, хотя анатомически заметно отличаются от землян, — продолжал Пер. — Температура тела поддерживается сложной системой эндо- и экзотермических реакций, происходящих в крови.

— У них наверняка нет системы потоотделения, подобно нашей, — заметил ван Рийн, попыхивая трубкой. — По опыту знаю, что такие вещи редко встречаются на планетах земного типа. Если приглядеться как следует, то любому, казалось бы, совершенно уникальному явлению можно найти аналог — пусть даже на другом конце Галактики.

— Порой встречаются и совершенно необычные вещи, — возразил я. — Пер, скажи, врачи из экспедиции Брандера анатомировали тела миллиан?

— Нет. Зато миллиане прислали в лагерь столько тел мертвых лугалов! Бр-р-р, надеюсь, рабов не умерщвляли специально для этой цели.

Приглядевшись к фотографии, я увидел еще одного каинита, стоявшего позади Шивару. Это было приземистое, коротконогое существо с бурой шерстью. Лоб был низким, подбородок и нос — почти незаметными. Никакой одежды на каините не было. Он нес за спиной тяжелый тюк, на плече висел колчан со стрелами, в руках — лук и копье. Шерсть каинита была местами сильно вытерта, словно ему часто приходилось таскать тяжести.

— Это лугал?

— Да. Эти два вида вместе развивались в процессе эволюции, и со временем миллиане подчинили себе лугалов и сделали из них рабов. По крайней мере, так обстоит дело в Улаше.

Гарри взял у меня фотографию и стал разглядывать ее.

— Похоже, этому бедному лугалу пришлось немало потрудиться в своей жизни, — заметил я. — Наверное, миллиане безжалостно эксплуатируют их? Но на их месте я не стал бы доверять рабам оружие.

— Нет, отец, лугалам вполне можно доверять, — возразил Пер. — Как, скажем, хорошо выдрессированным собакам. На их плечах лежит вся самая тяжелая и грязная работа. Миллиане — это белая кость, они могут быть охотниками, колдунами, художниками — но их не заставишь рубить лес или пахать. Зато вся культура создана миллианами... — Пер замолчал и, нахмурившись, отпил из стакана. — Хотя я не вполне уверен, подходит ли слово «культура» в данном случае.

— Как так? — удивленно поднял брови ван Рийн.

— Ну... у миллиан нет ничего похожего на нации, племена и прочие подобные виды общественной организации. Семьи существуют, но они распадаются, когда самец стареет. Молодые самцы отделяются и уводят самок. Лугалы словно собаки следуют за своими хозяевами и никогда их не покидают. Семьи редко контактируют друг с другом — обычно это бывает лишь во время охоты на крупных зверей или при случайной встрече,

когда мужчины вступают в схватки. Если дело обходится без ссор, то тогда миллиане могут заниматься и меновой торговлей.

Глаза ван Рийна при слове «торговля» загорелись, но он сдержался и промолчал.

— Не может этого быть! — возразил я. — Разумные расы не могут развиваться при столь малом общении между индивидами. Необходим постоянный обмен знаниями, опытом, традициями. Мозг разумного существа не может развиваться чисто биологическим путем!

— Меня это тоже смущало, — согласился Пер. — Я много разговаривал с Шивару и другими миллианами, посещавшими время от времени наш лагерь. Мы старались понять друг друга. Каиниты оказались не менее любопытными, чем мы, и тоже старались извлечь выгоду из торговли. Порой удавалось побеседовать и с лугалами. Несмотря на свой придурковатый вид, они оказались далеко не глупы. Конечно, они менее сообразительны, чем их хозяева, но все же разница в интеллектуальном уровне между двумя расами невелика. Ну и планетка нам досталась! Целых три миллиарда лет своеобразной эволюции — поневоле голова закружится.

Как я уже говорил, у каждого миллианина, даже ребенка, есть несколько рабов. Биологи считают, что раса лугалов создана миллианами сознательно, в процессе управляемых генетических мутаций! Так это или не так, но эти примитивы весьма напоминают домашних собак. Их то посылают с различными поручениями, то велят ухаживать за детьми, а когда работы нет, разрешают побегать невядалеке от стоянки. Порой их бьют за различные провинности, но было бы преувеличением сказать, что к ним относятся жестоко. Просто Каин — суровая планета, и жизнь самих миллиан отнюдь не легка. Кстати, разумный лугал ценится очень высоко. Его называют старшим среди других рабов, он учит детей хозяев ремеслу, а порой с ним даже советуются в запутанной ситуации. Иногда таким лугалам разрешают ночевать и питаться в жилищах миллиан.

Размышляя об этом, я пришел к выводу, что общественная жизнь у миллиан все же существует. Они образуют не просто семьи, а совместные с лугалами общины. Контактуют такие группы в основном через рабов, но это тоже немало. Похоже, что миллиане — созидатели и новаторы, а лугалы — хранители традиций, связующие звенья в цивилизации Каина. И такие отношения между двумя разумными расами закрепила сама биологическая эволюция.

Гарри нахмурился.

— Ты говоришь об этих тварях так спокойно и дружелюбно, словно никакой трагедии и не произошло, — резко сказал он.

— Но вначале туземцы относились к нам хорошо и помогали строить торговую факторию! — возразил Пер. — Приходя в лагерь, они всегда приносили подарки и никогда не требовали платы. Несколько раз они даже предлагали услуги своих лугалов в качестве рабочей силы для расчистки леса, обтесывания каменных блоков и прочее. В этом не было никакой необходимости при нашей мощной технике, но ведь миллиане этого не понимали! А когда поняли, это повергло их в шок. Они до сих пор считали себя самыми могущественными существами, и для них было нелегко признать, что чужеземцы, по крайней мере, равны им по силе и разуму.

Шивару относился к числу тех, кто особенно заинтересовался нами. Он был уже немолод, и большинство его детей выросли и выделились из семьи. Среди миллиан Шивару считался богатым и мудрым. Он постоянно экспериментировал и в последнее время увлекся скотоводством. Советы старика ценились в Улаше на вес золота. Однажды я взял его в полет на флиттере, и Шивару радовался, словно ребенок. На следующий день он привел с собой трех жен, чтобы они также порадовались ощущению полета.

Иногда Шивару брал нас на охоту. Видали бы вы, как этот миллианин гнался за каким-нибудь огромным рогатым животным, вскакивал ему на спину и валил одним ударом топора! Затем лугалы свежевали добычу и тащили ее в лагерь. Поверьте, мясо было чертовски вкусным!

Очень много времени мы проводили в беседах. Мы старались пополнить словарь взаимного общения, понять друг друга и порой так увлекались, что забывали о еде. Хорошо еще, что об этом не забывали Мануэль и главный лугал в семействе Шивару по имени Черкез. Вы не поверите, но иногда я ловил себя на том, что любуюсь миллианином. Все они хорошо сложены, грациозны, как кошки, но в состоянии бешенства становятся смертельно опасны. Впрочем, об этом мы узнали позднее...

У нас было любимое место для встреч недалеко от лагеря, на склоне холма. Во снах я часто вижу это место... Высоко над нами в поисках добычи кружит хищная птица, а затем камнем падает в долину, к вершинам деревьев. Их листва поражает богатством цветовых оттенков, кажется, что здесь царит вечная осень. Шивару сидит на корточках, обвив хвостом колени. У его ног лежит топор. Черкез и еще двое слуг расположились на земле неподалеку — слуги обычно не удаляются от своих хозяев. Иногда к

нам присоединялся Мануэль, но чаще он был занят на строительстве... Помните, мой друг?

— Да, капитан, — сказал Мануэль. — Это были замечательные часы, и я никогда их не забуду.

— В тот раз, — продолжал Пер, мечтательно улыбаясь, — звонкий голос Шивару звучал с особым энтузиазмом. Нет, мы не обсуждали вопросы о торговом договоре — у миллиан просто нет руководства, с которым такой договор можно заключить. Но старик понимал, что обмен товарами между нами полезен прежде всего для них, каинитов. Торговая фактория делала такой обмен надежным и долговременным. Шивару очень нравилось, что в районе фактории семьи станут часто встречаться, общаться и это может со временем послужить объединению разобщенной тысячелетиями расы. Конечно, старик руководствовался при этом не абстрактными идеями, а чисто практически целями. Например, он считал, что только большая группа миллиан, трудясь вместе, сумеет полностью воспользоваться плодами нереста рыб на реке Мокуньян. Он мечтал о том, чтобы построить большие лодки и отправиться на поиски новых, никем не занятых охотничьих угодий. Ну и тому подобное.

Затем Шивару начал с любопытством расспрашивать меня о племени людей. Из каких земель мы прибыли? Какая там водится дичь? Как мы обзаводимся семьями и воспитываем детей?

В свою очередь я также забрасывал его вопросами. Меня не очень-то удивило, что культура Улаша не имеет религии. Шивару едва уразумел, о чем я его спрашиваю. Колдовство миллианам известно, но они рассматривают его в качестве некоей разновидности ремесла. Для них совершенно очевидно, что они — высшие существа на планете. Кажется, им известна даже идея переселения душ, хотя я не уверен в этом. Но все эти отвлеченные вопросы миллиан мало интересуют, как, впрочем, и проблема их собственного происхождения. Мир они рассматривают как данность, и вопрос стоит лишь в том, кто в нем господствует, а кто подчиняется. Шивару спросил, почему я интересуюсь такими очевидными вещами, но меня это не насторожило. Вероятно, в этом была моя первая ошибка.

— Нет, капитан, — мягко сказал Мануэль. — Откуда вы могли знать, что у них нет души?

— Нет ли? — в сомнении пробормотал Пер.

— Оставим это теологам, — сказал ван Рийн. — Мы им платим за то, что они решают подобные вопросы на различных обитаемых планетах. Продолжай, мой мальчик.

Пер с видимым трудом заставил себя продолжать рассказ.

— Я попытался объяснить Шивару идею Бога, и это крайне удивило и обеспокоило моего друга. Вскоре он поднялся и ушел. Упоминал ли я о том, что туземцы используют барабаны как средство связи на больших расстояниях? Так вот, всю ночь я слышал грохот барабанов, несшийся из долины, а со стороны западных холмов доносились ответные сигналы.

В течение последующей недели нас никто не навещал, но Мануэль, бродивший по окрестностям, видел множество следов. Вместе с ним прибыло и несколько других туземцев — Ферегхир, Тилитур, — не менее влиятельных и уважаемых среди миллиан. Их приближение заметили роботы, рубившие неподалеку от лагеря лес. Воздух был полон грохота и пыли, сильный ветер пронизывал до костей. Я едва различал в висевшем среди холмов пыльном облаке наш корабль и несколько палаток. Мне казалось, что туземцы направляются туда, но Шивару указал в сторону нашего любимого места у скалы.

— Идем, — сказал он, — здесь не место для миллиан.

Я посмотрел ему в глаза. Они были непроницаемы, словно нас разделила стеклянная стена. По правде говоря, у меня мороз пробежал по коже. Я был совершенно безоружен в этот момент, и у меня не хватило духа отправиться за оружием в свою палатку. Правда, у Мануэля был бластер — вы знаете, что новомексиканцы даже спать с ним ложатся. На языке улаш я приказал Тому Буллису следить за строительными работами вместо меня, а сам пошел в сопровождении Мануэля в сторону холма. Наконец мы остановились возле скалы, вдали от шума и пыли стройки.

— Приветствую вас и прошу поесть и отдохнуть с нами, — сказал я, используя принятую в Улаше формулу вежливости при встрече охотников. Но полагающегося в такой ситуации ответа я не услышал. Вместо этого Тилитур взмахнул копьем и сурово спросил:

— Зачем вы пришли в Улаш?

— Зачем? Ты же знаешь — торговать.

— Подожди, Тилитур, — вмешался Шивару. — Ты не о том спрашиваешь. — Повернувшись ко мне, он спросил без обычной теплоты в голосе: — Кто вас послал?

Я не собирался уваливать от ответа. Ясно было, что мы совершили какую-то ошибку, но какую? Ложь и увертки могли только ухудшить положение. Солнце играло на лезвиях обсидиановых топоров, и я радовался, что рядом со мной стоит вооруженный Мануэль. Я заставил себя взглянуть Шивару в глаза.

— Ты же знаешь, что мы прилетели в Улаш ради пользы оставшихся в нашей стране товарищей, — объяснил я. — Они нуждаются в ваших растениях и мехах.

Скулы Шивару напряглись, а Ферегхир откровенно обнажил клыки. Тилитур поднял копье, не сводя с меня злых глаз. Обычно миллиане в присутствии друзей так себя не ведут, об этом говорилось еще в докладах Брандера. И все же мне казалось, что Шивару растерян и ему не нравится то, что происходит. Но почему туземцы были так враждебно настроены?

— Вас послал Бог? — неожиданно спросил Шивару.

Я невольно рассмеялся, хотя причин для веселья не было. Дело в том, что в языке улаш слово «послал» имеет множество семантических оттенков. Чаще всего оно имеет смысл приказа, но звучит совершенно иначе во взаимоотношениях отца и сына, победителя и побежденного в схватке, хозяина и раба... Но все же я понял, что имеет в виду Шивару.

— Нет, мы не рабы Бога, — пояснил я. — Бог — это высшее существо, в существование которого верят далеко не все люди. Я, например, не верю. И тем более он не отдавал мне никаких приказов.

Туземцы были поражены. Гребень на голове Шивару поднялся, клыки обнажились, дыхание стало шумным. Хвост с силой заколотил по земле.

— Тогда кто же вас послал? — закричал он. Это можно было перевести так: «Тогда кто же ваш хозяин?»

Краем глаза я заметил, что Мануэль расстегнул кобуру. Лугалы подошли к своим хозяевам, выразительно подняв топоры и копья. Можете себе представить, как тщательно я подбирал слова для ответа.

— Мы все свободны и являемся равноправными членами общества, — сказал я. Впрочем, возможно, я произнес слово «сообщество» — язык миллиан полон непонятных мне нюансов. — В нашей стране нет лугалов, — продолжил я. — Вы видели, что рабов нам заменяют лугалы.

— Ох-х-х! — воскликнул Ферегхир и нацелил копье мне в грудь, трясаясь от ненависти.

Мануэль выхватил бластер и взвел курок.

Брандер не раз демонстрировал туземцам действие нашего оружия, и мы тоже. Они застыли в нерешительности. Шерсть на лугалах встала дыбом, они были готовы броситься на нас по первому слову своих хозяев. Но это слово не было произнесено. Трое миллиан обменялись взглядами, и Шивару холодно сказал:

— Мы должны обсудить это.

Трое охотников повернулись и пошли к соседнему холму по тропинке среди высокой сухой травы. Лугалы последовали за ними. Вскоре они исчезли из виду. Весь остаток дня и ночь барабаны гремели, не переставая ни на минуту.

Мы также долго обсуждали в лагере происшедшее. Что случилось с миллианами? По земным стандартам, они были примитивны и необразованны, но отнюдь не глупы. Так, Шивару не было особенно удивлено тем, что мы по внешнему виду заметно отличаемся от жителей Улаша. Более странным ему показалось то, что мы живем и работаем коллективом, а не отдельными семьями. Но как я уже говорил вам, туземцы также изредка ненадолго объединяются в большие группы, так что он не был особенно шокирован. В чем же тогда дело?

Один из моих офицеров, Игорь Уженков, высказал довольно предположительное:

— Ясно, что они считают нас чьими-то рабами. Но тогда у нас должны быть еще более могущественные хозяева. Возможно, туземцы опасаются, что мы готовим базу для вторжения в Улаш?

— Но я же объяснил, что мы не рабы! — возразил я. — До сих пор Шивару относился ко мне с доверием.

Всю ночь я ворочался в постели без сна, размышляя. Может быть, стоило срочно перебазироваться в другой район планеты? Но это означало потерю всего, чего мы добились с таким трудом. Придется заново изучать язык местных туземцев, налаживать с ними контакты, начинать стройку с нуля. Да и стоило ли это делать? На флиттерах мы изучили довольно обширную область Каина и везде видели приблизительно одно и то же, один и тот же образ жизни туземцев. Не исключено, что мы нарушили какое-то общее для всех каинитов табу и на новом месте нас могли встретить столь же враждебно.

Мануэль тоже вряд ли спал больше двух часов в ту ночь. Он был занят укреплением нашей линии обороны, проверкой постов, тренировкой людей и подготовкой их к возможному бою.

Однако следующий день начался вполне мирно. На рассвете меня поднял часовой и сообщил, что появилась группа туземцев. Я поспешно вышел из палатки. Вокруг висел такой густой туман, что даже в трех шагах было сложно что-либо различить. Где-то рядом грохотал трактор, подтаскивая бревна к строительной площадке. Я направился к главному выходу из лагеря и обнаружил неподалеку от него Тилитур и еще одного миллианина, стоявших в окружении нескольких десятков лугалов. Их шерсть была влажной, на оружии лежал иней.

Вскоре ко мне подбежал Мануэль со взводом охраны. Оглядев гостей, он заметил:

— Похоже, они шли всю ночь, чтобы мы с воздуха не смогли проследить их путь. Держу пари, что где-нибудь неподалеку скрывается большой отряд.

Я приветствовал туземцев в соответствии с принятым ритуалом, но ответа вновь не получил. Тилитур холодно выслушал меня, а затем сказал:

— Мы пришли для торговли. За ваши товары мы дадим меха и травы, которые вам так нравятся.

Это выглядело странно, до сих пор туземцы не проявляли инициативы в торговом обмене. Но было вполне резонно, что это предложение являлось своеобразной оливковой ветвью мира.

— Хорошо, — обрадованно сказал я. — Идемте в наш корабль. Там мы поедим и все обсудим.

Тилитур и его товарищ по имени Вогзахан даже не поблагодарили за приглашение. Они поднялись по трапу и уселись за стол в кают-компани. Я приказал принести бекон и яйца — эта пища нравилась каинитам. Однако, не съев и кусочка, они сразу перешли к делу.

— Надеюсь, вчерашнее недоразумение между нами забыто, — сказал я, выслушав предложение начать обмен. — Но чего вы хотели бы за ваши товары?

— Пистолеты, стреляющие огнем, — спокойно ответил Тилитур.

Я был озадачен.

— Оружие мы не продаем, — после паузы сказал я. — Но зато мы можем предложить вам ножи и множество полезных инструментов.

Миллиане помрачнели, но настаивать не стали. Напротив, они принялись обсуждать условия обмена. Они хотели получить как можно больше наших товаров и не особенно торговались. Но они хотели получить товары в кредит. Тилитур заявил, что наши вещи им нужны немедленно, а сбор мехов и растений потребует немало времени. Это озадачило меня. С одной стороны, миллиане до сих пор всегда действовали честно и держали взятое слово, да и отказывать им не хотелось. С другой стороны... не мне вам говорить о моих сомнениях, и потому я пустился в дипломатию. Мол, мы доверяем нашим новым друзьям, но всякое может произойти, и в результате мы можем понести огромные убытки.

Тилитуру это не понравилось. Он хлопнул ладонью по столу и заявил:

— Странные опасения. Хорошо, мы оставим в залог наших лугалов, пока не соберем нужные товары. Лугалы стоят очень

дорого. Но вы должны сегодня же отвезти ваши вещи туда, куда мы укажем.

Я решил, что на таких условиях можно будет предоставить туземцам половину из запрошенных ими товаров. Поймите, ситуация была напряженной и мне не хотелось с ними ссориться.

Пер замолчал, закусив губу. Гарри наклонился и взял его за руку успокаивая. Ван Рийн проворчал:

— Черт побери, никогда не знаешь точно, как обернутся дела, хотя у меня есть правило: жди худшего. Ты поступил правильно, мой мальчик. Абдал, наполни стаканы.

Пер вздохнул и продолжил:

— Днем мы наполнили грузовой флайер товарами и вылетели к месту, указанному миллианами — оно находилось километрах в пятидесяти от лагеря, на берегу реки. На всякий случай нас сопровождал флиттер с вооруженной охраной. Но ничего страшного не произошло. Около берега нас ждали несколько лодок. Стало ясно, что дальше товары перевозить будут сами туземцы. Мануэль спросил меня, стоит ли возражать против этого.

— Зачем же? — ответил я. — Очевидно, что они нам больше не доверяют и хотят сохранить в тайне место назначения грузов.

Мы передали товары миллианам и улетели, не услышав даже слова благодарности.

К вечеру в лагерь заявила большая группа миллиан в сопровождении множества лугалов. Они заявили, что хотят поблагодарить нас за товары, однако мне не понравилась ухмылка на лице Вогзахана. Затем миллиане так же неожиданно ушли, сказав своим рабам: «Оставайтесь здесь и делайте все, что прикажут земляне, пока мы не вернемся». Славный залог, нечего сказать!

Делать было нечего, и я устроил лугалов в самой большой из палаток. Меня весьма беспокоило, что в лагере находится множество этих «домашних собак», но разве я мог отказать им в гостеприимстве?

Ночью в округе вновь беспрестанно гремели барабаны и лугалы вели себя очень беспокойно, о чем-то тихо переговариваясь на неизвестном нам языке. Наутро они успокоились, а один из них даже предложил мне помочь подтаскивать к месту стройки бревна и камни. Я едва не расхохотался, представив их рядом с пятисотсильным тягачом, но поблагодарил за предложение и вежливо отказался.

Прошло три дня. Несколько раз за это время я пытался завязать с гостями беседу, но ничего из этого не вышло. Лугалы отвечали, но совершенно невразумительно.

— Где вы живете? — спрашивал я.

— Там, в лесу, — отвечал лугал, разглядывая волосатые пальцы на ногах.

— Что за работу вы выполняете дома?

— Ту, что велит делать хозяин.

Я отступился.

Тем не менее глупцами лугалов назвать было нельзя. Мы заметили, что они коротали время, играя глиняными фигурками — возможно, это было нечто вроде местных шахмат. С восходом солнца они выстраивались возле палатки и, протянув руки к светилу, затыгивали заунывную песню, значения которой я не понял. Большую же часть времени они проводили во сне или сидя на четвереньках. Иногда они собирались в небольшие группы и, обхватив друг друга за плечи, о чем-то шептались.

На нас напали на рассвете четвертого дня.

Около ста миллианов и Бог знает сколько лугалов, собранных барабанными сигналами из всего Улаша, ночью пробрались через лес и обрушились на наши пикеты. С первыми лучами солнца на лагерь хлынула лавина разъяренных туземцев, осыпавших нас градом стрел и копий и наших же ножей...

Лицо Пера исказилось от боли.

— Меня сразу же ранили... Проклятье, и это случилось в первом же моем самостоятельном полете!

Ван Рийн двумя шумными глотками покончил с очередной кружкой пива и вытер ладонью пену с усов.

— Бывает, сынок, — сказал он. — Подробностей, побольше подробностей, черт побери!

— Их немного, — вздохнул Пер. — Помню, как проснулся от криков. Сунул ноги в сапоги, набросил куртку и стал шарить руками в темноте в поисках оружия. Завыла сирена, слышались выстрелы. Я выскочил наружу и словно попал в кипящий котел. Было ужасно холодно и темно, в чуть посветлевшем небе сияли крупные звезды.

Затем вспыхнул прожектор на «Королеве Марии» и высветил ужасную картину боя. Вокруг кишели охотники в меховых плащах и приземистые гномы-лугалы с топорами, копьями и дубинками в руках. Но я в первый момент смотрел только на одно: рядом с палаткой лежал человек с разможенной головой...

Очнувшись, я поднес ко рту радиомегафон и закричал, отдавая приказы. Я призывал всех моих людей пробиваться к кораблю. Да, мы были вооружены бластерами и пистолетами, но нас было всего двадцать против всего населения Улаша!

Оборонительные сооружения быстро рухнули под напором сотен туземцев. С полдюжины человек, в том числе и я, сумели

пробраться на корабль, но остальные оказались заблокированы. Их надо было срочно спасать, но как?

Я отдал приказ зажечь все прожектора и включить корабельную сирену во всю мощь, а сам с несколькими товарищами занял место у трапа, прикрывая отступление остальных моих людей. Заметив это, они покинули свои убежища и помчались через весь лагерь. До сих пор перед моими глазами стоит бедняга Зурковский — он так и не успел застегнуть свою меховую доху...

Яркий свет и оглушительная сирена сделали свое дело. Среди туземцев началась паника, но часть их продолжала наступление на корабль. Площадку перед трапом захлестнул ревущий поток. Кто-то на меня напал сзади, и я упал. Оказалось, что я был в тисках у крупного лугала. Подмяв меня, словно медведь, он пытался разорвать мне горло своими клыками. Черт побери! Это низкорослое создание оказалось невероятно сильным. Я отчаянно сопротивлялся, но туземец постепенно дожимал меня. Рядом появился еще один раб и с воплем ударил меня дубинкой по ноге. Боль была чудовищной, и я потерял сознание.

Как оказалось позже, в бою сыграли главную роль лугалы, которых проклятый Вогзахан оставил нам в качестве залога за товары. Нас провели, как детей. Туземцы получили много товаров, в том числе и стальных ножей, а сами взамен вручили нам троянского коня. Проклятье, я должен был догадаться об этом!

Разумеется, план миллиан в конечном счете провалился. Они не представляли себе нашей реальной силы. Копье — неважный соперник бластеру! Мануэль подоспел вовремя и двумя выстрелами убил напавших на меня лугалов. Наши парни создали кольцо огня вокруг корабля, и нападавшие отхлынули, а затем в панике разбежались

Я очнулся в корабельном лазарете. Мануэль сидел рядом.

— Как дела? — проборкотал я.

— Сеньор, простите, что я разбудил вас, — ответил он. — Бог накажет меня за то, что я приказал доку накачать вас стимуляторами. Но ситуация очень сложная, и нам необходимо ваше решение. Несколько человек ранены, двое мертвы, трое исчезли. Что делать?

Я приказал отнести меня к пленным.

Меня положили на носилки и спустили на лифте к трапу. Боли я почти не испытывал, но голова сильно кружилась. Сами представляете, каково человеку после двойной дозы обезболивающего. Но мучило меня другое: Мануэль сказал, что Гувер и Мурамато погибли, а еще трое — Буллис, Чанг и Зурковский — пропали. Возможно, они были захвачены в плен.

Оранжевое солнце взошло уже высоко над холмами. Лагерь был неестественно тих. Трупы нападавших лежали в ряд. Погибло двадцать три миллианина и не меньше сотни лугалов. Я осмотрел их, вздрагивая от ужаса, но никого не узнал.

Пленники были размещены в главном котловане фундамента. Здесь было около ста рабов и всего лишь двое охотников. У одного на груди был жуткий ожог от луча бластера, и наши медики пытались уменьшить его страдания. Однако раненных было немного. Мануэль объяснил это тем, что в бою более эффективными оказались не бластеры, а парализующие пистолеты.

Я узнал второго миллианина. Это был Кочихар, старший сын Шивару, навещавший нас вместе с отцом пару раз.

Мы долго смотрели друг другу в глаза. Затем я спросил:

— Почему... почему вы сделали это?

Было морозно, пар вырывался из моего рта, и ветер уносил его прочь.

Подошедший Уженков с ненавистью сказал на языке улаш:

— Потому что они по своей натуре предатели, воры и убийцы. Мы будем отныне охотиться на них, как на диких зверей.

Не выдержав, он плюнул в сторону Кочихара. Его можно было понять — один из убитых, Гувер, приходился ему двоюродным братом.

Среди пленников поднялся ропот, многие лугалы с безнадёжным видом опустили головы. Я немедленно вмешался:

— Нет, нельзя так говорить! Надо разобраться в том, что произошло. Кочихар, твой отец был моим хорошим другом — по крайней мере я в это верил. Чем же мы оскорбили его и других миллиан?

Гребень на голове Кочихара воинственно поднялся, хвост захлестал по земле.

— Вы должны уйти отсюда и никогда больше не возвращаться! — воскликнул он, дрожа от ярости. — Иначе мы будем убивать вас везде: в лесах, на холмах, среди скал — убивать, словно диких зверей! Мы напустим на ваш лагерь скот, отравим все окрестные источники и сожжем траву под вашими ногами. Прочь, ничтожные твари, прочь!

Я готов был взорваться и наговорить пленнику подобных же «любезностей», но сдержался.

— Мы не сделаем и шага отсюда, покуда вы не вернете наших товарищей, — сказал я. — В лагере есть барабан, который твой отец подарил нам до вчерашнего нападения. Вызови своих, Кочихар, и скажи им, что мы хотим провести обмен пленными. Только после этого мы вступим в переговоры.

Кочихар упрямо молчал. Я подозревал Мануэля и сказал по-английски:

— Нет смысла продолжать этот разговор. Нужно организовать надежную оборону вокруг лагеря. Вторично нас не должны захватить врасплох. И пошли флиттер на поиски отряда туземцев, они не могли уйти далеко.

Но Мануэль неожиданно стал спорить.

В подтверждение этого Мануэль смущенно кивнул.

— Действительно, я поначалу не согласился с планом капитана, — вздохнул он. — Мне казалось, что разведка с воздуха бессмысленна, мы ничего не обнаружим среди сотен гектаров лесов, холмов и ущелий. Тем более что эти мохнатые дьяволы могли разделиться на несколько групп. А под покровом леса их не мог бы обнаружить даже инфракрасный локатор. Но я уступил, помня о дисциплине.

— О да, вы уступили, — криво усмехнулся Пер. — Но мне стоило это многих нервов. Я потребовал, чтобы в воздух были подняты все флиттеры. Но я не хотел, чтобы летели лично вы — в лагере тоже было много важных дел. Помню, я кричал, размахивал руками, бранился... Со мной творилось что-то неладное, казалось, что мой мозг погружался в какой-то темный омут...

Мой план должен был, в частности, подорвать моральный дух пленников-лугалов. Но это было ошибкой. Каинитам не знакомо чувство солидарности. Если Кочихар и остальные попались в наши руки — что ж, тем хуже для них. Мы, люди, рассуждаем иначе, и Шивару понимал это. Потому туземцы и взяли троих заложников.

— Кочихар, — продолжил я. — Мои люди поднимутся в воздух на флиттерах и будут охотиться за вашим отрядом. Разве жалкие охотники смогут противостоять могучим летающим машинам? Они погибнут, если не вернут наших людей. Возьми барабан и предупреди отца и остальных об этом. Отказ будет дорого стоить тебе! Я прикажу любыми средствами сломить твоё упрямство. Любими, понимаешь?!

То, что я говорил, было отвратительно. Но Гувер и Мурамато были моими друзьями, и к тому же я был здорово накачан наркотиками. Сознание стало вновь покидать меня, и в лазарете я вновь провалился во тьму. Я еще успел услышать протесты дока — мол, такие дозы обезболивающего могут свалить с ног и верблюда. Это последнее, что я помню... Остальное вам расскажет Мануэль.

К концу своего повествования Пер побледнел и совсем охрип. Он бессильно откинулся на спинку кресла, так и не допив свой

вермут. Гарри заботливо обнял его за плечи, не зная, что предпочесть.

Ван Рийн даже бровью не повел.

— Ну-ну, не смотрите на меня, как на зверя, — бодро сказал он, протягивая слуге опустевшую кружку. — Мне надо было услышать о катастрофе от непосредственных очевидцев, другого пути нет. Ничего, сынок, скоро обед, и нет лучшего лекарства, чем зажаренный с кровью бифштекс. Когда ты немного очухаешься, приезжай в мой дом в Джакарте, и мы закатим там славную оргию!

— Куда мне участвовать в оргиях, — слабо усмехнулся Пер. — Я больше ни на что не способен, словно каиниты выпустили из меня всю кровь.

— Э-э, не говори так! — вмешался в разговор я, обеспокоенно глядя на молодого капитана. — Вновь переживать подобные трагедии — сущее наказание, знаю по своему опыту. Но не стоит казнить себя день и ночь, это пустое занятие. Послушай, Пер, если бы ван Рийн считал, что миссия провалилась из-за твоей ошибки, то ты не пил бы сегодня в такой приятной компании, а продавал бы мясо людоедам в самой захудалой галактической дыре.

Пер неуверенно улыбнулся в ответ.

Ван Рийн повернулся к его помощнику:

— Ну, дон Мигель, теперь мы слушаем вас.

Мануэль вежливо улыбнулся, но поправлять хозяина не стал.

— Вы льстите мне, сеньор, я не дон, — ответил он. — Мой отец был простым охотником в Сьерра-лос-Бокес. Мне хотелось добиться большего, и я отправился в космос вместе с другими наемниками. Кое-что повидал, получил сержантские нашивки. Затем перешел на службу к вам. Что касается этой проклятой планеты... Боюсь, мне нечего добавить к рассказу моего капитана.

— Не говорите глупостей! — рявкнул ван Рийн и прикончил очередную кружку пива. По-моему, он уже выпил литра три или четыре. Что касается меня, то после третьего стакана город за стеной стал казаться мне едва ли не красивейшим в мире, а звезды на небе затеяли какую-то веселую пляску. Чтобы хоть немного протрезветь, я достал трубку и закурил. — Я читал официальные сводки вашей экспедиции, — продолжил ван Рийн. — Они сухи, как глотка трезвенника. А мне нужны детали, я уже сто раз говорил про это! Я должен представить эту планету во всех ее цветах и запахах, и тогда, быть может, мой старый котелок отыщет разгадку. Она где-то рядом, я чувствую ее. Что молчите, Мигель? Смейтесь, пойте песни, стойте на

голове, делайте все, что хотите, только рассказывайте, рассказывайте!

— Как пожелаете, сеньор. Только мое имя Мануэль, — пожал плечами помощник капитана. — Итак, когда капитана вновь унесли в лазарет, Игорь Уженков подошел ко мне и спросил:

— Ну, кто поведет флиттеры?

— Никто, — ответил я.

— Послушайте, мы получили приказ!

— Капитан ранен и испытал сильное потрясение, — возразил я. — Нам не стоило его поднимать с постели. — Повернувшись к стоявшим неподалеку людям, я спросил: — Разве я не прав?

Поколебавшись, они согласились со мной. Тогда я наклонился над ямой и спросил Кочихара, будет ли он передавать наши условия соплеменникам.

— Нет, — гордо ответил он, — что бы вы со мной ни делали!

— Я ничего не собираюсь делать, — усмехнулся я. — Сейчас вам принесут еду.

Остаток дня я пробродил среди заснеженных холмов. Нет, я не думал о каинитах, а вспоминал о далеком доме, о девушке по имени Долорес... Мои люди тоже ничего не делали, а просудачили весь вечер в кают-компании.

На следующее утро я стал готовиться к походу. Для начала я поговорил с каждым из членов экипажа. Все они были хорошими специалистами, но мало кто имел хоть какой-то охотничий опыт. А он был нам необходим: туземцы, отступая, пересекали широкую каменистую равнину, на которой не осталось совершенно никаких следов. К счастью, Хамид ибн Рашид и Жак Нголо оказались бывалыми охотниками. Моя группа стала собирать все необходимое снаряжение, а я отправился в лазарет навестить капитана, но он спал.

Когда я вернулся к яме, уже наступила темнота. На фоне звездного неба четко вырисовывались силуэты четырех охранников.

— Вы свободны, парни, — сказал я им, извлекая из кобуры бластер. Удивленно переглянувшись, они ушли.

Из глубины ямы донесся голос Кочихара:

— Ты пришел, чтобы пытаться меня?

У каинитов глаза видят во тьме не хуже, чем у кошек. Мне даже казалось, что они презируют нас за неспособность ориентироваться в ночное время.

— Нет, — ответил я. — Просто хочется с тобой поговорить по душам — если ты знаешь, что это такое.

Кочихар промолчал. Я запахнул меховую доху, дрожа от холода. Звезды мирно сияли на небесном куполе и казались такими чужими, что я невольно стал сомневаться в успехе своего замысла. Было бы очень хорошо склонить сына Шивару на нашу сторону, но...

Я глубоко задумался и на мгновение потерял бдительность. Все произошло с дьявольской быстротой. Мне казалось, что лугалы спят, но они выжидали удобного момента. Один встал на плечи другому и дотянулся до края ямы. И таких пар были десятки. Я выстрелил в ближайшего из беглецов, но промахнулся.

Двое лугалов подмяли меня и начали избивать. Я изо всех сил пытался оторвать их руки от горла, к которому они жадно тянулись. Один из рабов заткнул мне рот пучком травы, мешая мне кричать. Тем временем часть пленников выбралась из ямы и убежала.

Наконец мне удалось высвободить одну ногу, и я ударил одного лугала коленом в живот, а другого угостил ребром ладони по шее. Они обмякли и тяжело отвалились в сторону. Тогда я вскочил на ноги и закричал. Немедленно завывла сирена и зажглись прожектора. Со стороны корабля и палаток побежали люди с оружием в руках.

Несколько лугалов не успели убежать, да похоже — они к этому и не стремились. В яме остался раненый миллианин, и рабы закрыли его своими телами от наших пистолетов. Но мы стреляли в другую сторону, вслед беглецам. Конечно же, в такой темноте это было бесполезно.

Котлован вновь оцепили охранники. Я шарил по земле в поисках своего бластера. Его не было. Кто-то из туземцев подобрал его и наверняка отдал Кочихару.

Ко мне подошел Жак Нголо.

— Плохи дела, — сказал он, и не подумав меня упрекать.

— Хуже некуда, — сквозь зубы ответил я, проклиная свою глупость на чем свет стоит. Славно я поговорил с сыном Шивару «по душам»!

К нам присоединился Хамид ибн Рашид, и мы втроем отправились в преследование.

До сих пор мне не приходилось использовать очки ночного видения, и слава Богу. Они делают окружающее ясным и четким, но каким-то жутким и нереальным, словно все происходит во сне. Компасом нам служил инфракрасный следоискатель. Вскоре мы увидели беглецов: они поднимались по склону холма, прячась за валунами.

Мы задыхались от бега в тот момент, когда достигли опушки леса. Дальше пришлось продолжить преследование под прикры-

тием деревьев. Инфракрасные очки начали мерцать, потому что относительно теплые стволы мешали улавливать тепловое излучение тел туземцев. Мы осторожно шли следом, раздвигая ветки кустарников.

Мы уходили все дальше в глубь долины. Повсюду росли высокие деревья, и мы вынуждены были до предела увеличить контрастность в своих очках. Туземцы шли своим обычным неспешным шагом, уверенные в том, что им удалось оторваться от нас. Но даже не соблюдая особых предосторожностей, они почти не оставляли следов. Вскоре мы подобрались ближе и могли уже полагаться на собственные глаза.

Наконец мы вышли на луг. Примятая трава указывала, что туземцы проходили здесь совсем недавно. Увы, они сделали то, чего я опасался с самого начала. Их отряд разделился на четыре группы, и каждая дальше пошла своим путем.

— Что будем делать? — спросил Нголо.

— Нас трое, значит, мы должны следовать за тремя группами, — ответил я.

— Ангелы неба! — воскликнул Хамид ибн Рашид. — Не хотелось бы идти дальше в одиночку, даже с бластером в руке. Но другого выхода действительно нет.

Некоторое время мы обсуждали план своих дальнейших действий. Когда мы разошлись, восток уже начал светлеть. Очевидно, что в трех направлениях следовали лугалы, возвращающиеся к своим хозяевам, а в четвертом — сам Кочихар в сопровождении рабов. Именно он и был нам нужен. Но какой путь он выбрал? Поразмыслив, я решил, что стоит пойти по следу самого большого отряда. Хамид и Нголо пытались спорить, но в нашей группе я был старшим и попросту воспользовался своей властью в личных целях.

Теперь расстояние между нами и беглецами было настолько велико, что можно было смело пользоваться радиопередатчиками при переговорах друг с другом и лагерем. Погоня от этого не становилась легче, но морально я чувствовал себя куда лучше. След беглецов увидеть было сложно, но можно. К счастью, лугалы, напавшие на нас, были не охотниками, а крестьянами, шахтерами и домашней прислугой и не обладали необходимой осторожностью.

Небо заметно посветлело. Со мной связался Нголо и сообщил:

— Мои лугалы подошли к навесу около пещеры. Я сижу на дереве и вижу, как их радостно встречают женщины и дети миллиан. Думаю, это жилище хозяина, и рабы дальше не пойдут. Может, мне стоит вернуться на луг и пойти по другому следу?

— Нет, — ответил я, — к этому времени след окажется уже слишком холодным. Найдите поляну, где вас никто не увидит, и вызывайте флиттер.

Я продолжил преследование. Спустя пару часов я едва не вскрикнул от радости: впереди я увидел дерево, обожженное выстрелом из бластера.

Наверняка это сделал Кочихар, практикуясь в стрельбе.

Я вызвал Хамида и спросил, где он находится.

— На берегу реки, — ответил тот. — Здесь недавно переправлялись через бурный поток лугалы. Теперь раздумываю, стоит ли рисковать своей шеей и перебираться по валунам.

— Не стоит, — сказал я. — Кочихар идет где-то впереди меня. Свяжитесь с Нголо и дожидайтесь помощи из лагеря.

Несколько раз я останавливался, чтобы отдохнуть и перекусить. Стимуляторы помогали быстро восстановить силы, так что я ухитрялся не отставать от привычных к далеким переходам каинитов. К вечеру я их почти нагнал и потому дальше двигался со змеиной осторожностью. Стало холодно, тьма быстро опускалась на долину.

Около полуночи мой инфрадетектор обнаружил мощный источник теплового излучения. Я передал эту новость по радио и добавил, что временно прекращаю выходить на связь — это становится слишком опасно. Затем я, крадучись, продолжил путь.

Наконец я оказался на краю небольшой поляны. Среди деревьев было видно большое прямоугольное сооружение без окон. Перед ним у костра сидели двое миллиан, положив на колени копья.

Я осторожно достал парализующий пистолет и хладнокровно прицелился. Два выстрела — и стражи потеряли сознание. Я перебежал через поляну и скрылся в тени здания, прислушиваясь. Однако ничего особенного я не сумел расслышать. Тогда, рискуя, я слегка отодвинул кожаный полог, закрывающий вход, и заглянул внутрь. Помещение заполнял густой дым, но я сумел разглядеть стены, завешанные прекрасными мехами. Вскоре глаза мои привыкли к полумгле, и я увидел около десятка миллиан, в основном мужчин, сидящих вокруг огня, пылающего в неглубокой яме. В углу сгрудились несколько лугалов. Среди них я узнал Черкеза и обрадовался тому, что он уцелел в битве. Сам Кочихар сидел рядом со своим отцом Шивару и рассказывал о бегстве из лагеря.

Вскоре в другом углу помещения я увидел еще три фигуры. Я едва не вскрикнул от радости, узнав пленных Зурковского, Чанга и Буллиса! Мой расчет оказался верным: Кочихар не отправился домой, а явился в заранее намеченное место встречи.

Кочихар закончил свой рассказ и взглянул на отца, ожидая одобрения. Шивару задумчиво поигрывал хвостом.

— Странно, что небесные люди заботились о тебе, — сказал он наконец. — И это после того как мы убили нескольких чужеземцев.

— Они подобны слепым детенышам, — презрительно фыркнул Кочихар. — Их легко обмануть, и они слабы.

— Не уверен... — пробормотал Шивару, задумчиво глядя на огонь. — Их сила велика. И мы ничего не знаем об их прошлом. — Его голос стал резким. — Я не ослышался, Кочихар: хозяин отдал своим слугам приказ, а они поступили совсем по-другому?

— Это ничего не значит, — поспешно вмешался в разговор седой, покрытый шрамами миллианин. — Сейчас нам надо решить, что делать с пленными. Ты говоришь, что их следует обменять на Гумаши и оставшихся в яме лугалов. Кочихар говорит, что их надо оставить у нас. Но я спрашиваю: зачем нам все это? Лучше выставить их тела на месте, где земляне их смогут найти. Это будет нашим последним предупреждением.

— Правильно, — сказал Вогзахан, который также сидел среди собравшихся. — Тилитур утверждает, что их нечего опасаться, они слепы, глухи и слабы.

— Вначале надо попробовать обмен, — упрямо возразил Шивару. — Но если он не удастся... — его клыки выразительно блеснули.

— Тогда мы убьем одного для устрашения, а затем вновь вступим в переговоры, — гневно сказал Кочихар. — Они угрожали мне тем же!

Среди туземцев пробежал гул. Они начали спорить и переругиваться друг с другом, наливаясь звериной злобой. Миллиане не имели вождей и не привыкли никому повиноваться. Шивару не смог бы даже при желании удержать их от расправы над нашими товарищами.

Надо было немедленно принимать какое-то решение. Блестер был бесполезен, не успею я сделать и двух выстрелов, как меня пронзят сразу несколько копий. К тому же я опасался случайно задеть пленников. Можно было воспользоваться парализующим пистолетом, но пока я разделялся бы с миллианами, их рабы раскроили бы мне череп топорами. Проще было заблокировать выход, но трое землян тогда наверняка погибли бы.

То, что я сделал, было, несомненно, глупостью, ибо мне далеко до нашего капитана. Для начала я вернулся в лес и вызвал лагерь.

— Вылетайте скорее, — сказал я и включил радиопеленг, затем вернулся на поляну.

Обойдя ее, я нашел дерево, чьи ветви нависали над крышей здания. Забравшись на нее, я осторожно подполз к дымоходу. Едкий дым ударил мне в лицо, и я едва не задохнулся. Время тянулось нестерпимо медленно. Наконец в воздухе послышался нарастающий шум. На другом краю поляны стали приземляться флиттеры.

Закричав, миллиане рванулись к выходу. Двоих я уложил из парализующего пистолета, но один успел отодвинуть полог и крикнул:

— Здесь земляне!

В помещении царил суматоха. Кочихар пронзительно крикнул и извлек из-за пояса бластер. Я выстрелил в него, но промахнулся — слишком много туземцев находилось между нами.

Тогда я спрыгнул вниз через отверстие в дымоходе. Упав на бок, я мигом поднялся. Черкез попытался схватить меня за горло, но я оттолкнул его ударом ноги и стал стрелять. Кочихара нигде не было видно. Я стал прокладывать путь к пленникам, но передо мной вырос разъяренный Шивару. Благодаря милости Божьей я сумел уклониться от его топора, а сам ответил парализующим лучом. Я проскользнул между двумя туземцами, но третий прыгнул мне на спину. Ударив по голове, я отшвырнул его. Наконец я увидел Кочихара. Он шел к пленникам, неумело держа бластер. На лице туземца была написана такая ненависть, что трое землян, словно парализованные страхом, продолжали сидеть в углу.

Заметив меня краем глаза, Кочихар мгновенно развернулся в мою сторону. В полутьме сверкнула вспышка выстрела. Но я успел упасть на одно колено и спустил курок. Луч обжег мою меховую доху, но Кочихар был уже парализован и упал, даже не вскрикнув. Я торопливо поднял с пола бластер и встал перед тремя пленными.

Вогзахан метнул в меня топор, но я сумел сжечь его в воздухе. Через одну-две минуты все было кончено. Граната обрушила переднюю стену здания. Внутрь ворвались люди с парализующими пистолетами, и вскоре все каиниты были усыплены. Мы не стали ждать, когда они придут в себя, и поспешили вернуться в лагерь. Вот и все.

В комнате наступила тишина. Мануэль вежливо попросил разрешения закурить и достал из портсигара, изготовленного явно на какой-то незнакомой мне планете, длинную коричневую сигару.

— Святой Дисмас! — выдохнул ван Рийн. — Однако, судя по вашему отчету, туземцы еще раз посетили лагерь.

Пер кивнул.

— Да, сэр, — сказал он. — Мы уже почти закончили приготовления к отлету, когда появился Шивару в сопровождении нескольких других миллиан и множества лугалов. Они медленно пересекли лагерь, настороженно оглядываясь по сторонам. Гребни на их головах были подняты, хвосты нервно постукивали о землю. Я приказал держать их под прицелом, вышел из-под навеса и приветствовал гостей надлежащим образом.

Шивару ответил мне, с трудом подбирая слова. Нет, он не извинялся. В языке улаш нет подходящих для этого слов. Он указал на стоявшего позади Черкеза и сказал:

— Вы хорошо обращались с нашими пленными.

— А что мы должны были с ними сделать? — усмехнулся я. — Съест, что ли?

Черкез подошел и протянул ему кожаный мешок.

— Я принес вам подарок, — сказал Шивару и достал из мешка... голову Тилитур. — Мы вернем долг, а если вы дадите нам время, то мы готовы заплатить двойную цену.

Мне пришлось принять мешок с отрубленной головой. Не могу сказать, что после такого количества пролитой крови я посчитал наказание предателя чрезмерным, но все же попытался дать понять: нам не нравятся такие дары.

— Но нам необходимо было восстановить свою честь в ваших глазах, — возразил туземец.

Я пригласил гостей на корабль разделить с нами трапезу, но Шивару отказался.

— Пока мы не выплатили долг полностью, нельзя злоупотреблять вашим гостеприимством, — объяснил он.

Я сказал:

— Торопиться особого смысла нет, поскольку мы улетаем, чтобы отвезти домой раненых.

Туземец страшно расстроился, помня о своей вине. Пришлось мне успокаивать их: мол, скоро прилетит другой корабль. Мне очень хотелось узнать, что было причиной взрыва их агрессивности, но ситуация и без того была напряженной, и я промолчал.

Всю обратную дорогу к Земле мы проспорили, пытаясь понять причины происшедшей трагедии. Где была допущена ошибка? Почему всего через день туземцы пришли с повинной? Мы до сих пор так и не поняли этого.

Ван Рийн с довольным видом потер руки. Глаза его блестели.

— Ну, и до чего же додумались ваши парни? — спросил он.

Пер развел руками.

— Самую толковую идею высказал Уженков, — ответил он. — Туземцы поначалу подумали, что мы готовим базу для будущего вторжения, и решили уничтожить лагерь. Но затем они увидели, что мы используем в основном лишь парализующие лучи, не пытаем пленных, не пытаемся мстить за убитых — и поняли свою ошибку.

— Хм-м... неглупо, — заметил торговец, попыхивая трубкой. — Похоже, у вас другое мнение, Мануэль.

— Долг не позволяет мне противоречить моему капитану, сеньор.

— Почему же вы тогда не выполнили его приказ там, на Каине? Выходит, там вы позволяли себе иметь особое мнение? Говорите, черт побери!

— Если сеньор настаивает... — растерянно сказал Мануэль. — Я не ученый и вообще человек не очень образованный, но... Но мне кажется, что я понимаю миллиан. Они немногим отличаются от туземцев с других планет, с которыми я воевал, будучи наемником.

— Как это?

— Понимаете, сеньор, каиниты всю свою жизнь смотрят смерти в лицо. Для того чтобы выжить, им прежде всего необходима храбрость и сила. Они долго наблюдали за нами со стороны и решили, что у нас, землян, нет ни того ни другого. Действительно, мы постоянно полагаемся на мощь машин и оружия, ночью практически слепнем, на охоту не ходим, питаюсь большей частью привезенными с собой продуктами. Понятно, что они стали презирать нас, считать менее развитыми, чем даже рабы-лугалы. А на животных туземцы привыкли охотиться, используя при этом все методы, включая хитрость. Когда же мы дали им отпор в бою, то миллиане вновь признали нас равными себе и начали мирные переговоры.

Ван Рийн с шумом выдохнул облачко дыма.

— Еще более неглупо, — сказал он. — Есть еще какие-то мнения?

— Нет, сэр, — ответил Пер. — Это две наши основные точки зрения.

Ван Рийн внезапно расхохотался:

— Все это чушь, господа, совершеннейшая чушь! Усаживайтесь поудобнее, друзья, налейте еще по стакану бодрящих напитков по вашему вкусу и приготовьтесь выслушать разгадку.

Гарри помрачнел — видимо, ему было обидно за сына.

— Прошу прощения, сэр, — резко сказал он. — Вынужден напомнить: вы на Каине не были ни разу.

— Во плоти и крови, конечно, не был, — добродушно возразил ван Рийн и указал на свой объемистый живот. — Здесь слишком много того и другого, чтобы ныне покидать это уютное кресло. Но на Каине я все же побывал — вернее, там мысленно побывал мой старый мозг. Он, конечно, порядком проржавел и пропитался алкоголем, но все же хранит столько информации о Вселенной, сколько нет во всех компьютерах развитых миров. Что бы ни произошло с моими кораблями, я всегда могу вспомнить подобные случаи: на Ксаваду, Дубаирре, Тамене... словом, где угодно. Точных аналогов, как правило, не существует, но всегда можно из толстой связки хитроумных отмычек подобрать нужную. Но главный мой ключ — удивительный ключ — это логика. Логика ван Рийна!

Торговец замолчал, очень довольный собой. Он явно ждал, что мы начнем уговаривать его поделиться своими секретами, но мы с Гарри вместо этого наполнили свои стаканы. Ван Рийн тяжело вздохнул, умоляюще глядя на нас. Мы молча пили виски. Торговец рассмеялся, видимо, решив проявить свой характер в другой раз.

— Ладно, так и быть, расскажу вам, — согласился он. — Только коротко, поскольку близится обед — если только кухня не провалилась в ад. Ключом всей проблемы для меня оказались лугалы. Вы называли их рабами, и в этом была ваша главная ошибка. Они не рабы, а домашние животные!

Пер вздрогнул.

— Не может быть! — запротестовал он. — Они говорят на местном наречии, и...

— Да, да. Я готов даже поверить, что они знают высшую математику. И все же это только хорошо прирученные животные. Что такое раб? Человек, вынужденный выполнять приказания своего хозяина под страхом наказания. Гарри давеча говорил, что не стал бы доверять рабу оружие, и я с ним согласен. Ибо человеческая история полна восстаниями рабов, бегством рабов, убийством рабами жестоких хозяев и так далее. Но зато вы, Гарри, спокойно доверяете своих детей могучим мастифам, у которых оружием служат острые клыки! Вот где разница. Раб может повиноваться, а может и восстать. Перед собакой такая проблема не стоит. Ее гены запрещают поступать иначе.

Мы сами упоминали о том, что миллиане в течение тысячелетий выращивали лугалов, целенаправленно изменяя их наследственность, пока они не превратились в новый вид. Так оно и должно было быть. Если бы лугалы были не животными, а рабами, то им тоже не доверяли бы. Но это еще не все. То, что вы рассказали, доказывает, что миллиане также являются животными, только дикими! Их можно уподобить тиграм или

буйволам. Долгие века они использовали лугалов для грязной работы, до того как те стали полностью разумными. Готов биться об заклад, что миллиане выращивали их, как муравьи — тлей. Вспомните, вы не видели ни одного лугала, не зависящего от своего хозяина. Как нет чувства стадности у миллиан, так нет свободной воли у лугалов.

Это на корню разрушает вашу гипотезу о страхе перед вторжением. Не способные сами к длительным и сложным коллективным действиям, они не могут вообразить себе армию противника, а следовательно, и вторжения. Что же касается вашей теории, Мануэль, то здесь тоже концы с концами не сходятся. Наверняка миллиане также не все одинаково сильны и храбры, но бесконечных войн и схваток между ними тем не менее не происходит. А все потому, что они считают друг друга равными.

Так что же произошло на самом деле? Когда люди высадились на планете, то миллиане, естественно, посчитали их равными себе. Возможно, они даже приняли машины за ваших слуг. Но однажды они узнали, что люди подчиняются приказам своего командира! Как такое может быть? Ни один миллианин не подчинится приказу другого миллианина. Ха! Выходит, чужеземцы — лугалы особого рода. За исключением Пера, конечно — ведь все приказы исходят от него. Что же касается его помощников, скажем, Мануэля — то это всего лишь старшие лугалы. А когда Пер упомянул о Боге... — Ван Рийн с раздражением перекрестился. — Я не богохульствую, — продолжал он, — но все же для большинства людей, кроме глубоко верующих, Бог — это некий символ. Мы охотно готовы выполнять его волю, когда это не противоречит нашим интересам, но в глубине души надеемся, что он закроет глаза на наши так называемые человеческие слабости: гнев, гордыню, обжорство, похоть и все прочее, что делает жизнь привлекательной.

Пер сказал о Боге как о верховном господине. Но это означало с точки зрения миллиан, что и сам Пер — лугал! Никто из них не потерпел бы над собой хозяина. Не случайно у них нет религий — хотя у лугалов, судя по всему, она имеется.

Встревоженный Шивару попытался узнать у Пера, где же хозяева людей. Оказалось, что их не было! Можете себе представить, как были встревожены миллиане. Известно, что и собаки порой срываются с цепи. Несомненно, и на Каине случалось, что лугалы набрасывались на своих хозяев и убивали их. Ваше могущество было очевидно, и это вызывало у туземцев еще большие опасения. Вероятно, они решили: эта порода лугалов сошла с ума и истребила своих хозяев. Итак, что бы вы предприняли, друзья, если бы узнали, что по соседству расположилась стая бешеных собак, убивающих людей? То-то.

Ван Рийн опустошил с удовлетворенным видом очередную кружку пива. Некоторое время все молчали, размышляя над его словами.

— Ваше объяснение кажется мне несколько натянутым, — с сомнением сказал Гарри.

— Нет, — возразил Пер, покраснев от возбуждения. — Все сходится! Фримен ван Рийн выразил словами то, что я интуитивно чувствовал. Шивару мне казался прямодушным и честным, он не был способен на коварство и предательство! Но мыслил он совершенно иначе, и мы часто не понимали друг друга. Это и стало причиной трагедии...

— Итак, миллиане дружно решили, что вы сумасшедшие лугалы и вас необходимо изгнать или уничтожить, — продолжил ван Рийн. — Прямой атакой это сделать не удалось, и тогда они попытались использовать для этого пленников. Но Мануэль смешал их карты.

— Но почему они так резко изменили свое мнение о нас? — недоуменно спросил Пер.

— Вам просто повезло. Миллиане стали свидетелем того, что ты отдал приказ, а твои люди не подчинились ему. Это было невозможно! Лугалы могут сойти с ума, могут убить своего хозяина, но их природа не позволяет не выполнить приказа. К тому же вы сохранили жизнь пленникам — безумные лугалы так бы не поступили. Следовательно, вы не могли быть домашними животными, здоровыми или больными. Выходит, вы — дикие животные! Мозг каинита примитивен, но не лишен здравого смысла. Если вы не лугалы, то тогда вы — миллиане.

Поняв это, Шивару решил, что поступил с вами несправедливо. В глубине души он чувствовал себя ответственным за все произошедшее. К тому же он не хотел упускать выгоду от торговли с вами. Шивару убедил в этом других миллиан и попытался исправить содеянное.

Ван Рийн вновь потер руки.

— О-хо-хо, какими отличными партнерами они будут для нас!

Некоторое время мы сидели, обсуждая стратегию дальнейшей торговли на Каине, пока дворецкий не пригласил нас к обеденному столу. Мануэль помог Перу встать.

— Мы как следует проинструктируем тех, кто отправится на Каин, — сказал Пер. — Надо доказать им, что мы — люди, а не дикие животные.

Мануэль вежливо возразил:

— Простите, капитан, но мы на самом деле дикие животные!

Ван Рийн остановился возле двери и задумчиво взглянул на нас.

— Нет, — проворчал он, — не все, а только лучшие из нас.

— Как это? — удивился Гарри.

— Потому что такие люди, как мы, поступают так или иначе по собственному разумению, — ответил ван Рийн. — Мы все обсудили и приняли разумное решение. Сами приняли! А сколько людей в душе являются домашними животными? Они хотят, чтобы ими кто-то руководил, чтобы кто-то заботился об их нуждах и защищал от других и даже от самих себя. Почему все подлинно свободные человеческие общества оказываются столь недолговечными? Не потому ли, что так мало рождается людей, подобных диким животным?

Ван Рийн подошел к прозрачной стене и указал на город, окутанный облаком смога:

— По-вашему, *эти* лугалы свободны? — презрительно воскликнул он.

МЕЛКАЯ ПОДРОБНОСТЬ

Эту планету нашли во время первой Великой Разведки. Вскоре после появления отчета туда отправилась экспедиция, ибо подобное казалось невозможным.

Планета облетала солнце класса G9 по орбите радиусом в три астрономические единицы, получая в восемнадцать раз меньшую плотность излучения, чем Земля. Эти и некоторые прочие (например — сильное магнитное поле) условия должны были сформировать планету субьюпитерианского* типа, что, в общем-то, и подтвердилось — она была в пятнадцать раз тяжелее Земли. Однако практически вся эта масса приходилась на твердое вещество, атмосфера здешняя оказалась всего лишь раза в полтора плотнее земной и вполне годилась для дыхания.

— Кто спер отсюда весь водород? — стало дежурной шуткой исследовательской группы. Считается, что у больших планет в химическом составе преобладают водород и гелий. На Парадоксе, как ее неофициально называли, сохранившийся гелий составлял примерно восемь процентов атмосферы. Это создавало некоторые технические трудности, требовавшие решения прежде, чем кто-либо осмелится на посадку. Однако люди все же должны были высадиться, ведь перед ними стояла такая восхитительно-сложная загадка.

Практически круглый океан подсказал, а изучение его дна вроде бы и подтвердило ответ. Вначале Парадокс был вполне обычной планетой с четырьмя спутниками, вот только самый большой из них (возможно — захваченный астероид) имел вытянутую орбиту. Наконец, из-за возмущений он стал цеплять за

A Little Knowledge
Copyright © 1971 by Poul Anderson

* Т. е. меньше Юпитера, типа Сатурна, Урана, Нептуна. (Здесь и далее примеч. пер.)

верхние слои атмосферы, которая в то время простиралась за предел Роша*. С каждым все более и более низким прохождением ударной волной в космос выносило огромное количество газа, в основном легких молекул.

Разрушение спутника ускорило и усилило этот процесс, увеличив поверхность вращающихся тел. Потом все осколки упали практически одновременно и создали эту огромную космическую загадку. Возможно, испарившиеся из руды и раскаленным туманом разбрызганные по половине планеты атомы металлов соединились с остатками водорода, если таковые имелись.

Как бы то ни было, после этого в атмосфере Парадокса остались только вещества, не игравшие прежде большой роли, — двуокись углерода, водяные пары, метан, аммиак и прочее в этом роде. Если не говорить о небольшом количестве гелия, планета стала похожа на молодую Землю. Она получала меньше тепла и света, но, благодаря парниковому эффекту, большая часть ее воды осталась жидкой. С развитием жизни появился фотосинтез, и постепенно воздух превратился в кислородно-азотную смесь, характерную для террестридных планет.

Гелий оказал довольно интересное воздействие на биологию, но и этим никто особо не заинтересовался. Как-никак, гипердрайв открыл путь к нескончаемым чудесам, а разведчики обычно выбирали самые из них эффектные. Парадокс лежал в сотне парсеков от Солнца. До многих тысяч миров добраться было легче, на многих из них жилось приятнее и безопаснее. Экспедиция улетела, а последователей не воспоследовало.

Вначале она ненадолго посетила соседнюю звезду, где на одной из планет разумные существа развили многообещающий набор цивилизаций. Но таких и рядом с домом хватало.

За эрой научных исследований последовала эра коммерческой экспансии. В секторе начали появляться торговцы. На Парадокс они внимания не обратили — доходов там не предвиделось, — но населенную планету соседней системы исследовали. На языке самой развитой из местных цивилизаций планета называлась «Триллия», что и стало ее названием на латыни Лиги. После прилета людей туземцы, чья техника находилась на уровне первой промышленной революции, прямо загорелись желанием приобщиться к чудесам современности.

* Минимальное от центрального тела расстояние, на котором может двигаться спутник, не подвергаясь опасности быть разорванным приливными силами.

К сожалению, очень немногие их товары могли найти спрос на других планетах; кроме того, даже по меркам Торгово-технической Лиги они жили у черта на рогах. Из-за очаровательных произведений искусства на Триллию изредка заезжали, но лишь тогда, когда крюк получался не очень большим. Заодно это позволяло послеживать за туземцами. Не имея средств, чтобы покупать у Технической цивилизации необходимые устройства, они начали изобретать все сами.

Наружной двери не было, ее заменяли раздвинутые Брайсом Харкером и вновь сошедшиеся за его спиной цветущие, пряно пахнущие лианы. Комнату заливал золотистый солнечный свет, косо проникающий сквозь прорезанные в округлой стене стрельчатые окна; мебели на деревянном полу было совсем немного, только несколько стульев да низкий столик с кристаллом горного хрусталя причудливой формы. По триллианским стандартам потолки считались высокими, но Харкеру, с его средним для человека ростом, приходилось пригибаться.

Витвит выбежал из соседней комнаты, отложил в сторону томик стихов, который только что читал, и пропищал:

— О, добро пожаловать, милый человек, — О-ooo!

На него смотрел ствол бластера.

— Стой на месте, — осклабился Брайс. Висевший на его груди вокалайзер превратил эти слова в высокие, певучие звуки ленидельского языка. Однако ни словаря, ни грамматики устройство не меняло. Харкер точно знал: опустив без извинений все витиевато-вежливые формулы общения, он наносит собеседнику смертельное оскорбление.

Этого он и хотел.

— Мой... мой... мой дорогой друг из почитаемого Солнечного Содружества, — запинаясь, начал Витвит, — наверное, это... это, наверное, шутка, которую мне, простому пилоту, не понять. Я с радостью посмеюсь, если ты этого хочешь, а потом — мы... мы выпьем чаю с пирожными. У меня есть настоящий «лапсан сучон» с Земли, и совсем недавно я нашел изумительный рецепт пирожных...

— Тихо! — рывкнул Харкер. Его взгляд скользнул по окнам. Всю землю между красноватыми стволами деревьев устилал феерверочной яркости ковер из цветов, в воздухе трепетали маленькие, пестрые крылья; вдали слышался шум Водопада, Звонящего Подобно Стеклянным Колокольчикам. Аннанны, как и большинство городов Ленидела, основного государства Триллии, раскинулась в зелени лесов и парков. Несмотря на это, здесь жило порядка двух миллионов триллианцев, и все они

были при деле. По небу летело три самолета. В любой момент какой-либо прохожий или велосипедист, появившийся на Тропинке Прекрасных Цветов И Моста, Изгибающегося, Слозно Музыкальная Нота, мог задаться вопросом, с чего бы эти двое застыли в таком напряжении дома 1337.

Витвит окинул взглядом комбинезон и обувь Брайса, сверток за его плечами, резкие черты худого лица, черный глазок ствола. Слезы затуманили его большие синие глаза.

— Я чувствую, что вы вязались в какое-то отчаянное предприятие, которое наносит ущерб вашей внутренней, все еще, по моему мнению, существующей доброте, — дрожащим голосом произнес триллианец. — Могу ли я просить о чести получить милостивое соизволение помочь вам в вашей беде?

Харкер зло сощурился, глядя на триллианца. «Интересно, а все-таки что мы знаем об этой породе? Паршивый нечеловек — хотя до сих пор я не имел ничего против его существования». В ушах у него стучало, тело покрылось потом, в пересохшем рту стоял противный, какой-то ватный привкус.

Хотя чего, собственно, было бояться? Пленник выглядел совершенно беспомощным. Витвит был двуногим прямоходящим, но в его неуклюжем теле от разлапистых ступней до больших, похожих на раковины ушей едва ли набирался метр. На каждой из двух тонких, как палки, рук — по четыре жалких, напоминающих соломинки пальца. Шарообразная голова, короткая, тупая морда с влажным черным носом, крошечным ртом, дрожащими усами и мохнатыми, косо посаженными бровями. Подобная внешность, вкупе с хвостом и покрывающим все тело серебристо-серым мехом, дали Олафсону повод заметить, что единственная опасность, исходящая от данной расы, — они такие хорошенькие, что от этого может вытошнить.

На Витвите не было ничего, кроме прихотливо расшитого кимоно с розовым кушаком, завязанным бантиком. Оружие отсутствовало — да и знал ли он вообще, что с тем оружием делают. Триллианцы всеядны, но, казалось, не проходили через стадию охоты в своей эволюции. Войн у них не бывало, а насилие против личности ограничивалось нечастыми драками.

«Но тем не менее, — думал Харкер, — у них хватило мозгов, чтобы выбраться в глубокий космос. Осмелюсь заметить, что даже невооруженный полицейский — Блюститель Вежливости — может использовать свою машину против нас как таран. Торопись!»

— Слушай, — сказал он. — Слушай внимательно. Ты, конечно, слышал, что у большинства разумных существ встреча-

ются представители, которые ничуть не гнушаются использовать грубую силу и убийство не только для самообороны.

Витвит утвердительно махнул хвостом:

— Я до глубины души поражен этим фактом, учитывая, что он затрагивает расы, чьи достижения превосходят все возможные похвалы. Однако не только я со своими скромными умственными способностями, но и самые выдающиеся наши мыслители тщетно пытались понять...

— Заткни хайло! — Вокалайзер издал бессмысленные звуки; сообразив, что закричал по-английски, Харкер снова перешел на ленидельский. — Предлагаю не терять времени. Мои партнеры и я только притворяемся, что прилетели сюда для торговли; на самом деле мы хотим получить триллианский космический корабль. Проект настолько важен, что при необходимости мы будем убивать. Только попробуй помешать, мгновенно превратишься в кучку липкого пепла, за мной не заржавеет. Ты — не единственный, через кого мы можем действовать, есть и другие пилоты, так что не воображай, будто, пожертвовав собой, ты сможешь нас остановить. С другой стороны, ты — самый удобный вариант. Слушайся — и будешь жить. Нам ни к чему тебя убивать. — Он помедлил. — Мы даже можем отправить тебя домой с приличной суммой денег. Нам это будет по карману.

Вставшая дыбом шерсть Витвита произвела бы потрясающее впечатление на другого триллианца, на взгляд же Харкера, он просто превратился в пушистый шарик, обтянутый кимоно, размахивающий хвостом и выпускающий негодующие рулады:

— Но это же сумасшествие... если я могу так выразиться об уважаемом госте... *Наш* неуклюжий, громыхающий, хрупкий, ненадежный, примитивный корабль, когда вы прилетели на судне, отражающем столетия развития? Зачем, зачем, зачем, во имя всего святого, зачем?

— Потом узнаешь, — неопределенно пообещал Харкер. — Ты завтра должен лететь в обычный рейс снабжения на базу Гвинсай, правильно? Сегодня днем ты поднимешься на борт, чтобы сделать последний осмотр и подготовиться к старту. Мы пойдем с тобой. Ты должен отправиться через час, а значит, вещи уже сложены. Видишь, я не зря добивался твоей дружбы. Так, а теперь медленно иди передо мной, принеси сюда свой багаж и распакуй его, а я проверю, что там у тебя есть. Потом выходим.

Витвит еще раз посмотрел в черный глазок бластера. По его телу пробежала дрожь, встопорщенная шерсть жалко обвисла; волоха по полу хвост, он пошел во внутренние комнаты.

Завидев своего главаря, сопровождаемого уныло плетущимся триллианским пилотом, приземистый Лео Долгоров и пепельный блондин Эйнар Олафсон облегченно вздохнули и хором выругались.

— Чего так долго? — поинтересовался первый. — Спал ты там, что ли?

— Нет, он просто ввязался с этим типом в соревнование по расшаркиванию ножкой, поклонам и умачиванию друг друга елеем, — нехорошо ухмыльнулся Олафсон.

— Проблемы? — спросил Харкер.

— Н-нет... трое или четверо прохожих остановились поговорить — мы рассказали им легенду, и они отстали, — сказал Долгоров. Харкер кивнул. Он долго думал, как его охранникам объяснить свое присутствие здесь — они-де собирались нанести Витвиту визит, но ждали, пока личный друг пилота, Харкер, сделает ему подарок. Ложь должна быть правдоподобной, а триллианский разум отличается от человеческого.

— Правда, все висело на волоске, — начал Олафсон, но тут же смолк, заметив выехавшего из-за поворота и тут же разразившегося целой трелью цветистых приветствий велосипедиста.

Разговор становился неизбежным. Сейчас в Витвита никто не тыкал бластером, но в каждой кобуре рядом с его головой оружие было наготове. (Харкер и его приятели приложили массу усилий, убеждая всех и каждого, что ношение оружия — мирный, но высоко символический обычай в их части Технического сообщества и что без оружия они будут чувствовать себя еще хуже, чем бритый триллианец.) Насколько понял до предела напрягшийся Харкер, ответ пилота был вполне обычным. Но, видимо, что-то в его интонациях выдавало некую потерянность, и велосипедист остановился.

— Ты чувствуешь себя вполне превосходно, дорогой друг? — спросил он.

— Конечно же, наипочтеннейший Пвидди, и все мои мысли полны глубочайшей признательности за твою постоянную дружескую заботливость, — ответил Витвит. — Я... э, эти добрые гости, принадлежащие великолепной культуре покорителей звезд, делились со мной опытом — о, я просто обязан рассказать тебе об этом позже, дорогой друг! — и, естественно, меня это погрузило в раздумья, ведь вскоре я отправляюсь в новое путешествие. — Руки, хвост и усы говорящего непрерывно двигались. «Что означают эти жесты? — холодея от ужаса думал Харкер, но затем стиснул зубы. — Кто не рискует, тот не пьет шампанского». — Нижайше прошу простить меня, что я убегаю после столь непродолжительной беседы. Но у меня есть

обязательства, требующие выполнения, и до того, как я лягу спать, мне много еще надо проехать.

— Понятно. — Потратив всего какие-то пять минут на то, чтобы раскланяться со всеми, Пвидди укатил. За это время мимо прошло еще несколько триллианцев, однако ни один воспитанный человек не вмешивается в чужой разговор, даже для приветствия, поэтому проблем они не создали.

— Пошли, — прохрипел Долгоров.

За маленьким домиком с островерхой крышей располагалась беседка, а в ней — личный флиттер Витвита, машина большая и роскошная — достаточно большая, чтобы три человека могли втиснуться на задние сиденья, что тоже было частью плана Харкера. Аэрокар, использовавшийся людьми во время их пребывания на Трилли, имел чересчур инопланетный вид, и его бросили.

— Заводи! — Долгоров ударил Витвита кулаком.

— Ты что, озверел? — схватил его за руку Олафсон. — Хочешь голову ему оторвать, что ли?

Витвит согнулся над приборной доской, крепко зажмурил глаза и дрожал, пока Харкер не пнул его в бок:

— Нечего падать в обморок.

— П-прошу прощения. Жестокость так потрясла меня, — Витвит весь сжался, услышав их хохот. Его пальцы двигали рычаги и нажимали кнопки. Управления жестами в световом поле здесь не знали, не говоря уж об автопилоте, получающем команды с голоса. Перегруженный флиттер карабкался в небо. Гравитационный двигатель била дрожь, но Харкер решил, что до космопорта эта калоша как-нибудь дотянет. А потом ничто не будет иметь значения, кроме отлета с планеты.

«Не то чтобы это было плохое место», — думал он. Размер, тяготение, атмосфера, восхитительные на вкус виды жизни — все как на Земле, которой Земля перестала быть, а может, никогда и не была. Широкий горизонт, высокое небо, омываемое светом и дождем. Выглядывая наружу, он видел леса тысячи оттенков зеленого, луга, блеск рек, изредка — россыпи кукольных домиков, золотисто-коричневые поля спеющих хлебов и мягкую пышность цветоческих ферм. Впереди поднималась белоснежная, как Фудзи, Гора, Главенствующая Над Ленидельским Восходом Луны. Солнце, более желтое, чем земное, окрашивало золотом и ее, и немногочисленные облака.

Мягкий мир для мягких людей. Слишком мягких.

Тем хуже. Для них.

К тому же, пожив здесь шесть месяцев, выросшая в городе троица готова была на стенку лезть от тоски. Харкер достал сигарету и глубоко затянулся, наполнив легкие едким дымом.

«А ведь мне почти хочется, чтобы там вышла какая-нибудь драчка», — с ненавистью подумал он.

Но ничего не случилось. Полгода тяжелой, терпеливой разведки сторицей себя окупили. Помогло и то, что триллианцы — ну, нельзя даже сказать, что их служба безопасности работала спустя рукава, им просто и в голову не приходила ее необходимость. Витвит связался по радио с диспетчером, получил «добро» и направил флиттер через открытый грузовой люк прямо в трюм своего корабля.

Из построек Технической цивилизации порт напоминал разве что отдаленные и самые редко посещаемые аванпосты. Да и то сказать, триллианцы за пятьдесят лет прошли путь от винтовых самолетов до космических кораблей. Такая сосредоточенность на исследованиях и развитии шла неизбежно за счет снижения производства и эксплуатации. Немногие сделанные ими корабли являлись лишь экспериментальными моделями, для содержания нескольких созданных ими на соседних звездах научных баз хватало трех-четырех грузовых судов.

Сооруженный на высоком, продуваемом холодным ветром плато триллианский космопорт представлял собой железобетонный пятачок с парой зданий и башней диспетчера по краям. Сейчас здесь стояли два корабля. С одного, по случаю ремонта, была снята половина обшивки, рядом с ним сушили пушистые фигурки. В самом дальнем углу площадки толстой сигарой, расписанной веселенькими — розовыми и голубыми — растительными узорами, возвышался на своих посадочных опорах корабль Витвита. Размером не меньше, чем грузовик класса «Дромонд»; он брал, однако, меньше тысячи тонн полезной нагрузки. Все место съедали примитивные системы двигателей, управления и жизнеобеспечения.

— Желаю тебе очень-очень приятного путешествия, — раздался по радио голос начальника порта. — Не окажешь ли ты мне честь, приняв приглашение отобедать? Моя жена, если мне позволят похвастаться, открыла замечательные кулинарные свойства некоторых водорослей с Гвинсая, а я, дорогой друг, хотел бы услышать твое мнение о новой стихотворной форме, с которой я сейчас экспериментирую.

— Нет... благодарю тебя, нет, невозможно, прошу прощения... — Трудно было сказать, дрожь в голосе Витвита была следствием страха или табачного дыма, заставлявшего его кашлять. Триллианец резко бросил флиттер в корабль.

Получив разрешение на взлет, «Безмятежность Уважаемого Философа Иттиту» поднялась в рассветное небо. Когда Триллия превратилась в уменьшающийся на фоне звезд сапфир с облачными прожилками, Харкер глубоко вздохнул:

— Теперь можно расслабиться.

— Где? — проворчал Олафсон. В единственной каюте три человека едва помещались. Спать им придется по очереди в коридоре, ведущем к двигательному отсеку. А путешествие обещало быть долгим, из-за хилого гипердрайва этот корабль полз с максимальной псевдоскоростью один световой год в сутки.

— Как же, мы можем любоваться прелестной настенной росписью. — Долгоров с ненавистью пнул покрытую сложным орнаментом переборку.

Витвит, поникший над приборной доской, дернулся, как от боли:

— Прошу вас, добрый, милостивый сэр, не царапайте произведение искусства.

— А тебе-то что? — спросил Долгоров. — Ведь ты на этой куче хлама все равно больше летать не будешь.

Витвит заломил руки:

— Все равно не надо их портить. Вдруг будущий хозяин их оценит? Я *столько* времени потратил, выписывая все до мельчайших деталей.

— Так вот почему у вас на кораблях летают по одному, — рассмеялся Олафсон. — Мне всегда казалось опрометчивым отсутствие хотя бы одного запасного пилота. Будь на борту два триллианца, они так поцапались бы насчет внутренней отделки, что дошли бы до состояния полной невменяемости.

— Что вы, нет, — чуть спокойнее возразил Витвит. — Обслуживающий персонал сведен до одного человека, потому что на деле больше и не требуется. Межзвездный перелет осуществляется автоматически, а тот, кто находится на борту, занимается исключительно обслуживанием. Если этот единственный член экипажа пострадает во время полета, корабль сам встанет на орбиту вокруг планеты назначения, и на его борт поднимутся другие. Дополнительный экипаж лишь попусту займет место, необходимое для пассажиров. Я удивлен, что вы, сэр, со столь сильным интеллектом, столь долго изучая нашу практику межзвездных полетов, не знали...

— Да знал я, знал! — Олафсон взмахнул руками, насколько позволял потолок. — Стоит задать риторический вопрос, и сразу получаешь развернутый ответ.

— Могу ли я, в свою очередь, нижайше просить посвятить меня в причины, побудившие вас... отторгнуть... космический корабль, до смешного не соответствующий стандартам вашего, о, столь умудренного общества?

— Можешь. — Теперь, когда все уже было позади, Харкер пришел в великолепное расположение духа. Удалось. И вправду удалось. Он сел на мягко обитую, благоухающую палубу и

закурил сигарету. Его потряхивало в такт гравитационному двигателю: неуклюжая система рассеивала энергию. Создаваемое ею тяготение волнообразно менялось.

— Полагаю, мы вполне можем назвать себя преступниками, — сказал он. — По-ленидельски это звучало несколько мягче. — Дома нам не остаться в живых, если кое-кто узнает о некоторых наших делах... Но мы никогда не получали с этого больших денег. А теперь — получим.

Продолжал он из чистого бахвальства:

— Ты знаешь, мы прилетели на Триллию полгода назад, на корабле, скупавшем произведения искусства. Мы привезли с собой кое-какие товары и объявили о своем намерении осесть здесь на время, чтобы выяснить возможности создания постоянной торговой точки и регулярных челночных рейсов на какую-нибудь из технологических планет. Так считал и капитан корабля. Он отговаривал нас, убеждал, что дело не выгорит, и мы просто застрянем на Трилии, пока рядом не окажется очередной корабль Лиги, а вряд ли это случится раньше чем через год. Но мы продолжали настаивать и заплатили за проезд, так что он просто пожал плечами. — Харкер тоже пожал плечами.

— Ты мне это рассказывал, — проговорил Витвит. — Я был неимоверно восхищен вашей, как мне казалось, дружбой.

— Мне нравится твое общество, — улыбнулся Харкер. — Ты вообще ничего медвежонок... В основном мы взялись за тебя, выяснив, насколько ты подходишь для наших целей: постоянный пилот транспортника, холостяк — не будет проблем с семьей, трепло, из которого можно выкачать любую необходимую информацию. Похоже, мы оказались правы.

— Хотелось бы надеяться, — мрачно добавил Долгоров. — Эти товары стоили нам всех денег, которые мы могли наскрести вместе. Я вкалывал два года кряду и жил как монах, чтобы внести свою долю.

— А теперь мы будем жить как факиры, — сказал Олафсон. — Но потом — потом!

— Очевидно, вашей целью был триллианский корабль, — вежливо вставил Витвит. — И это меня поражает.

— Корабль как таковой нужен нам лишь для демонстрации, — ответил Харкер. — Нам нужны его планы, чертежи. Их легко будет составить, имея сам корабль и руководства по обслуживанию, находящиеся на борту.

Витвит повел ушами:

— Вы собираетесь опубликовать данные из научного интереса? Очевидно, что для существ, чьи предки летали на более совершенных моделях сотни лет назад, если они вообще летали на чем-то столь же грубом, — очевидно, что интереса нет ни-

какого. Хотя... возможно, многие, по вашему мнению, заплатят за удовольствие наблюдать наши жалкие попытки? — Он развел руками. — Но ведь вы могли почти даром купить полное описание, или, наконец, можно было попросить меня, я был бы безмерно счастлив достать комплект и подарить его вам. — С робкой надеждой в голосе он продолжил: — Как видишь, дорогой друг, решительные действия совсем необязательны. Давайте вернемся. Я сообщу, что вы остались на борту по ошибке...

Олафсон заржал, а Долгоров ответил:

— Даже ваши власти не могут быть настолько дурковатыми.

Харкер раздавил окуроч о палубу (пилота передернуло) и неторопливо стал объяснять:

— Этот корабль нужен нам именно из-за своей примитивности. Когда первые люди вступили с вами в контакт, эра электроники у вас еще не началась. Они или кто-то позже привезли вам книги по физике. Потом ваши умные парни поняли теорию таких вещей, как контроль над гравитацией и гипердрайв. Но с инженерной практикой все обстояло несколько иначе.

Чертежей космических кораблей у вас не было, а когда наконец появилась возможность о них спросить, обнаружилось, что идеалистический период Технической цивилизации уже закончился и дело приходится иметь с крутыми ребятами. А назначенная цена намного превосходила ту сумму, которую вся планета могла набрать в валюте Лиги. И это была цена всего лишь чертежей, не говоря уж о самом корабле. Не знаю, известно ли это тебе лично — вообще, это не секрет, — но такова политика Лиги. Ее компании связаны соглашением.

Однако мешать кому-то самостоятельно выйти в космос они не собирались. Возьмем, к примеру, Триллию. Вы, скажем, в общих чертах узнали, что такое транзисторы. Но это не давало вам возможности их производить. Они, да и еще миллион разных необходимых вещей, требуют целого промышленного комплекса. Чтобы придумать и построить его с учетом неизбежных ошибок в процессе, потребуются минимум десятилетия, к тому же придется привлечь все население и жить в бедности, ведь весь капитал надо будет вкладывать в дело. Вы, триллианцы, были достаточно сообразительны, чтобы не платить такую цену. Вы решили продвигаться медленнее. Но в то же время ваши ученые и любители приключений изнемогали от желания полететь в космос.

Я согласен, что и здесь вы поступили разумно. Вы поняли, что не можете сразу перейти от ранних двигателей внутреннего сгорания к совершенным космическим кораблям — к цельной системе, состоящей из термоядерной энергетической установки, полумозговых навигационных и инженерных компьютеров,

полностью автономной системы жизнеобеспечения; и все это должно работать с использованием микросхем, переходов на молекулярном и ядерном уровнях и силовых полей, а не на разных там шестеренках и кривошипах. Боюсь, еще не одно ваше поколение не сможет построить подобное.

Но вы смогли продвинуться, создав огромные, неуклюжие, но работоспособные атомные реакторы. Для создания необходимых сил и управления ими вы использовали электронные лампы и километры проводов. Можно хранить данные на ленте, а не в молекулах, выводить их на экран кинескопа, а не с помощью квантово-полевого сканера, строить компьютеры на миниатюрных газонаполненных элементах, срабатывающих за микро-секунды, а не на фотонных переходах, которым требуются на это наносекунды.

Вы похожи на островитян, не знавших ничего, кроме каноэ, пока мимо не проплыла атомная подводная лодка. Скопировать ее они не могли, но зато придумали поршневую паровую машину для вращения винта, приделали воздухопровод, чтобы можно было погружаться — и готово. На чужих она, конечно, впечатления не произведет, но океан худо-бедно переплыть сможет, да и соседей в священный трепет повергнет.

Харкер прервался, чтобы перевести дыхание.

— Понятно, — медленно проговорил Витвит, подергивая хвостом. — Вы сможете продать наши изобретения софонтам, находящимся на протойндустриальной стадии технологического развития. Идея гениальная. Но почему просто не купить эти планы для перепродажи?

— Да все эта чертова Лига, лезет не в свое дело, — сплюнул Долгоров.

— Дело в том, — объяснил Олафсон, — что технологию постройки современных космических кораблей в свое время продали не очень современным людям. Некоторые из них даже не подошли к индустриализации, они были варварами железного века с единственной мыслью в башке — как бы что-нибудь завоевать и пограбить. Чем они и занялись, получив самопилотирующиеся, самообслуживающиеся и тому подобные корабли. Пограничным планетам это стоило жизней многих людей, да и материальный ущерб был не маленький. Однако по крайней мере до сих пор ни один варвар не мог скопировать такой корабль. Стоит отловить всех пиратов и воинствующих правителей — и все дела. Во всяком случае, Лига на это надеется. Она запретила подобную торговлю. — Он прочистил горло. — Я не говорю о расах, способных без посторонней помощи выйти в космос и к тому же не представляющих видимой угрозы. Вы можете покупать все, за что сможете заплатить. Цены на некоторые вещи столь

велики лишь для того, чтобы вы не стали сразу конкурировать с давно образованными компаниями. Они предпочитают, когда новички постепенно вживаются в обстановку и под них можно подстроиться.

Но агрессивные, воинственные культуры, не заинтересованные в мирных соглашениях, — совсем другое дело. Категорически запрещено поставлять им что бы то ни было, способное помочь им выбраться за пределы своей планеты меньше, чем за сотни лет. Если агенты Лиги ловят кого-то на этом, они не сажают тебя в тюрьму для исправления, как это делает правительство, а просто пристреливают на месте.

Харкер скорчил гримасу.

— Однажды я видел телевизионное интервью, — заметил он. — Старина Ник ван Рийн сказал, что он бы таких нарушителей вешал, а не расстреливал. Веревка-де, она много-разовая.

— А этот корабль можно скопировать, — выдохнул Вит-вит. — Под руководством нескольких инженеров высокоразвитой цивилизации существа с более низким, чем у нас, уровнем технологии за сравнительно короткое время смогут наладить производство модели, приспособленной для себя.

— Я обучался инженерному делу, — сказал Харкер. — Лео — тоже, а Эйнар провел несколько лет на планетке, где у одной королевской семейки были грандиозные амбиции.

— Но ведь начнется кошмар! — возопил триллианец. Он уставился на каменные лица людей. — Вы не осмелитесь вернуться домой, — сказал он.

— А мы и не собираемся, — возразил Харкер. — При дворе Воителей у нас будет власть, богатство и все, что к ним прилагается, в количествах больших, нежели можно истратить за всю жизнь. Развлечений тоже хватит. — Он улыбнулся. — Понимаешь, построить космический флот с нуля — это красивая задачка. Думаю, что такое занятие мне понравится.

— А... а Торгово-техническая Лига не примет меры?

— Вот потому мы так и действуем. Узнай они о продаже планов, так ведь не успокоятся, пока не прижмут к ногтю наш проект. Но кого же заинтересует пропавший нетехнический корабль, а наше место назначения далеко за пределами сферы их обычной деятельности. Никто ничего не заметит, пока не объявится такая большая межзвездная империя, с которой им не справиться. А мы по мере роста наших ресурсов и возможностей будем обновлять и промышленность, и флот.

— Все улажено, — сказал Олафсон. — Мы станем принцами, как только появимся на земле Воителей с обещанным кораблем.

— А потом — королями, — добавил Долгоров. — Ты, чу-
жак, ве́ди себя соответственно. Ты не шибко нам нужен. Я и
вообще подумываю, не вышвырнуть ли тебя в шлюз.

Несколько минут Витвит молча дрожал.

«Безмятежность и т. д.» улетала от золотого солнца Трил-
лии; в отличие от кораблей земных, она пока не могла перейти
на гипердрайв из-за слишком сильного гравитационного поля.

Харкер провел это время, осматривая корабль сверху донизу.
Он уже однажды видел подобный корабль, но не осмелился тогда
попросить о столь подробной демонстрации, какой возжелал
сейчас.

— Я хочу до конца разобраться в доставшемся нам чуде, —
сказал он, лично собирая и разбирая вновь громоздкую систему
регенерации воздуха. Такая возможность имелась, большая часть
оборудования была продублирована на случай неожиданной по-
ломки в полете. Среди контейнеров с грузом для исследователь-
ской команды на Гвинсае он с удивлением обнаружил узкий
цилиндр длиной в сто двадцать сантиметров.

— Ведь это курьер, построенный в Солнечной системе! —
воскликнул Брайс.

Витвит энергично зажестиковал, соглашаясь с ним. Он
из кожи вон лез, чтобы угодить захватчикам.

— Для срочных сообщений, превосходный сэр, — проле-
петал он. — Гипердрайв, автопилот, радио, по прибытии на-
чинающее работать, пока кто-нибудь не возьмет вложенное
письмо...

— Знаю, знаю. Но почему вы не построили их сами?

— Если вы соблаговолите вдуматься, то поймете, что все,
построенное нами, оказалось бы слишком медленным и нена-
дежным, чтобы с хорошей вероятностью обеспечить получение
помощи. Учтите к тому же, что вряд ли на Триллии окажется
корабль, готовый к старту. Поэтому курьер, как можно видеть
из программы, настроен на заметно большее расстояние — чтобы
покрыть которое не требуется, однако, слишком много времени,
ведь построенные вами устройства значительно быстрее — на
планету, э-э-э, Оазис... Английское слово, означающее краси-
вый, прохладный, освежающий приют, правильно?

Харкер нетерпеливо кивнул:

— Да, у одной из компаний Лиги там небольшая база.

— Мы договорились, что они по требованию вышлют по-
мощь. За деньги, разумеется. Ведь для нашей бедной экономики
даже такая смехотворная старая калоша, как эта, все же круп-
ное вложение, и подстраховаться не мешает.

— Понятно. Я и не знал, что вы купили эти штуковины —
не то чтобы на них должны быть искусственно вздутые цены,

они значат не больше прыностей или медицинского оборудования. Конечно, я не мог знать все подробности заранее, в особенности вещи, которые вы считаете настолько само собой разумеющимися, что даже и не упоминаете о них. — Харкер вдруг похлопал по круглой голове триллианца. — Знаешь, Витвит, а ты мне нравишься. Я прослежу, чтобы твоя помощь не осталась без награды.

— Достаточно проезда домой, — тихо сказал пилот, — хотя я и не знаю, как смогу показаться на глаза сородичам, став орудием, способствовавшим разрушениям и смерти миллионов невинных существ.

— Тогда не возвращайся, — предложил Харкер. — Все равно несколько лет мы не сможем тебя отпустить, а не то ты разболтаешь про наш план и координаты. Зато мы сможем, как и для себя, протащить на планету что пожелаешь и кого пожелаешь.

Маленькая фигурка выпрямилась, вынырнув из-под его ладони.

— Очень хорошо, — объявил Витвит.

«Так быстро? — поразился Харкер. — Да, он не человек, но...» Его раздумья прервала последовавшая реплика:

— На самом деле, дорогой друг, я должен развеять твое заблуждение. Мы не покупали курьеры, а просто их подобрали.

— Что? Где?

— Ты когда-нибудь слышал о планете, названной земными первооткрывателями Парадокс?

Харкер порывлся у себя в памяти. Перед отлетом с Земли он прочитал все записи, касающиеся окрестных звезд, какие только смог найти. Хотя людям это место известно было слабо, данных имелось дикое количество — солнца, миры...

— По-моему, да, — ответил он. — Большая такая, да? И еще атмосфера у нее какая-то дикая.

— Да, — быстро заговорил Витвит. — Это из-за нее Техническая цивилизация начала исследовать наш район. Но потом люди улетели. В последние годы, когда мы сами стали туда наведываться, мы нашли брошенный лагерь. Огромная масса оборудования, разработанного специально для Парадокса, там и осталась, ведь нигде больше оно не нужно, значит, и везти его никуда не стоит. Среди всего этого мы нашли и несколько курьеров. Думаю, их просто забыли. Ваша цивилизация может себе позволить расточительство, если я могу употребить это слово с должным уважением.

Он скрючился, будто ожидая удара. Его глаза блеснули в полумраке трюма.

— Хм, — нахмурился Харкер. — Да вы, наверное, вычи-
стили уже эту планетку.

— Нет, ничуть, — Витвит нервно пригладил взъерошив-
шуюся шерсть. — Нам тоже не нужны тракторы, сконструиро-
ванные на два и восемь g. На Парадоксе они могут работать
хорошо и дешево, ведь потребляют они сырую нефть, а рядом с
лагерем как раз обильные ее запасы. Но у нас уже были работа-
ющие от батарей гравитационные двигатели, хоть и устаревшие
по вашим меркам. Да и оружие, служившее для защиты от
животных, нам тоже совсем ни к чему. А колонизировать Пара-
докс у нас и в мыслях не было.

— Хм, — Харкер сделал жест рукой, будто отмахиваясь от
надоедливого голоса. — Хм. — Он засунул руки в карманы и
задумчиво побрел прочь.

После, прилично читая на ленидельском, он сверился со звезд-
ной лоцией. Статья о Парадоксе была краткой, будто из земной
книги; несмотря на ограниченность поля своей деятельности,
триллианцы встретили уже слишком много миров, чтобы позво-
лять себе пространные описания. Значились тип и координаты
звезды, параметры орбиты, плотность, состав атмосферы, диа-
пазон температур и прочая подобная информация. Не было ни
слова о пригодности для жилья, да этого и не требовалось. Перво-
открыватели не отравились и ничем не заболели, а у триллиан-
цев обмен веществ почти такой же, как у людей.

Гравитационное поле не настолько сильное, чтобы помешать
этому кораблю приземлиться, а потом взлететь. Погода тоже не
должна мешать, если с должным тщанием выбрать дорогу, ме-
сто там довольно спокойное. Кроме того, на худой конец можно
затормозить об атмосферу, благо, корабль для этого предназна-
чен, а Витвит — в своем роде умелый пилот...

Харкер обсудил свою идею с Олафсоном и Долгоровым.

— Это займет всего несколько дней, — говорил он, — а
мы можем найти что-нибудь действительно стоящее. У меня
всегда были серьезные сомнения в способности Воителей создать
нормальную промышленную базу достаточно быстро; несколь-
ко подобных устройств, разработанных хорошими инженерами
и к тому же легко копируемых, могут сильно улучшить дело.

— А вдруг там осталась одна ржавчина? — фыркнул Дол-
горов. — Уж больно давно было дело.

— Нет, тогда уже были доступны устойчивые сплавы, —
возразил Олафсон. — По сути своей, Брайс, мне твое предло-
жение нравится. Мне не нравится, что сажать нас будет наш
ручной ксено. Он запросто может умышленно разбить корабль.

— Этот дрожащий сопляк? — усмехнулся Долгоров. Он по-
вернулся к Витвиту. Тот сидел в кресле пилота, вытаращив

глаза, и слушал разговор на незнакомом ему языке. — Только по случайности, учитывая, как он напуган.

— В конце путешествия на этот риск все равно придется идти, — напомнил им Харкер. — Да и риском-то это не назовешь, у корабля очень хорошие системы защиты. В любом случае во время посадки я за ним буду следить, и пусть только попробует что-то сделать не так — убью на месте. Управление рассчитано не на меня, но я сумею снова взлететь, а после мы переделаем пульт.

— Попробовать стоит, — кивнул Олафсон. — Ведь мы терем лишь немного времени и пота.

Большую часть обзорного экрана занимал огромный Парадокс, темный мир, каемка на линии восхода — краснее, чем у Земли, зубцы гор, торчащие из полярных шапок и зимних снежных равнин, тропический лес и пампа, с одной стороны заканчивающиеся пустыней, а с другой — яростным прибоем океана, над которым три луны вели войну за прилив. Солнце тусклее земного и маленькое на этом расстоянии, но все же слишком яркое, чтобы прямо на него смотреть. Весь остальной экран занимала безграничная тьма, заполненная звездами.

На борту было очень тихо, только урчали силовая установка и вентилятор да дышали и бродили по тесной кабине люди. Воздух посинел от сигаретного дыма; Витвит сбежал бы в коридор, но его оставили на месте прижимать к носу вымоченную в одеколоне салфетку.

Харкер откинулся от обзорного экрана. Даже при полном увеличении примитивная электронно-оптическая система давала очень смазанное изображение. Но, освоив ее, облетая раз за разом спутник, Харкер решил, что сумеет прочесть эти змеящиеся следы.

— Действительно, лагерь и машины, — сказал он. — Деталей не видно, все заросло кустарником. Витвит, когда ваши были здесь в последний раз?

— Несколько лет назад, — прохрипел триллианец. — Наверное, кусты быстро растут. Вы согласны, что посадка безопасна?

— Да. Может, сломаем пару веток да придавим уйму кустов, но последние сто метров пройдем медленно, не выключая радарного, сонарного и граварного обзоров. — Харкер окинул взглядом своих людей. — Теперь надо рассчитать посадочную кривую, — сказал он, — но вначале я повторю, шаг за шагом, кто, при каких обстоятельствах и что будет делать. Я не собираюсь рисковать.

— О нет, — проскрипел Витвит. — Умоляю, дорогой друг, пожалуйста, не надо.

После напряженного полета приземление стало разрядкой. Разом замолчали все двигатели. Вокруг корабля свистел ветер. На экранах появились низкие толстые деревья с ажурными коричневыми листьями, рыжеватый подлесок; среди лиан и высоких раскачивающихся стеблей блестящие металлические предметы. Раннее вечернее солнце было почти пурпурным.

Через голову Витвита, сверяющегося с индикаторами, Харкер изучил приборную доску.

— Воздух, конечно же, пригоден для дыхания, — сказал пилот, — что освобождает нас от необходимости надевать эти пропотевшие старые скафандры. Разгерметизацию надо будет проводить постепенно, снаружи давление выше, чем здесь, а нам ведь не нужны больные уши? Температура... — он поежился. — Не забудьте, прежде чем выходить, закутаться с ног до головы.

— Ты выходишь первым, — сообщил ему Харкер.

— Что? О-о-о, дорогой, милый, хороший друг, нет, пожалуйста, нет! Там же *холодно*, почти мороз. А снаружи, без гравитационного генератора, вес утроится. Ну что я смогу такого сделать? Нет, позвольте мне остаться внутри, следить за домашним очагом — то есть, я хотел сказать, поддерживать температуру на должном уровне, — и я заварю вам самого замечательного чаю...

— Перестань трепыхаться и делай, что говорят, а не то голову оторву, — пригрозил Долгоров. — Угадай, что я сделаю с твоей шкуркой?

— Давайте выбирать, — сказал Олафсон. — Я не больше вашего хочу торчать в этом Хельхейме*.

Они чуть-чуть приоткрыли шлюз, и, пока воздух Парадокса просачивался внутрь, все, кроме Харкера, оделись так тепло, как это вообще было возможно. Тот собирался во время первых пробных выходов оставаться у пульта управления. К шуму ветра добавился свист втекающего газа. Из-за гелия звук получался неестественно высоким, и остаток путешествия придется с этим мириться, для замены воздуха на корабле не хватило бы запасных баллонов. Несмотря на отопление, сразу стало холодно, в ноздри ударил мерзкий запах чужой растительности.

«Но ведь к странным звукам можно привыкнуть, — думал Харкер. — И пусть местные организмы воняют — они безобидны. Хотя ими и нельзя было питаться, но зато и здешние микробы не могли прижиться на вашем теле. Если здесь и требо-

* Хельхейм — в скандинавской мифологии — царство Хель, дочери Локи, обитель мертвых. На редкость холодное и несимпатичное место.

валось серьезное оружие, так скорее против неповоротливых травоядных, нежели против тигров.

Что не исключало возможности использования этого оружия во вполне военных целях».

Дрожащий Витвит, укутанный в четыре кимоно, обернув хвостом лицо, с полуприкрытыми глазами подполз к служебному люку. Раскрылась внешняя створка, спустился трап. Харкер ухмылялся, глядя на крошечную фигурку, еле передвигающуюся под внезапно навалившейся тяжестью.

— Вы уверены, — спросил он компаньонов, — что сможете двигаться при таком тяготении?

— Конечно, — хмыкнул Долгоров. — Лишние полтора ста килограмм. Да я в рюкзаке больше утащу, а ведь там хуже распределение веса.

— Все равно будьте осторожны. Очень легко упасть и переломать кости.

— Я больше беспокоюсь о сердечно-сосудистой системе, — сказал Олафсон. — Некоторое время три *g* выдержать можно, но не очень долго. Через стенки клеток начинает сочиться жидкость, сердце испытывает слишком большую нагрузку. А у нас, в отличие от первой экспедиции, нет с собой граванала.

— Мы пробудем здесь всего несколько дней, — сказал Харкер, — и у нас есть возможность отдохнуть на борту.

— И то верно, — согласился Олафсон. — Вперед!

Сжав бластер, он пошел по трапу, за ним последовал Долгоров. Где-то внизу сжался в комочек Витвит. Харкер окинул взглядом блеклый, унылый пейзаж и, когда ветер дохнул холодом ему в лицо, обрадовался, что остается. Позже, конечно, придется выходить наружу, когда настанет его очередь, но сейчас он мог наслаждаться теплом и приличным тяготением...

Мир рванулся вверх и схватил его. Потеряв равновесие, Харкер свалился на палубу. Левая рука коснулась пола первой, и сквозь нахлынувшую боль он увидел, как ломаются запястье и предплечье. Он закричал, и из груди, борющейся с троекратной нагрузкой, вырвался слабый резкий звук. В тот же миг на корабле погасли все огни.

Витвит уселся на валун. Несмотря на возросший вес, спина его была прямой, и потому одежда, выделяющаяся цветным пятном на фоне темного леса, окружающего мертвый корабль, сидела на нем, будто на идоле какого-то божка правосудия. Высоко поднятый хвост весело трепетал на колючем вечернем ветру.

Триллианец посмотрел на три бластера, увидел страх, притаившийся в их глазах, и засмеялся.

— Уберите игрушки, а то поранитесь, — сказал Витвит, отбросив витиеватость и вежливость.

— Ублюдок, свинья, грязный, хитрый ксено, я убью тебя, — простонал Долгоров. — Медленно.

— Ну, для этого меня еще надо поймать, — возразил Витвит. — Мне повезло, я маленький, а значит, у меня отношение площади к объему больше, чем у вас. На мои кости, мышцы, сосуды, капилляры и стенки клеток действует меньшая удельная нагрузка. Здесь я могу двигаться быстрее вас и прожить дольше.

— Ну уж от бластера-то ты не убежишь, — сказал Олафсон.

— Не убегу. Можешь меня убить — это будет быстрая аккуратная смерть, я ее не боюсь. Послушайте, неужели из того, что мы, ленидельцы, соблюдаем некоторые правила вежливости и используем в речи определенные обороты, а в наших мужчинах поощряется развитие эстетических интересов, нужно делать вывод, что мы трусливы и изнеженны? — Триллианец щелкнул языком. — Если вы так считали, то совершили элементарную логическую ошибку, называемую нашими философами «не следует».

— А почему бы нам тебя не убить?

— Очень не советую. Видите ли, единственная ваша надежда — быстрое появление здесь корабля Лиги. Курьер работает на интегральных схемах, так что запустится и отсюда. Добравшись до Оазиса, он вызовет корабль, который сможет приземлиться, а затем и взлететь с Парадокса... через некоторое время. Триллианскому судну это не под силу. Даже если какое-нибудь и готово к отправлению, сомневаюсь, что Астронавтический Сенат позволит пилоту рискнуть зайти на посадку.

Спасатели, естественно, будут задавать вопросы. Я не могу представить себе, чтобы любая история, которую ваша троица может состряпать, выдержала неизбежную последующую проверку. А я, с другой стороны, смогу объяснить агентам Лиги, что вы просто летели с целью выяснить возможности для торговли, и мы застряли на Парадоксе из-за ошибки автопилота, выведшего нас на посадочную кривую. Я смогу сделать это *с подробностями*, вам же этого не удастся. Они вернут нас всех на Триллию, а там нет смертной казни.

Витвит пригладил взъерошенные ветром усы.

— Ну и последний вариант, — закончил он. — Умереть прямо здесь, и очень неприятным образом.

Взмахом сломанной руки Харкер остановил разъяренного Долгорова, а затем подал пример, спрятав свой бластер в кобуру.

— Боюсь, ребята... нас перехитрили, — он с трудом выдавил из себя эти мерзкие слова. — Но что случилось? Почему сломался корабль?

— Атмосферный гелий, — спокойно объяснил Витвит. — Одноатомная молекула гелия очень мала, поэтому гелий просачивается практически через любой материал и очень быстро отравляет усилительные радиолампы, кенотроны, тиратроны и прочие подобные элементы. Вы привыкли к технологии, давно отказавшейся от подобных вещей, и не знали этого факта, он просто не приходил вам в голову. Мы, триллианцы, разумеется, довольно хорошо знакомы с этой проблемой. Я — первый, кто вообще ступил на Парадокс. Вы должны были заметить, что мой курьер — современной модели.

— Понятно, — пробормотал Олафсон.

— Чем быстрее мы отправим сообщение — тем лучше, — сказал Витвит. — Кстати, надеюсь, вы не настолько глупы, чтобы думать о пиратском захвате корабля Торгово-технической Лиги.

— Конечно, нет! — сказали все, включая Долгорова, и остальные два бластера были спрятаны подальше.

— Последний вопрос, — сказал Харкер. Какая-то часть его сознания недоумевала, уж не боль ли является причиной его ненормального самообладания. Противоядие от испуга? Будет ли он рыдать, когда оно кончится? — Ты покупаешь жизнь, обещая сохранить наши. А откуда мы знаем, подходят ли нам твои условия? Что с нами сделают на Триллии?

— Не бойтесь, — заверил его Витвит. — Мы не так мстительны, как некоторые другие виды, и в наших законах нет понятия «исправление преступника». Правонарушители должны полностью возместить ущерб. Ваша компания обошлась моему народу в дорогой корабль и в ту часть груза, которую не удастся спасти. Вы должны будете предоставить технологические знания той же ценности. Условия работы будут вполне терпимыми. Возможно, вы успеете компенсировать ущерб и заслужить освобождение, еще не состарившись.

А теперь за дело. Сначала мы отправим курьер, а затем приготовим все необходимое, чтобы прожить до прибытия спасателей.

Он спрыгнул с камня, что никому из людей не удалось бы без ущерба для здоровья, и походкой завоевателя направился к ним сквозь сгущающиеся холодные сумерки.

ВРЕМЯ ПРОЩАТЬ

Неуютно встречать Рождество в такой обстановке — далекий захолустный угол Плеяд, мерзлая планета, тускло освещаемая лучами крохотного красного солнца, город, пять тысяч лет назад — гордый и великий, но давно уже обратившийся в руины, а вокруг — дикость, запустение. И среди этих развалин — полдюжины людей.

— Нет, — твердо отрезал мастер-торговец Томас Овербек. — У нас слишком много дел, чтобы разбрасываться человеко-часами на всякую ерунду.

— Совсем не ерунда, сэр, — возразил стажер-подмастерье Хуан Эрнандес. — На Земле это считается важным. Вся ваша жизнь прошла в новых, необжитых местах — вот вы и не понимаете.

— Только что из школы, всего семь месяцев при деле — и у него хватает нахальства поучать меня, как вести лавку. — Лицо Овербека, крупного, высокого блондина, начало наливать кровью. — Если ты уже усвоил все практические навыки, которым я должен тебя научить — можешь возвращаться хоть следующим рейсом.

— Извините, сэр. — Хуан смущенно потупился на исцарапанную крышку стола, за которым сидел мастер-торговец. — Я не хотел быть невежливым.

За окном виднелся безжизненно-стылый, окутанный багровым полумраком пейзаж с замшелым огрызком какой-то древней стены; на унылом, тоску наводящем фоне худощавый, темно-волосый и большеглазый стажер выглядел даже моложе своих шестнадцати лет. Однако Овербек понимал — невзрачный этот подросток в плохо подогнанном комбинезоне соображает очень и очень хорошо, иначе ему просто не закончить бы Академию в таком возрасте. И работающий, прямо горит энтузиазмом. Лига

торговала на необъятных просторах, торговцам требовались все новые и новые люди, способных новичков постоянно не доставало.

Эти практические соображения плюс малая толика личной симпатии заставили хозяина чуть сбавить тон, теперь он не рычал уже, а скорее ворчал.

— Нет! Если ты и кто-нибудь там еще желаете провести небольшой религиозный обряд — кто же будет возражать. Но именно небольшой. Да и вообще, что это за праздник такой? Дата на хронометре — и только. На хронометре, установленном по земному времени! А на Айвенго, — он махнул сигарой в сторону мрачного заоконного пейзажа, — год на треть меньше, зато уж сутки в два с половиной раза длиннее. В довершение здесь сейчас лето — хотя не закутавшись, из куюла носа не высунешь. Видишь, Хуан, я не хуже тебя пользуюсь неотъемлемым своим правом повторять прописные истины.

И он оглушительно расхохотался. Температура в жилых помещениях поддерживалась нормальная, а давление — такое же, как снаружи, одна четверть атмосферы, поэтому все звуки разносились с непривычной гулкостью.

— Хочешь верь, хочешь нет, — закончил торговец, — но я знаком с рождественскими традициями, в том числе и с очень древними. Но если ты вознамерился разукрасить тут все и устроить хоровое пение «Джингл Беллз» — это будет смех один.

— С вашего позволения, сэр, — упрямо мотнул головой Хуан, — я хотел бы возразить. На Земле, в Южном полушарии этот праздник тоже приходится на лето, к тому же никто толком не знает, в какое время года родился Христос. — Прежде чем продолжить, он решительно сжал кулаки. — И я ведь не о себе пекусь, хотя и помню, как это делается у нас дома. Скоро прибывает корабль, и на нем, говорят, есть маленькие дети. Они попадут в совершенно незнакомую, даже пугающую обстановку. А если мы встретим их таким вот торжеством — освоятся гораздо быстрее.

— Хм-м.

Овербек на минуту смолк, он выпускал клуб дыма за клубом и задумчиво мял подбородок. Приходилось согласиться, что мальчишка прав.

Конечно, ото всей этой мелочи пузатой не приходится ожидать ничего, кроме хлопот и неприятностей; Овербек заранее радовался, что очень скоро покинет Айвенго — еще несколько месяцев, и все задачи его группы будут выполнены. Но одной из этих задач было создание жизненных условий для тех людей, которые прилетят следующими, прилетят, чтобы поселиться

здесь надолго. Чем скорее освоятся с новым местом дети, тем скорее их родители смогут полностью отдаться работе.

А это очень важно. До самого последнего времени здесь была только маленькая резервная база снабжения кораблей, попавших в затруднительное положение. Затем некий ботаник обнаружил среди пустынной растительности другого континента траву «адир». Адир рос исключительно в местных, естественных условиях, и он выделял вещества, на основе которых можно синтезировать несколько очень ценных продуктов. Говоря попросту, на этой планете росли деньги, нужно было их подобрать. Группе Овербека поручили организовать базу, вникнуть в местные обычаи, подружиться с туземцами, и пусть они убирают адир — в обмен на, фигурально говоря, зеркала и бусы.

Все было вроде в порядке — насколько можно судить, когда тебя окружают сплошные тайны и загадки. Пришло время перевести торговлю на прочную, регулярную основу. Но люди не подпишут контракты на долгое время, если не смогут привезти с собой свои семьи. И не выдержат здесь долго, если семьям не понравится местная обстановка.

А Том Овербек не получит свои кругленькие комиссионные, пока база не профункционирует — и успешно — пять стандартных лет.

— О'кей, — пожал плечами мастер-торговец. — Валяй, если это не будет слишком уж мешать работе.

Его до крайности поразило, с какой охотой Рам Гупта, Николай Сарычев, Мамору Ногучи и Филипп Файнберг ухватились за затею Хуана. Ребята, конечно же, молодые, но далеко уже не мальчики — и, что самое главное, даже не объединенные общей верой. Но они готовились к празднику дружно, с шутками и смехом. Комнаты и коридоры украсились игрушками, вырезанными из фольги, скрученными из цветных проводов, склеенными из бумаги; воздух наполнили дразнящие кухонные ароматы. Все насвистывали и напевали бессмертные, с детства запомнившиеся мотивы.

Овербека не огорчало это необычное веселье — производительность работы от него только росла; правда, он немного поспорил, когда появилась мысль украсить базу и снаружи, но быстро сдался.

Да и не до того ему было.

Через пару айвенговских дней после разговора Хуан встретил своего босса под открытым небом. Тот беседовал с Раффаком.

И купол, и склады выглядели необычно, даже неуместно ярко. За ними вздымались серые стены Дахии, увенчанные сторожевыми башнями с округлыми пузырями огневых точек.

Стены сохранились заметно лучше, чем здания опоясанного ими города. Теперешнее, сильно поредевшее население ютилось по углам и подвалам не совсем еще рассыпавшихся домов и храмов. Немногочисленные аристократы обосновались в маленьких замках, столь же немногочисленные жрецы исполняли свои ритуалы за портиками храмов — за портиками с каменными идолами вместо колонн. Длинные, извилистые улицы были усыпаны пылью и мусором. В центре города располагался императорский дворец, точнее — то, что от него осталось. Эти развалины столетиями разбирались на камни, теперь они лежали бесформенной, бессмысленной грудой.

Обитатели города отличались от людей значительно более спокойным нравом. Даже сидящие в хлипких ларьках торговцы никогда не кричали, зазывая к себе покупателей. На мужчинах чаще всего были кожаные килты — и почти всегда оружие; женщины одевались в платья с зигзагообразными орнаментами. Богачи и армейские офицеры ездили верхом на животных, отдаленно напоминавших лошадей — лошадей с очень узкими мордами, покрытых не то мехом, не то чем-то вроде птичьего пуха. На копытах офицеров трепетали вымпелы с гербами давным-давно исчезнувших, утраченных провинций. Резкий ветер разносил стук копыт, топот ног, скрежет тележных колес, иногда — случайный вскрик или хриплый посвист флейты.

По человеческим меркам было холодно. Из рта Овербека вырывались клубы пара, вырывались и быстро исчезали в сухом воздухе. Редкие, необычные запахи жгли ноздри. В темном багровом небе висел тусклый красный диск солнца. Густые, непроглядные тени, все цвета — не те, неправильные, не такие, как на Земле.

— Мы встретили вас, как друзья, мы отвели вам место, мы помогали вам и трудом, и советами. — Слова Раффака, посланца Старейшин Города, звучали гулко и низко.

— Да, верно... и мы щедро вам заплатили, — ответил Овербек.

— Вы, в свою очередь, не должны лишать Дахию по праву принадлежащей ей доли богатства, которое принесет адир.

Четырехпалая рука с большим пальцем снаружи, а не внутри, как у человека, указала на циклопические ворота, за которыми начиналась поросшая тускло-зеленым кустарником равнина.

— И мы не просто хотим облегчить свою участь — это вы и так обещали. Когда-то Дахия возглавляла империю, простиравшуюся от моря и до моря. И хотя она сейчас лежит в руинах, мы, живущие здесь, храним память своих могучих предков, верно служим их богам. Так неужели дикари, бродящие по пустыне,

исполнятся богатства и силы, в то время как мы, потомки их властелинов, будем прозябать в слабости? А затем они затопчут эту последнюю искру славы и могущества? Нет, никогда!

— Кочевники считают пустыню своей, — напомнил Овербек. — И никто этого прежде не оспаривал.

— А теперь мы это оспариваем. Я пришел сообщить вам, что Дахия направила к Черным Шатрам послов. Они сообщат наше требование — Дахия должна получить свою долю урожая адира.

И Овербек, и потрясенный Хуан не отрываясь смотрели на высокого, величественного — даже *слишком* высокого и величественного — туземца. Мощное, с длинными конечностями тело возвышалось бы на хороших два метра, не наклонись оно сейчас вперед. Мохнатый хвост хлестал по полусогнутым ногам. Темно-красный мех, окружавший плоское лицо, переходил в гриву. Носа на лице не было — его заменяли расположенные под нижней челюстью дыхательные щели, — но огромные глаза фосфоресцировали зеленым блеском, небольшие уши стояли прямо, напряженно, острые зубы зловеще сверкали.

У Овербека появилось ощущение, будто что-то придавливает его к земле, ему потребовалось усилие, чтобы собраться.

— Вы поступили неразумно, — бесстрастно сказал он. — Отношения между Дахией и кочевниками крайне неустойчивы, иногда они переходят в насилие. Разразись сейчас война — и не будет никакой торговли адиром. Дахия много потеряет.

— Материальные ценности — да, потеряет. Но не честь.

— Вы уже уронили свою честь своими же действиями. Вы знали, что мои люди заключили соглашение с кочевниками. А теперь ваши Старейшины хотят изменить это соглашение, даже не поговорив с нами. — Овербек словно разрубил что-то ребром ладони — жест, обозначавший здесь гнев и решимость. — Я требую встречи с вашим Советом.

После непродолжительного спора Раффак согласился, назначил встречу на завтра и ушел. Овербек мрачно посмотрел ему вслед.

— Ну вот, Хуан, — вздохнул он. — Хороший тебе пример, какой непростой бывает наша работа.

— А эти племена, сэр, — поинтересовался мальчик, — они что, и вправду могут устроить неприятности?

— Надеюсь, нет. Хотя, — покачал головой Овербек, — что знаем мы, земляне, пробывшие здесь так недолго? Две различные культуры, каждая из них — со своей историей, своими верованиями, законами, обычаями, устремлениями — и обе они бесконечно далеки от культуры нашей.

— Ну и что же теперь будет?

— О, я думаю, кочевники начисто откажутся допустить на свою территорию сборщиков травы из Дахии. Тогда мне придется наново убеждать дахианцев, чтобы те позволили кочевникам доставлять урожай сюда. Вот так и получается, когда пытаешься склонить к сотрудничеству племена, разъединенные вековой враждой.

— А разве нельзя было организовать нашу базу в пустыне? — спросил Хуан.

— Всегда лучше иметь под рукой много рабочей силы, а кочевники — они не сидят на месте, — объяснил Овербек. — А кроме того... — На его жестком лице появилось нечто вроде смущения. — Конечно же, мы хотим получить свой доход, но ведь не грабить же этих бедняг. Дахия тоже выиграет от торговли адиром — будет получать таможенные пошлины, а заодно и улучшит отношения с кочевниками. Через какое-то время они смогут начать возрождение своей цивилизации. Это была великая цивилизация — пока ее не разрушили гражданские войны, а потом и нашествия варваров. — Он помолчал. — Только никогда не повторяй им мои слова.

— Но почему, сэр? Мне бы казалось...

— Тебе. А вот им так не покажется. И те и другие очень горды и вспыльчивы. Еще подумают, что мы им покровительствуем, и оскорбятся. И проявят это чувство самым неприятным для нас образом. Или усмотрят в нашем поведении какой-нибудь подкуп под их воинскую доблесть, или под их религию, или еще подо что-нибудь. Нет, — мрачно усмехнулся Овербек, — я изо всех сил старался поддерживать с ними прямые, простые отношения, отношения, не оставляющие места для ошибок и недопонимания. В глазах туземцев земляне — народ суровый, но справедливый. Мы пришли, чтобы заниматься торговлей, которая принесет нам — а также им — прибыль, и ни по какой иной причине. Хотят они, чтобы мы здесь остались — пусть создают для этого условия, пусть будут пайиньками. Все совершенно ясно и — как я надеюсь — понятно любому из них. Может, они и не пылают к нам любовью, но ненависти тоже не испытывают и готовы делать с нами дела.

Хуан думал возразить, но не мог найти слов.

— Так чего ты там хотел? — спросил Овербек.

— Я хотел отпроситься в горы, сэр, — горячо заговорил стажер. — Вы знаете эти кристаллы, которые встречаются по хребту Уола? Вот я и подумал — здорово они будут смотреться на елке. А работу я уже закончил, — добавил он. — И займет это всего несколько часов, если мне дадут флиттер.

— В такое время, когда того и гляди начнется драка? — помрачнел его начальник. — Насколько я слышал, Черные Шатры сейчас как раз где-то там.

— Но вы же сами говорили, сэр, что не ожидаете насилия. Кроме того, никто из местных ничего против нас не имеет. И они уважают нашу силу, верно ведь? Ну пожалуйста.

— Уважают. И я надеюсь сохранить в них это уважение. — Овербек на секунду задумался. — Ну ладно, пожалуй, и нету тут никакого риска. И, хм-м, землянин, отправляющийся так далеко в одиночку, — хорошая демонстрация уверенности в своих силах... О'кей, — решил он наконец. — Только возьми бластер. Будет опасность — стреляй, не задумываясь. Не то чтобы я ожидал заварушку — тогда бы я тебя не отпустил, — но все-таки... — Он пожал плечами. — Полной безопасности не бывает нигде и никогда.

Местность в трехстах километрах к северу от Дахии трудно назвать отрадой для глаза — рваный камень крутых горных склонов, бездонные пропасти, мрачные, коричневые утесы, единственная растительность — колючий кустарник да скрюченные ветхие деревца с измочаленными ветром листьями. Собирая кристаллы, то там, то сям выступавшие из песчаного грунта, Хуан скоро потерял свой флиттер из виду, но не очень об этом беспокоился; лежавший в его кармане приемник имел пеленгационное устройство, на летательном аппарате стоял радиомаяк, так что особых проблем не предвиделось. Поэтому, стараясь набрать полную сумку камней, он забрался значительно дальше, чем думал.

Айвенго вращается медленно, но и здешний день когда-то кончается. Хуан неожиданно заметил, как низко стоит тусклое красное солнце, как удлинились и погустели тени. И прежде холодный воздух стал ледяным, обжигал незащищенное лицо. Вечерний бриз шевелил кусты, тоскливо завыв какой-то зверь. Протекавший неподалеку ручей быстро покрывался коркой льда.

«Ничего страшного, — думал Хуан, — но я хочу есть и наверняка опоздаю к ужину, а босс обязательно разозлится». Хотя солнце еще не зашло, окружающее различалось с трудом — человеческое зрение приспособлено к яркому желтоватому свету Солнца. Хуан начал спотыкаться; счастье еще, что шкала радиоконпаса флуоресцировала — иначе потребовался бы фонарик.

И все равно он был счастлив; уже сама зловещая дикость обстановки вызывала подъем — новый, незнакомый мир, за которым обязательно последуют многие и многие другие. А скоро Рождество, уют и веселье, и воспоминания о доме — родителях, брате и двух сестричках, о tio Пепе и tia Кармен, о ма-

леньком мексиканском городке, о смехе детей, когда один из них промахивается палкой по pinata*...

— *Раелли, терратан!*

Стой, землянин. Хуан замер.

Крик застал его на самом дне ущелья, через которое лежал кратчайший путь к флиттеру. Солнце пряталось за одним из склонов, небо почти уже потемнело; кусты и валуны едва различались во мраке.

Слабый металлический отблеск, затем еще один — через мгновение во тьме проступили наконечники копий и металлический панцирь; остальные воины были в кожаных нагрудниках. Их фигуры оставались смутными, неопределенных очертаний пятнами, если не считать стального блеска огромных глаз.

Сердце Хуана упало.

«Это друзья, — попытался успокоить себя мальчик. — Народ Черных Шатров горит желанием сотрудничать с нами... А зачем тогда они меня здесь ждали? Их тут десятка два, зачем они прятались, а потом взяли меня в кольцо?»

Во рту неожиданно пересохло, Хуан с трудом заставил себя произнести непривычные звуки — слава еще Богу, что горожане и кочевники изъяснялись практически на одном и том же языке.

— П-приветствую вас. — Он отчаянно припоминал принятую в пустыне форму приветствия. — Я Хуан, сын Санчо, по прозвищу Эрнандес, верный последователь торговца Томаса, сына Уильяма, по прозвищу Овербек, и я пришел с миром.

— Я Токоннен, сын Удассы, вождь племени Эласси, — произнесло львино-величественное существо в панцире. В его голосе звучало полное презрение. — И мы не верим больше, что кто-либо из землян может прийти с миром.

— Что? — Ужас оглушил Хуана. — Но мы и вправду пришли с миром. Почему...

— Вы поселились среди народа Города — и теперь Город покушается на наши земли... Стоп! Я знаю, что это у тебя!

Рука Хуана уже сжимала бластер. Туземцы зарычали и отвели назад свои копыя, готовые метнуть их в чужака. Токоннен спокойно продолжал:

— Я слышал о таком оружии. Из него вылетает струя огня, ярче, чем солнце, и там, куда попадает эта струя, плавятся камни. И ты думаешь запугать этим мужей Эласси? Обнажай его, — презрительно добавил он, — если хочешь.

* В Латинской Америке — горшок, наполненный сладостями и игрушками, который на Рождество подвешивают на веревке. Дети с завязанными глазами бьют по нему палками, чтобы добыть содержимое.

Не совсем понимая, что же это он делает, Хуан выхватил бластер из кобуры — и тут же опустил его стволом вниз.

— Я только хотел пособирать здесь кристаллы...

— И кто же поверит этому, если ты меня убьешь? — прервал его Токоннен. — К тому же ты успеешь убить только двоих-троих из нас, а потом тебя пронзят копья остальных. Мы знаем, как плохо видит ваше племя даже в самом начале сумерек.

— Но что вам нужно?

— Когда мы увидели, как ты опускаешься — увидели еще издали, — мы сразу поняли, что нам нужно. Нам нужен ты, мы будем держать тебя среди нас, пока твои соплеменники не покинут Дахию.

Какой-то частью разума Хуан понимал, что попасть в заложники — это тот же самый смертный приговор. Он не мог есть местную пищу, изобиловавшую ядовитыми для человека протеинами. Более того, без хорошего запаса антиаллергена он умрет от удушья еще раньше, чем от голода, только как убедить в этом неграмотного кочевника?

Но другая его часть пыталась найти выход.

— Ну чего вы, собственно, взбесились? Неужели так уж страшно, если несколько городских обитателей придут сюда за адиром? Или... или вы можете ответить им «нет». Ведь можете, верно? Мы — земляне — мы не имеем никакого отношения к их посольству.

— Мы не можем позволить себе верить в вашу искренность — в искренность тех, кто явился сюда за наживой, — ответил Токоннен. — Что вам до нашей свободы, если наши враги предложат вам более выгодную сделку? И мы помним, мы все помним, даже за сто поколений мы не забыли Империю. И они, в Дахии, тоже помнят. Они восстановят ее, снова скуют нас своим владычеством — или вытеснят в гиблые места. Сборщики урожая будут шпионами, их приход станет началом завоевания. А эта земля — наша, она крепка костями наших отцов, она обильна плотью наших матерей. Она слишком священна, чтобы ее попирали имперский сапог. Тебе, торгашу, такого не понять.

— Мы хотим вам добра, — жалко прозаикался Хуан. — Мы дадим вам разные вещи...

Еле различимый на фоне сумрачного неба Токоннен высокомерно вскинул гриву. Его слова гремели, как удары колокола.

— И ты думаешь, что какие-то вещи могут быть нам дороже, чем свобода нашей земли? Отдай мне оружие, — произнес он уже более спокойно, — и пошли. Завтра мы доставим твоему вождю послание.

Воины сделали шаг вперед.

Дальше Хуан действовал инстинктивно, не раздумывая. Он просто *знал*, как нужно поступить. Вскинув бластер, он выстрелил прямо вверх.

От грохота вспоротого воздуха заложило в ушах, остро пахнуло грозovým озоном. Голубая, ослепительная стрела энергетического пучка бешено рванулась к ранним вечерним звездам.

Туземцы закричали; вспышка позволила Хуану увидеть, как они отшатнулись, выронили копья и прижали руки к глазам. Даже человеку трудно смотреть на эту искусственную молнию — что же тогда говорить о жителях сумеречного мира. На какое-то время воины лишились зрения.

Хуан хватил поток воздуха и бросился бежать.

Вверх по склону! Из-под ног сыпались мелкие камешки. Дальше, через холмы! Сзади слышались яростные крики погони.

Солнце ушло за горизонт, и почти сразу настала полная, глубокая ночь. Здесь она была не такой темной, как на Земле — в небе висели огромные звезды Плеяд, их окутывала кружевная туманность, протянувшаяся от горизонта и до горизонта. Однако Хуан часто падал, спотыкаясь о незамеченные в темноте препятствия; его сердце выскакивало из груди, легкие горели огнем.

Этот отчаянный бег продолжался уже целую вечность, когда впереди показался флиттер. Хуан решился наконец взглянуть назад — и убедился в справедливости худших своих опасений. Погоня приближалась. Вспышка ослепила туземцев лишь на недолгое время. И нет сомнения — теперь они следят за ним периферийным зрением, готовые мгновенно отвести глаза, если беглец задумает выстрелить снова.

Длинноногие, привычные к местному — большому, чем на Земле, — тяготению, они выигрывали метр за метром. Хуан не различал толком их фигур, только смутные черные пятна, временами совсем исчезающие, попадая в более глубокую тень. Не было никакой надежды перебить всех воинов прежде, чем кто-нибудь из них подберется на расстояние броска.

Несмотря на ужас своего положения, он невольно восхищался их отвагой.

«Беги, беги».

Начального преимущества едва хватило. Хуан ввалился в кабину, захлопнул дверь и тут же услышал стук копий по металлу обшивки. А потом на некоторое время перестал вообще что-либо воспринимать.

Постепенно сознание вернулось, и он целую, наверное, минуту возносил благодарственные молитвы. А затем с трудом поднялся и потащился к пилотскому креслу. «Но какова сцена! — мелькнуло в мозгу Хуана, и тут же он совершенно неуместно

хихикнул: — Старое определение: Что такое приключение? — Это когда кто-то другой, очень далеко, попадает в крупные неприятности».

Хуан буквально упал на сиденье. Сквозь витриловый иллюминатор виднелось волшебное великолепие неба, пологие склоны и отвесные обрывы гор... Он судорожно вдохнул и выпрямился. Туземцы так и не ушли.

Они стояли, опираясь на свои бесполезные копья, держась за рукоятки своих бесполезных мечей, стояли и чего-то ждали. Трясущимися пальцами Хуан включил мегафон.

— Чего вы хотите? — громом разнеслось над их головами.

— Мы хотим знать твое желание, землянин. — В голосе Токоннена звучали прежние гордость и достоинство. — Потому что ты нас очень удивил.

— Но чем? — с трудом выдавил из себя пораженный Хуан.

— Ты сделал нас беспомощными, — сказал Токоннен. — Но почему тогда ты не убил нас, а бежал? Ведь ты знал, что мы оправимся и пустимся в погоню. Зачем пошел ты на такой ничем не оправданный риск?

— Но ведь вы были *беспомощны*, — запинаясь, объяснил Хуан. — И я не мог... не мог сделать вам плохого... особенно в это время года.

— Время года? — Недоумевающе переспросил Токоннен. — А оно-то здесь при чем?

— Рождество... — Хуан на мгновение смолк. К нему возвращались сила и ясность мысли. — Я буду говорить незнакомые вам вещи. Это время посвящено воспоминаниям о том, который пришел к нам, землянам, много веков назад с вестью о мире и о многом другом. Для нас это время свято. — Он положил руки на пульт управления. — Но это не важно. Я только прошу вас — поверьте, что мы не желаем вам никакого зла. Отойдите, пожалуйста, я сейчас подниму эту колымагу.

— Нет, — сказал Токоннен. — Подожди. Я прошу тебя — подожди.

Некоторое время он молчал, воины тоже.

— То, что ты только что нам сказал... Мы хотим услышать больше. Поговори с нами, землянин.

Получив радиogramму от Хуана, что у него все в порядке, на базе успокоились и продолжили работу. Никто не пытался — да и не смог бы — жить по распорядку здешних шестидесятичасовых суток, так что очередной «рабочий день» окончился незадолго до полуночи. Далее следовало время отдыха. Для четверых из них это означало подготовку к праздничной, рождественской встрече прибывающего корабля.

Люди работали на примыкающей к куполу площадке, а тем временем **вокруг собиравось** все больше и больше дахианцев,

привлеченных необычным зрелищем. Они стояли и молча, удивленно смотрели. Вышел Овербек и начал смотреть на туземцев — с таким же удивлением. Раньше подобного не случилось.

Посреди площадки выросло рождественское дерево. Редкие ветки, жесткие красноватые листья — оно ничем не напоминало елку, но, не обращая на это внимания, они развешивали блестящие самодельные игрушки и электрогирлянды, спаянные из запасных осветительных лампочек приборов. Перед деревом красовалась рождественская сцена с яслями, ослом и быком — собственноручное творение Хуана. Поднявшаяся луна, яркие, словно электрические лампочки, звезды Плеяд, кружевная пелена туманности — все это небесное великолепие заливало площадь холодным сиянием. А вокруг — узкие, высокие здания, громады крепостных башен и туземцы, слившиеся в сплошное темное кольцо, из которого сталью отсвечивали огромные глаза.

Файнберг и Гупта украшали «елку», Ногучи и Сарычев, лучшие певцы группы, репетировали. Из их ртов вылетали клубы белого пара.

*И мирный город Вифлеем
Уснул спокойным сном.*

По кольцу дахианцев прокатилось приглушенное «А-а-а-а!», и на площадку опустился флиттер.

Первым из машины вывалился Хуан, за ним следовал высокий туземец в стальном панцире. Давно ожидавший этого гостя Овербек сделал знак Раффаку, представителю Старейших; землянин и житель Айвенго вышли навстречу землянину и жителю Айвенго.

— Возможно, мы судим превратно о ваших намерениях, обитатели Города, — сказал Токоннен. — Землянин долго убеждал меня в этом.

— А его вождь говорит мне, что мы, дахианцы, были неразумно жестки в своих требованиях, — ответил Раффак. — Вполне возможно, что это правда.

— Мы не расстанемся ни с чем, священным для нас, — предупредил Токоннен, тронув рукоять своего меча.

— Как и мы, — откликнулся Раффак. — Но наши народы должны — и способны — договориться. Земляне помогут согласовать условия.

— Сейчас они должны обладать особой мудростью — сейчас, в сезон своего Князя Мира.

— Да. Я и мои друзья серьезно об этом задумались.

— Откуда вы это узнали?

— Нас заинтересовало, зачем земляне создают такую красоту здесь, где ее видим и мы, а не в своей нестерпимой жаре, — объяснил Раффак. — Мы спросили. Во время разговора мы узнали о случившемся в пустыне — «дальний разговор» уже принес землянам весть.

— Тут и вправду есть о чем задуматься; — кивнул Токонен. — Они сильнее нас — и они верят в мир.

— А Империю уничтожила война. Но идем, — пригласил кочевника Раффак. — Сегодня ты — мой гость. Завтра мы будем беседовать.

Они удалились, а тем временем все люди сгруппировались вокруг Хуана.

— Да ты же гений, — ошарашенно покачал головой Овербек. — Это мне нужно у тебя учиться.

— Пожалуйста, сэр, не говорите так, — взмолился стажер. — Все случилось само собой.

— Будь на твоём месте я — все вышло бы иначе.

— Что-то я не очень понимаю, — удивленно признался Сарычев. — Хуан, конечно, молодец, что смылся от этих кочевников, а не перебил их, хотя и имел такую возможность. Но только каким образом это сделало их тихими и кроткими?

— Ну нет, — ухмыльнулся Овербек. Конец его сигары то вспыхивал, то угасал, словно переменная звезда. — Они так и остались народцем крутым и склочным, ничуть не лучше людей. Только, — добавил он, сразу посерьезнев, — теперь они согласны нас слушать. Они готовы воспринимать наши идеи, они поверили, что мы — честные посредники и можем разрешить их споры.

— Но почему только сейчас, а не раньше?

— Вот тут, боюсь, виноват я сам. Я не учитывал некую черту их внутренней природы — а должен бы. В конце концов, эта черта присуща и нам, людям.

— Какая черта? — спросил Гупта.

— Потребность в... Скажи ему ты, Хуан, — Овербек повернулся к своему стажеру: — Ведь ты догадался.

— Совсем не сразу, — неуверенно начал мальчик. — Я просто понял, что не могу их убить. Ведь мы должны прощать врагам своим, а в такое время, как Рождество — тем более. Так я им и сказал. А потом... когда поведение их резко изменилось... ну, я понял, в чем причина. — Хуан с трудом подыскивал слова. — Они же знали — и дахианцы знали, и кочевники тоже, — что мы сильны, что они не способны с нами бороться. Но это их не пугало — только неустрашимый народ может выжить в таком бедном, мрачном мире.

Кроме того, им должны быть присущи убежденность и упрямство. Чтобы переносить бесконечные трудности и лишения, они должны верить не только в себя, но и в нечто большее — в имперскую мечту, как дахианцы, в свободу, как жители пустыни. И они готовы умереть за свои идеалы.

А тут приходим мы, земляне. Мы предлагаем им честную, для всех выгодную сделку — но и только. В их глазах наш единственный движущий мотив — выгода. Этому они не понимают, это делает нас странными существами, существами, недостойными доверия.

Сегодня они узнали, что и у землян есть святыни, увидели, ну, что мы вроде как не очень от них отличаемся. И тогда они начали искать нашего совета.

Длинная получилась лекция? — смущенно улыбнулся Хуан. — Я очень устал, и есть хочется. Можно я чего-нибудь поем и лягу?

Хуан шел через площадь, а за его спиной звучал рождественский гимн:

*...Сегодня Ты с нами, и нет больше страха,
И в сердце надежда опять.*

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Из темноты рванулась молния. Дэвид Фолкейн услышал треск вспоротого воздуха и судорожно вдохнул грозовой запах озона. Саднило щеку, обожженную чуть не достигшим цели зарядом, в ослепленных глазах плясали голубовато-белые пятна.

— Вы с Чи забирайтесь в корабль, — сказал Адзель, — а я их задержу.

Низко пригнувшись, Фолкейн высматривал, в кого бы разрядить свой собственный бластер. Под чужими созвездиями двигались какие-то смутные тени, на дальней стороне посадочной площадки к небу поднимался клубящийся столб багрово-серого, подсвеченного пламенем дыма — там горела база Лиги.

— Уходи ты, — прохрипел он. — Я вооружен, а ты нет.

— Хватит убийств. — Бас воданита звучал все так же спокойно, но в нем появилось что-то вроде раскатов грома. — Смерть даже одного справедливо возмущенного существа — это слишком много. Дэвид, Чи, *уходите*.

Огромный, четыре с половиной метра от головы до кончика хвоста, полудракон, полукентавр направился к неразличимым в темноте туземцам. Неровный, трепещущий свет пожара огненной каймой обрисовал шипы костистого гребня, сверкал на чешуе и брюшных щитках.

Чи Лан дернула Фолкейна за штанину.

— Идем, — фыркнула она. — Разве остановишь этого придурка с его идеалистическими закидонами? Раньше нас он не пойдет, так что нужно двигаться побыстрее, а то его там попросту угробят. А если уж тебе так хочется геройствовать, я могу пойти первой.

Маленькая, покрытая белым мехом фигурка выскочила из-за грузовика. (Спрятаться за машиной еще можно, но в воздух она уже не поднимется, туземцы спланировали нападение тщатель-

но; по всей видимости, они копили взрывчатку и оружие годами, пока наконец не получили возможность в момент атаки на штаб-квартиру базы уничтожить вокруг нее буквально все.) Маска темно-синего меха, обводившая глаза Чи, камуфлировала ее лицо, делала его малозаметным в неверных красных отсветах, но не заметить распушенный, стоящий торчком хвост было просто невозможно.

И туземец заметил; раздирая клюв боевым кличем, он вскочил на длинные, тонкие ноги и бросился вслед за цинтианкой; все его оружие ограничивалось жалким копьем. Чувствуя подступающую к горлу тошноту, Фолкейн прицелился, но тут Чи проскользнула между похожих на палки ног, опрокинула таме-танца, сильно стукнув его задом об землю, и бросилась дальше.

«Быстрее!» — скомандовал себе Фолкейн. Вокруг Адзеля разгоралась настоящая битва. Воданит мог выдержать некоторое количество пуль и бластерных разрядов без особого для себя ущерба, однако не так уж и много, а его мощные руки явно работали вполсилы. Стараясь по возможности держаться в тени, вольный торговец последовал за Чи Лан.

Вздывавшийся впереди корабль был неуязвим для атакующих, с него уже начали опускаться сходни. Значит, Чи уже совсем близко и сумела докричаться до главного компьютера. «Ну почему, почему мы не сказали этой железяке в случае заварушки действовать по собственной своей инициативе? — внутренне стонал Фолкейн. — Да взяли бы хотя бы с собой рацию, а так и помощь было не вызвать. Может, нам всем пора на пенсию? Ведь как говорят — неосторожный вольный торговец — это мертвый вольный торговец».

Орудийная башня с грохотом выплонула ослепительный луч, наверное — по приказу Чи. Фолкейн почувствовал прилив облегчения — такая картина нагонит страху на кого угодно, и неважно, что выстрел откровенно предупредительный и направлен чуть ли не в зенит. Тощий и длинноногий, торговец взлетел по сходням, остановился у открытого шлюза и обернулся. По-боище стихло. И — да, вот и Адзель. Хромает, поливает землю кровью, но хотя бы жив. Фолкейну хотелось обнять своего старого друга и заплакать.

«Нет. Сперва надо делать отсюда ноги». Он прошел в шлюз. Сзади забухали копыта Адзеля, затем сходни убрались, шлюз закрылся, заворковал гравитационный двигатель и «Через пень-колоду» вознесся на небеса.

На экране нижнего обзора все выглядело чистенько и аккуратно. Искорки пожаров, пятачок посадочной площадки терялись в безмерности ночи; освещенный звездами, тускло сверкал обнаженный меч прорезающей джунгли реки.

— А мы, ну, как вы думаете... — Фолкейн причесал пятерней вздыбившуюся копну соломенных волос. — Может, еще можно спасти уцелевших?

— Вряд ли такие есть, — покачал головой Адзель. — Сами-то мы едва уцелели, и только потому, что сработались за годы и действуем в подобных случаях согласованно.

— А если и есть, — добавила Чи, — кому они нужны? — Адзель кинул на нее осуждающий взгляд. — Слава Богу, насмотрелись мы, как эти гаденыши обращались с туземцами.

— Я уверен, что большая часть оскорблений связана с элементарным непониманием психологии и обычаев.

— Что ничуть не извиняет этих долбаных идиотов, и ты сам это знаешь. Нужно было почесаться и разобраться в местной жизни. Так нет же, компаниям было некогда, у них прямо в заднице свербилло начать поскорее, вот и прислали без всякой подготовки своих сучьих факторов и агентов, а те быстренько организовали здесь эту навозную кучу и вообразили себя то ли императорами, то ли еще чем... *Йа-ну-йей!* — на родном языке Чи последние слова были в высшей степени — даже с ее собственной точки зрения — непристойны.

— Пожалуй, что и так. — Плечи Фолкейна уныло поникли. — К тому же нам нельзя рисковать, мы обязаны сообщить о происшедшем.

— Зачем? — удивился Адзель. — Ведь наш наниматель здесь ни при чем.

— Слава Богу, нет, а то пришлось бы бросать работу, мало приятного... Но это дело касается Лиги. Согласно правилу о взаимопомощи...

— А потом появится боевой корабль Лиги и сотрет с лица земли несколько нищих деревушек? — Хвост Адзеля нервно забарабанил по палубе.

— Надеюсь, нет, ведь у них будут наши свидетельства. Совет должен понять, что эти, прости Господи, чудачки сами вырыли себе яму! Жаль, — вздохнул Фолкейн, — мы не пробыли здесь подольше и не провели настоящего расследования. Отдохнуть нам, видите ли, захотелось на подвернувшейся под руку приятной планетке. Ладно, — выпрямился он. — В пространство, железяка, и гони к... м-м-м... ближайшей крупной базе Лиги, к Ирумкло.

— А ты, крокодил-переросток, — резко скомандовала Адзель Чи, — шлепай в лазарет на перевязку, а то заляпал кровью весь ковер, потом не отчистишь.

Дальнейшая программа Фолкейна состояла из душа, переодевания в чистое, трубки и объемистого стакана, после чего он устроился в салоне и попытался рассеяться. На экране быстро

уменьшался мир, названный людьми Тамета — слово, подобранное в какой-то одной деревушке и, без всяких сомнений, безбожно перевранное. Он уже съежился до размеров бело-голубого мячика — планета размером своим и великолепием не уступающая Земле, прошедшая четыре или пять миллиардов лет развития, кишащая бесчисленным множеством неизвестных биологических видов, разумов, цивилизаций, историй и загадок, становилась шариком в колесе азартной игры или графами приход-расход в банке данных компьютера, до которого отсюда — добрая сотня световых лет.

«В который уже раз, — думал он, — встречаюсь я с неумирающим, неискоренимым злом. Интересно, это действительно происходит все чаще и чаще, или с возрастом я научился лучше видеть? Тридцать три, а я начинаю уже чувствовать себя стариком».

Появившаяся в салоне Чи вспрыгнула на соседнее кресло и доложила, что Адзель отдыхает.

— А тебе ведь и вправду нужно выпить, — взглянула она на стакан. Фолкейн промолчал. Цинтианка заправила в длинный, как полярная ночь, мундштук наркотическую сигарету и глубоко затянулась.

— Да, — заметила она. — Меня тоже страшно раздражает, когда такие вот истории поганят красоту Божьего творения.

— Мне начинает казаться, — устало сказал Фолкейн, — что это не просто отдельные эпизоды, ситуация значительно хуже, дело тут в самых основах. Торгово-техническая Лига начиналась как общество взаимопомощи, объединившее разрозненные компании; кроме этого подразумевалась необходимость удержать конкуренцию в мал-мала пристойных рамках. От этого, второго аспекта не осталось уже почти ничего, так что возникает вопрос — долго ли продержится первый?

— Ну а чем бы ты хотел заменить свободное предпринимательство? Терранской Империей?

— Понимаешь, Чи, ты — чисто плотоядное существо, а вдобавок принадлежишь к коммерческой культуре, сумевшей очень быстро модернизироваться, так что прямым образом эксплуатация тебя не коснулась. Но вот Адзель, ты его знаешь, сам он ничего не скажет, но я же чувствую, насколько горько ему наблюдать, как время идет, а никто не помогает его народу развиваться — и только потому, что им не на чем заработать денег, а помогать бесплатно никто не хочет и не будет. Мне страшно даже подумать, сколько еще народов находится в подобном положении. Мир полон существ, до боли в глазах вглядывающихся

в далекие звезды и знающих, что никто из них — за исключением, может быть, немногих счастливиц — не попадет туда и что многие поколения их потомков не смогут по-настоящему распоряжаться своим будущим и всегда будут потенциальными жертвами.

Желая как-нибудь отвлечься, Фолкейн установил экран на большое увеличение и прошелся сканером по сверкающей россыпью алмазов черноте. Когда он отвернулся, чтобы сделать очередной глоток из стакана, в поле зрения случайно попало загадочное сияние Крабовидной туманности.

— Возьми ты всю эту свою сентиментальность, — предложила Чи, — и засунь туда, где ей самое место. Свеженайденным расам нужно просто собрать капитал. Так поступили вы, так — чуть попозже — сделали и мы, нельзя же катать на дармовщинку всю Вселенную.

— Н-нельзя. Но все равно, ты же знаешь — если по-честному, — с какой скоростью отберут у них этот самый огрызок капитала, либо рыночным шахер-махером, либо почти откровенным грабежом. Вот, например, та же самая Тамета. Ведь туземцы всего-то и хотят, что вести свою торговлю напрямую, без всяких посредников. Я точно говорю тебе, девочка, — костяшки пальцев, стискивавших трубку, побелели, — Лига потеряла самое свою душу, обыкновеннейшее сострадание, желание помочь. И сколько же она теперь проживет, без души-то? Цивилизация нуждается в чем-то большем, чем несколько монополистов, а это — единственное, что у нас осталось.

Цинтианка чуть-чуть пошевелила ушами и выпустила струйку дыма, аромат которого смешивался с едкостью трубочного табака Фолкейна; ее глаза светились, зеленые и твердые, как изумруды.

— Вообще-то я согласна. Во всяком случае, я с радостью посмотрела бы, как кто-нибудь выпустил бы дух из некоторых надутых болванов. Только как это сделать, Дэвид? Как?

— Старый Ник... насколько я понимаю, он — единственный член Совета...

— Наш дражайший работодатель слеживает за нравственностью своих шестерок, но — сугубо из соображений поддержания порядка в лавке. Мы с ним как-то говорили, так он сам прямо так и сказал, а потом еще добавил: «И кому какая разница, чем торгует эта лавка? Ха-ха-ха». Нет, Николасу ван Рийну слабо подходит роль альтруиста. Разве что предварительно трансмутировать каждый атом жирной его туши.

— Новый изотоп, — устало засмеялся Фолкейн. — Ван Рийн-двести тридцать пятый, или, чтобы уж все по правилам, VГ-235...

А затем он скользнул взглядом по туманности, словно беседовавшей с ним через эти непостижимые сотни парсеков, и напуганно замолк.

Произошло это вскоре после эпизода с Сатаной, когда владельцу «Пряностей и спиртных напитков» настоятельно потребовалось еще раз покинуть покой и уют Содружества, высунуть толстую свою шею в безрадостный, неприветливый мир, а в конечном итоге совершить месячный вояж на корабле, не имевшем запасов пива. Возвратившись домой, он поклялся всем святым и многим, каковое таковым не является: больше — никогда!

Да в общем-то, все последующее десятилетие и не было никакой особой необходимостью нарушать эту клятву. На освоенных торговых площадках работали великолепно подобранные кадры; пионеры вроде команды «Через пень-колоду» находили все новые и новые многообещающие территории, так что бизнес рос и процветал. В довершение всего ван Рийн сумел стать единоличным повелителем Сатаны; эта блуждающая, лишенная солнечного света планета, оттаявшая после недавнего сближения с гигантской звездой, представляла собой идеальное место для производства некоторых необычных изотопов, производства в масштабах, соизмеримых с общим на них спросом. Подобная промышленная деятельность не была его, как выражаются англичане, чашкой чая, «или», как заявлял сам ван Рийн, «моим стаканом Дженевера, каковой стакан этот медлительный, как безногая черепаха, дворецкий должен доставлять мне, прежде чем я пересохну от жажды и рассыплюсь в прах». Посему производством занимались субподрядчики — по договорам, условия которых сильно напоминали обыкновенный грабеж на большой дороге.

Многие удивлялись — причем делали это языком весьма живописным и не весьма пристойным — почему это он не уйдет от дел и не загонит себя пьянкой в могилу? Могила потребовалась бы весьма обширная, однако они брались ее выкопать собственными руками. И с радостью, песнями и плясками. Получая сведения о подобных разговорчиках, ван Рийн только ухмылялся и еще старательнее высматривал, какую бы цену вздуть, и — наоборот — кого бы из конкурентов подрезать низкой ценой на свой товар. Как бы там ни было, по сравнению с бурными прошлыми годами это десятилетие являло собой тишь да гладь, да Божью благодать. Когда разнесся слух, будто старый прохиндей собирается взять Койю Коньон, любимую свою внучку, в продолжительное путешествие — и при этом на яхте не будет ни одной из его любовниц, — надежды, что энергия старика подыстощилась, а того и гляди — совсем кончится, вспыхнули с новой силой.

«Не то чтобы я пылала особой любовью к этим королям коммерции, — думала Коя через несколько недель после отлета с Земли, — но все же лучше им не знать, что мы сейчас на инопланетном, нечеловеческом корабле, оборудованном несколько странно, но явно готовом к бою, и что направляемся мы в места, никем доселе не исследованные. Ведь если узнают — их кондрашка хватить может».

Она стояла перед проделанным в стенке коридора иллюминатором. Земные корабли не имеют подобных излишеств, однако для привычных к небесным просторам ифрианцев закрытое помещение — самый верный путь к сумасшествию. Воздух был чуть разреженнее, чем на Земле, на уровне моря, и в нем чувствовался легкий, чуть горячий запах пернатых тел. Из вентилятора доносилось не только его собственное бормотание, но и приглушенное расстоянием хлопанье крыльев — свободные от вахты члены экипажа летали и кувыркались в огромном, только для этого и предназначенном помещении. Даже эти недели путешествия не совсем приучили девушку к трем четвертям g, она чувствовала себя необыкновенно легкой.

Но сейчас Коя этого не замечала. В начале полета она с радостью окунулась в приключение. Все было необыкновенно интересно, каждый день сулил миллионы новых открытий. И ничего, что она была единственным — если не считать дедушки — человеком на корабле. Дедушка вообще прелесть, хоть и похож на медведя. И он всегда был таким — с ревом врывался в их дом, подбрасывал внучку под самый потолок, чуть не до макушки засыпал привезенными с десятков планет подарками, рассказывал удивительные истории, брал к себе на яхту или в театр, а позднее — в поездки чуть не по всей Солнечной системе... Дедушка дедушкой, а подружиться с ифрианцами, узнать хоть немного, о чем и как они думают и чем они отличаются друг от друга, обмениваться с ними музыкой, воспоминаниями и мифами, наблюдать их воздушные танцы и демонстрировать им земной балет — все это было интересно и воспитательно.

А вот сегодня...

Корабль, видимо, приближался к цели путешествия — он уже описывал поисковую спираль. Только что это за цель? Ван Рийн пребывал в великолепном расположении духа — и не рассказывал своей внучке ровно ничего. Из ифрианцев смысл происходящего знал один Хирхарук, однако капитан тоже молчал, ограничиваясь предупреждениями, что все должны быть готовы к чрезвычайным обстоятельствам — то ли космического, то ли военного плана. Существа, чьи предки жили подобно орлам, воспринимали такую ситуацию легче, чем это сделали

бы люди, но даже они начинали нервничать. Койе казалось, что сам воздух корабля пропитан напряжением.

Ее взгляд скользнул по черноте неба. В качестве астрофизика, да и просто туриста, она провела в космосе не один и не два года из двадцатипятилетней своей жизни. Она легко различала среди сверкающих россыпей самые яркие звезды, прекрасные в своем мертвенном блеске кружева туманностей, серебряный поток Млечного Пути, далекое мерцание таких же, как наша, галактик. И все же эта молчаливая огромность, неизвестность ее и непознаваемость поражали не меньше, чем при первом взгляде на небо.

Вечные тайны... да, конечно же. Корабль стартовал в окрестностях Иффри (двести семьдесят восемь световых лет от Солнца, в созвездии Волка) и уже около месяца мчался — с весьма приличной псевдоскоростью — куда-то в сектор Денеба. Так что теперь они... ну, скажем, в доброй сотне парсеков от Земли. Цифры как цифры, только в результате экспедиция достигла областей, не посещавшихся никем за все столетия, прошедшие после изобретения гипердрайва — разве что пролетал, не делая остановки, какой-нибудь случайный корабль. Ни одна здешняя планетная система не занесена в каталог, тем более — не посещалась, а об изученности нет смысла и говорить. Космос огромен и полон миров.

Хотя воздух был вполне теплым, Койя зябко поежилась. «И где-то в этих глубинах ты, Дэвид, если только ты не встретился с неизбежной последней неожиданностью. Ты получил мою записку? И значила ли она для тебя хоть что-нибудь?»

Письмо было послано с владельцем корабля, направлявшегося примерно в те же самые места, где — если планы Фолкейна не изменились — должен находиться «Через пень-колоду». Вольные торговцы имели свои базы в исследуемых районах, в одном из этих оживленных мест могут быть какие-либо новости об экипаже Дэвида. А если нет — письмо останется лежать на базе «до востребования».

Койя снова ощутила угрызения совести — чувство, не оставлявшее ее весь этот месяц. Ведь это же предательство. Нет! Злость вспыхнула с новой силой. «Если дедушка не задумал ничего непотребного — чего же тогда плохого, если Дэвид узнает то небольшое, что я знала перед стартом, то есть едва ли больше, чем этот старый жулик снизошел мне рассказать?»

«А ведь упоминались возможные опасности, мне пришлось долго канючить, пока он согласился взять меня в поход (а я должна была лететь, ведь получалось, что дело касается и тебя, Дэвид). И если мы попадем в беду, а тут вдруг появишься ты...»

«Кончай романтические бредни, — прикрикнула на себя Койя. — Взрослая ведь девица». Ей удалось привести в порядок свои мысли, но напряженное покалывание в крови осталось.

Высокая и по-мальчишески стройная, она была одета в простую черную рубашку, обтягивающие рейтузы и сандалии. Довольно длинные, до плеч, прямые черные волосы обрамляли овальное лицо с коротким, вздернутым носом и чуть великоватым ртом; молочно-белая кожа ярко оттеняла замечательные — огромные, зеленые с золотистыми крапинками — глаза. Можно было только поражаться, как случайная рекомбинация генов не оставила в ее внешности ни малейшего следа крови предков: голландской и малайской ван Рийна, мексиканской и китайской — женщины, которая родила ему дочку и с которой он сохранил те же самые дружеские отношения, которые ему неизменно удавалось сохранять со всеми своими бывшими пассиями; не нужно забывать также шотландской (с Гермеса, родной планеты Дэвида) и африканской (с планеты, именуемой Ньянза) крови Малкольма Коньона, который стал жителем Земли и женился на Беатрис Йео.

Вспоминая сложную свою родословную, Койя не могла сдерживать улыбку. «Короче говоря, я — типичный современный человек. И в жизни — тоже, — подумала она уже без прежнего веселья. — В дедушкином поколении официальные браки — большая редкость, мои родители женаты, а мое поколение — у нас вернулся обычай брать фамилию мужа».

Эти размышления были прерваны резким свистом. Сердце девушки бешено заколотилось, она даже не сразу узнала сигнал «всем стоять по местам».

Значит, приборы что-то обнаружили. Возможно, и не эту таинственную цель, а какую-нибудь потенциальную опасность вроде метеоритного потока. В неисследованных местах передвигаются осторожно, а ван Рийн круглосуточно жег свечи перед своей маленькой, вырезанной из марсианского песчаного корня статуэткой святого Дисмаса.

Какое-то мгновение Койя продолжала созерцать прекрасные и смертельные просторы, раскинувшиеся за бортом корабля, а затем сжала кулачки и направилась на корму. Она была достойной внучкой своего деда.

— Кляп и гроб! — орал Николас ван Рийн. — Вполне возможно, вы обнаружили то самое, что нам надо, обнаружили на предельном радиусе действия приборов, чувствительных, как живописец, живопишущий лютики-цветочки, пока дотуда доберешься, можно съесть три хороших рийнбургера, да и еще уйма времени останется, и вот у вас хватает наглости заявить,

что я должен залезть в скафандр и стоять на стреме, откликаясь на все, что мне ни скажут, «Есть, сэр!» — Развалившись на диване, торговец бешено размахивал двухлитровой пивной кружкой, зажатой в волосатой левой лапе. Правая сжимала глиняную трубку, сквозь дым которой еле проглядывали стенки каюты.

Хирхарук из чота Ржанных Полей, капитан находящегося в чартерном рейсе рейнджера «Джайян (Росистый Вечер)» не дрогнул, его золотые глаза твердо смотрели в маленькие, черные, тесно посаженные к здоровенному крючковатому носу глазки ван Рийна.

— Нет. — В ответе ифрианца звучало ледяное спокойствие. — Я только предлагаю вам прекратить заглатывание алкоголя. Протрезвляющие препараты могут обладать побочными эффектами, что крайне опасно, когда требуется быстро принимать решения.

Английский капитана был вполне свободным и беглым, однако ему приходилось пользоваться вокалайзером, чтобы придать своему голосу разборчивые для человеческого уха интонации. Речь ифрианцев звучит очень красиво, однако она не настолько гибка, как человеческая. То ли иронически, то ли для демонстрации дружелюбия ван Рийн ответил на довольно приличном планхе:

— Не волнуйтесь, я — человек закаленный, меня напоить — это уйму денег потратить надо. Да и вообще, тело такого размера обладает весьма приличной вместимостью. — Он хлопнул себя по распирающему аляповатый саронг брюху. Остальные части упомянутого тела также имели соответствующие пропорции. — Просто такой уж у меня способ отдыхать перед заварушками — ну как, скажем, вы взмываете в это свое поднебесье и медитируете.

Хирхарук чуть расслабился и издал серию мелодичных свистящих звуков — ифрианский эквивалент смеха.

— Как хотите. И то правда, при таком изобилии врагов вам не дожить бы до сегодняшнего дня, не зная вы сами что делать, а чего не делать.

Ван Рийн возмущенно вскинул голову; над сверкающими драгоценными камнями, вдетыми в мочки ушей, взметнулись черные локоны, завитые в стиле его молодости, разве что не напوماженные, под нафабренными усами и эспаньолкой вздрагивали многочисленные подбородки, широченная босая ступня с грохотом припечатала покрытую толстым ковром палубу.

— Вы совершенно неверно меня оцениваете, — взревел он, переходя на свой личный вариант английского языка. — Более того, вы меня обижаете. Я ведь не только бедный,

одиноким грешником, я еще и христианин с душой, полной смирения и надежды. Так неужели же вы думаете, что я хоть когда-нибудь в своей жизни искал чего-нибудь, кроме мира — мира, при малейшей возможности его получить? Нет, все, что я делал, я делал исключительно для самозащиты, принуждаемый к этому сукиными сынами, ненасытными негодяями, не заслуживающими Господнего прощения, хотя лично я мог бы их и простить, ублюдками, истекающими завистью перед крохотными моими доходами, без которых я попал бы под опеку государства, и делать-то, если разобраться, ничего не способного, кроме как выжимать налогоплательщиков. Да я же — совсем как нежнейший святой Франциск, я брожу по свету, срывая оливковые ветки, возливая масло на бурные воды и смачивая жабры выброшенных на берег рыб.

Ван Рийн сунул кружку под удобно расположенный около самого его локтя кран. Хирхарук смотрел на торговца с нескрываемым любопытством; появившаяся в дверях каюты Койя воззрилась на них обоих.

Она любила ван Рийна — и от того еще больше мучилась сомнениями в отношении этой экспедиции и виной за посланную Фолкейну записку. Но капитан выглядел значительно ярче, тут уж никаких сомнений не возникало. Да что там сравнивать с дедушкой, в Хирхаруке было больше красоты, чем в самой Койе или, подумала она, даже в Дэвиде. Особенно это ощущалось в полете, но даже на земле медленные, казалось бы, и неуклюжие ифрианцы выглядели великолепно, и не только из-за врожденного достоинства, присущего этому племени охотников.

Полутораметрового роста орнитоид, Хирхарук стоял на своих огромных — пять с половиной метров в размахе — крыльях. В сложенном виде они были пригодны для ходьбы — на их сгибах имелись когти, игравшие роль чего-то вроде ступней, а выступавшие за спину края обеспечивали при необходимости дополнительную опору. Эволюция превратила то, что когда-то — миллионы лет назад — было лапами и когтями, в руки с пятипалыми (оба крайних пальца — «большие») кистями. Кожа рук обладала янтарной окраской, а все остальное тело покрывали перья, бронзовые, за исключением белого с черной каемкой хохолка и такой же расцветки веерообразного хвоста. Жесткостью своей и выступающей килевой костью тело Хирхарука напоминало птичье, но птицей он не был, мать не высидела его из яйца, а родила. Сидящая на мощной шее голова имела не клюв, а продолговатую морду с ноздрями впереди, острые клыки странно контрастировали с прикрывающими их нежными губами.

«Они прекрасны, когда парят в высоте, в золотом блеске солнца, — думала Койя, — но даже и это — лишь малая часть их величия. Дэвид все время распространяется насчет народов, не получающих справедливого шанса. Так ведь во времена Великой Разведки Ифри тоже находилась на весьма невысоком уровне развития. Но ифрианцы учились у Технической цивилизации; они не бросались вылизывать ей сапоги, не впадали в ошеломленный транс, а брали то, что казалось им нужным, и быстро стали влиятельной силой. Правда, все это происходило до того, как самое цивилизацию ошеломила вседозволенность безграничного капитализма...»

Койя моргнула и зажмурилась; в отличие от нее ван Рийн поддерживал в своей роскошной, хотя и содержавшейся в полном беспорядке каюте земное освещение, а Кетлан желтее и тусклее Солнца. Сам торговец был привычен к резким переходам. Табачный дым буквально ударил по легким, девушка закашлялась, и только тогда мужчины обратили на нее внимание.

— А, ласточка моя прилетела! — Ван Рийн приветствовал внучку точно так же, как и в дни ее младенчества. — Заходи, плюхайся, — широкий взмах трубки предоставлял широкий выбор мест для плюханья: складное кресло, королевских размеров кровать, диванчик между баром и книжной полкой, просто палуба. — Тебе чего? Пиво, джин, виски, коньяк, водка, арак, аквавит, полдюжины разновидностей вин и ликеров, гашиш, марихуана, мескатель, опс, галт, ксандуйский радий или, может, — подмигнул он, — лимонадик? Хороший, сладкий лимонад?

— Спасибо, я удовлетворюсь кофе. — Набираясь смелости, Койя глубоко вздохнула. — *Гунунг Туан*, мне нужно с тобой поговорить.

— Я, я знал, что ты придешь. Так почему же я ничего не рассказывал? Я хотел, чтобы у тебя была веселая и спокойная прогулка, чтобы ты не предавалась мрачным размышлениям, как канарейка на страусиных яйцах.

— Мастер ван Рийн, я заходил, чтобы обсудить положение. Теперь мне нужно вернуться на мостик. — Койя не была уверена, говорит Хирхарук правду или просто хочет тактично удалиться. — Ради чести и жизни... х-р-р-р, я хотел сказать, пожалуйста... будьте готовы к планированию дальнейших наших действий, по мере поступления информации. Госпожа Коньон, — поднял он руку, — приветствую вас и всего вам наилучшего.

Выходя в коридор, ифрианец задержался в дверях, встал на руки и раскинул крылья, открыв расположенные под ними жаброподобные щели. Затем он начал работать летательными

мышцами, прогоняя воздух через эти природные «форсажные камеры», только и позволявшие существо подобным размеров летать при условиях, сходных с земными. И опять Койя не знала — то ли он обогащает свою кровь кислородом, готовясь к ответственной работе, то ли избавляется от человеческой вони.

Затем Хирхарук ушел и закрыл за собой дверь.

— Так ты садись на стул, садись на корточки, ложись, или как там тебе удобнее, — повторил свое предложение ван Рийн. — Я бы и сам вскоре тебя позвал. Пришло время грудью встретить наваливающиеся события. Только вот у меня она чересчур волосатая, — глубокий вздох легко и непринужденно превратился в отрыжку, — а ты не снимаешь своей рубашки. И очень жаль. Обычаи, видите ли, изменились. В данном случае я не стал бы истекать похотью, у меня врожденное отвращение к инцесту, но посмотреть было бы приятно.

Койя покраснела и отдала приказ кофеварке.

— И не куришь к тому же, — печально прищелкнул языком ван Рийн. — Нет, в мои годы молодежи не забивали голову подобной дурью.

— Некоторые из нас стараются жить по совести и с мыслями о будущем, — вскинулась Койя. — Прости, пожалуйста, — добавила она через секунду. — Я совсем не хочу быть ханжой.

— А кто же ты еще? Интересно вот, это Дэвид Фолкейн воспитал тебя подобным образом или ты его? Ха-ха, спектроскоп показал бы, что твое лицо удаляется со скоростью света! Ты там поосторожнее. — Ван Рийн взмахнул трубкой. — Он — отличный мальчик, только вот он уже давно не мальчик. Вполне возможно, что у этого парня растет где-то дочка твоего возраста, а он и сам об этом не знает.

— Мы с ним просто друзья, — негодующе откликнулась Койя, садясь на краешек кресла. Она сплела пальцы, сжала их коленками и твердо взглянула в черные бусинки деда. — Можешь себе представить, какой сумбур у меня в мыслях, когда я все думаю и думаю, куда это мы направляемся, а ты ничего не говоришь?

— А тебя никто сюда не затаскивал, ты сама навязалась, да еще при помощи шантажа.

Спорить было трудно, Койя и вправду грозила разрезвонить те сведения, которые добыла по просьбе деда, и таким образом снабдить его конкурентов чем-то вроде ключа. А убедить ван Рийна оказалось совсем нетрудно — предупредив о возможных опасностях, он сразу же, без малейшей паузы, прорычал, что нуждается в астрофизике и что действительно лучше бы сохранить все это предприятие в пределах семьи.

«Надеюсь, Господи, как я надеюсь, что он поверил, что мной движет только страсть к приключениям! Наверняка ведь верит, да еще льстит себе, что я много от него унаследовала... Он никак не мог догадаться, что настоящая причина — страх за Дэвида, который может тоже оказаться втянутым в эту историю, и к тому же — неподходящим образом. Знай он об этом, сказал бы просто «иди ты к черту и трепись, кому хочешь», и я бы осталась, как миленькая, и молчала бы себе в тряпочку. А теперь... Дэвид, что бы ты там ни сделал, я здесь, и я буду твоим адвокатом».

— Я еще могу понять, почему ты не рассказывал мне ничего на яхте. Как ни подбирай команду, там всегда может оказаться коммерческий или правительственный шпион, способный организовать подслушивание. Ну а потом-то, когда в системе Кетлана мы перебрались на этот корабль, а яхта двинулась дальше, словно ты так и остался у нее на борту, и эта яхта много недель не зайдет ни в один порт, почему же ты и тогда продолжал молчать?

— Знаешь такое блюдо — поросенок в собственном желе?

— Что?

— Варят его, понимаешь, в собственном соку. Может, я хотел тебя наказать именно таким образом. Ха-ха-ха! Здесь опять то же самое, — продолжил ван Рийн, не вознагражденный за шутку и тенью улыбки. — Не мог я быть уверен в команде на все сто процентов. Ифрианцы бесстрашны и, как я сильно подозреваю, гораздо честнее людей. Но ведь такое сравнение — еще очень слабый комплимент, не? Нас могли подслушать и... понимаешь, Хирхарук признал, что даже он не может с точностью предсказать, какова будет реакция некоторых из членов экипажа. Он изо всех сил старался, чтобы все они были из его собственного чота, но не вышло. — На языке планха это слово обозначает основную общественную единицу, большую, чем племя, меньшую, чем нация, а по своим культурным и религиозным характеристикам не имеющую земных аналогов. — Некоторые здесь вообще не принадлежат ни к одному чоту, они — из совсем других общественных систем. У ифрианцев этого добра не меньше, чем в Содружестве, а пожалуй, и больше, техника не успела еще подравнять различия.

Звякнула кофеварка. Коя встала, налила себе чашку, вернулась на место и отпила глоток. Эти теплота и аромат придавали бесконечному космосу какое-то подобие уюта.

— Нам предстоял долгий путь, — продолжил торговец, — и уйма шныряния из стороны в сторону, пока мы не найдем то, что, *возможно*, является целью всего этого предприятия. А тем временем Хирхарук — и я, в меру скромных сил своих и возможностей — прощупывали этих членов экипажа, которые не

из Ржанных Полей, начали их немного понимать и... хоккей, он считает, что им можно доверять, вне зависимости от того, каким образом обнаружится правда и какой она будет. А теперь, как тебе уже известно, мы обнаружили объект, который вполне может оказаться маленькой, простой и легкой разгадкой всей этой загадки.

— Что такого уж маленького в сверхновой? — с вызовом спросила Коя. — Даже если она потухшая.

— Когда мне задают вопрос, каково быть таким старым, как я, — несколько неопределенно отвечивал ван Рийн, — я обычно отвечаю: «Не так уж и плохо, если принять во внимание альтернативу». Ласточка, да здесь такая альтернатива, что рядом с ней история с шеннами — детские игрушки.

Коя чуть не расплескала кофе. Она была еще подростком, когда всех всколыхнула сенсация — что в Торгово-техническую Лигу проникли агенты чужой расы, обитающей вне пределов господства Технической цивилизации и испытывающей к людям смертельную вражду, что едва удалось избежать войны и что главными спасителями являются ее дедушка и команда корабля с названием «Через пень-колоду». В тот день Дэвиду Фолкейну было присвоено — без оповещения — звание бога (второй степени). Она иногда задумывалась, догадывается ли он об этом, а если да, то знает ли, что позднее, когда она уже повзрослела, их случайные совместные прогулки ничуть не лишили прежнего бога этого звания, разве что добавили ему некоторые человеческие черточки.

— Ты что, догадалась, что мы ищем остатки сверхновой? — подозрительно прищурился ван Рийн.

— Ты поручил мне изучить эту проблему, а вскоре объявил о своих планах отправиться на «развлекательную прогулку». — Коя старалась говорить как можно суше. — Связать одно с другим было совсем не трудно.

— И ты догадываешься, с чего это мне потребовался белый карлик или там черная дыра вместо хорошего стакана красного вина?

У Койи слегка застучало в ушах.

— Да, пожалуй, я и это сообразила. — «И думаю, что Дэвид вполне мог догадаться об этом раньше любого из нас, лет десять тому назад. Когда ты, дедушка, попросил меня потихоньку воспользоваться...»

...банками данных и компьютерами лунного Астроцентра, где она работала. Ван Рийн дал тогда типично ванрийновское загадочное объяснение: «Вполне возможно, что за всем этим прячется вполне приличный шматок прибыли, и лучше бы никто не совал туда своего носа — мой собственный достаточно

велик». В тот раз Коя совсем не осуждала его за скрытность — все законы Лиги рушились на глазах, конкуренция становилась не фигурально, а буквально жестокой, а правительства рычали уже не только на капиталистов, но и друг на друга. Пакс Меркаториа* приближался к концу, и, хотя Коя никогда не одобряла его полностью, будущее начинало ее пугать.

Поставленная задача оказалась достаточно интересной, чтобы заглушить все страхи. Можно бы подумать, что такие невообразимой мощи события, как самоубийства гигантских звезд — то есть вспышки сверхновых, которые превосходят по яркости миллиарды обычных звезд, — происходят редко, но это далеко не так. В одной нашей Галактике количество трупов подобных самоубийц — в различных стадиях разложения, как-то: белые карлики, нейтронные звезды, странненькие штуки, именуемые черными дырами, — превышает по самым скромным оценкам пятьдесят миллионов. Только вот раскинулись спиральные рукава этой галактики на добрую сотню тысяч световых лет, и шансы найти в столь необъятных просторах объект размером с маленькую планету, излучающий на уровне того самого трупа, а то и не излучающий вовсе, фактически равны нулю.

(Не считите, пожалуйста, все эти аналогии с биологической смертью и разложением чем-то вроде некрофилии. Смерть ложится в основание новой жизни, верно служит делу эволюции. Со своей стороны, сверхновые, соединяющие атомы в пекле термоядерного синтеза, а затем, при последнем своем вздохе, швыряющие их в пространство, дали нам все тяжелые элементы, многие из которых жизненно важны для наших миров и для наших тел.)

Насколько известно, никто к таким поискам даже толком и не приступал. У ученых и других дел было по горло, а тем временем гора пришла к Магомету. За короткое время произошло столько вспышек сверхновых, что желающим изучать эти процессы хватит работы до самой смерти. Эпсилон Возничего, Сириус-В и Валендерей — только самые известные случаи.

Работая в Астроцентре, Коя могла мгновенно получить любые сведения о звездах нашей части Вселенной, когда-либо собранные Технической цивилизацией. Имея распределение недавних сверхновых, а также данные по звездам иных классов, по пыли, газу, радиации и магнетизму, по их концентрациям и временным производным этих концентраций, вполне возможно — при помощи хорошо разработанных космологических теорий — с разумной точностью рассчитать распределение неоткрытых темных гигантов в радиусе сотен парсеков.

* Торговый мир (лат.).

Задача, конечно же, далеко не простая, для разрешения ее даже лучшим из самопрограммирующихся компьютеров требуется непрерывное руководство со стороны высококвалифицированного софонта. Да и ответы получаются весьма неопределенные, даже в относительно крохотной области, ограничивающей их применимость. В лучшем случае вы узнаете, что с довольно заметной вероятностью (но далеко, далеко не наверняка) объект данного типа существует на таком-то и таком-то расстоянии от вас и скорее всего — в таком-то (тоже сомнительном) направлении.

Но этого достаточно. Имея терпение и деньги, чтобы организовать поиски на тропе, указанной уравнениями, вы в конце концов найдете интересующее вас тело.

Вообще-то Койя была уверена, что до ван Рийна никто не интересовался этой проблемой. Однако в электронной памяти Астроцентра хранятся сведения о том, кто и когда пользовался каждой конкретной программой. Цель такой регистрации — избежать повторения уже выполненной работы, и это очень важно в эпоху, когда никто не способен следить за всей литературой по самой даже узкой специальности. Без всякой нужды, а просто по привычке Койя вызвала соответствующую информацию, и...

«...выяснила, что десять лет назад Дэвид узнавал в точности то же самое, что ты, дедушка, сейчас. Но он не сказал тебе этого, не сказал, куда он и его партнеры отправились потом, вообще ничего не сказал. — И снова боль: — и мне не сказал. А я ничего не сказала тебе. Вместо этого я навязалась в этот поход, а перед вылетом отправила Дэвиду письмо, сообщила ему все, что знаю и о чем догадываюсь».

И снова решимость: «Ну хорошо, Ник ван Рийн! Ты вот все жалуешься, какая теперь молодежь шибко уж моральная? Посмотрим, как тебе понравится обнаружить, что с тобой играют краплеными картами».

Но как можно ненавидеть этого старика, который тебя любит?

— Ты о какой альтернативе? — прошептала Койя.

— Какой? — Пожимая плечами, он напоминал гору, срывающую с себя лавину. — Очень простую. Если мы не найдем сверхновую-пенсионерку, используемую по методике оригинальной, как ковыряние в носу, значит, мы столкнулись с неизвестной цивилизацией, имеющей среди нас своих агентов, примерно как в случае с Датиной, только эта обладает такой техникой, что нам впору закричать: «Папочка, папочка, в этом шкафу сидит бука!» — Лицо ван Рийна приобрело необычное для него хмурое выражение. — И он действительно там сидит, этот самый бука.

У Койи похолодело в груди.

— «Суперметаллы»?

— А кто же еще? — Старик сделал большой глоток пива. — Ха, так ты догадалась, что это «Суперметаллы» заставили меня замелетьшиться?

Койя допила кофе; звук поставленной на блюде чашки показался неожиданно громким.

— Да, — сказала она отрешенным голосом. — У меня же было очень много времени для раздумий о цели твоей экспедиции.

— Да, девочка, веселенькая головоломка, причем это наши головы рискуют быть проломленными.

— Принимая во внимание очень специфический характер системы из сверхновой и ее спутника, которая, по твоему мнению, должна находиться где-то в окрестностях Солнца и положение которой ты попросил меня вычислить — принимая во внимание это, а также деятельность «Суперметаллов», я, конечно же, пришла к некоторым заключениям.

— А ты приняла во внимание, что «Суперметаллы» не только темнят — это их полное право, — но, кроме того, не желают вступать в Лигу?

— И это тоже.

— Все верно. Хотя в наши дни выгоды, даваемые членством в Лиге, далеко не так велики, как прежде, но даже они перевешивают утрату крохотной части анатомии.

— Ты хотел сказать «автономии»?

— Скорее всего. Задумался, наверное, о женщинах. Долгое воздержание... Но у тебя никогда не бывает нечистых мыслей. — Ван Рийну хватило такта не смотреть все это время на внучку и сразу же вернуться к деловому тону. — Ты язычница, так что ты просто надейся, а я буду молиться, чтобы суперметаллы, которыми торгуют «Суперметаллы», имели своим источником плавильную печь, управляемую одним только Господом Богом.

Как считается, первородным элементом, с которого началось творение, является водород-1, один-единственный протон, сопровождаемый одним-единственным электроном; даже и теперь его во Вселенной гораздо больше, чем всех остальных элементов, вместе взятых. Огромные массы водорода собирались в шары, которые разогревались сжатием до такой степени, что вспыхивала термоядерная реакция. Атомы сливались, образовывали более тяжелые элементы. Новые, сверхновые и — что не настолько живописно, но еще более важно — меньшие звезды, выбрасывающие газ, проходя стадию красных гигантов — рассеивали эти элементы по пространству, откуда те и попадали в

следующее поколение звезд. Заодно появлялись планеты, жизнь, самоосознание.

Радиоактивные изотопы есть у всех элементов Периодической системы, а начиная с полония (атомный номер восемьдесят четыре) стабильных изотопов и вообще нет. Упакованные в большом количестве, протоны порождают такие силы отталкивания, что силы притяжения не могут бороться с ними вечно. Рано или поздно атомы эти ломаются, причем вероятность их разрушения — или, пользуясь другой терминологией, период полураспада — зависит от конкретных деталей структуры. Но в среднем можно сказать, что чем больше атомный номер, тем меньше стабильность.

Самые первые исследователи считали, что естественные семейства заканчиваются на уране — если более тяжелые атомы даже когда-нибудь и существовали, они давным-давно вымерли. Нептуний, плутоний и все прочее в этом роде нужно изготавливать искусственно. Позднее следы этих элементов были найдены и в природе, но только следы и только тех, чьи атомные номера не превосходят сотни. Создание новых веществ становилось все более и более трудным делом — из-за все более сильного отталкивания протонов, а также из-за того, что очень тяжелые атомы жили очень недолго. Мало кто из ученых надеялся, что когда-нибудь будет достигнут номер сто двадцать.

Но ведь управление гравитацией, путешествия со скоростью больше световой — этого тоже почти никто не ожидал. Вселенная и больше, и сложнее, чем мозг любого ученого, или даже всех их, вместе взятых. Уже в те незапамятные дни был предсказан факт, что с какого-то номера ядра становятся *более* устойчивыми. В Периодической таблице есть «островок стабильности», ограниченный с ближней стороны почти фантомными, крайне недолго живущими элементами вроде сто двенадцатого и сто тринадцатого, а на дальней — еще более неустойчивыми сто двадцать третьим, четвертым и так далее, до следующего «островка», существование которого теория предсказывает, но практика если и достигла, то лишь в бесконечно малом масштабе.

До первого-то не доплыть. Здесь нет удобных промежуточных ступеней, вроде лежащего между ураном и плутонием нептуния, за сотым номером время жизни в несколько часов — мафусайлов век, обычно оно измеряется секундами или даже долями секунды. Ядра приходится изготавливать грубой силой, вбивая один атом в другой достаточно сильно, чтобы он не отскочил, но в то же время достаточно нежно, чтобы мишень не разлетелась в клочья. •

Получение нескольких микрограммов сто четырнадцатого, скажем, элемента (экаплатины) было триумфом эксперимен-

таторов — триумфом чисто научным, не имевшим ни малейшего практического значения.

А инженеры облизывались. Экаплатина не была, конечно же, стабильной, но один из ее изотопов имел период полураспада порядка четверти миллиона лет — более чем достаточно для любых объектов, изготавливаемых смертными существами, и активность его была достаточно слаба, чтобы не требовать каких-либо особых предосторожностей. Блестящий белый металл имел высокую плотность (31,7), высокую точку плавления (около 4700° С), не был токсичным, обладал высокой прочностью, твердостью и химической устойчивостью. Чтобы растворить экаплатину, ее нужно предварительно перетереть в пыль, а затем обработать смесью фтористого водорода и фтора при температуре в двести пятьдесят градусов.

Сплавы экаплатины обладают спектром свойств, о которых инженеры даже и мечтать прежде не решались. А в чистом виде она являлась катализатором, приближающимся по своему могуществу чуть ли не к философскому камню.

После открытия Сатаны начались разговоры о крупномасштабном изготовлении этого чудо-металла, но расчеты быстро потушили всякую искорку надежды. Спроектированным заводам потребовались моря воды и вся атмосфера для охлаждения, целые континенты для захоронения отходов — и только тогда выход специальных изотопов начинал измеряться тоннами. Но и эти изотопы принадлежали элементам ниже сотого — даже на Сатане существующая технология не могла управляться с энергиями, требуемыми для создания за разумное время тонны экаплатины, а даже и будь это возможным, стоимость металла оказалась бы недостижимо огромной.

Инженерам осталось только вздыхать — пока не появилась новая компания, предлагавшая суперметаллы хочешь — килограммами, хочешь — целыми кораблями, по ценам, может, и высоким, но разумным. Источник снабжения не раскрывался. Правительство и Совет Лиги зябко поежились, припомнив шеннов.

Цинтианка по имени Цо Ю спокойно объяснила, что представляемая ею организация разработала новый технологический процесс, который она предпочитает не патентовать, а оставить полной своей собственностью. Предварительно были открыты новые законы природы, но «Суперметаллы» не считают себя обязанными публиковать результаты этих исследований. Пусть другие ученые попотеют. Ровно так же компания не желала ни вступать в Лигу, ни поставить себя под юрисдикцию какого-либо из правительств. Если некоторые из последних откажут в лицензии, запретят торговлю на своей территории — и ради Бога, найдется достаточно таких, которые разрешат.

Прошло три года, и начали появляться вещи и приборы, сулившие не меньший технический переворот, чем вызванные когда-то транзистором, термоядерным конвертером или антигравитационным генератором. А тем временем целая орда следователей и шпионов, государственных и частных, лезла от отчаяния на стенку.

Команды, доставлявшие груз, и агенты, торговавшие им, были весьма пестрой компанией, составленной чуть ли не из всех известных разумных племен. Довольно большой процент этих софнтов происходил из отсталых миров вроде Диомеды, Водана или Икрананки, родиной некоторых были полузаброшенные колонии, например Лохланн (люди) или Катавраяннис (цинтианцы). Понять было не трудно — существа, обязанные «Суперметаллам» своим образованием, возможностью улучшить свою жизнь, а также возможностью помочь близким, оставшимся дома, должны относиться к этой щедрой компании с очень высокой лояльностью. Было также достаточное количество работников, набранных по высокоразвитым мирам и способных на равных общаться с администраторами Лиги.

Все это мало напоминало ситуацию с Датинной. Во всех случаях, когда удавалось проследить прошлую жизнь одного из работников компании, жизнь эта оказывалась вполне нормальной до самого момента, как он (она, оно, они...) был завербован «Суперметаллами» — да и потом в ней не наблюдалось ничего ненормального. На заданный в лоб вопрос такое существо неизменно отвечало, что оно и само не знает, ни где расположен завод, ни как он действует, ни кто его владельцы. Оно (он, она...) просто выполняет хорошо оплачиваемую работу для хорошей, simpatico организации. Судя по всему, они говорили правду.

(«А вот лично мне кажется, — сказал ван Рийн, — что кое-кого из них похищали, накачивали наркотиками, пытались что-нибудь узнать, а затем убивали. Я бы никогда такого не предположил, если бы не точный факт — исчезло несколько сотрудников “Суперметаллов”. А к тому же... тем временем как детки вроде тебя, Койя, становятся шибко щепетильными, компании и правительства вконец звереют». «Второе — одна из причин первого», — гордо ответствовала Койя.)

Организованная за транспортными судами слежка показала, что они получают товар в открытом космосе, в заранее оговоренных точках встречи. Три-четыре меньших, скоростных и маневренных корабля передавали свой груз торговцу, а затем ускользали в самых неожиданных направлениях, используя все известные способы ухода от преследования — плюс маневры, которые Лига считала прежде своим собственным секретом. Как можно понять, они прекращали броски и метания, только окончательно

убедившись, что стряхнули космических ищек со своего хвоста.

Правительства и компании извели уйму денег, пытаясь повторить совершенные «Суперметаллами» открытия, однако дело не клеилось. Появилось и росло убеждение, что здесь скорее всего замешана культура, ушедшая от Технической вперед не меньше, чем последняя — от неолитической. Но зачем тогда это тайное вторжение?

— Странно, — заметила Коя, — что никому, кроме тебя, не пришла в голову сверхновая, естественная же альтернатива.

— Прошло только три года, — пожал плечами ван Рийн, — а началось все по мелочам. Да и сейчас их бизнес невелик. Ничего такого уж кричащего и размашистого, просто каждый год поставляется несколько килотонн очень полезного материала, который станет еще полезнее, когда мы получше изучим его свойства. А людям и без этой истории есть над чем поломать голову — везде загадки, непонятности и что тебе угодно. Не забывай к тому же, что я препадно... dooden ondergang, этот английский!.. предполагаю нечто с точки зрения астрономии крайне невероятное. Спроси ты кого из своих коллег, он бы сразу сказал, что такое невозможно. А по здравом размышлении — если у него есть хоть капля здравого смысла — пригласил бы тебя в гости, малость выпить. Несомненно, — добавил торговец, тщательно выколачивая трубку, — в конце концов кто-нибудь что-нибудь сообразит и натравит компьютер на задачу: возможна ли такая штука, а если да, то где ее искать?

Как бы там ни было, — задумчиво погладил он свою бородку, — не думаю я, чтобы такое случилось скоро. Понимаешь, большинству на все это начхать, они покупают, что есть на рынке, не вникая особенно, откуда взялся товар и что бы это могло значить. К тому же «Суперметаллы» совсем не гоняются за рекламой, они используют прямые связи, а те политики, которые обеспокоились ситуацией, тоже не хотят никакого шума — крупный скандал легко выйдет из-под контроля, а это может обернуться потерей голосов на выборах, или доходов, или еще там чего.

— И все равно, — возразила Коя, — многие умные головы обеспокоены, и количество обеспокоенных растет пропорционально количеству введенных суперметаллов.

— Яа, только на чьих плечах эти самые головы? Считаю, все они принадлежат администраторам корпораций, политикам, военным и — ну вот, теперь придется отмывать рот «Дженевером» — бюрократам. То есть кабинетным крысам. Если они и пересекают пространство, то уютными пассажирскими лайнерами, и приземляются обязательно в обжитых городах,

где из всех нерешенных проблем осталась одна — как бы найти такой ресторан, где тебя не обдерут как липку.

Я же начал с разведывательных полетов, да и потом, после основания «Пряностей и напитков», мотался по малоисследованным районам и дальше, разбираясь с неувязками и неполадками, так что смело могу назвать себя настоящим космонавтом. А космонавт, он шкурой своей чувствует, что Господь всегда готов подкинуть нам какую-нибудь неожиданность, то ли чтобы не слишком заносились, то ли просто смеху для. Сидя в конторском кресле, такого не поймешь, а вот для меня вполне естественно было задаться вопросом — какой кукиш показал теоретикам наш Всевышний на этот раз?

Масса звезды осталась огромной, но по размерам она была примерно с Землю и продолжала съезживаться; через миллионы лет наступит момент, когда даже свет не сможет преодолеть ее тяготения, во Вселенной станет на одну точку абсолютной черноты и непостижимости больше. Процесс этот едва начался — по прикидкам Койи вспышка произошла около пятисот тысячелетий назад — и гигант, становящийся карликом, продолжал светиться, в видимом спектре — еле заметно, в рентгеновском и гамма — ослепительно ярко. Ярко в том смысле, что каждый квадратный сантиметр его поверхности посылал в пространство целый шквал жестких фотонов, однако эта самая поверхность была настолько мала, что в итоге получалась — по космическим, конечно, масштабам — жалкая искорка, различимая только совсем вблизи, на расстоянии не больше нескольких парсеков.

Установленный на максимальное фотоусиление экран показывал тусклую белую крупинку; тысячекратно усиленный блеск окружавших ее звезд слепил глаза, и Койя отвернулась к деловито собиравшим информацию приборам. Корабль отключил гипердрайв, и теперь его заполняли шорох и пульсирующая дрожь гравитационного двигателя.

— Существование спутника подтвердилось, — сообщил ин-терком спокойным голосом находившегося на мостике Хирхарука. — Для точного определения координат потребуется большая базовая линия, но по предварительным данным его радиус-вектор порядка сорока—пятидесяти астрономических единиц.

Приборы, способные на таком расстоянии обнаружить искривление светового луча под воздействием субзвездной массы, вызывали у Койи почтительное восхищение. Оборудование, которому позавидует любая лаборатория. Ее мысли перенеслись на деда. «Если уж ты, Гунунг Туан, оплатил все эти игрушки, значит, деньгами тут пахнет и вправду большими».

— Так далеко? — вмешался голос ван Рийна. — Там же холодина, наверное, такая, что задницу отморозишь.

— Иначе невозможно, — объяснила Койя. — Это же была А0, со светимостью в сотню солнечных. Чуть поближе даже от газового сверхгиганта остался бы один металл — что и произошло позднее, во время вспышки.

— Я, так я и думал, так я, милая, и думал. Только никак не мог предвидеть, что здесь все происходило с таким размахом. Ладно, хватит тащиться на субсветовой скорости; мы не можем тратить попусту целые недели. Хирхарук, переходи на гипер; сначала набери эту самую твою базовую длину, а потом подходи к планетке поближе.

— Гипердрайв в гравитационной яме? — пораженно воскликнула Койя.

— Все хоккей, если у тебя хорошие и хорошо отлаженные двигатели, а уж наши настроены — что твоя скрипка Страдивари. Музыка, маэстро!

Койя покачала головой и взялась за работу — предстояло получать данные при новых условиях движения.

И снова «Джайян» шел на гравях; ван Рийн согласился, что попытка со сверхсветовой скоростью приблизиться к полной тайне, окутанной пеленой невразумительных предположений, сильно смахивает на излишне дорогую форму самоубийства.

Стоя на мостике между Хирхаруком и своим дедушкой, Койя глядела на заполнявшие целую переборку шкалы приборов и дисплеи, словно они могли сказать ей больше, чем изображение неба на экране. И приборы могли бы — умей она пользоваться ифрианской аппаратурой, заменявшей на этом корабле привычную, земную.

— Данные продолжают поступать, — заговорил пристроившийся на насесте Хирхарук. — До оптического контакта осталось не больше часа.

— Ага, — кивнул ван Рийн. — Надо, пожалуй, изготовить команду.

— Экипаж изготовится мгновенно, по первому сигналу. Пусть отводят душу, как хотят, для некоторых из нас этот день может стать последним. — Из интеркома доносилась мелодия, непохожая ни на что земное. Пение струн, неровный пульс барабанов и визг флейт рассказывали о кружащих в небе охотниках...

Сердце Койи сжалось от ужаса.

— Но вы же не собираетесь воевать!

— Не бойся, — улыбнулся ван Рийн. — Самая обыкновенная предосторожность.

— Вы не должны этого делать, ни в коем случае!

— Почему «не должны», если встретим там этих ребят и они начнут что-нибудь такое устраивать?

Коя попыталась что-то сказать, но не смогла. «Я не могу ему признаться, — подумала она в отчаянии. — Ну как я могу сказать, что там, возможно, люди Дэвида?»

— Во всяком случае мы убедились, — заметил Хирхарук, — что «Суперметаллы» — не уинна чужой цивилизации. — У Койи звенело в голове, она смутно припомнила, как во время посещения Ифри ей показывали уинну. Нечто вроде большой вуали, она использовалась для маскировки, чтобы не умеющая летать дичь приняла охотника за плывущий в небе клочок тумана. Из этого вполне практического применения вырос сказочно прекрасный воздушный танец и... «и я смотрела, и думала, вот нашли мы чудо, может быть, уникальное даже для полной чудес Галактики... а потом все запуталось, стало каким-то безобразным, и, Дэвид, что же нам делать?»

— Мы не совсем еще уверены, — услышала она голос ван Рийна. — Возможно, наша находка случайна, или планета — совсем не то, за что мы ее принимаем. Нужно сунуть нос и посмотреть и надеяться, что нам не врежут по этому самому носу.

— Там действуют ядерные установки, — заметил Хирхарук. — По нейтрину видно. А что же это может быть еще, если не база и космические корабли?

Ван Рийн сцепил руки за спиной и прошелся по мостику, гулко бухая ногами по голой палубе.

— А что мы можем угадать заранее? Знаешь поговорку «Предупрежден — вооружен»? Вот мне и хотелось бы быть вооруженным на любой случай — и ножом, и бластером, и пулеметом, и самонаводящейся ракетой — легонькой такой, на мегатонну, не больше.

— Масса планеты... — Хирхарук справился по приборам и назвал число, соответствовавшее приблизительно Сатурну.

— Не больше? — удивился ван Рийн.

— Прежде было больше, — услышала Коя свой голос. Сейчас в ней говорил ученый, в то время как сердце девушки билось в отчаянии, словно дичь, попавшая в сеть упавшего с неба охотника. — Газовый гигант, приближавшийся по размерам к малой звезде. Сверхновая снесла большую часть этой массы — нельзя даже сказать, что она испарила газы, у нас и слов подходящих нет для того, что там происходило, — в результате чего осталось голое ядро, железоникелевое с примесью более тяжелых элементов.

Она остановилась, заметив на себе напряженный взгляд желтых глаз Хирхарука; по всей видимости, теоретические основы экспедиции не были известны капитану, для него слова Койи не звучали банально. И он заинтересовался. Если оказать ему услугу, объяснив все это простыми словами, тогда потом, возможно...

Дальше Койя обращалась прямо к ифрианцу:

— Конечно же, после удаления верхних слоев давление на ядро ослабло, и оно взорвалось, переходя в новое фазовое состояние. При этом планета лишилась последних остатков атмосферы; не исключено, что одновременно было выброшено и большое количество твердого вещества. Так что нужно приглядываться за метеоритами.

— Это делается автоматически, — успокоил ее Хирхарук. — Интересно другое: откуда вообще взялась эта планета? Меня учили, что у гигантских звезд, способных стать сверхновыми, планет не бывает.

— Да, — заметил ван Рийн, — и астрономы все еще чешут затылки по поводу Бетельгейзе.

— Но в этом случае, — продолжила Койя свои объяснения, — все значительно проще. Действительно, как правило, массивные звезды не допускают образования планетных систем, у них не те параметры гравитационного поля. В то же время гигант может быть одним из компонентов двойной звезды, причем различие между партнерами бывает весьма значительным. Поэтому, когда меня навели на мысль, что такое может случиться, я написала программу, которая исследовала гипотезу во всех деталях и подтвердила, что да, при определенных условиях возможно образование двойной, у которой одна из составляющих — крупная звезда, а другая — планета, превосходящая по массе Юпитер. После обратного экстраполирования вещей вроде движения пыли и газа, изменений галактического магнитного поля и тому подобного оказалось, что такая пара может существовать как раз в этих местах.

«У тебя был ключ, появление суперметаллов. — Взгляд Койи скользнул по изрытому морщинами лицу торговца. — А Дэвид до всего догадался сам». Перед ее глазами встало лицо с коротким носом и насмешливыми ярко-синими глазами.

«А может быть, Дэвид здесь и ни при чем. Может, это просто совпадение. Бог моего дедушки, Ты, в кого я не верю, сделай, пожалуйста, чтобы это было совпадение. И пусть эти корабли, к которым мы приближаемся, принадлежат мирным шахтерам, а не великой и ужасной Старшей Расе».

Только она знала, что молитва останется без ответа. И что ни ван Рийн, ни Хирхарук совсем не убеждены в мирности этих шахтеров.

— Я уверена, капитан, что вы слышали все это и прежде, однако позвольте мне еще раз кратко изложить общий ход процесса. При вспышке сверхновой испускаются нейтроны в количестве, которое я могу назвать, но не могу осознать, охватить разумом. И в огромном диапазоне энергий. То же самое относится и к прочим частицам, и к фотонам. А при таких условиях *должна* произойти любая возможная реакция.

Само собой, начальные материалы, скорость реакций, выходы — да любой параметр меняется от случая к случаю. Тяжелые ядра, например актиноиды, составляют очень малую долю общего выхода, а суперметаллы — еще на порядки меньшую. И они так рассеиваются в пространстве, что практически исчезают. Ни одна из образующихся впоследствии звезд и планет не получает их в количестве, которое можно было бы обнаружить даже точными приборами.

Но вот в данном случае имелся компаньон планетной массы, превратившийся в металлический шар. Нет смысла даже строить догадки, сколько квинтиллионов тонн выброшенных звездой раскаленных газов пронеслось над этим шаром. Часть их растворилась в расплавленном металле поверхности, часть могла осесть на ней сверху, и особенно задерживались именно суперметаллы, из-за их высокой температуры конденсации.

Да, суперметаллы составляли крохотную часть выхода, да, планета уловила лишь крохотную их часть. Но чему равна эта крохотная часть? Миллиардам тонн? Причем извлекать эти металлы, имея современную технику, совсем не трудно, а вполне возможно, потому что значительная часть их просто лежит в чистом виде. Они радиоактивны, так что нужно проявлять осторожность, особенно в том, что касается короткоживущих вторичных элементов, кроме того, значительная часть этих сокровищ успела уже распасться. Но все равно осталось больше, чем наша крохотная цивилизация сумеет потребить до самого своего конца. Это какой же гений до такого додумался!

Коя почувствовала пристальный взгляд ван Рийна. Старый торговец не расхаживал больше по мостику, а стоял неподвижно, громоздкий и волосатый, как тролль, и задумчиво подергивал свою бороду.

Ее پاسخ резкий свист; из интеркома посыпались слова на планха. Хирхарук отозвался серией коротких фраз — Коя не понимала, что говорит капитан, но видела, как он напрягся.

— Что там такое? — шепотом спросила она, подойдя к ван Рийну. — Ты понимаешь, о чем это они?

— Я, и очень хорошо, лучше, чем когда поют в опере. Детекторы обнаружили три корабля, которые снялись с орбит вокруг планеты и пошли нам наперехват. Другие корабли остались, где были. Все ясно: те — грузовые суда, а эти, которые идут сюда, — боевые.

Даже при максимальном увеличении планета суперметаллов выглядела еще неказистее, чем исчезнувший сейчас из виду труп сверхновой. Просто на фоне созвездий висел маленький, тускло поблескивающий шарик. «И все равно, — подумала Койя, — там целый мир».

Конечно же, это не гладкая сфера, там должны быть горы и равнины, ущелья и хребты, и пропасти. Обрывы, чья мрачная поверхность сверкает искрами золоты, и низменности, куда сползают ртутные ледники. Должно иметься внутреннее тепло и подземные толчки, сотрясающие стальную почву, и вулканы, извергающие пламя и радиоактивный пепел. Навеки бесплодная, эта планета должна, однако, жить своей собственной жизнью.

Ступал ли Дэвид Фолкейн на эту землю? Если был здесь, то да, уж это — совершенно ясно. Весело ругая местное тяготение, в пять или шесть раз превосходящее земное, но все равно шел, какие бы смертельные опасности ни таились тут в каждом темном углу. Естественно, все эти углы нужно осмотреть — тем, кто решится добывать здесь металлы, придется потратить много лет и, без всякого сомнения, жизней на разведку и исследование, на конструирование, испытание и переделку техники... но Дэвида это уже не будет касаться. Он — не тягловый мерин, а скакун. Он сделал свое открытие, сообщил о нем каким-то избранным для этого существам, возможно — помог им собрать первоначальный капитал и рекрутировать представителей расы, наиболее приспособленной к жизни при высоком тяготении, а затем отправился дальше, к новым приключениям. А может быть — заглянул в Галактическое Содружество и пригласил Койю Коньон потанцевать.

— *Ийян уэрилл-лл ча куглан.*

Слова из интеркома и ответная фраза Хирхарука вернули ее к действительности.

— Что?

— Тсс-с, — отмахнулся ван Рийн, он чуть наклонил вбок голову и напряженно вслушивался. — Веселенькие, доложу тебе, дела.

— Приборы показывают, что один из этих кораблей примерно равен нашему, — объяснил Хирхарук. — Два других поменьше, но они идут строем, позволяющим максимально использовать огневую мощь. И если эта мощь пропорциональна

размерам — а тут нет причин сомневаться, — то перед нами сильно превосходящий противник. К тому же они не просто хотят выгнать нас отсюда — и строй, и траектории рассчитаны так, чтобы помешать нам уйти.

— А можно некоторые подробности?.. Нет, подождите. — Ван Рийн развернулся к Койе: — Ласточка, ты ведь сделала уйму отсчетов по этой звезде, а вот этот терминал можно переключить на компьютер, с которым ты работала. Нанимая у ифрианцев корабль, я заказал программу перевода английского языка, арабских цифр, метрических единиц и какой уж там хреню ты пользуешься — программу перевода всего этого на планха и обратно. Можешь ты посчитать для нас кое-что, и в темпе? — Тяжелая пятерня, дружелюбно шлепнувшая девушку по плечу, чуть не сшибла ее с ног. — Знаю, что можешь. Я помню, — добавил он тихо и почти задумчиво, — твою бабушку.

Во рту Койи пересохло, ее ладони покрылись потом, в ушах гулко стучало. Она подумала о Дэвиде Фолкейне и сказала:

— Да. Что нужно рассчитать?

— В первую очередь — структуру гравитационного поля, и чего можно ожидать при различных его интенсивностях. Плюс радиация, электромагнетизм, все прочее, что ты успеешь запрограммировать. Но против этих штук мы защищены, и довольно прилично, так что не слишком расстраивайся, если с ними не будет особой точности. И не отвлекайся на посторонние разговоры, ничего тут не слушай, а работай... Вот же зараза! — Интерком снова заговорил. — Легки на помине.

По-видимому, командир встречающего отряда послал вызов в стандартном диапазоне. На экране появилось изображение; *Адзель!* — чуть не вскрикнула пораженная Коя.

Нет... конечно, нет... это была голова воданита, но не того милого дракона, который катал ее маленькую на спине, а потом, когда Коя подросла, серьезно, терпеливо втолковывал ей свой буддизм. На заднем плане виднелись икрананец, лицом похожий на ворона, и человек в одежде какой-то из колоний, какой именно — Коя не понимала.

— Приветствую вас, — задвигались толстые, словно резиновые, губы. — Я — коммодор Нади. — По-английски коммодор говорил вполне прилично, а роскошный бас его голоса проникал буквально до костей.

— Коммодор какого флота? — громыхнул ван Рийн, сунув нос прямо в сканер.

— *Кхо*, я узнаю вас, мастер ван Рийн. — На мгновение опешивший Нади быстро собрался и говорил твердо, уверенно. —

Какая неожиданная честь, что вы лично навестили наше скромное предприятие.

— А предприятие это — «Суперметаллы», не?

— Ну конечно же, вы угадали, даже сомневаться в этом было бы невежливо.

Заложенная за спину рука ван Рийна раздраженно взлетела вверх, и Койя послушно уселась перед терминалом. Хирхарук на своем насесте выглядел совершенно невозмутимо и слегка обмахивался крыльями. Ифрианская музыка стихла; теперь из интеркома доносились шелест и негромкий шепот.

Ван Рийн продолжал беседовать с Нади; довольно простая и рутинная для Койи работа не мешала ей слушать.

— Понимаете, коммодор, сидел я сидел, не обремененный никакими делами одинокий старик, которому и поговорить-то не с кем, разве что вот внучка зайдет попросить чего-нибудь, и у меня была уйма времени, чтобы думать — это, конечно, не так приятно, как пить, но думать можно и в одиночку, и по почкам это бьет не так крепко, а голова наутро болит всего чуть сильнее, чем после пьянки. Вот я и подумал — а что, если суперметаллы получают не в производственном процессе, который мы представить себе не можем, а в природном и, возможно, в таком, о котором мы кое-что знаем? А тогда это должна быть вспышка сверхновой. Правда, сверхновая расшвыривает все по пространству, а суперметаллов так мало, что они пропадают. Если только у этой сверхновой нет спутника, который их уловит.

— Примите, пожалуйста, глубочайшее мое уважение. Возможно, ваша прозорливость подсказала вам заодно, кто стоит за нашим предприятием?

— Я, я могу сказать прямо, и ничуть не боясь ошибиться, кто такие эти ваши предприниматели. Мелкие, как рыбки уклеики, дельцы, по большей части — из бедных и малоразвитых общин, наскребли кое-какие гроши, сложили их вместе и образовали консорциум. Нетрудно понять и секретность — если станет известно, какая тут сокровищница, мощные компании сразу выкинут вас и возьмутся за дело сами. А любой суд они купят с потрохами на свои карманные деньги, так что туда и обращаться не стоит. Поэтому вы до последней возможности будете хранить все в тайне. В конечном итоге кто-нибудь обязательно повторит мой шерлок-холмсовский номер. Но, дай вам еще несколько лет спокойной жизни, вы получите несколько гига-кредитов чистой прибыли; возможно, вы разбогатеете даже настолько, что сумеете защитить свою собственность.

Койя почти увидела этих безвестных старателей — на орбитальных станциях, на кораблях, на кладбищенски безжиз-

ненной планете, где роботы вгрызались в руду и управляли обогащательными фабриками, а живые существа стояли свои вахты, преодолевая мрак, и холод, и страшную тяжесть, и радиацию, и прочие бесчисленные опасности экамира.

— Вот потому-то, мастер и капитан, мы и обзавелись этими боевыми кораблями.

— Но вы же не думаете, — невинно заметил ван Рийн, — что я притащил свою драгоценную тушу в такую даль и забыл при этом оставить записку, которую прочтут, если я не успею на розыгрыш кубка Микронезии?

— Честно говоря, мастер, я именно так и думаю. Потенциальный выигрыш был достаточно велик, чтобы оправдать практически любой риск, и вне зависимости, ведется ли игра ради денег, или... или ради чего-либо еще. — Он на секунду задумался. — Ну а если такая записка и вправду существует, вы будете хорошим заложником. Узнав, что вы в плену, многие придут в восторг, но у вас ведь есть и союзники; вместе с работниками вашей компании они сделают все возможное. Так что, мастер, капитан и все находящиеся на борту вашего корабля — примите искреннейшие мои извинения. Мы постараемся по возможности скрасить ваше заточение.

— Wat drommel! — От возмущенного вопля ван Рийна вздрогнули переборки. — Он возьмет нас в плен! Это какую же надо иметь наглость?

— Мы вас задерживаем. И не делайте попыток уйти — тогда нам придется открыть огонь.

— А не слишком ли вы размахнулись? Наглость, она до добра не доводит.

— Подумайте сами, мастер. Мы приняли излучение вашего гипердрайва и приготовились заранее. Вам не проскользнуть мимо нас в открытый космос — положение и скорости наших кораблей дают полную гарантию, что один из них обязательно вас перехватит, вступит в бой, а тем временем подойдут и остальные два. — Ван Рийн неохотно кивнул. — Конечно, — продолжал Нади, — можно уйти в сторону звезды — судя по всему, вы умеете использовать гипердрайв при больших полях, чем это обычно делается. Но даже вам не удастся развить в этом направлении большую псевдоскорость — неизбежны разрушения. Мы же пойдем кружным путем — но значительно быстрее, а потому обязательно вас обгоним. Мы рассчитаем конус, в котором должны будут лежать возможные направления вашего выхода в пространство, и снова выстроим заслон, мимо которого вы не пройдете.

— Вам что, и вправду так уж не терпится угостить нас своим домашним пивом?

— Умоляю вас, мастер, сдайтесь без сопротивления. Обращаться с вами будут — по возможности — хорошо, я обещаю вам возмещение убытков, а когда вы будете с нами, попытаюсь объяснить, почему у «Суперметаллов» не было иного выхода.

— Хирхарук, — вздохнул ван Рийн, — поговори-ка ты с этим недоумком, может, у тебя лучше получится. — Возмущенно топоча, он вышел из поля зрения камеры. Капитан взглянул на него с сомнением, однако продолжил ни к чему не приводящий спор с воданитом. Ван Рийн склонился над внучкой. — Ну и как тут дела? — Шепот его звучал не громче пятибалльного ветра.

Коя указала на экран. Все вычисления были вполне обычного для нее типа, а их результаты представлялись в понятном для любого космического капитана виде диаграмм и уравнений эквипотенциальных поверхностей. Бегло просмотрев материалы, ван Рийн кивнул:

— Для начала хватит, — решил он. — Остальное прикинешь по пути.

— Как это — по пути? — испуганно повернулась Коя. — Мы же в западне!

— Это он так считает. А вот я заранее сообразил, что тот, кто сидит на этом сундуке с сокровищами, обязательно поставит охрану, и сторожить будут — что бы я там ни сказал коммодору — не недоумки, а ребята ушлые и хорошо обученные. Вполне способные усадить нас в ту хитрую задницу, в которой мы сейчас сидим. Эрго, я заготовил на такой случай болт с левой резьбой. Но это, — посерьезнел ван Рийн, — было задумано исключительно на случай, если совсем уже припрет. Все может повернуться не так, и тогда мы на том свете. Только лучше уж на том свете, чем в самой очаровательнейшей из тюрем, *pie*? — (А она так и не могла ничего сказать про Дэвида.) — Говорил же я, что прогулка может оказаться опасной. — Огромная и как перышко легкая рука погладила девушку по голове. — Простите меня, Беатрис и Рамона.

Так звали маму и бабушку Койи.

Ван Рийн резко отвернулся, подошел к так и продолжавшему испытывать долготерпение Нади своей ифрианской гордостью Хирхаруку и что-то сказал — на планха и с пулеметной скоростью. Капитан не раздумывая кивнул, и тут Коя поняла, почему ее дедушка зафрахтовал корабль именно на этой планете. Хирхарук вернулся к беседе с воданитом, а ван Рийн встал к главному пульту и принял управление «Джайном».

На предельном ускорении корабль рванулся к звезде.

Эту часть пути Койя запомнила плохо. Сперва в их сторону полетели ядерные ракеты, и она увидела вспышки разрывов и подумала, что это — смерть. Однако ван Рийн и Хирхарук выбрали такое направление движения, что за час полета на гравитационных двигателях ни один снаряд не смог набрать относительную скорость, достаточную, чтобы прорвать оборонительный огонь ифрианцев — вот откуда были эти вспышки.

Затем появилась хоть и рискованная, но возможность перейти на гипер. Делать это приходилось медленнее, чем в межзвездной пустоте, однако уже через час остывающий карлик оказался совсем рядом, гравитация возросла и пришлось вернуться в нормальное пространство.

И вот здесь, вместо того чтобы обходить звезду по широкой дуге, корабль пошел прямо на нее, и снова — на предельном ускорении.

Койя была слишком занята работой, чтобы замечать происходящее вокруг. Она производила расчеты, давала рекомендации, временами — когда компенсирующие поля уже не справлялись с огромными ускорениями — бессильно висела на привязных ремнях. Она видела, как разрастается изображение звезды, как оно заполняет весь экран. Она слышала, как стонут под невыносимым напряжением ребра корабля, и всем телом ощущала их мучительную дрожь, она видела, как растут показания счетчиков радиации, и понимала, как близко та грань, за которой никакая медицина не справится с полученной дозой. Она слышала рывканье ван Рийна, флейтовый голос Хирхарука и свист ответов на отдаваемые ими команды, и громкое хлопанье крыльев — неизменно торжествующее, хотя «Джайян» все еще находился в зубах смерти. Но по большей части она просто работала как заведенная, ничего не видя и не слыша.

И так продолжалось много часов, показавшихся годами.

Спасла их только предварительная подготовка — ван Рийн приказал заранее просчитать подобную ситуацию, и результаты этих расчетов хранились в банке данных компьютера; задача Койи сводилась к тому, чтобы вводить числа и функции, соответствовавшие реальному положению вещей, и получать ответы, в соответствии с которыми старый торговец и капитан направляли корабль. Работа захватила ее полностью, вытеснив из страха, и даже мысли о Дэвиде.

Ошеломленный Нади смотрел, как верная, казалось, добыча исчезает с экранов. Сперва он преследовал беглецов на гипердрайве — в пределах разумного риска, — а затем — на гравитационных двигателях. Он подошел к звезде значительно ближе, чем следовало бы, но не имел возможности швырнуть свой корабль еще глубже, по сумасшедшей гиперболе. За все

годы пребывания здесь ни ему, ни его товарищам даже в голову не приходило, что кто-нибудь рискнет приблизиться к вращающимся останкам солнца, сиявшего когда-то ярче целой Галактики. Поэтому никто никогда не исследовал такую ситуацию, а чтобы рассчитать ее сейчас, потребовался бы огромный, неподъемный для корабля компьютер и несколько дней времени.

И дело было не в радиации — совсем нетрудно прикинуть, насколько близко может подойти к светилу команда, прикрытая данным количеством защитной брони. Но масса полудюжины солнц, спрессованная в объеме Земли, имеет ошеломляющей силы гравитационное поле, в искривленном этим полем пространстве все законы природы приобретают странный, непривычный характер. Более того, карликовая звезда с фантастической скоростью вращается, порождая релятивистские силы, для описания которых необходимо точно знать все параметры. А еще пульсации типа, наблюдаемого обычно только в пределах атомного ядра, а здесь приобретающие масштаб в миллионы километров...

После того как ифрианский корабль окунулся в эти призрачные, смертельно опасные глубины, Нади утратил всякое представление о дальнейшем ходе событий. Он не мог предугадать, где беглецы вынырнут, где они снова станут доступны наблюдению — и не мог, соответственно, спланировать перехват.

Оставалось лишь надеяться, что они вообще не вынырнут. Корабль, отважившийся на такой маневр — и не в орбитальном к тому же движении, а с работающими двигателями, — не будет разорван в клочья, не упадет на раскаленную поверхность звезды только в случае, если пилот и его компьютеры точно знают, что нужно делать.

Или почти точно. Маневр действительно был до сумасшествия рискованный. Оторвавшись наконец от своего терминала, Коя увидела, как крепко вцепившийся руками в насест Хирхарук торжествующе плещет крыльями и что-то кричит, а ван Рийн молитвенно опустил на колени. Затем был еще метеоритный поток (так ей показалось), сбивший — ударами по защитному полю — их с траектории, и тогда старый торговец яростно потряс в воздухе кулаком, начал было очередное умопомрачительное ругательство, но посмотрел на нее и смолк. Еще позднее, когда произошла очередная неприятность — какое-то непонятное взаимодействие с плазменным облаком, — он подошел к Кое, наклонился и поцеловал ее в лоб.

Они преодолели и рифы, и водовороты, вышли в открытый космос, включили гипердрайв и легли на обратный курс.

Случайности случаются, без них жизнь была бы скучной и даже странной.

«Через пень-колоду», направлявшийся по записке Койи к экамиру, обнаружил «Джайяна», связался с ним, уравнил скорости и пришвартовался. Ван Рийн пригласил вольных торговцев к себе на борт.

После счастливо окончившегося свидания со смертью прошло еще менее суток, да к тому же ифрианцы вообще не любят шумных встреч, так что команда продолжала отдыхать — только Хирхарук счел себя обязанным поприветствовать гостей от имени своего чота. Разбуженная дедушкой Койя проглотила стимулирующую таблетку, оделась и поспешила в зал для полетов, единственное место на корабле, где мог — с относительными удобствами — поместиться Адзель. В этом гулком, полутемном помещении она обняла — насколько хватило рук — дракона, затем Чи Лан, а затем поцеловала Дэвида Фолкейна, заплакала и поцеловала его снова, и не могла уже оторваться.

— Кхе-кхе, — прокашлялся ван Рийн, привлекая к себе внимание. — А к тому же кхо-кхо. Я тут сижу и сижу себе на корме, корму свою до мозолей просиживаю, жду — не дождусь, пока хоть кто-нибудь продрыхнется наконец и отметит со мной это дело, а тут вдруг оказывается, что заявилась ваша мушкетерская троица, и в результате я же сам и должен все таскать. — Торговец указал на собственноручно им накрытый стол, на бутылки и рюмки, блюда хлеба, сыра, колбасы, икры, локса и канубы, посреди которых красовалась ваза с неведомо откуда взявшимися цветами. Звучала негромкая музыка, в соответствии со вкусами хозяина торжества — Моцарт.

— Так вот, по свидетельству поэтов, любовь преодолевает время, чего не скажешь про хорошую пищу, так что расставим эти удовольствия в правильном порядке, *pie*?

При обычных обстоятельствах Фолкейн бы расхохотался, опрокинул первую заиндеветшую стопку аквавита, за чем последовали бы стакан пива и предложение Койе — попробовать, можно ли танцевать под такую музыку. Но сейчас она почувствовала, как напряглись державшие ее за руку пальцы и услышала такой же напряженный голос:

— Сэр, не могли бы вы сперва сообщить мне, что с вами произошло?

Ван Рийн занялся сигарой. Койя умоляюще взглянула на Адзеля, погладила мех пристроившейся в кресле Чи Лан — и не нашла в себе сил говорить. Ситуацию обрисовал — в нескольких коротких фразах — Хирхарук.

— А-а-а, — ошеломленно выдохнул Фолкейн. — Господи Боже, Койя, так они загнали вас чуть не в самый этот адский

котел... — Он отпустил руку девушки и крепко, словно пытаясь защитить, обнял ее за талию.

— Ну, — несколько виновато пробурчал ван Рийн, — я же не хотел, чтобы она летела, моя нежная ласточка, ја, нежная, как закаленная сталь...

Кое показалось, словно Фолкейн заслоняет ее собой, обычным жестом мужчины, заслоняющего женщину от грозящей опасности.

— Сэр, — сказал он ровным, без всякого выражения голосом, — это я знаю или, во всяком случае, могу предположить. И готов обсудить с вами эту тему позднее. Сейчас же я очень прошу вас сказать, как вы намерены поступить в отношении консорциума «Суперметаллы».

Раскуривший наконец сигару ван Рийн задумчиво покрутил усы.

— Ты пойми, — сказал он, — меня ничуть не колышет, что они ведут свое дело втихаря. Но кой черт, они же хотели засадить меня в камеру или превратить в ошметки сала, которые пошли бы на строительство следующего поколения планет. И Койю тоже, ты, Дэви, не забывай про Койю. Правда, она скорее всего сделала бы эти планеты еще прекраснее. Так вот за это они заплатят.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего такого особенного... долю. А к тому же — вполне скромную. Ну, скажем, десять процентов валовой выручки.

Обожженное сотнями солнц лицо Фолкейна нахмурилось.

— Сэр, вам не нужны деньги. Вы уже и забыли, когда в них нуждались. Для вас они просто фишки в игре, возможно — единственной интересующей вас игре. А вот эти, оставшиеся за кормой вашего корабля — они не играют.

— А чем же тогда они, позвоительно спросить, занимаются?

И тут — совершенно неожиданно — заговорил Хирхарук:

— Вы знаете чем, мастер. Они стремятся получить то, что позволит их народам летать. В конце, — высоко вскинул он голову, — Всевышний Охотник поражает каждую свою тварь и все, что она создала. Я вижу, что на вашу жизненную тропу уже пала его тень. Так пусть новое родится в мире.

Чувствовалось, что ифрианцу хочется раскинуть свои золотые крылья, однако для этого ему пришлось бы встать на руки.

— Гунунг Туан, тебе же только и нужно сделать, что ничего не делать. — Рука Фолкейна, лежавшая на талии Койи, придала ей смелости. — Не рассказывай никому и ничего. Ты победил, а теперь скажи им, что тебе этого достаточно, что ты — тоже им друг.

Она часто видела, как дедушка багровеет, но вот побледневший от ярости ван Рийн — это было совершенно новое зрелище.

— Ja! Ja! — заорал он. — Друг! Такой хороший, такой добренький, ну, может, чуть близорукий... А кто нарушил свою присягу верности — и это, когда я относился к нему как к сыну? Кто нарушил это родство?

«Он подозревал, — с ужасом поняла Койя, — но не признавался в этом даже самому себе — до этой минуты, когда я практически прямо сказала правду».

Чи Лан выгнула спину. И прежде не двигавшийся Адзель замер как каменный. Фолкейн забыл про Койю — она отчетливо это чувствовала — и глядел своему боссу прямо в глаза.

— Вы хотите услышать ответ? — Каждое слово торговца звучало как удар молота. — Думаю, лучше всего нам будет похоронить прошлое.

Целую минуту все молчали. Фолкейн словно вспомнил, что рядом с ним Койя, ван Рийн смотрел на них, а с него самого не сводили глаз Адзель, Чи и небесный охотник Хирхарук.

— Хоккей. — Голос ван Рийна почти не был слышен. — Я не буду разевать варежку. Никогда. А теперь можем мы наконец сесть и отметить встречу? — Он начал наполнять рюмки, и Койя увидела, что дедушка действительно очень старый.

БЕСКРЫЛЫЙ

Насколько нам известно — а так ли много мы знаем, проживая в этом едва нами обследованном уголке одной-единственной галактики? — Авалон стал первой планетой, на которой два различных разумных вида основали общую колонию. Поэтому многое было непредсказуемо, и не только в том, что касалось самой планеты, чьи тайны первые исследователи лишь слегка приоткрыли, но и в будущем подобного смешанного общества. Поселенцы сперва начали обживать острова Гесперид, вероятность наткнуться на что-нибудь смертельно опасное здесь была меньше, нежели на материке. Каждая из рас выбрала свое место жительства.

Разумеется, отношения были самыми сердечными. Все с нетерпением ждали дня, когда люди и ифрианцы победят материк и станут жить на нем вместе. Однако на первых порах не мешало избегать трений, ведь на самом деле у этих рас только и было общего, что схожая биохимия, теплая кровь, живорождение и надежда начать все сначала в неиспорченном мире. Они должны были знакомиться постепенно, чтобы взаимность рождалась без усилий со стороны.

Поэтому Нат Фолкейн на заре своей жизни нечасто видел крылатый народ. Если ифрианец оказывался в Чартертауне по делу, он общался с его дедушкой Дэвидом или, как теперь, с отцом Николасом, но уж никак не с маленьким мальчиком. Даже когда крылатый гость заходил на обед, разговор за столом чаще всего шел не по-английски. Нат, раздраженный этим, прилагал все усилия, изучая в школе язык планха, но усилия эти не окупались, пока ему не исполнилось семнадцать авалонских лет — двенадцать по летосчислению Земли, едва ли атом с которой нашелся бы в его теле.

К тому времени поселения на архипелаге разрослись настолько, что предводители стали готовы пустить корни и на Коронанском материке, но перед этим многое следовало изучить и спланировать. Одним из людей, работавших с ифрианцами в исследовательской команде, стал Николас Фолкейн. Штаб-квартира располагалась в основном поселении союзников, называемом ими Тровэй, а людьми — Земля Крылатых. Работа продлится много оборотов Морганы, каждый из которых составлял почти половину лунного месяца, и он взял с собой жену и детей.

Нат оказался единственным на всю округу мальчиком своего возраста. Зато уж ифрианских приятелей ему хватало.

— У-у-ух! — устроив ветер и громко хлопая крыльями, взлетел с балкона Кешчи. Раздался трубный призыв: — Чего ты ждешь, копуша?

Турак, не такой порывистый, как брат, окинул Ната острым взглядом желтых глаз.

— Ну что, ты с нами? — спросил он.

— Да... наверное, — пробормотал тот.

«У тебя проблемы», — молча сказал Турак. Бесконечно изменчивое ифрианское оперение могло придавать выражение всему телу, и значило оно обычно больше, чем вообще могут значить слова. На уроках планха Нат узнал несколько общепринятых выражений, но теперь, по-настоящему познакомившись с живыми ифрианцами, он все больше и больше чувствовал себя глухонемым.

Он всего лишь мог неуклюже сказать словами:

— Нет, со мной все в порядке. Честное слово. Просто думаю, ну... не надо ли хотя бы позвонить маме и спросить...

Нат умолк. Всем своим видом Турак выражал презрение. А он еще был мягким и деликатным, не то что властный Кешчи...

«Ну, если тебе, будто птенцу, так уж надо...» Это ли было написано на бронзовых перьях и белых с черными кончиками хохолке и хвосте?

Нат почувствовал себя очень одиноко. Он так обрадовался, когда эти приятели, с которыми он немного говорил и играл, позвали его провести каникулы по случаю Недели Свободы в своем доме. И конечно же, все обитатели чота Заклинателей Дождя были с ним очень вежливы, даже задушевные, если не считать нескольких презрительных замечаний Кешчи, которые он сам, видимо, и не считал колкими. И родители были рады разрешить Нату принять приглашение.

— Это — шаг в будущее, — воскликнул отец. — Наши народы должны узнать друг друга до мозга костей. Это — задача вашего поколения, Нат... и ты первым берешься за нее.

Но ифрианцы были чужими, и не только в смысле общения. Их плоть, их кровь, сами молекулы, составлявшие их гены, были не человеческими. И глупо было притворяться, что это не так.

«Иначе» не всегда означает «хуже». Может ли это, страшно подумать, означать «лучше»? Или «счастливее»? Создавал ли Господь ифрианцев, будучи в лучшем расположении духа, чем при создании людей?

Наверное, нет. Они были плотоядными, прирожденными охотниками. Может, поэтому они и позволяли, и даже поощряли молодежь к безрассудным поступкам, стоически принимая то, что неудачливые и недостойные не вернутся...

Кешчи спикировал рядом. Ната обдуло ветром, поднятым его крыльями.

— Ты что, приклеился? — прокричал ифрианец. — Спешу тебя уведомить, что прилив ждать не будет. Если хочешь пойти с нами, черт возьми, пошевеливайся!

— Ты знаешь, он прав, — продолжил более спокойный Турак. Он дрожал от нетерпения.

Нат слотнул, шаря взглядом в поисках хоть чего-нибудь привычного.

Он стоял на балконе высокой каменной башни, в которой жили самые почтенные семьи. Внизу был мощный дворик и беспорядочно разбросанные деревянные здания. Какие-то животные паслись на спускающихся вниз по холму лугах, покрытых земной травой и клевером, ифрианскими звездчатыми колокольчиками и рожью, земными дубами и соснами и ифрианскими медными деревьями, далее обработанные земли переходили в красноватый ковер местного сузина с разбросанными по нему ярко-зелеными пятнами ризничного куста и нежно-голубыми джаниями. Большое и золотое с утра солнце Лаура стояло над серебрящейся вдали линией океана. Еще по небу плыли несколько кучевых облаков и бледный призрак заходящей Морганы. Мимо пролетала стайка авалонских дракул, по сравнению с великолепным оперением Кешчи их кожистые крылья смотрелись очень невзрачно. Взрослых ифрианцев видно не было, по своим делам они летали далеко.

Нат, невысокий и худой, со взъерошенными волосами и тонкими чертами лица, чувствовал себя карликом во всем этом огромном мире.

Ветер бормотал, ласкал его лицо прохладой, доносил аромат листьев и далеких земель, дымный запах тела Турака.

Хоть тот и был молод, но вырос уже почти со взрослого, то есть примерно с Ната. Стоял он на своих огромных крыльях, сложенных вниз, с когтями, создающими некое подобие ступней.

На месте ног и лап птичьих предков у ифрианца находились руки и ладони. Костяк его сохранил жесткость, как у птиц, и сильно выдающуюся килевую кость, но голова, сидящая на довольно длинной шее, если не обращать внимания на хохолок, выглядела почти как у млекопитающего: мягкие черты лица, рыжевато-карие глаза, клыки, контрастирующие с тонкими линиями губ, при низком лбе череп выдавался назад, и в нем помещался превосходный мозг.

— Так ты летишь? — настойчиво спросил Турак, пока Кешчи насвистывал где-то в вышине. — Или ты предпочитаешь остаться? Может, так оно для тебя и будет лучше.

Кровь застучала у Ната в висках. «Я не дам этим тварям повода насмеяться над людьми», — пронеслось у него в голове. В то же время он знал, что поступает глупо, что надо отпроситься у мамы — и что делать этого он не будет, он тоже знал, но не мог ничего с собой поделать.

— Лечу! — бросил мальчик.

«Отлично», сказала оперение Турака. Он поставил руки на пол и оперся на них, расправляя крылья. На просвет в лучах солнца перья будто таяли. Под ними мелькнул ряд пурпурных жаброподобных щелей, биологического форсажа, позволявшего существам такого размера летать в близких к земным условиях. С шумом и ревом Турак взлетел.

Выписывая головокружительные петли, он поднимался все выше и выше, к парящему кузену. Они начали перекрикиваться. Находясь в полете, ифрианец сжигает больше пищи и воздуха, чем человек; он, как иногда говорят, «более живой».

«Но я-то не ифрианец», — думал Нат. Слезы жгли его. Он зло утерся тыльной стороной ладони и потянулся к переключателям гравипояса.

Он был надет на талии поверх комбинезона, за спиной висели два цилиндра силовой установки. Мальчик мог подняться в воздух и лететь очень долго. Но что за жалкое это было утешение.

Покидая башню, Нат чувствовал легкую вибрацию в животе, создаваемую двигателем. Его пальцы потянулись, чтобы настройкой переключателей выровнять высоту и задать курс на север. Сильный резкий ветер дул прямо в лицо, так что пришлось надеть поверх кожаного шлема защитные очки. У ифрианцев на такие случаи имелось третье веко.

Последние несколько дней до Ната постепенно доходило, пока наконец ночью, когда он лежал на койке, поставленной для него в гнезде мальчиков, не дошло, насколько эти существа владели своими бескрайними небесами и насколько человек

далек от этого, и ему пришлось давиться слезами — не дай Бог, кто-нибудь услышит.

Гравипояс монотонно работал и тащил молодого Фолкейна по прямой, в то время как его приятели парили, ныряли и кружились в воздухе, наслаждаясь свободой неба, принадлежащей им с рождения.

Северный берег изгибался, образуя небольшой залив. За сузином, кустами и грядой дюн его воды сверкали чистым синезеленым цветом; прибой яростно бил о рифы, закрывающие вход в залив. Там некоторые подростки держали свои лодки, Кешчи и Турак были из их числа.

Но... потихоньку они переделывали свою лодку для плаванья в открытом море; и сегодня наступил день испытания.

Приземлившись, Нат почувствовал себя не таким жалким. На земле он был ловчее медленных и ограниченных в движении ифрианцев. Замена, как он хмуро подумал, не очень равноценная. Все же он мог быть им полезным. Не это ли было настоящей причиной, по которой его пригласили участвовать в первом плаваньи?

«Для Кешчи — несомненно, — решил мальчик. — Тураку я, кажется, нравлюсь как личность... Кажется». Нат окинул взглядом надменные лица, но, хотя они были полны эмоций, он не смог увидеть в них ничего, кроме естественного возбуждения.

— Ну же! — Кешчи даже пританцовывал от нетерпения. — Спускаем на воду! Ты, — повернулся он к Нату, — тащи за нос, а мы толкнем с кормы. Прыгай!

На секунду разозлившись, Нат почти уже решил послать его подальше и вернуться. Он знал, что все равно не должен участвовать в этом опасном предприятии, не удосужившись даже предупредить родителей. Весь этот план ему предложили так неожиданно... «Нет, — подумал он. — Я не могу позволить им считать меня, человека, трусом. Они меня еще узнают». Он ухватился за форштевень, покрытый изящной резьбой с мотивами виноградной лозы, согнул спину и стал тащить изо всех сил.

Лодка с готовностью поехала по песку из своего укрытия. Это было похожее на каравеллу стройное одномачтовое судно без палубы и с почти плоским дном, длиной около четырех метров. Песок, скрипевший под тонкими подошвами Ната, сменился водой, разом промочившей его штаны. С негромким чмокающим звуком лодка оторвала свое днище от песка и заплесала на волнах.

Кешчи и Турак одним взмахом крыльев забрались на борт, Нату пришлось неловко карабкаться через планшир; насквозь

мокрый, он стоял и не знал, что делать дальше, а ифрианцы тем временем поставили мачту, закрепили штаги, начали разворачивать грот и кливер. Оснастка казалась несколько странной: гибкий гафель был длиной почти как утлегарь. Синтетическое полотно, потрескивая, расправилось на ветру.

— Эй, подождите минутку, — сказал Нат. Ифрианцы недоуменно повернулись, и он понял, что говорил по-английски. Неужели они никогда не считали нужным изучить его язык так же, как он — их? Нат перешел на планха: — Я плавал сам, вокруг Первого Острова, и знаю — э... ну как это называется? — покраснев от смущения, он не знал, как объяснить свою мысль.

Турак помог ему. После некоторых усилий они поняли друг друга.

— Ты заметил, что у нас нет киля, и не понимаешь, как мы собираемся лавировать, — объяснил ифрианец. — Я удивлен, что ваши спортсмены не взяли наше изобретение на вооружение. Смотри, — он повернул изогнутый щит, установленный на шарнире и снабженный лопастями, видимо, для автоматической установки его положения. — Под действием ветра он обеспечивает боковое сопротивление, сопротивление же воды отсутствует. Так получается значительно лучше, почти как на подводных крыльях.

— Ничего себе! — удивлялся Нат.

Его радости несколько поубавилось, когда Кешчи покровительственным тоном добавил:

— Конечно же, ведь знание свойств воздуха приходит к нам само.

— Ну, отчаливаем, — засмеялся Турак. Он взял румпель в правую руку и шкот в левую, когтями крыльев ухватившись за насест. Полощущиеся паруса натянулись, и лодка рванулась вперед.

Усевшись на дно — банок не было, — Нат смотрел на бурлящую воду, слушал ее шипение, чувствовал, как судно дрожит из-за большой скорости, ощущал вкус соли на губах. Лодка едва не летела и ровно рассекала воду. Берег удалялся, а прибой устрашающе быстро становился все громче и ближе.

Нат сглотнул. «Нет, я и виду не подам, что чувствую себя неуютно». В конце концов, гравипояс все еще был на нем. Если лодка перевернется, или еще что-нибудь, он сможет долететь до берега. Ифрианцы — тоже. Интересно, они поэтому не беспокоились о спасательных жилетах?

Рифы темного коралла почти непрерывной невысокой грядой перекрывали вход в лагуну. Ярко-зеленые валы разбивались о

зубчатые стены с пробирающим до костей грохотом и фонтанами пены. В бурлящих водоворотах мотало толстые коричневые сети водорослей, оторвавшихся где-то в море от больших скоплений. Щурясь от брызг, Нат едва разглядел узкий проход, на который правил Турак.

«Мне это не нравится, мне это совсем не нравится», — пронеслось в голове мальчика первобытным холодком, оставшимся со времен рева, завываний и голодного чавканья в ночи.

Турак опустил румпель. Лодка неслась с такой скоростью, что со стороны гафель и утлегарь сливались в одно целое, хлопанье паруса терялось в вихре шума. На новом галсе лодка подлетела к проходу. Турак пел от радости. Кешчи распустил перья, и те засверкали в брызгах и солнечных лучах.

Лодка лавировала среди рифов. Вдруг незамеченная сеть водорослей зацепилась за руль, и волны и ветер тут же принялись за дело. Суденышко швырнуло о гряды рифов. Зубцы прошли сквозь обшивку, словно пилы. Прибой схватил лодку и начал разбивать ее в щепки.

Нат взлетел, еще толком не сообразив, что случилось. Он висел на отталкивающем поле над бело-зеленой яростью океана и дико озирался вокруг. Вон Турак, парящий в воздушном потоке, отчаяние в каждом перышке, но живой, в безопасности... А Кешчи?

Пытаясь перекричать океан, Нат задал вопрос. До него донесся ответ, еле слышный из-за шума:

— Не знаю, я его не вижу, не ударило ли его гафелем? — Турак ошалело закружил над водой. — Вон там! — проорал он, а потом в полном отчаянии: — Нет, нет, Кешчи, родной, друг...

Нат бросился к ифрианцу. Ветер терзал его, разбивающиеся волны словно переполняли его своей яростью. Он долго пытался что-либо разглядеть через застилающий глаза туман брызг и увидел...

...Кешчи, одно крыло которого запуталось в водорослях; волны кидали его, загоняли под воду, снова выбрасывали на поверхность и остервенело кидали о рифы.*

— Мы можем поймать его! — крикнул Нат, но потом увидел то, что уже заметил Турак: это было бесполезно. Кусок водорослей, прицепившийся к Кешчи, был дюжину метров в длину и примерно столько же в ширину. Весил он, должно быть, тонну или больше. Ифрианца нельзя было поднять, пока кто-нибудь не залезет в воду и не освободит его.

Но ифрианцы, крылатый народ, просто не способны плавать. Для них это совершенно невозможно. В лучшем случае

помощь сверху даст жертве прожить одной или двумя минутами больше.

Нат нырнул.

Хаос сомкнулся вокруг него. Он наполнил легкие воздухом и задержал дыхание, пока его несло в льдисто-бледные глубины. «Спокойно, спокойно, умирают именно из-за паники». Течения были сильнее него, но у мальчика, в отличие от стихии, имелась цель. У него были мозги, которые он мог использовать. Пусть его уносит под воду — Нат почувствовал, как его щека царапнулась о камень, — ведь его снова вынесет наверх и...

Он и сам не помнил, как оказался рядом с Кешчи, как начал барахтаться в воде, вдыхая, когда появлялась такая возможность, побольше воздуха, и все время пытаюсь ухватиться за опутавшие крыло растения. Казалось, прошла вечность, но Кешчи наконец обрел свободу.

Кешчи схватился за протянутую ему Тураком руку. Ничего не соображающий, насквозь промокший — он не мог лететь сам, а Турак не мог его тащить в одиночку.

Волна швырнула Ната головой вперед на то место, где раньше разбилась лодка. Еще чуть-чуть, и было бы поздно, но мальчик успел дотянуться до пульта управления и поднялся в воздух.

Он схватил Кешчи за вторую руку и переключил силовую установку своего пояса в положение «Перегрузка». На пару с Тураком они оттащили своего товарища на землю.

— Моя жизнь принадлежит тебе, Натаниэл Фолкейн, — дома сказал Кешчи. — Позволь мне почитать тебя.

— Да, да, — шепотом пронеслось в полумраке комнаты, где собрались обитатели чота Заклинателей Дождя.

— М-м-м, — пробормотал, вспыхнув, Нат. Ему хотелось сказать: «Пожалуйста, только не говорите моим родителям, во что я по глупости вляпался». — Но это было бы несообразно той торжественной церемонии, которую для него устроили друзья.

Наконец она завершилась, и ему с Тураком удалось ускользнуть на тот самый балкон, с которого все началось. Короткий авалонский день подходил к концу. Солнечные лучи косо освещали поля, отражались от моря, за которым лежали дома людей. Воздух был спокойным, прозрачным и пропитанным запахом растений.

— Я сегодня многое узнал, — серьезно сказал Турак.

— Да уж, надеюсь, со следующей лодкой вы будете осторожнее, — попытался пошутить Нат. «Ну сколько же можно вокруг меня суетиться? — подумал он. — Когда-нибудь, конеч-

но, перестанут, и тогда можно будет расслабиться и просто радоваться обществу друг друга. Но пока...»

— Я понял, как хорошо, когда у каждого свои сильные стороны и ими можно делиться.

— Ну конечно. Разве не ради этого затеяли устройство нашей колонии?

Стоя между небом и морем, Нат вспоминал, как он плавал, нырял, ходил на яхте всю свою жизнь, сверкание и смех воды, ласкающей лицо и обнимающей все тело, катание на мировых волнах и заплывы в полумрак скрытых глубин, неожиданную красоту рыбы или волнистый песок дна, солнечные зайчики над головой... и посмотрел на ифрианца, испытывая к нему толику сочувствия.

СПАСЕНИЕ НА АВАЛОНЕ

Над головой пролетел ифрианец во всем великолепии. Трехметровые крылья и гордо посаженная золотоглазая голова на солнце казались отлитыми из бронзы. Белые, как снег на окрестных горах, хохолок и хвост были слегка тронуты черным. Истинный повелитель ветра.

Против воли Джек Бирнам признал, что зрелище завораживало. Но в бинокль он посмотрел только по обязанности. Если пролетавшее существо поприветствовало его, он ради своей расы должен был ответить на приветствие, а ифрианцы часто забывали, что у людей не очень острое зрение.

«Я должен быть особенно вежливым, находясь на принадлежащей им территории, — с горечью подумал мальчик. — А теперь она им принадлежит, черт бы побрал Парламент с его сделками».

В бинокль он хорошо видел изогнутую морду плотоядного с неожиданно нежными губами; лапы, превращенные эволюцией в руки; когти на «локтях» крыльев, служившие на земле ступнями, жаброподобные щели на теле, мехи, накачиваемые летательными мышцами, работающие биологическим форсажем, позволяющим существу подобного размера подняться в воздух. Он даже мог различить по оперению, что это — мужчина средних лет, фигура, судя по узорным поясу, кошельку и кинжалу, составлявшим всю его одежду, важная.

Ифрианец, хотя, несомненно, и заметил Джека, никак этого не показал. Скорее всего это просто входило в обычаи его чота. Чоты различались по своим обычаям так же сильно, как и нации людей, а Джек вспомнил, что народ Врат Бури, переезжающий сюда, довольно необщителен. Несмотря на это, мальчик пробормотал вслед улетающему ифрианцу:

— Можете называть это достоинством, а я подобное поведение называю снобизмом, и ты мне тоже не нравишься.

Крылатый силуэт постепенно уменьшался, а затем скрылся за далеким хребтом. «Он, видимо, направляется в Тихое Ущелье, на охоту, — решил Джек. — А я-то хотел там прогуляться... С другой стороны, почему бы и нет? Вряд ли мы с ним встретимся, в ущелье я спускаться не собираюсь. В горах хватит места нам обоим — сейчас, пока его народ их не заселил».

Он привесил бинокль к рюкзаку и продолжил свой одинокий путь.

Самые высокие горы на Авалоне расположены в Андромедском хребте, но так его называют люди. Ифрианцы, присоединившиеся к людям в колонизации, не без причин называют это место Мать Погоды. Почти через два дня — через двадцать два часа — после встречи с незнакомцем на Джека Бирнама обрушился ураган. Рожденный и выросший здесь, он привык к неожиданным бурям, они все время возникали на быстро вращающейся планете. Но сила этой просто поразила мальчика.

Опасности для него не было никакой, поход в одиночку в дикие земли не являлся проявлением глупости. Конечно, Джек предпочел бы пойти с кем-нибудь, но так получилось, что все его друзья оказались заняты, а он не надеялся, что представится другой шанс побывать в дорогих для него местах. Он хорошо это знал. В его намерения входила просто пешая прогулка, а не альпинизм. В свои двадцать четыре (или семнадцать по летоисчислению Земли, которую он ни разу не видел) он был крепче и выносливее многих взрослых, а в случае серьезных трудностей требовалось лишь послать сигнал бедствия с помощью карманной рации. Настроившись на нее, аэрокар с ближайшей спасательной станции, расположенной у подножия холмов, доберется до него за несколько минут.

Если погода будет летной!

Когда поднялся ветер и с севера налетели темные тучи, он сделал быстрые приготовления. В спальном мешке, снабженном капюшоном и дыхательной маской на случай совсем уж плохих условий, он не замерз бы даже при температурах, каких и не бывает на Авалоне. Над спальником сооружался тент из дюрапласта, который остановит град и обломки. Складной каркас, легкий, но прочный, он закрепил на четырех самозабивающихся крючьях со взрывающимися головками, намертво всадившихся в скалу. Теперь убежище никуда не денется. Оказавшись вместе со всем снаряжением внутри, Джеку ничего не оставалось, как переждать несколько часов последовавшего воя.

И все же к тому времени когда буря улеглась, он был почти напуган и оглушен ее яростью.

Выбравшись из-под навеса, он обнаружил, что солнце давно село. Моргана в полнолунии светила настолько ярко, что затмевала большую часть звезд. Отдаленные снежные равнины сверкали на фоне сине-черного неба, валуны и кусты на перевале, где остановился Джек, казалось, превратились в серебро, рядом тек ручеек, будто наполненный ртутью. Почти священную после воя ветра тишину нарушали лишь журчание ручья да гул водопада. Воздух, хотя и холодный, нес запахи остроконечного трилистника, душистого ливелла и джании. Из рта вырывались призрачные клубы пара.

После долгой неподвижности мальчик не мог уснуть. Он решил развести костер, приготовить кофе и чего-нибудь поесть, посмотреть на рассвет. Здесь, над линией леса, приземистые крепкие растения почти не пострадали. Но он был уверен, что найдет массу обломков деревьев. Им внизу, должно быть, досталось значительно сильнее. Утром он это увидит. Сейчас все вокруг было для него просто темнотой, покрытой инеем лунного света.

Пискнула рация. Джек насторожился. Это означало общую передачу на аварийной частоте. Доставая из кармана комбинезона плоскую коробочку, он включил ее на двусторонний разговор. Донесся слабый голос:

— ...районе горы Высокой. Четвертая спасательная станция Андромеды вызывает всех в районе горы Высокой. Четвертая... Джек поднес рацию ко рту:

— Вас слышу. — В своей стеганой одежде он ежился далеко не просто от холода. — Джон Бирнам отвечает АСС-четыре. Я... один, пешком, но если могу помочь...

На другом конце голос резко спросил:

— Где именно вы находитесь?

— На карте у этого места нет названия, — объяснил Джек, — я на южном краю большого каньона, начинающегося примерно в двадцати километрах на восток-северо-восток от вершины Высокой. Я где-то у середины ущелья, это будет, ну, скажем, еще километров тридцать к востоку.

«Все же у этого места есть название, — подумал он. — Пять лет назад, впервые оказавшись здесь, я окрестил его Тихим Ущельем, за то, что лес здесь такой высокий и тихий. Интересно, как его назовут ифрианцы, когда я уже больше не смогу сюда приходить?»

— Нашел, — ответил голос. Должно быть, у него есть аэрофотография местности. — Вы сказали, Джон Бирнам? Я — Ивар Холм. Шторм прошел нормально?

— Да, спасибо, я хорошо подготовился. Вы что, решили устроить проверку?

— В некотором роде, — угрюмо сказал Холм. — Понимаете, во всем секторе неприятности. Этот подлый ураган чертовски недооценили в прогнозе. Думаю, это — от недостатка метеостанций. Или колонии слишком молоды, чтобы знать все авалонские шуточки. Так или иначе, здесь, внизу, на холмах, все переломано — фермы, деревья, отдельно стоящие лагеря; аэрокары или потерпели аварию, или разбиты в лепешку, в том числе несколько машин и из нашего парка. Несмотря на помощь извне, мы еще долгие дни будем искать и спасать уцелевших. Нашим пилотам и врачам придется вообще забыть о сне.

— Мне очень жаль, — неловко сказал Джек.

— Я молил Бога, чтобы кто-нибудь оказался в этих местах. Видите ли, где-то там попал в беду ифрианец.

— Ифрианец! — прошептал мальчик.

— Да не просто ифрианец, а Айан, вайвэн Врат Бури.

— Что?

— Вы что, не знаете? — В этом не было ничего невозможного. До сих пор две расы не сильно пересекались. Они были слишком заняты, приспосабливаясь на занимаемых территориях к миру, необычному для них обоим. Семья Джека держала морскую ферму на берегу в пятистах километрах на запад отсюда, и мальчик редко встречал представителей другого народа. Даже хорошо образованному человеку можно было бы простить некоторую неопределенность в знаниях о структуре ифрианских обществ.

— В чоте Врат Бури, — объяснил Холм, — слово «вайвэн» настолько близко по значению к словам «вождь» или «президент», насколько это вообще возможно для их языка. А Врата Бури, в связи с увеличением населения, не так давно заполучили весь этот участок Андромедских гор.

— Знаю, — Джек, не удержавшись, взорвался вновь вскипевшей яростью. — Парламент Людей и Великий Хруат Ифрианцев заключили свою сделку, нисколько не заботясь о нас, проводивших здесь все возможное время просто потому, что мы любим это место!

— Что? Вы что говорите? Это был честный обмен. Они отдали нам кусок отличной прерии. Мы же, в отличие от них, не живем охотой и животноводством. Ни на что, кроме прогулок, мы все равно горы использовать не можем, да и то случается нечасто. Кстати, а почему мы теряем время, Бирнам?

Джек стиснул зубы:

— Пожалуйста, продолжайте.

— Ладно. Айан в одиночку полетел лично осматривать новые земли. Для ифрианцев это — в порядке вещей. Вам должно быть известно, насколько у них силен территориальный

инстинкт. Сейчас я получил тревожный звонок из центра Врат Бури. Семья вайвэна утверждает, что он вышел бы на связь сразу после урагана, будь у него такая возможность, и просила сообщить, если выяснится, что он в целостности и сохранности. Но сообщения не поступало. К тому же он ни разу не упомянул, где именно собирается быть, и ни один ифрианец не носит с собой столько груза, чтобы его можно было заметить с воздуха.

— В том лесу маломощный передатчик работать не сможет, — сообщил Джек. — Слишком много там растет железняка.

— Этого еще не хватало! — простонал Холм. — Беда не приходит одна, так? — Он глубоко вздохнул. — В обычных условиях у нас бы уже тьма машин вылетела на поиски, независимо от сложности задания. Сейчас мы себе такой роскоши позволить не можем, учитывая, что его может и не быть в живых. И все же — вы говорили так, будто имеете представление о его местонахождении.

Джек помолчал, потом медленно ответил:

— Да, думаю, что да.

— Что? Быстрее, ради всего святого!

— Пару дней назад, направляясь туда же, куда и я, мимо меня пролетел ифрианец. Наверное, тот самый. Забравшись сюда, внизу, в каньоне, я заметил дым, поднимающийся над деревьями, наверное — от его костра. Думаю, он охотился... Я не слишком вглядывался, но смогу примерно показать место. Почему бы не прислать команду ко мне?

Некоторое время Холм молчал. Свет луны стал белее и холоднее.

— Бирнам, вы что, не слушали? — наконец спросил он. — Нам нужны все люди и все машины все время, когда они могут работать. Если верить моей карте, ущелье сплошь заросло лесом. По-вашему, мы должны послать двух или трех людей и машину искать точное местонахождение ифрианца — учитывая, что шансов быть живым у него, кажется, не много, а вы... вы — прямо на месте?

Может быть, вы найдете его? Выясните, как обстоят дела, окажите посильную помощь и свяжитесь с нами, обладая точной информацией. Прямо отсюда мы его и вытаским, а время, сэкономленное на поисках, пойдет на спасение сотен людей, которым ясно, как помочь. Как вам такой вариант?

Теперь замолчал Джек.

— Алло? — крик Холма походил на писк в ночи. — Алло?

Джек сжимал передатчик, пока не побелели костяшки пальцев.

— Не знаю только, что я смогу сделать, — сказал он наконец.

— В смысле?

— У меня аллергия на ифрианцев.

— *Что?*

— То ли перья, то ли... за последние год-два стало совсем плохо. Стоит только подойти к одному из них, и вскоре я еле дышу. А антиаллерген я с собой в этот поход не взял, никак не думал, что понадобится.

— Это должно быть излечимо.

— Врач так и говорит, но нужно оборудование, которого нет на Авалоне. Ну, знаете, для трансформации РНК. Моя семья не может позволить себе отправить меня на более развитую планету, так что я просто избегаю ифрианцев.

— Но посмотреть-то вы можете! — взмолился Холм. — Я благодарен за риск, но если вы будете очень осторожны...

— Ладно, — неохотно согласился Джек. — Это я могу.

С силой, свойственной ифрианцам, в ожидании спасения или смерти Айан закрыл свой мозг для боли. Время от времени он издавал резкие охотничьи крики, которые и вели к нему Джека после того, как мальчик добрался до тех мест, но раз за разом они становились все слабее.

Далеко внизу, у подножия крутого склона, прислонившись к кусту, не столько лежал, сколько растянулся ифрианец. Везде вокруг него все было завалено сломанными ветками и поваленными стволами, из-за которых Джек с трудом за день сюда добрался. Сквозь прорехи в кронах проглядывало закатное небо. Сверкающая блестящая пурпурная листва железолита перемежалась зеленью и золотом других деревьев.

Левое крыло Айана изгибалось под неестественным углом. Из-за перелома он не мог ни ходить, ни летать. Несмотря на изможденность и истощение, он все же расправил хохолок, когда в поле зрения оказался человек. Хрипота усилила акцент в его английском:

— Рад тебя видеть!

Не доходя до ифрианца трех метров, Джек остановился. Он тяжело дышал, обливался потом, несмотря на холод, колени были будто ватные. Понимая, что глупее не придумаешь, он, однако, не смог сказать ничего, кроме:

— Как... вы себя чувствуете... сэр? — «Зачем называть "сэром" воруемого земли?»

— Довольно плохо, — с трудом выговорил Айан. — Хорошо, что ты пришел, вторую ночь я бы не выдержал. Ветер бросил мне на крыло тяжелый сук, и оно сломалось. Еду и снаряжение раскидало, думаю, что и ты не сможешь их найти. — Рука с тремя средними и двумя большими пальцами по краям указала

на пристегнутый к поясу передатчик. — Каким-то образом сломался и он. На мои просьбы о помощи никто не отвечал.

— Здесь бы вы ответа не дождались, — Джек махнул в сторону зловещих листочков, дрожащих на ветру. — Вы не знали? Оно называется железоллист. Он забирает соли из почвы и выделяет в виде мелких крупинок чистого металла, чтобы блеском привлекать опыляющих жучков, а заодно — поглощает радиоволны. В подобные места нельзя отправляться без напарника.

— Я этого не знал — даже погода застала меня врасплох. Эти места мне чужие.

— А для меня это — родная страна. — Кулаки мальчика сжимались, пока ногти не вонзились в ладони.

Взгляд Айана сфокусировался на Джеке. Тот подумал, насколько странным должно казаться со стороны его поведение. Ифрианцу требовалась помощь, а человек просто стоял рядом. Джек не мог уйти, не позаботившись о нем: он бы умер.

Мальчик собрался и торопливо заговорил:

— Слушайте, слушайте внимательно, может быть, я не смогу это повторить. Мне придется пробраться назад, туда, где можно воспользоваться рацией. Потом со станции пришлют машину, и я смогу провести ее к вам. Но до утра мне идти нельзя, я заблужусь или сверну шею, продираясь в темноте через оставшиеся после шторма горы обломков. Вначале я сделаю все, необходимое для вас. Нам лучше заранее планировать каждое действие.

— Почему? — спокойно спросил Айан.

— Я задыхаюсь в вашем присутствии! Я имел в виду аллергию... помогая вам, я заработаю сыпь и астму. Если мы не ограничим близкое общение, завтра я могу оказаться слишком больным для путешествий.

— Понятно. — Несмотря на обиду, Джек поразился самообладанию ифрианца. — У тебя, случаем, нет в аптечке анагона? Нет? Жаль. По-моему, это — единственное обезболивающее, годящееся и для твоего вида, и для моего. *Храу*. Ты можешь прямо сейчас кинуть мне флягу и какую-нибудь еду. От голода и жажды я едва не теряю сознание.

— Вы понимаете, что это — людская еда, — предупредил Джек. Хотя многие продукты могли есть и люди, и ифрианцы, в диете одних не хватало некоторых жизненно необходимых другим веществ, и наоборот. Кстати, местной, авалонской жизни не хватало питательности ни для одной из колонизирующих планету рас. Необходимость поддерживать различную экологию была основной причиной, по которой они жили отдельно. «Я даже не смогу сюда возвращаться, — думал Джек. — Даже если новые хозяева и позволят мне это, то мое собственное тело — нет».

— По крайней мере запасусь калориями, — напомнил Айан. — Хотя мои перья и защищают от холода лучше, чем твоя кожа, за последнюю ночь я сжег почти всю остававшуюся во мне энергию.

Джек подчинился.

— Затем, — предложил он, — я разожгу костер и нарублю дров, чтобы вам хватило до утра.

Айан удивился? Лицо его было слишком чужим, чтобы по нему можно было что-нибудь прочесть. Казалось, будто ифрианец хотел что-то сказать, а потом передумал.

— Какая вам требуется неотложная помощь? — добавил мальчик.

— Боюсь, серьезная, — ответил Айан. У Джека упало сердце. — Начинается заражение, и сомневаюсь, что у тебя есть безопасный для меня антибиотик, значит, мои раны надо тщательно промыть. Надо вправить кость и наложить шину, хотя самую грубую. Иначе — я не хочу жаловаться, но малейшее движение причиняет буквально невыносимую боль. Прошлую ночь мне едва хватало сил работать здоровым крылом, чтобы хоть немного согреться. Если сломанному крылу не помочь, я не смогу продержаться в сознании и поддерживать огонь.

Джек забыл, как он ненавидит это существо.

— Да что вы, Господи! У меня ум за разум зашел. Возьмите мой спальник. Я могу, ну, что ли, засунуть вас в него.

— Там видно будет. Лучше нам продолжить планирование и подготовку.

Джек резко кивнул. И вот наступил момент, когда ему пришлось вдохнуть, задержать дыхание и подойти к ифрианцу.

Аллергия превзошла все опасения.

В итоге глаза у него так распухли, что почти не раскрывались, вся кожа горела и чесалась, а сам он, полузадушенный, лежал, хрипло дышал, плакал и мелко дрожал. Присевший у огня Айан смотрел на мальчика через снова разделяющие их холодные сгущающиеся сумерки. Тот еле расслышал голос ифрианца:

— Спальный мешок тебе нужнее, чем мне, учитывая к тому же, что к рассвету у тебя должны быть силы на обратное путешествие. Отдыхай.

Джек покорно пополз к спальнику. Ему было слишком плохо, чтобы понимать, чего прошедший час стоил Айану.

Через кроны деревьев пробились первые бледные лучи света. Мальчик проснулся от хриплого крика, — *Храх, храх, храх*, человек... — долгое время он, казалось, прорывался

сквозь паутину и туман, а затем резко вдохнул и полностью проснулся.

Ледяной воздух вошел в его легкие через заметно менее распухшее горло. Голова болела и была как в тумане, но все же он мог видеть и думать...

Айан лежал у погасшего костра. Он приподнялся на руках и громко каркнул. Хохолок его поник, глаза остекленели.

— *Храх.*

Джек выкарабкался из мешка и, спотыкаясь, встал на ноги.

— Что случилось? — в ужасе спросил он.

— Я... упал в обморок... только что очнулся — боль, усталость и... недостаток питания — я боялся, что могу потерять сознание, но надеялся, что этого не случится.

«Я-то почему не подумал? — пронеслось в голове у Джека. — Позапрошлой ночью, размахивая крылом, он, с помощью этого форсажа, подстегивающего обмен веществ до недостижимых человеком пределов, сжег не только питательные вещества, оставшиеся в его теле, но и витамины, которых не было в моих рационах...»

— Почему вы не взяли спальник? — злясь на себя, спросил Джек. — Я прекрасно мог обойтись без сна.

— Я не был уверен, что ты сможешь, — прозвучал хриплый шепот. — Ты выглядел очень больным и... неправильно было бы, если бы ты умер за старого... я слишком мало знаю о твоём племени... — Ифрианец поник.

— А я — о вашем... — Джек бросился к Айану, взял его на руки, отнес к теплому мешку и осторожно положил внутрь. Вскоре глаза ифрианца открылись, и Джек смог его накормить.

Астма и сыпь на этот раз были значительно слабее, чем раньше, да Джек их все равно почти не замечал. Убедившись, что Айан устроился удобно и все необходимое — под рукой, мальчик наскоро перекусил и пустился в путь.

Ему предстоит упорная борьба за то, чтобы в теперешнем жалком состоянии выйти из леса железлиста засветло. И он это сделает. Обязательно.

Врачи продержали Джека в больнице всего один день. Поправившись, он одолжил респиратор и защитную одежду и пошел в палату ифрианца попрощаться.

Айан лежал на специально разработанной для его расы койке. Он был один в комнате. Открытое окно выходило на лужайку, высокие деревья — авалонские королевские кроны, ифрианские «гнезда ветра», земные дубы — и далекие снежные вершины. С неба лился свет, воздух пел. Айан с тоской смотрел наружу.

Но он повернул голову и, да, улыбнулся, увидев входящего Джека и узнав его, несмотря на всю «маскировку».

— Приветствую тебя, товарищ по буре, — сказал он.

Лежа в больнице, мальчик изучал обычаи Врат Бури. Он покраснел, понимая, что нет более нежного и уважительного обращения, чем «товарищ по буре».

— Как вы себя чувствуете? — неуклюже спросил он.

— Благодаря тебе я поправлюсь, — Айан посуровел. — Джек, — тихо сказал он, — ты можешь подойти ко мне?

— Конечно, пока на мне эта штука. — Мальчик приблизился. Когти сжали его руку.

— Я говорил с Иваром Холмом и другими, — прошептал Айан. — Ты злишься на меня и весь мой народ, так?

— Э, ну...

— Понимаю. Мы прогоняем тебя с дорогого для тебя места. Джек, ты и все, кто будет с тобой, всегда будут там желанными гостями и смогут бродить, где вздумается. Нашим народам давно пора начать свободно общаться.

— Но... Я хотел сказать, спасибо, сэр, — заикаясь, проговорил Джек, — но я не смогу.

— Твоя слабость. Да, — Айан издал ифрианский мелодичный эквивалент смешка. — Думаю, по большей части она — психосоматической природы и пройдет вместе с твоей злостью. Но, естественно, мой чот отправит тебя на другую планету для полного излечения.

Джек мог только таращить глаза и давиться словами.

Айан поднял свободную руку:

— Не надо благодарить нас. Нам нужна близость таких, как ты, людей, которые не бросят в беде даже врага.

— Но вы — не враг! — вырвалось у Джека. — Я был бы горд называть вас своим другом!

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Приводимый ниже рассказ взят из любопытной книги, обнаруженной при раскопках Сол-Сити на Земле. Я говорю о «Воспоминаниях Джона Генри Ривза, контр-адмирала Имперского галактического флота». Стиль изложения слегка подправлен, однако в целом перед вами — подлинный текст. Вопрос о том, происходили ли события, о которых повествуется далее, в действительности, пока остается открытым, поскольку, на мой взгляд, излишний драматизм лишает рассказ правдоподобия. Тем не менее не приходится сомневаться, что написан он на заре Первой Империи, а потому мы с вами можем увидеть ту эпоху глазами ее современника, который, кстати, нарисовал нам замечательный портрет Основателя. В мелочах Ривз, быть может, и отступает от фактической канвы событий, однако серьезные погрешности в его изложении отсутствуют. Вы вправе считать пятую главу его «Воспоминаний» беллетризованным вымыслом, но не забывайте, что годы жизни автора — великая и трагическая пора триумфальных свершений и что в своей книге он пытается изобразить истинный облик человека, который уже тогда превратился в легенду.

*Донвар Эйген,
Президент Галактического
археологического общества*

Они приближались. Серая туша их вожака заполняла визир оптического прицела моей винтовки. Всякий раз, стоило мне только выглянуть из-за стены, слышался свист пуль, и я нырял обратно. Кусок стены, за которым мы прятались, возвышался

над развалинами единственным зубом во рту мертвеца. Я рывками нажимал на спусковой крючок и тут же припадал к земле. Время от времени вражеские пули ударялись о мою каску и разрывались, и тогда я ощущал сладковатый аромат сонного газа, от которого у меня начинала кружиться голова.

Кэтрин перезаряжала винтовку. Я услышал, как она выругалась: обойма застряла в проржавевшем патроннике. Я бы с радостью отдал ей свое собственное оружие, но его состояние было немногим лучше. Веселенькое дельце — стрелять из винтовки, которая, того и гляди, взорвется у тебя в руках, но, кроме этого старья, у нас ничего не было. Два вторжения болдигов за пятнадцать лет почти полностью опустошили Землю.

Я выстрелил. Громадный серый варвар закрутился, зашатался, прижимая все четыре руки к брюху, и со стоном медленно опустился на колени. Его соплеменники завывали, а сам он басовито выбранился. Что ж, он, конечно, умрет, но умрет нескоро. Я проделал в нем сквозную дыру, но эти горзуни невероятно живучи.

Я пригнулся. Пули свистели вокруг, срезая высокие стебли травы, что выросла на обломках дома. Поднявшийся ветер шелестел в траве и в кронах обезображенных войной деревьев, гнал по летнему небу одинокие облачка, так что сонный газ рассеивался, не успевая достичь нужной концентрации. Однако Йонс-сон и Хokusай распростерлись трупами у разрушенной стены. Прямое попадание погрузило их в глубокий сон.

Кэтрин пристроилась рядом со мной — грязный и рваный комбинезон облегал ее крепкое молодое тело словно королевская мантия, пряди темных волос выбивались из-под каски на забаву ветру.

— Если они взбеленятся, — проговорила она, — то примутся палить по нам из пушек или нападут с воздуха.

— Пожалуй, — отозвался я. — Но им нужны живые рабы, а не мертвые.

— Джон... — Голубые глаза Кэтрин потемнели, брови сошлись к переносице. Как знакомо мне было это движение! Я следил за игрой теней, что отбрасывали листья на деревьях, на ее смуглом лице. На вздернутом носу, скрывая под собой веснушки, чернело пятнышко копоти. Но все равно — Кэтрин была прекрасна, прекрасна, как Земля, как свобода, как жизнь, как все то, что мне суждено потерять!

— Джон, — пробормотала Кэтрин, — может, избавим их от хлопот и выйдем к ним сами?

— Это мысль, — буркнул я, высовываясь из-за стены.

Горзуни стали действовать осторожнее. Они подкрадывались по саду к развалюхе, которую мы защищали. За их спинами

виднелись руины большого дома. Над ними вился дымок. Горзуни рылись среди обломков, выискивая людей и сокровища. Меня так и подмывало выстрелить по ним, но я сдержался, решив приберечь патроны для тех, кто подбирается к нам.

— Мне вовсе не улыбается быть рабом у варвара-инопланетянина, — сказал я, — пускай даже с теми, кто сведущ в технике, обращаются сравнительно неплохо. Но вот женщине...

Я умолк, будучи не в силах закончить фразу.

— Я могу предложить им свои услуги в качестве техника, — ответила Кэтрин, — а могу и не предлагать. Джон, милый, по-твоему, риск не оправдан?

Разумеется, нам обоим поставили в свое время гипнотический блок против самоубийства. Так поступали со всеми, кто служил в уничтоженном космофлоте Содружества, за исключением имевших доступ к секретным сведениям. Считалось, что мы обязаны сражаться до последнего, до тех пор пока нас не убьют или не возьмут в плен. Глупость да и только, характерный образчик политики наших верхов, которая привела нас к поражению в войне. Раб с познаниями в науке и технике был для варваров ценнее пары-тройки солдат, которых он успеет убить до того, как его схватят.

Однако усилием воли блок можно было разрушить. Я поглядел на Кэтрин. Наши взгляды перекрестились. В ее глазах, за длинными ресницами, дрожали слезы.

— Ну... — пробормотал я беспомощно и поцеловал ее.

Это нас погубило. Горзуни были уже в непосредственной близости от нашего бастиона; при земной силе тяжести, которая составляла примерно половину той, к какой они привыкли, варвары перемещались с потрясающей быстротой. Один из них прыгнул на меня; он приземлился на свои когтистые, вывернутые наружу лапы с грохотом, от которого затряслась почва под ногами. Он запрокинул голову и издал торжествующий вопль, и тут я снес с плеч его рогатую башку. Но за ним последовали другие. Кэтрин закричала и выстрелила в самую гущу толпы, что навалилась на нас с тыла.

Что-то словно ужалило меня. Я почувствовал резкую боль, а потом в мозгу моем будто взорвалась бомба, и я покатился по извилистой дорожке во мрак. Последнее, что я увидел, была Кэтрин, которая пыталась вырваться из рук горзуни. Он был вполнину выше ее, он согнул ствол ее винтовки, но утихомирить ее ему удалось далеко не сразу. Больше я ничего не помню.

С наступлением темноты они принялись загонять нас на борт звездолета. Мы словно очутились в аду, каким его рисовали себе наши предки, — темная ночь, охваченные пламенем дома,

длинная вереница людей, бредущих к кораблю, подгоняемых тычками и пинками охранников.

Какой-то дом полыхал как раз неподалеку от звездолета. Алые и желтые языки пламени отражались на металлическом корпусе, выхватывали из теней изможденные лица; мерцали людские слезы и безучастные глаза нелюдей. Тьма скрывала нас друг от друга, лишь иногда порыв ветра раздувал пламя, и мы начинали озираться по сторонам. Но жаркий воздух обжигал кожу, и мы поспешно отворачивались.

Кэтрин нигде не было видно. Я брел вослед идущему впереди, то и дело вздрагивая от удара прикладом винтовки — таким способом наши хозяева выражали свое нетерпение. Я слышал причитания женщин и стоны мужчин, которых заталкивали в звездолет.

— Джимми! Где ты, Джимми?

— Они убили его. Он лежит там, в развалинах.

— Боже, в чем мы провинились перед тобой?

— Мой малыш! Кто-нибудь видел моего малыша? Мой мальчик! Они отобрали его у меня!

— Помогите, спасите, помогите!..

Глухое проклятие, истошный вопль, скулящий стон, судорожный вздох — и неумолчное шарканье ног, рыдания женщин и детей.

Нас победили. Они рассеяли наши армии, разграбили города, они отлавливали нас среди развалин, на Земле и в космосе, а мы лишь бессильно огрызались и отплевывались, да надеялись, что остатки нашего флота сотворят чудо. Но — чудес по заказу не бывает.

На деле Болдическая Лига оккупировала пока только внешние планеты Солнечной системы, а внутренние продолжали подчиняться правительству Содружества, которое то ли ушло в подполье, то ли перестало существовать. Немногие уцелевшие корабли космофлота сражались с врагами поодиночке, вразнобой, а Земля превратилась в охотничье угодье для любителей легкой наживы и работоторговцев. И скоро, подумал я с горечью, инопланетяне подавят последние очаги сопротивления и Солнечная система целиком войдет в состав их варварской империи. Значит, из людей свободу сохраняют лишь поселенцы колоний дальнего Внеземелья, в большинстве своем — тоже варвары, часть которых уже поддержала Лигу против материнской планеты.

Нас загнали в камеры, по столько человек в каждой, что мы буквально стояли на плечах друг у друга. Но Кэтрин по-прежнему не попадалась мне на глаза, и я впал в какую-то апатию.

Когда все поднялись на борт, палуба задрожала под ногами и ускорение стиснуло нас в своих объятиях. Некоторые умерли, не выдержав перегрузки. Я старался изо всех сил не допустить, чтобы человеческая волна, что перекатывалась из конца в конец камеры, расплющила мою грудную клетку.

Звездолет горзуни представлял собой дряхлое, насквозь прожжавшее суденышко, добрая половина приборов которого не работала. Болдики совершенно не разбирались в технике. Они были варварами, слишком рано узнавшими, как строить космические корабли и пользоваться огнестрельным оружием. Ведомые военным гением, что обнаружился в их рядах, они обрушились на планеты Содружества.

Они зазубривали инструкции, смысла которых не понимали. Мне доводилось наблюдать, как их «инженеры» приносили жертвы преобразователям энергии; я знал, что многие их генералы принимают серьезные решения только после совета с астрологами или предсказателями судьбы по внутренностям животных. Именно поэтому они выискивали среди рабов специалистов-техников. Имея диплом инженера-ядерщика, я мог рассчитывать на то, что со мной будут обходиться достаточно любезно, хотя, с другой стороны, меня, возможно, продадут тому, кто сдерет с меня кожу или ослепит, или заставит надрываться в рудниках.

Тем не менее положение необразованных людей было гораздо хуже моего. К ним относились как к машинам из плоти и крови, они выполняли работу, для которой у горзуни не находилось роботов, и редко кто из них протягивал больше десяти лет. Женщин продавали по умопомрачительным ценам людям — предателям и отступникам. При этой мысли я застонал и в отчаянии попробовал убедить себя, что познания Кэтрин в технике уберегут ее от подобной участи.

Нас переправили на другой звездолет, который кружил на земной орбите сразу за пределами атмосферы. Мне не удалось рассмотреть его снаружи, но едва мы перешли на него, как я догадался, что нас погрузили на турноганский межзвездный транспорт. Такие корабли обычно перебрасывали в Солнечную систему войска и забирали оттуда рабов. Этот, однако, был вооружен и, если уметь им управлять, являлся грозной силой.

Нас встретили стражники, все до единого — горзуни. Они опирались на свои винтовки, форма сидела на них, как на чучелах, и, судя по их поведению, у них начисто отсутствовало понятие о субординации, хотя бы для нижних чинов по отношению к офицерам. Приученные к дисциплине и чинопочитанию, мы не разглядели за внешней расхлябанностью армии варваров беззаветную храбрость и немалое воинское искусство. В итоге от

космофлота Содружества осталась горстка оборванцев, а грязные варвары торжествовали победу.

Транспорт нам достался хуже некуда. На неокрашенной внутренней обшивке повсюду проступали ржавчина и плесень. Флюоресцентные панели еле светились, а кое-где перегорели совсем. Гравигенераторы пульсировали в ритме, который выворачивал человека чуть ли не наизнанку. Шкуры, украденные кухонные принадлежности, горшки и оружие сменили в каютах приборы и переговорные устройства. Экипаж звездолета был неряшливостью под стать кораблю. Горзуни слонялись по коридорам, посасывали куски мяса, пили, бросали кости, изредка с ухмылкой поглядывая на нас.

Коверкая английские слова, один из варваров приказал нам раздеваться. Тех, кто замешкался, награждали зуботычинами. Сложив одежду в общую кучу, мы построились в цепочку. Нам велели подходить по очереди к столу, за которым сидели пьяный горзуни и трезвый как стеклышко человек. Похоже, медицинское освидетельствование.

Варвар-«врач» ограничивался беглым осмотром. Чаще всего он махал рукой — мол, следующий, но иногда присматривался повнимательнее.

— Больной, — бурчал он. — Не довезти. Убить.

Мужчина, женщина или ребенок успевали лишь коротко вскрикнуть перед тем, как клинок, направляемый опытной рукой, отрубал им голову.

Человек восседал на столе, болтая ногой и негромко насвистывая. Горзуни временами поглядывал на него, и тогда он решал судьбу пленника единолично. Большинство получило его одобрение, но одного или двоих он приговорил к смерти.

Проходя мимо, я пригляделся к нему. Ниже среднего роста, коренастый крепыш со смуглым лицом; крупные черты, крючковатый нос, большие глаза стального оттенка. Я еще не видывал такого холодного взгляда. На нем были свободная блуза пестрой расцветки и брюки из ткани, которую он, должно быть, прихватил с какой-нибудь ограбленной земной виллы.

— Мерзавец, — пробормотал я.

Он пожал плечами и показал на железный ошейник, что виднелся из-под блузы.

— Я такой же раб, как и вы, лейтенант.

Видно, он заметил мои погоны, когда я снимал форму.

Миновав стол, мы попадали под струю воды из шланга, который держал в руках другой горзуни. Смыв с наших тел кровь и копоть, варвары повели нас по длинному коридору и по деревянным лесенкам (шахты свободного падения и лифты, похоже, не действовали) в камеры. Там они отделили мужчин от женщин и

запихнули нас в соседние помещения, огромные и гулкие металлические пещеры, всю обстановку которых составляли нары вдоль стен, кормушки и санитарные удобства.

Пыль толстым слоем покрывала изъеденный ржавчиной пол, воздух был прохладным, на губах ощущался металлический привкус. Дверь захлопнулась, и без малого пятьсот мужчин оказались взаперти.

В стене, что отделяла одну громадную камеру от другой, были окошки. Мы кинулись к ним, толкаясь, пихаясь и рыча. Каждый старался поспеть первым.

Я был молод и силен. Я прорвался сквозь толпу к ближайшему окошку. Там, прижатый к стене сотней потных тел, уже находился какой-то человек. Он протягивал руки к женщинам, которые сгрудились с той стороны зарешеченного отверстия.

— Эгнис! — кричал он. — Эгнис, ты тут? Ты жива?

Я схватил его за плечо и оторвал от окошка. Он с проклятием обернулся ко мне, и я с размаху врезал ему в челюсть. Он упал на руки тех, кто стоял позади.

— Кэтрин! — прорычал я.

По металлическим пещерам пошло гулять эхо. Вопли, молитвы, брань и плач обрушивались на нас, и впечатление было такое, будто наши головы вот-вот расколются на части от этой чудовищной какофонии.

— Кэтрин! Кэтрин!

Неведомо как, но она отыскала меня. Она прильнула к решетке и поцеловала меня через нее, и я забыл про транспорт, про рабство и вообще про весь мир.

— О, Джон! Джон, Джон, любимый мой, ты жив, ты со мной!..

А потом она оглянулась и торопливо проговорила:

— Джон, если их не успокоить, то нам не избежать паники. Подумай, чем занять мужчин, а я разберусь с женщинами.

Такова она, моя Кэтрин. Мужества ей не занимать, и не существует положения, из которого она не сумела бы найти выход. Я спросил себя, а есть ли смысл в предотвращении паники. Ведь участь тех, кто погибнет, все же предпочтительнее рабства, не правда ли? Но Кэтрин не сдастся, а значит, и мне — не к лицу.

Мы вернулись к нашим товарищам и товаркам по несчастью. Мы добились своего окриками, угрозами и тумаками. Мало-помалу люди успокоились. Наконец в трюме невольничьего корабля установилась относительная тишина. Тогда мы организовали очередь к окошкам. Кому-то посчастливилось найти свою половину, кому-то — нет, но мы с Кэтрин отводили взгляды и

от тех, и от этих. Некрасиво подглядывать за душой, когда она обнажена.

Послышался рокот двигателей. Вперед, к ледяным пикам Горзуна, прочь от голубых небес и зеленой травы, соленого запаха океана и шелеста ветра в кронах деревьев. Теперь мы — рабы и нам остается только ждать.

Времени на борту транспорта словно не существовало. Тусклые флюоропанели поддерживали постоянный полумрак. Кормили нас горзуни лишь тогда, когда вспоминали, что на корабле есть пленники. Большей же частью наше одиночество нарушали дребезжание двигателей да астматические вздохи вентиляторов. Сила тяжести вдвое выше земной вынуждала многих из нас воздерживаться даже от разговоров. По моим подсчетам, примерно через сорок восемь часов после вылета с Земли транспорт перешел в гиперпространство. Мы навсегда покинули Солнечную систему, и тут к нам заглянул человек в железном ошейнике.

Он вошел к нам в сопровождении вооруженных горзуни, которые держали винтовки на изготовку. Мы безучастно устались на приземистую фигуру в дверном проеме. Голос его чуть было не затерялся под сводами колоссальной металлической пещеры.

— Я хочу рассортировать вас. Подходите ко мне по одному и называйте свое имя и профессию, если она у вас имеется. Предупреждаю сразу: ваши утверждения будут проверены на деле, и тех, кто обманет меня, ждет мучительная смерть.

Мы повиновались. Горзуни — тот самый пьяный «врач» — сжимал в пальцах иглу для татуировки, которой он выкалывал на ладони каждого из нас порядковый номер. Человек же записывал эти номера в блокнот вместе с именем, возрастом и родом занятий. Не обладавших техническими навыками — а таких было большинство — грубо толкали обратно. Группку специалистов (или тех, кто претендовал на подобное звание) согнали в один угол.

Игла обожгла мою ладонь, и у меня перехватило дыхание. Я услышал равнодушный голос:

— Имя?

— Джон Генри Ривз, двадцать пять лет, лейтенант космического Содружества, а до войны — инженер-ядерщик.

В горле у меня першило, во рту чувствовался горьковатый привкус. Привкус поражения.

— Хм-м. — Я заметил, что предатель глядит на меня со странным выражением. Внезапно полные губы разошлись в улыбке, которая совершенно преобразила его лицо, будто

осветила на единый миг. — Ах да, ну как же, лейтенант Ривз. Помнится, вы обозвали меня мерзавцем.

— Мерзавец, — прорычал я. Ладонь моя пылала и подергивалась. Я стоял перед ним, голый и немый, сознавая свою беспомощность и сгорая со стыда.

— Быть может, вы и правы, — кивнул он. — Мне требуются два помощника. Наш корабль — сущая развалина. Двигатели вполне могут разлететься на кусочки на полпути к Горзуну. Не желаете помочь мне?

— Нет, — отрубил я.

— Будьте разумны. Отказываясь, вы сами себя приговариваете к карцеру, в который мы запираем непокорных рабов. Перелет нам предстоит долгий, скука и однообразие сломят ваш дух без всяких плеток. А в качестве моего помощника вам положена отдельная каюта и разрешается определенная свобода передвижений.

Я призадумался.

— Вы сказали, вам нужно двое помощников?

— Да. Двое людей, которые помогут мне починить это корыто.

— Я соглашусь, если вы возьмете вторым того, кого я вам назову.

Он нахмурился:

— Не слишком ли много условий вы мне ставите, а?

— Дело ваше, — ответил я, — но вы рискуете потерять отличного техника.

— Что ж, говорите, как его зовут, а там посмотрим.

— Не его, а ее. Это моя невеста, Кэтрин О'Доннелл.

— Нет, — он помотал кучерявой головой. — Женщин мне не надо.

— Тогда обойдетесь и без мужчин, — усмехнулся я, но в моей усмешке не было веселья.

Его глаза блеснули.

— Мне не хватает только женщины, которая повиснет камнем на моей шее, — раздраженно бросил он.

— Кэтрин не повиснет, уверяю вас. Она была младшим офицером на моем корабле и сражалась бок о бок со мной до самого конца.

Раздражение бесследно пропало. На смуглом лице моего собеседника не дрогнул ни один мускул. Голос его снова звучал ровно:

— Что же вы молчали, лейтенант? Хорошо, будь по-вашему. Но если вы солгали мне, я никому из вас не завидую.

Как много все-таки значит для человека одежда, особенно после того, как тебе дали понять, что без нее ты — животное. Как здорово было есть тушеное мясо, пить кофе, пусть противный

на вкус, но не то пойло, которое мы хлебали из кормушек; да просто сидеть в камбузе и чувствовать, как тепло проникает в тебя и разливается по телу.

Я вынужден был признать правоту человека в железном ошейнике. Мало кому из людей под силу не пасть духом во время продолжительного перелета к Горзуну. Прибавьте сюда постоянное воздействие двойной силы тяжести, холод и мрак планеты, на которую нас везли, оторванность от дома, полную беспросветность впереди, боль от удара хлыстом или от прижигания каленым железом, — как тут не сломаться, не превратиться в покорную бессловесную тварь?

— Как давно вы попали в рабство? — спросил я у нашего нового хозяина.

Он рассказывал перед нами с таким гордым видом, как будто транспорт был его собственностью. Ростом он уступал даже Кэтрин — та была выше его сантиметров на пять — и едва доставал головой мне до плеча. Но руки у него были крепкие и мускулистые, грудь — широкая, как у гориллы, и сила тяжести, похоже, ничуть его не беспокоила.

— Уже четвертый год, — отозвался он. — Кстати, зовут меня Мануэль Аргос. Если вы не возражаете, я предлагаю общаться друг с другом по именам.

Бряцая оружием, по коридору, в котором мы стояли, прошлепали двое горзуни. Мы, разумеется, расступились, но я не уловил в движениях Мануэля подобострастия. Он проводил горзуни задумчивым взглядом.

Наша каюта располагалась на корме и представляла собой закуток с четырьмя койками, холодный и пустой, но после грязи камеры на нас пахло домом. Не говоря ни слова, Мануэль отгородил одну из коек тонким одеялом.

— Вот все, что я могу сделать для вас, Кэтрин, — сказал он.

— Спасибо, — прошептала Кэтрин.

Мануэль уселся на свою койку и поглядел на нас снизу вверх. Я возвышался над ним таким белокурый гигантом. Я происходил из старинного и богатого рода, а он наверняка родился в трущобах какого-нибудь заштатного космопорта, но сомнений в том, кто из нас главный, возникнуть не могло.

— Расскажу о себе, — произнес он отрывисто. — Специального образования у меня нет, но прежний хозяин взял меня к себе из-за моего практического опыта. Работая на него, я поднабрался познаний в технике, а два года назад он продал меня капитану этого звездолета. Я быстро избавился от так называемого главного инженера, который у них тогда был. Мне не составило труда подстроить ссору между ним и его завистливым

помощником, которая закончилась дракой со смертельным исходом. Однако его сменил запойный пьяница, из числа тех, что лишь вчера слезли с дерева.

На деле инженер — я. Кроме того, мне удалось приучить капитана Веньяина к марихуане. Организм горзуни слабее человеческого, так что капитан завяз по уши, что, между прочим, объясняет отчасти запущенность корабля и разболтанность экипажа. При плохом руководстве не может быть хорошей постановки дела, это общеизвестно.

У меня по спине пробежал холодок.

— Зачем? — спросила шепотом Кэтрин.

— Жду подходящего случая, — ответил он. — В неполадках с двигателями повинен не кто иной, как я. Горзуни считают, что корабль старый и никуда не годится, и убедил их в этом тоже я. Но, если понадобится, я за неделю сделаю из него конфетку. Долго ждать нельзя. Рано или поздно кто-нибудь скажет горзуни, что корабельное оборудование испорчено намеренно. Поэтому я и подыскиваю себе двоих помощников, которые разбирались бы в технике и хотели бы продолжить войну. Думаю, вы мне подойдете. Если я ошибаюсь, — он пожал плечами, — что ж, ступайте и наядедничайте на меня. Но если вас не прельщает жизнь, вернее, существование на Горзуне, вы поможете мне захватить корабль!

Я молча смотрел на него. Было нечто жуткое в том, как жадно мы прислушивались к его словам. Страшно, конечно, страшно. На лице моем выступил пот, руки сделались холодными. Но я пойду за ним. Клянусь небом, я пойду за ним!

— Однако...

— Втроем? — усмехнулся я. — Втроем против сотни или пары сотен воинов?

— К нам примкнут другие, — воскликнул он, помолчал и добавил: — Естественно, необходима осторожность. Среди горзуни английский знают двое или трое. Я покажу их вам. За нами, разумеется, будут наблюдать, но в технике они — полные невежды. Мне кажется, вы сумеете их провести.

— Я... — Кэтрин встала, подыскивая слова. — Я никак не могу поверить. Военный корабль в таком состоянии...

— Раньше дела обстояли по-другому, — признал Мануэль. — Я имею в виду эпоху королей, что объединили в Лигу варварские миры, дикарей, которые научились строить звездолеты и устраивать атомные взрывы. Но по большому счету победой своей они обязаны отсутствию сопротивления. Содружество прогнило, его раздирали на части гражданские войны, правительство погрязло в бюрократизме, вооруженные силы

рассредоточены, народ думает откупиться деньгами... Неудивительно, что Лига победила!

Но после первого набега на Землю, пятнадцать лет тому назад, варвары повздорили между собой. Законные правители умерли, а их сыновья затеяли грызню из-за наследства, которым не знали как управлять. Лига раскололась на два больших враждующих лагеря, а уж мелких группировок было не перечесть. От былой организованности не осталось и следа.

Но люди замешкались. Беспомощное правительство Содружества наблюдало за происходящим, но боялось вмешиваться. В итоге болдики высадились на всех крупных планетах Солнечной системы. Но то, что они довольствуются лишь налетами на внутренние миры, а не устанавливают там свое правление, говорит об их слабости. Объединившись, мы можем изгнать их и искоренить заразу в самом ее сердце, на Горзуне. Нам недостает вождя.

Он говорил хрипло и сердито. Я моргнул, ощущая, как внутри меня нарастает раздражение.

— По-вашему, мы делали вид, что сражаемся? — бросил я.

— Отнюдь, но вас одолели, — осклабился он. — А все потому, что некому было вдохнуть в вас храбрость, что у вас не было вождя, который организовал бы вас и переломил ход войны.

— Полагаю, — заметил я саркастически, — что в вашем лице такой вождь найден.

Голос его прозвучал спокойно и уверенно:

— Да.

В последующие дни мне удалось узнать побольше о Мануэле Аргосе. Он был из тех, кому не надоедает рассуждать о себе самом.

Среди предков его, как мне кажется, преобладали анатолийцы, хотя наверняка попадались и негры, и азиаты. Но что касается льдисто-голубых глаз, то тут явно проглядывал скандинав. В общем, причудливая смесь всех и всяческих кровей, что в наши дни — вовсе не редкость.

Мать его была поденщицей на Венере. Отца он не знал. Тот вроде бы входил в отряд космических разведчиков и погиб молодым, так и не увидев собственного ребенка. Когда Мануэлю исполнилось тринадцать, его отправили на Сириус, и с тех пор он не бывал в Солнечной системе. Кем он только не был за свои сорок лет — космонавтом, шахтером, портовым грузчиком, охотником, техником; он сражался в гражданских войнах, он воевал с болдиками, он занимался в колониальных мирах политикой и другими темными делишками.

Как это у него получалось, я не знаю, но он умудрялся выкраивать свободное время, чтобы читать, много и беспорядочно. Однако книгам он доверял меньше, чем собственному чутью. В плен он угодил четыре года назад, когда горзуни вторглись на альфу Центавра, и изучал их теперь так же хладнокровно, как некогда людей.

Да, он был словоохотлив, но до известных пределов, которые вряд ли когда переступал. Маска мечтателя-одиночки успешно скрывала его внутреннюю сущность. Трудно было понять, то ли напускная холодность выморозила его душу и сделалась второй натурой, то ли под доспехами безразличия и в самом деле таились нежность и ранимость. Мануэль умело пользовался этой двойственностью: не ведая, чего от него ожидать, люди в его присутствии нервничали, обрекая себя тем самым на подчинение его воле.

— Какой-то он странный, — заметила однажды Кэтрин. Мы как раз остались одни. — Никак не разберусь, гений он или маньяк.

— Быть может, все сразу, милая, — ответил я с оттенком раздражения в голосе. Не люблю, когда мной помыкают.

— Пожалуй. Но если так... — вздрогнув, она теснее прижалась ко мне. — Давай не продолжать, ладно?

Транспорт пересекал пустынные просторы космоса, неся в себе груз ненависти, страха, надежд и отчаяния. Мы не теряли зря времени и проводили дни напролет за работой.

Следовало отрегулировать дряхлые двигатели, а заодно — отвести глаза серым мохнатым гигантам, которые внимательно наблюдали за нами. Мы устраняли следы подрывной деятельности Мануэля, мы паяли, варили, крепили, проверяли, отламывали и прилаживали снова. Экраны радиационной защиты нагревали двигательный отсек до такой степени, что тяжело было дышать. Стонали генераторы, грохотали разболтанные турбины, нутужно гудели огромные преобразователи. Мы починили корабль, но готовы были в любую минуту вернуть его в прежнее состояние.

— Саван Пенелопы, — фыркнул Мануэль. Я удивился: не часто встретишь космического бродягу с познаниями из греческой мифологии.

— Чего мы ждем? — спросил я как-то. Вой генератора, который мы ремонтировали, исключал возможность того, что нас подслушают. — Пора начинать.

Мануэль поднял голову. В свете аварийной лампочки его рябое лицо блестело от пота.

— Рано, — сказал он. — Пускай капитан в очередной раз наклюкается, а тогда...

Тем временем двое рабов взбунтовались без нашего подстрекательства. Охранник подошел слишком близко к двери камеры, где содержались мужчины, и один из тех двоих выхватил у него из кобуры пистолет и застрелил на месте, а потом взялся за замок на прутьях решетки. Горзуни усыпили его метким выстрелом, но второй раб отбивался руками и зубами, пока его не повалили и не скрутили. На глазах остальных пленников с бунтовщиков живьем содрали кожу.

Когда мы возвратились в свою каюту, Кэтрин не смогла сдерживать слез. Спрятав лицо у меня на груди, она плакала так долго, что я даже испугался: перестанет ли она когда-нибудь? Я обнял ее и попробовал утешить, бормоча все ласковые слова, какие только приходили мне на ум.

— Они получили по заслугам. — В голосе Мануэля сквозило презрение. — Глупцы, слепые глупцы! У них в руках заложник, а им вздумалось поиграть в героев! Им обязательно надо было прикончить его! И чего они добились? Нет, они заслужили свою участь.

Помолчав, он прибавил задумчиво:

— Впрочем, если нам удастся превратить страх рабов в ненависть, еще не все потеряно. По крайней мере им устроили хорошую встряску.

— Вы начисто лишены жалости, — укорил его я.

— Жалость помеха, когда вокруг одни тупицы. Мы не в тех обстоятельствах, чтобы распускать нюни. Мы живем в эпоху распада и хаоса, и лишь тот, кто признает это, способен совладать с ситуацией. В наших условиях совершенство невозможно, о нем не стоит и мечтать. Мы вынуждены идти на компромиссы и стремиться к целям, которые худо-бедно, но достижимы. Хватит причитать, — бросил он Кэтрин. — Мне надо подумать.

Она уставилась на него широко открытыми глазами, в которых стояли слезы.

— Ну и видок у вас, — ухмыльнулся он с издевкой. — Красный нос, набрякшие веки, да икота вдобавок. Кончайте реветь, детка.

Кэтрин судорожно вздохнула. На щеках ее проступил румянец. Проглотив слезы, она вырвалась из моих объятий и повернулась к Мануэлю спиной.

— Я все-таки отвлек ее, — прошептал мне Мануэль, озорно улыбаясь.

Бесконечно пустые дни слились в некое безвременье, которое окутало нас словно покрывалом. Я гадал, не превратился ли наш звездолет в «Летучего голландца» с командой из бесов и проклятых, обреченного на вечное скитание в космосе. Мануэля торопить было бесполезно, а потому я заглушал недавнее меня

нетерпение работой. Теперь мне кажется, что он сознательно оттягивал время, что он хотел отобрать у рабов последнюю надежду, сохранив единственно жажду мести. В бою отчаявшиеся неужержимы.

Мы с Кэтрин страдали от того, что не можем побыть наедине. Поцелуй украдкой, легкое касание руки, два-три словечка — иного нам не оставалось. А кончив дневную работу, мы валились с ног от усталости и засыпали, едва добредя до каюты.

Я заметил однажды, что Мануэль шепчется о чем-то с мичманом Хокусаем, который попал в плен вместе с нами. Хокусай как нельзя лучше подходил на роль человека, который возглавит рабов, но откуда узнал об этом Мануэль? Видно, здесь сказался его природный дар — распознавать людей с первого взгляда.

Конец наступил внезапно. Мануэль растолкал меня. Моргнув спросонок, я поглядел на ненавистные стены. Гравиполе опять вышло из строя: переборки прерывисто пульсировали.

— Ладно, ладно, — пробурчал я. — Встаю.

Но когда он начал будить Кэтрин, я запротестовал:

— Зачем? Сами справимся.

— Нет, — отозвался он. Смуглая кожа его лица подчеркивала белизну зубов. — Капитан отключился. Я слышал, как горзуни обсуждали это между собой.

Я встрепенулся и сел. По спине моей побежали мурашки.

— Пора?

— Не горячись, — посоветовал Мануэль. — У нас куча времени.

Натянув одежду, мы выбрались в коридор. Все было спокойно. Если не считать неравномерного гудения двигателей, тишину нарушало только шарканье наших ног да мое хриплое дыхание. Кэтрин была неестественно бледна, но моей поддержки, похоже, не искала. Она шагала бок о бок с нами, и была в ней какая-то отстраненность, которой я не понимал. По пути мы то и дело наталкивались на горзуни и поспешно отступали в сторону, как полагается рабам. Но взгляд Мануэля, которым он провожал гигантов, выражал торжество — смешанное, как мне показалось, с горечью.

В двигательном отсеке, где маячили языческими богами в красном полумраке могучие машины, нас встретили трое вооруженных горзуни. Увидев нас, они зарычали. Один из них замахнулся на Мануэля. Тот легко увернулся, наклонился над гравигенератором и жестом попросил меня помочь ему снять крышку.

Я разглядел оборванный провод в катушке, что воздействовала на гармонику, которая посылала неустойчивые колебания,

чтобы выправлять деформирующее космическое течение. Сущий пустяк. Но Мануэль почесал в затылке и посмотрел на невежественных верзил, что толпились за нашими спинами, а потом принялся дергать провода, напустив на себя озадаченный вид.

Он сказал мне:

— Надо добраться до вторичного атомного преобразователя, тогда все выйдет так, как я задумал.

Я знал, что горзуни не понимают нас, что человеческая мимика для них — темный лес, но нервы мои были на пределе.

Мало-помалу мы подбирались к двигателю, который питал энергией внутреннее оборудование корабля. Мануэль подстроил осциллограф и взгляделся в его экран.

— Ага! — проговорил он.

Мы отсоединили радиационную защиту, и нашим взорам открылся выпускной клапан. На нем сверкал алым индикатор. Щиты поглощали большую часть радиоактивного излучения, однако я инстинктивно отшатнулся. Ведь обычно, сливая через клапан жидкость из преобразователя, надеваешь специальный костюм.

Мануэль взял со стола устройство, которое собрал собственными руками. Для ремонтных работ оно, разумеется не годилось, а представляло собой магнетронный насос, от которого отходил гибкий оцинкованный шланг. Чтобы придать устройству внушительность в глазах горзуни, Мануэль наставил на него всяких датчиков и регуляторов.

— Пособите мне, Джон, — сказал он негромко.

Мы установили насос на клапан и повернули те две или три рукоятки, которые на деле были рабочими. Кэтрин ахнула. Я обомлел, пальцы мои словно онемели. На корпусе не было даже прокладки...

Горзуни приблизился к нам и требовательно спросил о чем-то на своем грубом языке. Мануэль ответил, не сводя взгляда со стрелок на фальшивых датчиках.

Потом он повернулся ко мне. На губах его играла усмешка.

— Я сообщил им, что преобразователь переполнен отработанными веществами, — сказал он по-английски. — Впрочем, так оно и есть.

Держа шланг в одной руке, он положил другую на регулятор двигателя.

— Не смотрите, Кэтрин, — попросил он и повернул регулятор.

Звякнули, опускаясь, пластины щитов. Мануэль замкнул цепь автоматического контроля, которая поддерживала их в вертикальном положении, пока в преобразователе шла реакция. Я упал на пол и заслонил ладонью глаза.

Последовала ослепительная вспышка. Из шланга вырвалось пламя. Я почувствовал, как опалается моя кожа, и услышал рев раздираемого воздуха. В единый миг Мануэль вернул пластины щитов на место, но залп его импровизированного бластера снес головы троим горзун и расплавил дальнюю стену отсека. Металл раскалился добела. По отсеку перекатывалось сердитое эхо. Оно проникло в меня, оно заполнило собой мой череп, и я зашатался под его напором.

Мануэль опустил шланг, подошел к мертвым горзун и забрал у них оружие.

— Каждой сестре по серьге, — заметил он. — Надевайте защитный костюм, — приказал он, оборачиваясь к Кэтрин, — и ждите нас тут. Излучение сильное, но, думаю, мы обернемся быстро. Стреляйте в любого, кто появится.

— Я... — голос Кэтрин был едва слышен. — Я не хочу прятаться...

— Черт побери, а кто будет нас охранять? Нельзя, чтобы эти твари захватили двигательный отсек. Ну что ж, гравитация — нуль!

Мануэль отключил генератор.

Я с трудом справился с тошнотой. Ухватившись за стойку, я спустился вниз, нет, не вниз, верх и низ будто исчезли. Мы парили в воздухе. Мануэль лишил горзун их преимуществ в силе.

— Ладно, Джон, пошли, — скомандовал он.

Я успел только пожать руку Кэтрин. Мы выплыли из двери в коридор. Хорошо еще, что в космофлоте нас приучали к свободному падению. Но вот рабы — каково им?

На корабле царила паника. Двое горзун вывернулись нам навстречу. Мануэль пристрелил обоих, подобрал оружие и устремился к камерам, где томились пленники.

Внезапно погасли огни. Мы передвигались в плотной, густой темноте, наполненной ненавистью наших врагов.

— Что за черт? — выдавил я.

— Кэтрин знает, что делает, — сухо откликнулся из мрака Мануэль. — Я все ей объяснил несколько дней назад.

Тогда я как-то пропустил его слова мимо ушей, хотя меня должно было насторожить, что они договариваются о чем-то между собой. Но в тот момент мне хватало других забот. Горзун палили по нам вслепую, усиливая суматоху в своих рядах. Залпы бластеров разрывали темноту. Дважды жгучие молнии вспарывали воздух в каком-нибудь сантиметре от меня. Мануэль отстреливался, убивал гигантов и забирал их оружие. Под покровом тьмы мы пробирались дальше.

Охраны у камер не было и в помине. Когда Мануэль принялся плавить замки, я различил за решеткой скопление парящих

обнаженных тел. Ни дать ни взять — низвержение восставших ангелов. Человек, творение Божье, ринулся к звездам и был осужден за это на вечные муки.

Но сейчас он освобождается!

К решетке прижалось плоское лицо Хокусаю.

— Выпустите нас, — пробормотал он.

— Скольким вы можете доверять? — спросил Мануэль.

— Сотне или около того. Вот они, видите, в уголке, не кричат и не беснуются. И, пожалуй, человек пятьдесят женщин.

— Хорошо. Выводите своих. Остальные пускай себе буйствуют. Мы им все равно ничем не поможем.

Люди в угрюмом молчании выскользнули из камеры. Мануэль раздал те немногие пистолеты, которые у нас были. Потом он заговорил, напрягая голос, чтобы быть услышанным:

— Мы заняли двигательный отсек. Мне нужны шестеро с оружием, которые отправятся туда и помогут Кэтрин О'Доннелл в случае чего обороняться. Иначе горзуни легко завладеют им. А мы двинемся к арсеналу.

— Как насчет мостика? — справился я.

— Подождет. Горзуни в панике, такая уж у них природа. Когда дело доходит до массового помешательства, они ведут себя хуже нашего. Но скоро они успокоятся, поэтому нам следует поспешить. За мной!

Хокусай повел тех, кто вызвался оборонять двигательный отсек, а мы последовали за Мануэлем. У нас осталось всего лишь три или четыре пистолета, но мы рассчитывали разжиться оружием в арсенале. Желание отомстить горзуни подгоняло нас. Затяжка Мануэлем времени принесла свои плоды.

Нас окружала лиловая тьма. Раз за разом возникали перестрелки с горзуни, которые рыскали по кораблю и палили по всему, что казалось им подозрительным. Мы теряли людей, зато приобретали оружие. То и дело мы натыкались на мертвых инопланетян, погибших в стычках, и разоружали их тоже. Освободив по дороге техников, которых заперли в отдельную камеру, мы устремились к арсеналу.

У всех горзуни было личное оружие, однако на корабле имелся специальный склад. У входа в него укрылись за портативными энергощитами часовые. Я видел, как отражались от щитов залпы наших бластеров и как умирали люди, в которых попадали отраженные пламя.

— Надо напасть на них в лоб и отвлечь внимание, — заявил Мануэль, — а несколько человек, пользуясь нулевой гравитацией, подкрадутся по воздуху и обрушатся на них сверху.

Похоже, ему было наплевать, в какой ад мы угодили.

— Джон, ведите людей.

— Проклятье! — выдохнул я. Это же чистейшее самоубийство. Мы ляжем там, как деревья под топором дровосека. Кэтрин будет дожидаться меня... Подавив страх, я отдал приказ. Я был напуган ничуть не меньше других, но восторг битвы пьянит человека, и Мануэль ловко сыграл на этом.

Мы навалились на часовых стеной из плоти, стеной, которую они разрушили на куски, которая в смятении отхлынула назад. А в следующий миг летуны Мануэля испепелили горзуни, и все было кончено. Я смутно осознавал, что моя нога обожжена. Как ни странно, она пока не болела. Интересно, каким чудом я остался жив?

Мануэль отпер дверь. Мы — те, которые уцелели, — ворвались внутрь и с яростной поспешностью принялись вооружаться. Горзуни попытались было застать нас врасплох, но мы отбили атаку.

В арсенале нашлись и фонари. Теперь можно было не бояться темноты. Луч света вырвал из мрака лицо Мануэля — рябое, потное, отвратительное, лицо горгоны. Однако люди подчинялись Аргосу беспрекословно. Он отрядил небольшую группу обратно в камеры с наказом раздать оружие тем, кто там находился, и привести их сюда. Он послал подкрепление в двигательный отсек. Под его руководством были собраны и заряжены минометы и маленькая антигравитационная пушка.

Горзуни немного поутихли. Как видно, среди них тоже отыскался вожак, обладавший умением спланировать бойцов. Приблизилась схватка.

И какая!

Я плохо помню те часы. Наши потери, несмотря на превосходство в оружии, были просто чудовищны. В живых осталось не более трехсот человек, многие из которых получили серьезные ранения. Но корабль отныне принадлежал нам! Мы обшарили его от носа до кормы и прикончили даже тех горзуни, которые молили о пощаде. В нас не было жалости. Горзуни сами истребили ее, не ведая, что им суждено попасть в лапы чудовищу, которое они породили. Когда вновь зажегся свет, звездолет был уже в руках трехсот усталых людей.

Собрание проходило в самом просторном помещении, какое только было на транспорте, — не считая, естественно, трюма. Люди набились туда, как селетки в бочку. Всем хотелось посмотреть на того, кто спас их. Подразумевалось, что это — демократическое собрание, созванное, чтобы решить, как быть дальше. На деле же всем заправлял и распоряжался Мануэль Аргос.

— Во-первых, — произнес он негромко, но так, что его слышно было и в последних рядах, — корабль нуждается в

починке. Я говорю о повреждениях в ходе боя и о том, что было испорчено намеренно. На ремонт, думается мне, уйдет от силы неделя. К тому времени сформируется костяк экипажа. Лейтенант Ривз и мичман Хокусай расставят вас по местам. Борьба продолжается!

— Сэр, — перебил его какой-то мужчина, — вы хотите сказать, что нам не позволят спокойно вернуться домой? Но не станут же болдики оцеплять Землю? Неужели мы для них настолько важны?

— Я хочу сказать, — ответил Мануэль, — что мы летим на Горзун.

Если бы не всеобщая усталость, не миновать бы бури. Во всяком случае по толпе пробежал злоеший шепот.

— Слушайте, — по-прежнему бесстрастно изрек Мануэль, — мы с вами завладели первоклассным боевым кораблем. У наших врагов таких нет. Нас будут ждать, потому что звездолет раньше принадлежал горзуни; ведь никто пока не знает, что мы его захватили. Поэтому мы можем нанести горзуни сокрушительный удар. У них не принято давать кораблям имена, но мы — не они. Я предлагаю назвать наш звездолет «Мстителем»!

Он был прирожденным краснобаем. Голос его звучал органом под сводами собора. Он говорил, а нам чудился ангел с пылающим мечом. Он спорил, молил, угрожал, сулил всевозможные блага, и в конце концов ему поверили. Даже я подпал под его влияние. Широко раскрытые глаза Кэтрин сверкали от радости. Хладнокровный, расчетливый, жестокий, он заставил нас гордиться тем, что мы — люди.

Собрание было единодушно: корабль космофлота Содружества «Мститель» — капитан Мануэль Аргос, первый помощник Джон Генри Ривз — направляется к Горзуну.

В последующие дни и недели Мануэль охотно делился своими планами. Опустошительный набег на Горзун подорвет уверенность варваров в собственных силах. Рейдеры устремятся на помощь родной планете, и тут-то, вполне возможно, на горзуни набросятся те, кто до раскола в Лиге считались их братьями по оружию. «Мститель» тем временем возвратится в Солнечную систему, на борту его будет лучшая команда во всей известной Вселенной. Приняв в свои ряды всех, кто захочет пойти за нами, мы выгоним врагов из Солнечной системы и...

— ...не остановимся до тех пор, пока не покорим всех варваров до единого!

— Зачем они нам? — спросил я. — Или у нас своих забот мало? Варвары рвутся в космос потому, что им не на чем изгтавливать дома то, что они крадут на других планетах. Но для Земли галактическая экспансия скоро превратится в обузу.

— По-вашему, следует отпустить врага, чтобы он зализал раны и снова напал на нас, да? — огрызнулся Мануэль. — Нет, мы должны разоружить всех, кроме нас самих. Мир установится лишь тогда, когда будет признано единоличное верховенство Земли. Расширение границ империи постепенно замедлится, — прибавил он задумчиво, — едва только правители убедятся, что держава прочно стоит на ногах. Потребуются, правда, преобразования в экономической системе. Нам будут платить дань.

— Империя? — протянула Кэтрин. — Но Содружество — демократия...

— Было демократией! — перебил Мануэль. — Мертвых не воскресить! Насильственный мир зачастую являлся единственным приемлемым решением, история знает тому немало примеров. По мне, такой мир куда приятнее нашего нынешнего положения. Когда общество обретет известную стабильность, можно будет подумать о восстановлении республики. Но это — дело далекого будущего, которое, может статься, не наступит никогда. Все зависит от социально-экономических условий.

Мануэль беспокойно расхаживал по мостику. Мириады звезд на обзорных экранах сияли над его головой призрачной короной.

— Да, — бросил он, — мы создадим империю на словах и на деле! Люди будут сражаться и умирать за идею, забыв об окружающей их действительности. Кстати, нам не обойтись без наследственной аристократии. Еще не бывало такого, чтобы она не выручала свою страну. И потом, с ней заодно на Земле словно возродятся те славные деньки, когда никто и не помышлял о полетах в космос. Аристократия — символ, и для нас он даже важнее, чем для наших предков. Итак, Кэтрин, империя Земли! И мир!

— Аристократия вырождается, — не уступал я. — Пока тиран могуч, деспотия процветает, но рано или поздно объявится некто слабоумный...

— Этого не произойдет, если основателями династии будут здоровые и крепкие мужчины и женщины, если не упускать из виду воспитание наследников и выбор для них подходящих пар. Тогда династия просуществует века! К тому же вы запомнили о достижениях геронтологии.

Я рассмеялся ему в лицо:

— Имея в распоряжении лишь один звездолет, вы намереваетесь покорить Галактику?! И кто же станет первым императором? Я полагаю, вы?

Взгляд его будто остекленел.

— Да, — ответил он, — если не найдется более достойный, в чем я сильно сомневаюсь.

Кэтрин закусила губу.

— Противно, — сказала она. — И бесчеловечно.

— Нам выпало жить в жестокое время, дорогая, — проговорил он.

Огромный черный шар Горзуна неторопливо вращался на фоне звезд. Вынырнув из гиперпространства, мы направили гравитационные лучи на ночную сторону планеты. Другое ее полушарие отливало красным, словно истекало кровью.

Один только раз нас окликнули с патрульного корабля. Из транзвукового коммуникатора обрушился на мостик поток слов. Мануэль ответил на языке варваров: он объяснил, что у нас случилась поломка видеосвязи, и передал позывные, которые отыскал в справочнике кодов. Патруль пропустил нас.

Ниже, ниже, ниже. Темная поверхность планеты неотвратимо приближалась. Горные пики тянулись к нашему звездолету, норовя вспороть ему брюхо. Света трех лун было достаточно, чтобы разглядеть снега, ледники и бушующее море. Малоприятная, признать, картина.

Мануэль по интеркому обратился к команде:

— Смотрите вниз, люди Земли! Смотрите вниз! Вот что нас с вами ожидало!

Ответом ему был яростный рев. Наш экипаж с готовностью отправился бы в ад, если бы мог увлечь за собой Горзун. Откровенно говоря, я разделял общие чувства.

Наше путешествие было долгим и многотрудным, но, предвкушая радость сражения, я ощутил, как спадает с меня усталость. Я крутился как белка в колесе, обучал людей, распределял среди них места, которые им следовало занять по боевой тревоге. Что до Мануэля, он, казалось, успевал всюду. Кэтрин ходила за ним по пятам — он назначил ее на должность помощника по общим вопросам, или, выражаясь проще, секретарем. Увязнув в делах, виделись мы редко.

Но в тот день мы собрались на мостике и втроем наблюдали, как рвется нам навстречу Горзун. Кэтрин была бледна; рука ее холодила мою ладонь. Я едва справлялся с требовавшим выхода напряжением. Голос мой, когда я отдавал последние команды артиллеристам, прозвучал сдавленно. Мануэль же был спокоен, как всегда. Меня порой одолевали сомнения: а человек ли он?

Атмосфера рвалась с негодующим визгом. Мы пронеслись над морем, догнали рассвет, и в его студеном отблеске поднялся на горизонте главный город Горзуна.

Мне почудились приземистые каменные башни, узкие улочки, скопление звездолетов на окраине. Тут Мануэль кивнул, и я прохрипел:

— Огонь!

Под нами к небу взметнулось пламя. Звездолеты повалились в разные стороны, сокрушая своей тяжестью близлежащие дома. Металл и камень плавилась на глазах; по улицам, огибая развалины, текли потоки лавы. Земля разверзлась и поглотила половину города. Сквозь клубы дыма сверкнула ослепительно голубая вспышка атомного взрыва. Город перестал существовать.

Покончив с ним, мы устремились к следующему крупному космопорту. Над ним барражировал патрульный корабль. Должно быть, их предупредили. Мы обстреляли его, он ответил; продолжая бой, «Мститель» сбросил бомбы. Наши силовые поля отразили взрывную волну, но противник не устоял — рухнув на город, он разрушил множество строений.

Над третьим поселением нас поджидали перехватчики. Вдобавок с земли по нам дали залп ракетами. «Мститель» задрожал под ударами. Я наяву представил себе, как отплевывается дымом наш гравигенератор, стараясь удержать корабль на ровном курсе. Мы отбивались от горзуни, будто медведь от собачьей своры, мы разогнали перехватчики и уничтожили наземную базу.

— Отлично, — подвел итог Мануэль, — уходим отсюда.

Мы поднялись над атмосферой. Нас окружала искрящаяся звездами космическая ночь. Наверно, за нами уже отрядили погоню. Но разве можно обнаружить один-единственный звездолет в беспредельном пространстве между мирами? Мы включили гипердвигатели, что было довольно рискованно в такой близости от здешнего солнца; но наши люди не подкачали. В считанные минуты мы очутились у другой планеты этой системы, которая тоже была обитаемой. На ней находилось три колонии, и все они были стерты с поверхности.

Команда веселилась, однако восторженные вопли почему-то напоминали мне волчье таяканье. Я устал убивать и разрушать. Да, горзуни — враги, но сколько же можно?! Кэтрин заплакала, слезы бежали по ее лицу, плечи подрагивали.

Мануэль погладил ее по руке:

— Все, Кэтрин, все. Мы летим домой. — Помолчав, он добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: — Ненависть — полезное, но чертовски опасное подручное средство. Нам придется избавить человечество от расистских замашек. Империя, основанная на угнетении одних народов другими, вряд ли окажется долговечной. Все национальности должны быть равны, — он потер квадратный подбородок. — Пожалуй, я позаимствую кое-что у древних римлян. Все, кто того заслуживает, получат

земное гражданство, к какому бы народу ни принадлежал тот или иной индивид. Это будет стабилизирующим фактором.

— Да вы мегаломаньяк, — сказал я хрипло. Однако моя уверенность была поколеблена.

Когда «Мститель» вернулся на Землю, в Северном полушарии планеты царил зима. Я спустился по трапу на снег, который заскрипел под моими ногами. Дыхание паром вырывалось у меня изо рта и поднималось в хрустальную голубизну неба. За мной следом вышли другие. Упав на колени, они целовали снег. Выглядели они сущими оборванцами, мужчины все до одного — бородатые и длинноволосые, но никто в Галактике не мог сравниться с нами в воинском искусстве. Пологие склоны холмов, голубые небеса, покрытые коркой инея деревья, одинокая ворона над ними, — слезы сами собой наворачивались на глаза.

Дома.

Мы связались по рации с другими кораблями космофлота. Скоро кто-нибудь прилетит за нами, чтобы доставить нас на секретную базу на Меркурии — ведь война еще не закончена. Но пока, на краткий миг вечности, мы дома.

От усталости у меня ломило все тело. Мне хотелось заползти в какую-нибудь берлогу на берегу говорливой речки, под стволы поваленных ветром деревьев, и заснуть до прихода весны, которая разбудит со мной заодно целый мир, но я стоял у трапа, чувствуя, как обрывает с меня лохмотья усталости холодный зимний ветерок. Тело мое радовалось планете, для жизни на которой приспособили его два миллиарда лет эволюции, и я рассмеялся счастливым смехом.

Мы не можем потерпеть поражение. Мы — свободные обитатели Терры, защищаем родные очаги, в нас древняя сила планеты. Нам суждено победить и завладеть звездами!

Обернувшись, я увидел в проеме воздушного шлюза Кэтрин. Сердце мое замерло, а потом бешено заколотилось. Так долго, так немыслимо долго мы были с ней в разлуке! Но теперь мы возвратились домой, она рядом со мной, и я счастлив!

Лицо Кэтрин оставалось серьезным. И вообще в ней ощущалась какая-то скованность, словно радость была ей не в радость. Руки ее обжигали холодом.

— Кэтрин, мы дома, — прошептал я, — мы дома, живые и свободные. Я люблю тебя, Кэтрин!

Она не проронила ни слова до тех пор, пока к нам не присоединился Мануэль Аргос. Он казался смятенным — в первый и последний раз я видел его таким.

— Джон, — проговорил он, — мне надо вам кое-что сказать.

— Потом, — беззаботно отозвался я. — Будучи капитаном корабля, вы имете право совершать обряд бракосочетания. Я хочу, чтобы вы обвенчали нас с Кэтрин прямо здесь, на Земле.

Кэтрин взглянула на меня. Глаза ее были полны слез.

— Нет, Джон, — произнесла она так тихо, что я едва слышал, — нет. Я выхожу за Мануэля.

Признаться, я ничегошеньки не понял.

— Я пыталась совладать с собой, — продолжала Кэтрин, — но не смогла. Я люблю его, Джон. Я люблю его сильнее, чем тебя, хотя и не подозревала, что такое возможно.

— Она будет матерью королей, — вмешался Мануэль, стараясь обрести свое прежнее высокомерие. — Я нашел в ней все то, что искал.

— А вы любите ее, — спросил я с горечью, — или она для вас попросту подходящая пара? Впрочем, ладно. Вы без труда выкрутитесь, так что правду мы никогда не узнаем.

Инстинкт, подумал я, борясь с нахлынувшей усталостью, инстинкт материнства. Здоровая, крепкая женщина выбирает себе ровню. Кэтрин слышала голос предков, и я перед ним бессилён.

— Благословляю вас, дети мои, — сказал я.

Рука в руке, они направились к высоким деревьям, что по-сверкивали на солнце корочкой льда. Я глядел им вслед, пока они не пропали из виду. Уже тогда, задолго до окончания жестокой войны, я осознал, что вижу перед собой императорскую чету, основателей славной династии Арголидов, что они несут в себе будущее.

Но мне было глубоко наплевать.

Содержание

От издательства	7
Игра в прятки, <i>перевод с английского С. Сухинова</i>	11
Территория, <i>перевод с английского С. Сухинова</i>	49
Возмутители спокойствия, <i>перевод с английского А. Александровой</i>	99
День гнева, <i>перевод с английского А. Пчелинцева</i>	200
Ключевое условие, <i>перевод с английского С. Сухинова</i>	250
Мелкая подробность, <i>перевод с английского А. Пчелинцева</i>	283
Время прощать, <i>перевод с английского М. Пчелинцева</i>	304
Путеводная звезда, <i>перевод с английского А. Пчелинцева</i>	318
Бескрылый, <i>перевод с английского А. Пчелинцева</i>	355
Спасение на Авалоне, <i>перевод с английского А. Пчелинцева</i>	364
Героическая личность, <i>перевод с английского К. Королева</i>	374

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том тринадцатый

Составитель *А. Новиков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *Л. Баринова, Т. Бережных,*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, А. Хишфелде*

Операторы компьютерной верстки

Н. Амосова, Е. Глуховская

Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 24.12.96. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 2974.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени

полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Государственного Комитета Российской Федерации по печати

170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Повести и рассказы

От бешеного блеска сверхновых до тусклого мерцания красных карликов, от успеха до провала, от расцвета до упадка — такова история Торгово-технической Лиги. Планеты-загадки, планеты-ловушки и миры-убийцы, жестокие или непонятные аборигены, ошибки и катастрофы — все это поджидает межзвездных торговцев на их нелегком пути. А мастера-купцы Николас ван Рийн и Дэвид Фолкейн в своих странствиях по Галактике часто оказываются вынуждены решать проблемы отнюдь не торговые. От Ориона до Южного Креста идут их дороги, чтобы продолжиться, когда на руинах Лиги встанет созданная Мануэлем Аргосом могучая Терранская Империя.

